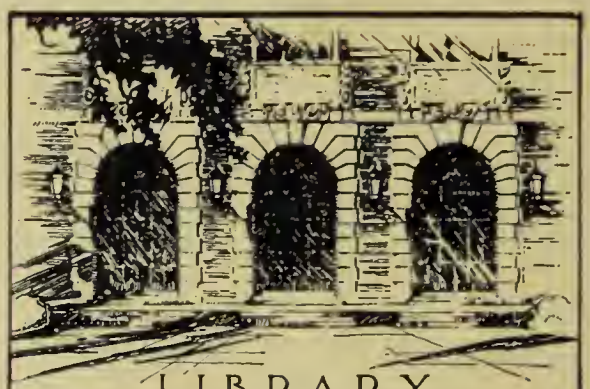
BOVOLOZKY
JACQUES
EDITEUR
13 RUE BONAPARTE
TELE-GOBELINS-53-62



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

333.32
K11o
1908

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 24 1973

DEC 10 1986

JUL 17 1997

OCT 02 1997

L161—O-1096

Kablukov

1618/IV

Н. КАБЛУКОВЪ.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ
Парижская группа содѣйствія

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ РАЗВИТІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ.

ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ и ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Книжный магазинъ
В. А. Просвѣченко
Кіевъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
ВО МНОГОМЪ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать разрѣшается 7-го сентября 1907 года. *Деканъ А. С. Алексѣевъ.*

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА — 1908 г.

333.32
K110
1908

Посвящается

моей женѣ,

вѣрному неизмѣнному товарищу

и другу.

Библиотека Общества Земельных Агрономов

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящемъ, второмъ изданіи предлагаемаго труда, сравнительно съ первымъ изданіемъ, помимо нѣкоторыхъ дополненій, вызываемыхъ наличностью новыхъ данныхъ, матеріаловъ и изслѣдованій, многое является и въ переработанномъ видѣ. Переработка эта выразилась отчасти въ иной группировкѣ и иномъ расположеніи матеріала, отчасти въ сокращеніяхъ, сдѣланныхъ въ рядѣ очерковъ. Произведены эти сокращенія въ тѣхъ видахъ, чтобы придать настоящему труду болѣе цѣльности и такое построеніе, которое ближе отвѣчаетъ прямой задачѣ его: уяснить условія, ведущія у насъ къ развитію крестьянскаго хозяйства. Соотвѣтственно съ этимъ, напримѣръ очерки перваго изданія о мертвомъ и живомъ инвентарѣ, о распредѣленіи земли по угодьямъ, въ настоящемъ изданіи уничтожены, какъ отдѣльныя главы, но бо̀льшая часть заключавшагося въ нихъ матеріала и сопоставленій вошла въ другіе очерки (по преимуществу въ очеркъ объ арендованіи земли). Выкинуто совершенно все то, что говорилось въ первомъ изданіи о происходящемъ съ теченіемъ времени измѣненіи въ числѣ рабочихъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности, сдѣлано это опять-таки отчасти въ интересахъ цѣльности всего труда и отсутствія въ немъ отступленій, не являющихся прямо необходимыми. Относящіяся же къ Россіи данныя этого рода опущены въ настоящемъ изданіи еще и потому, что всѣ данныя о числѣ рабочихъ у насъ, даже и для настоящаго времени, какъ это вытекаетъ и изъ работы А. В. Погожева („Учетъ численности и состава рабочихъ

въ Россіи.“ Изд. Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1906), не настолько точны и достовѣрны, чтобы на нихъ можно было основывать какіе-либо выводы. Наиболѣе крупное дополненіе въ этомъ изданіи представляетъ гл. IV „Условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, вовсе не существовавшая въ первомъ изданіи, гдѣ о машинахъ было сказано лишь вскользь нѣсколько словъ. Наибольшей переработкѣ подвергнуты главы: VII „Арендованіе земли“ и IX „Системы земледѣлія. Улучшенія въ хозяйствахъ предпринимательскихъ и крестьянскихъ“. Не мало также сдѣлано дополненій въ гл. VIII „Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія“, а также въ гл. III „Землевладѣніе“ въ отд. 3, „Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи“. Здѣсь удѣлено болѣе, чѣмъ въ первомъ изданіи, вниманія выясненію причинъ крестьянскаго малоземелья у насъ и полнѣе охарактеризовано значеніе его.

Авторъ.

Москва. 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемое произведеніе представляетъ собою не изслѣдованіе въ обычномъ смыслѣ этого понятія, а результаты цѣлаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ различными лицами, отчасти и авторомъ настоящаго труда. Въ 1877 г. я впервые, въ качествѣ земскаго статистика, приступилъ, совмѣстно съ покойнымъ В. И. Орловымъ, къ ознакомленію съ условіями русской экономической дѣйствительности и въ частности крестьянскаго хозяйства, путемъ непосредственнаго наблюденія и тщательнаго изученія хозяйственныхъ явленій на мѣстахъ, въ самихъ селеніяхъ, на сельскомъ сходѣ, въ отдѣльномъ дворѣ. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время мысль моя неотступно работаетъ надъ вопросомъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства,—надъ вопросомъ о томъ, представляетъ ли оно элементы живучести и дальнѣйшаго преуспѣянія, заключаютъ ли въ себѣ условія нашей дѣйствительности данныя для упадка и разрушенія крестьянскаго хозяйства, или же, наоборотъ, для его дальнѣйшаго прогрессивраго развитія, въ чемъ состоятъ эти данныя, на какія его стороны и какія именно условія вліяютъ въ томъ или иномъ направленіи, и какой путь намѣчаютъ для его дальнѣйшей эволюціи. Мысль моя невольно работала надъ этими вопросами и при изслѣдованіи частновладѣльческаго хозяйства въ Россіи, и при изученіи положенія сельскаго хозяйства въ Германіи, Англіи, Франціи, и при разработкѣ разныхъ теоретическихъ вопросовъ. Съ 1885 г. я, опять въ качествѣ земскаго статистика, изъ года въ годъ продолжаю слѣдить за ходомъ всѣхъ измѣненій, совер-

шающихся въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губерніи, при чемъ неоднократно изучалъ различныя стороны этого хозяйства путемъ непосредственнаго наблюденія и изслѣдованія на мѣстахъ. Въ то же время постоянное ознакомленіе съ тѣмъ матеріаломъ, который доставляла и доставляетъ богатая земско-статистическая литература послѣдняго 20-лѣтія, изображающая условія крестьянскаго хозяйства въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, расширяла, углубляла и видоизмѣняла тѣ заключенія, къ которымъ приводили непосредственныя наблюденія и всѣ предшествующія работы. Результатомъ всей этой продолжительной и разнообразной работы явилось у меня опредѣленное представленіе „объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“, — представленіе, выработанное, можетъ-быть, и не мною однимъ, но не получившее, однако, до сихъ поръ въ нашей литературѣ своего опредѣленнаго выясненія въ одномъ цѣломъ произведеніи, а между тѣмъ значительно отличающееся отъ тѣхъ, которыя имѣютъ уже такое систематическое выраженіе. При такихъ условіяхъ мнѣ казалось не лишнимъ свести въ одно цѣлое всѣ результаты, къ которымъ меня привело все предшествующее, и путемъ ихъ опубликованія попытаться обратить вниманіе на многія стороны вопроса, до сихъ поръ недостаточно разработанныя, а въ то же время доставить возможность и самому себѣ провѣрить свои заключенія, подвергнувъ ихъ широкой, безпристрастной, научной критикѣ, являющейся лучшей союзницей каждаго, стремящагося къ уясненію истины.

Чтобы болѣе полно и многосторонне освѣтить условія, вліяющія на развитіе крестьянскаго хозяйства въ томъ или иномъ направленіи, я нашелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ составить рядъ „очерковъ по экономіи сельскаго хозяйства“, изъ коихъ каждый посвященъ выясненію того или другого основного условія, вліяющаго на складъ экономическихъ отношеній въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Когда же „комиссія по организаціи домашняго чтенія“, ознакомившись съ общимъ планомъ и содержаніемъ моего труда, включила его въ свою программу,

какъ единичное необходимое пособіе для изученія экономіи сельскаго хозяйства, то первому очерку, заключающему въ себѣ постановку вопроса всего изслѣдованія, я придалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое содержаніе, чтобъ онъ выяснялъ „значеніе и задачи экономіи сельскаго хозяйства“. Сообразно съ этимъ назначеніемъ моей книги и остальные очерки ея пополнены такого рода данными, безъ которыхъ нельзя обойтись въ руководствѣ по экономіи сельскаго хозяйства, но которыя не являются необходимыми для выясненія основного вопроса всего изслѣдованія. Этой же задачей—дать въ то же время руководство по основнымъ вопросамъ экономіи сельскаго хозяйства—объясняется, главнымъ образомъ, и почти полное отсутствіе ссылокъ на первоисточники. Я предпочиталъ повсюду ссылаться на такого рода произведенія, которыя, не искажая матеріала первоисточниковъ, представляютъ собою въ то же время систематическую переработку ихъ, что, давая читателю болѣе цѣльное представленіе о предметѣ и знакомя его съ литературой вопроса, не мѣшаетъ ему далѣе обратиться къ первоисточникамъ, если онъ пожелаетъ самостоятельно поработать надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Такимъ образомъ, по характеру ссылокъ трудъ мой не имѣетъ внѣшности, столь обычной для научныхъ трудовъ. Помимо указанной причины, это вызвано отчасти и тѣмъ, что мнѣ приходилось работать надъ моей книгой среди множества другихъ занятій и потому нерѣдко, въ видахъ сбереженія времени, ссылаться на то, что было подъ руками, коль скоро не было сомнѣнія въ правдивой передачѣ того, что заключаетъ подлинный матеріалъ. Эта же невозможность удѣлить достаточно времени обработкѣ нѣкоторыхъ очерковъ сказывается, можетъ-быть, и на краткости въ развитіи отдѣльныхъ положеній, что меня, однако, не особенно смущаетъ, такъ какъ, говоря словами великаго учителя современныхъ экономистовъ, „я, конечно, предполагаю читателя, который желаетъ научиться чему-нибудь новому, а слѣдовательно, захочетъ и самъ подумать“.

По поводу общаго содержанія моего труда остается еще замѣтить, что соотвѣтственно тѣмъ окончательнымъ результатамъ,

къ которымъ меня привело все предшествующее изученіе вопроса, я останавливаю преимущественное вниманіе на тѣхъ сторонахъ и условіяхъ дѣйствительности, въ которыхъ коренится жизненность крестьянскаго хозяйства, и изъ которыхъ вытекаетъ его дальнѣйшее развитіе; поэтому освѣщенію темныхъ сторонъ современнаго положенія крестьянскаго хозяйства и безплодной гибельности ихъ вліянія, что уже сдѣлано многими солидными изслѣдованіями, у меня удѣлено сравнительно мало вниманія. Моя задача состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе на тѣ положительныя стороны дѣйствительности, которыя, несмотря на современную безотрадную картину крестьянскаго хозяйства, обусловливаютъ его жизненность и дальнѣйшее прогрессивное развитіе.

Съ чувствомъ глубокаго удовольствія приношу мою благодарность: проф. К. А. Вернеру, Д. И. Гомбергу, проф. Н. А. Карышеву, А. А. Кауфману, проф. В. Ф. Левитскому, Н. В. Левитскому, Николаю-ону и проф. А. Ф. Фортунатову. Всѣ эти лица, ознакомившись съ общимъ планомъ и содержаніемъ моего труда, поспѣшили подѣлиться со мной своими соображеніями, замѣчаніями, указаніями и нѣкоторыми матеріалами, чѣмъ оказали мнѣ немалую помощь въ постановкѣ и выясненіи отдѣльныхъ вопросовъ изслѣдованія. Общее стремленіе къ выясненію истины совершенно устранило здѣсь всякія соображенія личнаго характера, которыя могли бы имѣть мѣсто, хотя бы по вопросу о пріоритетѣ въ выясненіи того или иного положенія.

Съ особымъ чувствомъ признательности я обращаюсь здѣсь къ проф. А. В. Горбунову и проф. А. И. Чупрову, иниціатива и нравственное содѣйствіе которыхъ вызвали въ свѣтъ настоящее изданіе моего труда.

Н. Каблуковъ.

Москва. 1898.

I. Значеніе и задачи изученія условій русскаго сельскаго хозяйства.

Земельный вопросъ въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ въ Россіи. Но то, что называется земельнымъ вопросомъ, въ сущности есть вопросъ крестьянскій, или, иначе говоря, вопросъ о томъ, должна ли земля находиться въ обладаніи тѣхъ, кто самъ лично ее обрабатываетъ, или же лучше такой порядокъ, при которомъ хозяиномъ большого участка земли является одно лицо, само землю не обработывающее, но распоряжающееся тѣмъ, какъ обработываютъ ее наемные рабочіе. Но если вопросъ становится такъ: что лучше, то спрашивается, что это значитъ лучше? для кого? для чего? въ какомъ отношеніи? Подразумѣвается обычно, что это значитъ лучше въ хозяйственномъ отношеніи, т.-е. 1) хозяйство будетъ вестись лучше, производство будетъ поставлено лучше, земля будетъ давать больше, а чрезъ это 2) и всему населенію будетъ лучше, такъ какъ хлѣба и всего прочаго, что получается отъ земли, будетъ больше и оно будетъ дешевле. Многіе вотъ и думаютъ, что при большихъ сельскихъ хозяйствахъ будетъ лучше, все равно какъ многія вещи, хотя бы тотъ же ситецъ, на большой фабрикѣ производятся дешевле, чѣмъ въ мелкой мастерской. Но если вопросъ ставится такъ, то значитъ рѣчь уже идетъ о томъ, при какихъ условіяхъ сельское хозяйство идетъ лучше, и чтобы рѣшить этотъ вопросъ надо узнать, изучить вообще условія сельскаго хозяйства, т.-е. изучить, что именно и какъ вліяетъ на то или иное положеніе сельскаго хозяйства, отчего вообще зависитъ улучшеніе или ухудшеніе его, одинаково ли это во всѣхъ странахъ, во всѣ времена

или это мѣняется и если да, то въ зависимости отъ чего, по какой причинѣ и какъ въ дѣйствительности на самомъ дѣлѣ отражается на положеніи населенія то или иное распредѣленіе земли, то или иное положеніе сельскаго хозяйства.

Все это вопросы, значеніе которыхъ довольно понятно, а потому понятно и то, насколько важно изученіе условій сельскаго хозяйства. Но въ особенности это важно для Россіи, въ которой и земельный вопросъ поставленъ такъ, что неотступно требуетъ своего разрѣшенія, да и сельское хозяйство, земледѣліе не перестаетъ проявлять себя неурожаями, а между тѣмъ Россія до сихъ поръ признается страной по преимуществу земледѣльческой. И, конечно, Россію приходится считать страной земледѣльческой, если имѣть въ виду, что нашъ заграничный вывозъ выражается почти исключительно въ произведеніяхъ сельскаго хозяйства. А именно въ общей цѣнности нашего заграничнаго вывоза въ 974 милліона рублей (средне за 1903—1905 г.) болѣе половины всей цѣнности отпуска падаетъ на хлѣбъ, а именно 513 мил. руб.; но, кромѣ того, къ сельскохозяйственнымъ произведеніямъ надо отнести животныхъ, которыхъ за то же время вывезено въ среднемъ въ годъ на 17 мил. руб., лѣсныхъ матеріаловъ на 71 мил. руб., разныхъ другихъ жизненныхъ припасовъ и произведеній сельскаго хозяйства за то же время въ среднемъ за одинъ годъ почти на 162 мил. руб., или всего на 763 мил. рублей слишкомъ, что и составляетъ почти $^4/_5$ всего вывоза, или изъ каждыхъ 100 рублей цѣнности вывезенныхъ товаровъ почти 80 рублей падаетъ на цѣнность вывезенныхъ произведеній сельскаго хозяйства. Тоже впечатлѣніе преобладающаго значенія земледѣлія дается и перевѣсомъ сельскаго населенія, которое составляетъ, какъ это свидѣтельствуетъ и послѣдняя перепись, болѣе 85% всего населенія; говорить же о томъ, что среди сельскаго населенія преобладаетъ занятіе земледѣліемъ, которое является у насъ довольно распространеннымъ и среди городского, конечно, нѣтъ надобности.

При этомъ, само собой разумѣется, возникаетъ вопросъ, насколько правильно называть земледѣльческой такую страну, въ

которой земледѣліе далеко не стоитъ на такой высотѣ, чтобы давало ей въ этомъ отношеніи преимущество передъ другими. Но именно это обстоятельство, т.-е. низкій уровень производительности земледѣльческаго труда въ связи съ преобладающимъ значеніемъ этого занятія болѣе чѣмъ для $^2/_3$ всего населенія, и придаетъ тѣмъ большее значеніе изученію условій сельскаго хозяйства въ Россіи.

Но, кромѣ того, это изученіе имѣетъ значеніе и для яснаго представленія о всемъ строѣ хозяйственныхъ (экономическихъ) отношеній страны. Съ этой послѣдней точки зрѣнія знакомство съ условіями сельскаго хозяйства важно и для понимапія явленій экономической дѣйствительности и въ другихъ странахъ, не отличающихся преобладаніемъ въ нихъ земледѣлія или же и вовсе отличающихся преимущественнымъ развитіемъ другихъ отраслей приложенія труда. Какое значеніе имѣетъ для всѣхъ другихъ странъ сельское хозяйство и вообще условія, въ какія поставлено оно, это достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что и тамъ земельные вопросы, вопросы сельскаго хозяйства, сельскохозяйственный кризисъ, хлѣбныя цѣны, положеніе труда въ сельскомъ хозяйствѣ, положеніе крестьянства, задолженность землевладѣнія и т. д. и т. д., т.-е. все вопросы сельскаго хозяйства, являются постояннымъ предметомъ научныхъ трудовъ, законодательныхъ работъ, газетной и журнальной литературы.

Сказаннымъ опредѣляется то практическое, прямо жизненное значеніе, какое имѣютъ вопросы сельскаго хозяйства. Но это еще не достаточно опредѣляетъ значеніе изученія условій сельскаго хозяйства. Поэтому къ выясненію этого значенія надо подойти и инымъ путемъ.

Теоретическая политическая экономія знакомитъ съ общими началами науки о народномъ хозяйствѣ. Какъ она, такъ и исторія политической экономіи выясняютъ: 1) что начала политической экономіи въ томъ видѣ, какъ они излагаются теперь, выработались не сразу, а постепенно, и 2) что ихъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи: а) начала, обнимающія дѣятельность человѣка, направленную на удовлетвореніе потребностей въ ма-

теріальныхъ предметахъ, начала, общія всѣмъ ступенямъ экономическаго развитія, и б) начала, управляющія этой дѣятельностью при данномъ общественномъ и хозяйственномъ строѣ.

Извѣстно, что нашъ, такъ сказать, первоучитель Ад. Смитъ, писавшій свою книгу въ тотъ моментъ развитія европейскихъ обществъ, когда складывалось современное капиталистическое хозяйство, придавалъ открытымъ имъ началамъ всеобщее значеніе. Еще сильнѣе это сказывалось у мыслителя, который началамъ Ад. Смита придалъ болѣе стройную и законченную форму,— у Рикардо. Каждый изъ читавшихъ его могъ видѣть, что, говоря о капиталѣ въ его современномъ значеніи, Рикардо почти постоянно для поясненія роли капитала прибѣгаетъ къ примѣру *дикаря, изобрѣтшаго лукъ и стрѣлы*, и противопоставляетъ его дикарю, не имѣющему такого *капитала*. Съ дальнѣйшимъ, однако, развитіемъ науки о народномъ хозяйствѣ, съ увеличеніемъ запаса ея наблюденій, съ точнымъ выясненіемъ тѣхъ хозяйственныхъ условій, которыя имѣлъ въ виду Рикардо, и на основѣ установленныхъ имъ же положеній выработалось представленіе о томъ, что условія для дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей, не представляютъ чего-либо постояннаго, а подлежатъ непрерывному измѣненію, соотвѣтственно съ чѣмъ измѣняются и способы удовлетворенія потребностей, и взаимныя отношенія дѣятелей производства, и отношеніе человѣка къ продуктамъ своего производства (т.-е. къ тому, что появляется вслѣдствіе *его* производительной дѣятельности, вслѣдствіе *его* труда) и къ условіямъ для приложенія своего труда. Стало ясно, наприм., что если даже дикарь не обходится безъ какихъ-либо орудій для удовлетворенія своихъ потребностей, хотя бы этими орудіями были грубо обточенный кремень или рыбья кость, то, тѣмъ не менѣе, эти орудія первоначально занимаютъ, такъ сказать, подчиненную роль по отношенію къ труду. *Капиталомъ* же, подчиняющимъ себѣ не только трудъ, но и многія условія жизни человѣка, орудія труда становятся лишь при опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ. Еще болѣе выяснилось, что нельзя тѣ общественныя и производственныя отношенія, которыя

имѣютъ мѣсто при натуральномъ хозяйствѣ (т.-е. такомъ хозяйствѣ, гдѣ то, что производится въ этомъ хозяйствѣ, въ немъ же и потребляется, а не идетъ на продажу), прилагать къ условіямъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда и товарное хозяйство. Намѣтился цѣлый рядъ ступеней, по которымъ совершается переходъ отъ чисто-натуральнаго хозяйства къ чисто-капиталистическому, которое, въ свою очередь, мы должны разсматривать только какъ ступень въ развитіи хозяйственныхъ отношеній, на смѣну которымъ явятся другія.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать больше и больше вниманія на исторію экономическихъ явленій, стали изучать бытъ различныхъ народовъ и господствующія у каждаго народа экономическія отношенія, стало уже невозможнымъ начала, опредѣляющія экономическія отношенія одного народа, безъ дальнѣйшей провѣрки примѣнять къ объясненію явленій экономической жизни въ другомъ народѣ. Стало ясно, что экономическія явленія и отношенія, какъ и все въ жизни, подлежатъ измѣненію и развитію. Нельзя говорить о народномъ хозяйствѣ, какъ о чемъ-то одинаковомъ для всѣхъ временъ; необходимо имѣть въ виду *данную* ступень развитія экономическихъ отношеній; въ смѣнѣ же этихъ ступеней происходитъ извѣстная послѣдовательность, и каждая ступень характеризуется своими чертами, отличающими ее какъ отъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ ступеней развитія.

Правда, мы находимъ и у Ад. Смита нѣсколько главъ, посвященныхъ краткому изображенію развитія и установленія тѣхъ отношеній, которыя онъ наблюдалъ въ современной ему Европѣ. Но затѣмъ, дойдя до этихъ послѣднихъ отношеній, онъ останавливается на нихъ, какъ на чемъ-то незыблемомъ и постоянномъ, и тѣ законы и отношенія, которые имѣютъ примѣненіе къ нимъ, обобщаетъ и распространяетъ на всѣ времена и народы. Кромѣ того, у него замѣтно какъ бы отсутствіе нѣкоторой исторической перспективы, т.-е. онъ разсматриваетъ предшествующія хозяйственныя условія такъ, какъ бы въ нихъ существовали тѣ же отношенія, но въ менѣе развитомъ видѣ: разсуждая объ естествен-

номъ развитіи благосостоянія, онъ говоритъ все время и о прибыли и о рентѣ, т.-е. имѣетъ предъ собой тѣ же условія распредѣленія, тѣ же мѣновыя отношенія, которыя характеризуютъ и его время; онъ какъ бы упускаетъ изъ виду періодъ отсутствія мѣновыхъ отношеній, отсутствія частной собственности, когда существуютъ лишь родовая и общинная собственность. Дальнѣйшее изученіе, какъ извѣстно, выяснило, что съ теченіемъ времени измѣняются формы производства, взаимное отношеніе участниковъ его, орудія производства, измѣняется отношеніе человѣка къ послѣднимъ и вообще къ условіямъ производства. И измѣняется все это въ такой степени, что уже не орудія производства становятся орудіемъ человѣка въ его борьбѣ съ природой, а онъ самъ становится какъ бы орудіемъ ихъ (при капиталистическомъ примѣненіи машинъ къ производству), становится рабомъ созданнаго имъ капитала, такъ какъ внѣ послѣдняго онъ не можетъ уже достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей. Такимъ образомъ, освобождая себя все болѣе и болѣе отъ рабскаго подчиненія природѣ, человѣкъ ставитъ себя въ зависимость отъ созданныхъ *имъ же* условій. И трудъ, и орудія производства, и силы природы, и взаимное отношеніе всего того, что необходимо для созданія продукта труда, существовали всегда, но *общественное* значеніе каждаго изъ нихъ, положеніе человѣка среди нихъ, его отношеніе къ орудіямъ и продуктамъ труда, взаимныя отношенія людей—все это видоизмѣняется подъ вліяніемъ постоянныхъ измѣненій въ постановкѣ самаго производства, вызываемыхъ естественнымъ ростомъ населенія и его потребностей.

По мѣрѣ углубленія въ изученіе условій экономической дѣятельности человѣка, при чемъ кругъ наблюдаемыхъ явленій расширялся во времени и пространствѣ, стали намѣчаться различные типы хозяйствъ, отличающіеся между собою по всему складу существующихъ въ нихъ отношеній. Оказалось немыслимымъ начала, установленныя для одного типа хозяйствъ, распространять на другія. Явилось, наприм., какъ я уже указалъ, представленіе о рѣзкомъ, коренномъ различіи между натуральнымъ и денежнымъ хозяйствомъ. Но теоретическое построеніе относительно этихъ

различій не таково, чтобы его безъ всякихъ поправокъ можно было непосредственно прилагать къ тому или иному типу хозяйствъ. Дѣйствительность не даетъ намъ ни одного типа въ чистомъ видѣ. Изучая явленія въ пространствѣ и во времени, мы безпрестанно встрѣчаемся съ различными по степени смѣшеніями различныхъ хозяйственныхъ типовъ. Даже въ такой ультракапиталистической странѣ, какъ Англія, служащей преимущественнымъ предметомъ для изученія законовъ капиталистическаго хозяйства, мы встрѣчаемъ, наприм., въ заработной платѣ земледѣльческихъ рабочихъ часть вознагражденія натурой, въ видѣ извѣстнаго, крайнѣ ограниченнаго клочка земли „allotmen"—для огорода и избы (коттеджа), а это, привязывая рабочаго до извѣстной степени къ мѣсту его занятій, нарушаетъ то представленіе о свободѣ передвиженія рабочаго, на которомъ построены извѣстныя положенія объ условіяхъ, регулирующихъ заработную плату. Тамъ же мы еще встрѣчаемъ, правда, уже вымирающихъ, но все еще существующихъ теперь ручныхъ ткачей. Обращаясь къ другой изъ старѣйшихъ по культурѣ странѣ—Франціи, мы найдемъ здѣсь при полномъ и рѣзко выраженномъ господствѣ капиталистическаго строя еще болѣе отступленій отъ типа его. Мы встрѣчаемъ здѣсь массу типичнаго крестьянскаго населенія, строй хозяйства котораго характеризуетъ другую, докапиталистическую эпоху, гдѣ въ одномъ лицѣ соединяется расчлененное теперь представленіе о землевладѣльцѣ, капиталистѣ и работникѣ, и гдѣ, слѣдовательно, ученіе о заработной платѣ, о прибыли, о рентѣ получаетъ совершенно иное строеніе. Здѣсь, такимъ образомъ, мы, помимо классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ, встрѣчаемъ своеобразный классъ—крестьянство, не накладывающій, однако, своего преобладающаго отпечатка на строй экономическихъ отношеній въ странѣ. Обращаясь къ Германіи, мы опять найдемъ въ одной и той же странѣ, при общемъ преобладаніи капиталистическихъ началъ двѣ несходныя части: одну—съ преобладаніемъ крестьянства, другую—крупнаго землевладѣнія. Въ Италіи и Австріи такое смѣшеніе еще сильнѣе. Но вытекащія отсюда осложненія еще значитель-

нѣе, если имѣть въ виду, что то же самое крестьянство является въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ роли предпринимателя, имѣющаго своихъ наемныхъ рабочихъ.

Возвращаясь обратно въ предѣлы Россіи, приходится поставить вопросъ: говорить ли о томъ, еще болѣе сложномъ и неподдающемся безъ ближайшаго анализа подведенію подъ общеустановленныя теоретическія начала характерѣ экономическихъ отношеній, которыя мы наблюдаемъ въ ней.

Съ одной стороны, какъ это было уже указано и будетъ полнѣе охарактеризовано въ послѣдующихъ очеркахъ, мы имѣемъ въ Россіи такое преобладаніе крестьянскаго населенія, которое въ настоящее время не встрѣчается ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Съ другой стороны, это преобладаніе крестьянства не представляетъ собою чего-либо такого, чего не имѣли бы раньше и другія страны. Если, слѣдовательно, были какія-то условія, которыя повели за собою и продолжаютъ вести постепенное сокращеніе представителей крестьянства въ западно-европейскихъ странахъ, то какія же основанія говорятъ за то, что эти условія не имѣютъ мѣста въ Россіи и не приведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ? А въ такомъ случаѣ есть ли какая-либо надобность въ вышеотмѣченномъ ближайшемъ разсмотрѣніи русскихъ экономическихъ отношеній для того, чтобы подвести условія ея развитія подъ общія условія развитія западно-европейскихъ странъ и на основаніи этого примѣнить къ ней цѣликомъ общеустановленныя теоретическія начала?

Остановимся нѣсколько на выясненіи этого вопроса, чтобы этимъ путемъ выяснить значеніе и задачи прикладной экономіи, и въ частности значеніе и задачи изученія условій сельскаго хозяйства.

Изъ приведеннаго незадолго передъ симъ указанія нѣкоторыхъ чертъ различія въ составѣ населенія по его хозяйственному положенію въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Австріи можно усмотрѣть, что и тамъ для объясненія тѣхъ или иныхъ существующихъ въ настоящее время явленій хозяйственной жизни каждой изъ этихъ странъ недостаточно знакомства съ одними общими

теоретическими началами, но и необходимо знаніе условій экономической дѣйствительности каждой изъ этихъ странъ, хотя бы все различіе этихъ условій и объяснялось лишь различіемъ въ исторической ступени ихъ развитія. Дѣло въ томъ, что эти различныя ступени историческаго развитія экономическихъ отношеній въ каждой изъ этихъ странъ совпадаютъ *съ различной исторической обстановкой*, и это должно обусловливать различія и въ дальнѣйшемъ развитіи. Приведемъ здѣсь сказанное нами по этому поводу еще въ 1883 г., а именно: „Съ тѣхъ поръ, какъ въ экономической наукѣ, благодаря трудамъ К. Маркса, установилось прочно ученіе о преемственности всѣхъ экономическихъ явленій въ жизни общества, и затѣмъ вскрытъ процессъ образованія современнаго экономическаго строя, отмѣченнаго имъ названіемъ „капиталистическаго", для экономистовъ наступаетъ новый и притомъ, надо полагать, плодотворный путь изслѣдованія. Процессъ образованія капиталистическаго строя въ странахъ цивилизованнаго міра изъясненъ въ его ближайшихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Этимъ объяснено происхожденіе того экономическаго строя, который мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ. Намѣчены также и тѣ существенныя стороны его, которымъ предстоитъ играть роль и въ дальнѣйшей судьбѣ западно-европейскихъ обществъ. Но во всемъ этомъ капитализмъ разсматривается лишь съ точки зрѣнія его *мірового значенія*. Опредѣлена лишь общая роль его, ходъ развитія и *историческое значеніе въ общемъ ходѣ развитія человѣчества*. Но относительная роль и значеніе его, а также *послѣдовательный ходъ развитія его въ каждой новой странѣ*, вступающей въ фазу капитализма, и тѣ *условія, которыя при этомъ имѣютъ значеніе* и опредѣляютъ тотъ или иной ходъ, то или иное направленіе этого развитія, *совершенно не выяснены*. Между тѣмъ понятно, что *условія эти въ каждой странѣ различны*, и поэтому ходъ развитія капитализма *не можетъ повторяться* съ одинаковой правильностью *и быть вполнѣ тожественнымъ во всѣхъ странахъ*. Въ этомъ отношеніи, помимо различія въ *природныхъ* и *историческихъ* условіяхъ, мѣшающихъ сложиться въ каждой странѣ вполнѣ тоже-

ственнымъ отношеніямъ, должно играть роль и то обстоятельство, *въ какой моментъ развитія* капитализма въ передовыхъ странахъ вступаетъ въ капиталистическій періодъ своего развитія новая страна. Въ зависимости отъ этого находится вся внѣшняя обстановка и условія ея производства. При международной конкуренціи, при международномъ соперничествѣ она поставлена, наприм., иначе, нежели страны, вступившія ранѣе на стезю капиталистическаго развитія и иначе, нежели страны, которымъ еще предстоитъ вступить на этотъ путь" („Юрид. Вѣстн." 1883 г. № 5. Экономическая хроника Н. Каблукова).

Приведенной выдержкой опредѣляется въ общихъ чертахъ, почему въ ходѣ и развитіи экономическихъ отношеній каждой страны должны происходить различія, несмотря на то, что историческія ступени развитія могутъ быть однѣ и тѣ же. Дѣло въ томъ, что въ исторіи нѣтъ и не можетъ быть повторенія явленій въ томъ же самомъ видѣ. Допускать возможность такого повторенія значило бы отрицать исторію, значило бы не признавать воздѣйствія на дальнѣйшій ходъ развитія тѣхъ измѣненій, которыя производятся *предшествующими* историческими явленіями, и предполагать, что въ каждой странѣ измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ другихъ странъ, не имѣютъ своихъ послѣдствій, и въ ней должно произойти все такъ же, какъ будто бы этихъ вліяній совсѣмъ не было. Въ дѣйствительности же каждое историческое явленіе представляетъ собой результатъ такого сложнаго сочетанія различныхъ явленій, различныхъ фактовъ, что вторичное повтореніе ихъ въ тѣхъ же соотношеніяхъ немыслимо. Разъ произошло извѣстное явленіе, то оно уже имѣетъ свое вліяніе на послѣдующее и, слѣдовательно, это послѣдующее, если даже допустить тожество всѣхъ остальныхъ условій, имѣетъ въ предшествующемъ еще и такое условіе, какого не имѣло предыдущее. Въ особенности это должно проявляться теперь, когда страны живутъ настолько *неуединенно*, что, какъ мы увидимъ ниже, приходится говорить о всемірномъ хозяйствѣ. А эта неуединенность, эта неизолированность подчиняетъ каждую страну дѣйствію такихъ вліяній сосѣдней страны, какихъ не было для

странъ, развившихся до извѣстныхъ отношеній еще при отсутствіи тѣхъ живыхъ сношеній между ними, какія существуютъ въ настоящее время. Эти-то вліянія и составляютъ для странъ, запоздавшихъ въ своемъ развитіи, новое условіе, не существовавшее раньше для другихъ странъ. А коль скоро появляется такое новое условіе, то не въ видѣ только предположенія, но навѣрное можно сказать, что остальной ходъ развитія долженъ быть не таковъ, какъ тамъ, гдѣ этого новаго условія не существовало. „Событія *поразительно сходныя,* но происходящія въ средѣ *исторически различной,* приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ... Моему критику непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой *фатально* должны подчиняться всѣ народы, *каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся,* чтобы въ концѣ-концовъ прійти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то же время много безчестія“ (письмо К. Маркса, „Юрид. Вѣстн.“ 1888 г. № 10).

Если отъ отвлеченныхъ соображеній, предопредѣляющихъ необходимость различія въ ходѣ экономическаго развитія разныхъ странъ, мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что, наприм., начало и толчокъ развитію капиталистическаго строя въ Англіи дали не тѣ обстоятельства, что въ Германіи, и что внутренній строй отношеній въ Англіи былъ въ то время не таковъ, каковъ онъ былъ въ соотвѣтствующее время въ Германіи; не таковъ онъ во многихъ отношеніяхъ и въ настоящее время: если не считать Ирландіи, то въ Великобританіи нѣтъ крестьянскаго вопроса, но и въ Ирландіи онъ существуетъ не въ той формѣ, какъ въ Германіи. Нельзя, наконецъ, просто не признать существеннымъ то различіе въ этихъ странахъ, въ силу котораго въ одной изъ нихъ нѣтъ крестьянскаго населенія, въ другой есть, что обусловливаетъ собою, наприм., различіе въ про-

граммахъ дѣятельности фабричныхъ рабочихъ тамъ и тутъ и создаетъ въ Германіи существованіе соціальнаго вопроса въ болѣе сложной формѣ и вообще образуетъ иное сложеніе и иное отношеніе силъ въ той и другой странѣ [1]).

Наблюдая отношенія различныхъ классовъ Европы, мы, дѣйствительно, замѣчаемъ сокращеніе въ числѣ крестьянскаго населенія, что происходитъ вслѣдствіе бѣгства населенія изъ деревень въ города. Отсюда какъ будто неоспоримымъ является выводъ, что то отдѣленіе человѣка отъ условій приложенія его труда, которое наблюдается въ капиталистическомъ строѣ, захватываетъ все большую и большую часть сельскаго населенія, совершается все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ и обѣщаетъ, превративъ все населеніе въ одинъ классъ рабочихъ, за исключеніемъ небольшого класса капиталистовъ и землевладѣльцевъ, привести затѣмъ къ уничтоженію дѣленія общества на классы и превращенію производства изъ частнаго въ общественное. Таковъ путь, которымъ идетъ капиталистическое производство въ Западной Европѣ и притомъ въ примѣненіи къ *обрабатывающей* промышленности. Но и тамъ уже наблюдается, что это явленіе не совершается въ такомъ чистомъ видѣ и сопровождается и обратной тягой въ деревню [2]). Но что имѣетъ здѣсь особое значеніе, такъ это: 1) что развитіе капитализма въ обработывающей промышленности сопровождается все болѣе и болѣе угрожающимъ развитіемъ безработицы, вызывающимъ со стороны разныхъ классовъ населенія и со стороны правительства уже серьезныя заботы о томъ, чтобы дать возможность этому безработному населенію обосноваться въ деревнѣ и приложить свой трудъ къ землѣ. И это происходитъ въ Англіи—странѣ наиболѣе широкаго развитія капитализма. Конечно, это явленіе безрабо-

---

[1]) Для болѣе полнаго уясненія различій въ развитіи капитализма въ отдѣльныхъ странахъ можетъ служить, между прочимъ, въ книгѣ проф. Булгакова: „Краткій очеркъ политической экономіи“. М. 1906, гл. IV. Типы промышленнаго капитализма, стр. 106—131.

[2]) См., между прочимъ, Э. Вандервельде: „Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ“. М. 1904 г.

тицы не представляетъ чего-либо новаго для настоящаго времени. Напротивъ, оно совершенно естественно при капиталистическомъ строѣ: капитализмъ требуетъ запасной арміи рабочихъ. Но ново здѣсь то, что это явленіе приняло угрожающіе размѣры и вызвало въ нѣдрахъ самаго капиталистическаго строя серьезное стремленіе сократить его и сократить именно обращеніемъ къ земледѣльческому труду и притомъ такими мѣрами, которыя повели бы къ возврату земли работникамъ ея. Второе, что имѣетъ здѣсь особое значеніе, это то, что въ настоящее время въ той партіи, которая представляетъ собою интересы пролетаріата, т.-е. фабричнаго рабочаго класса, уже сложилось такое представленіе, согласно которому нельзя разсчитывать на такой ходъ развитія, чтобы можно было путемъ только пролетаризаціи массъ прійти къ такому общественному строю, при которомъ отсутствуетъ дѣленіе на классы. Взглядъ этотъ долженъ былъ измѣниться въ силу той устойчивости, которую проявляетъ повсюду крестьянское хозяйство. Оно не только выдерживаетъ соперничество съ крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ, но даже совершенствуется и развивается при такихъ условіяхъ, когда крупное сельское хозяйство падаетъ. А это заставляетъ, конечно, остановиться: 1) на выясненіи условій, опредѣляющихъ такую устойчивость, 2) признавая крестьянское хозяйство обреченнымъ не на погибель, а на развитіе,—иначе уже отнестись и къ тому, какія мѣры должны быть приняты для болѣе правильнаго хода его развитія, и 3) наконецъ, пересмотрѣть самое ученіе о ходѣ развитія экономическихъ отношеній и не строить по этому поводу общихъ положеній, а приходить къ тѣмъ или инымъ заключеніямъ на основаніи изученія, какъ говорятъ теперь, реальнаго соотношенія силъ, т.-е. той дѣйствительности, которая насъ окружаетъ.

Если это такъ по отношенію къ западно-европейскимъ государствамъ, гдѣ уже многое выяснялось путемъ изученія и гдѣ многое уже предопредѣлено предшествующимъ экономическимъ развитіемъ въ опредѣленномъ направленіи, то не представляется ли по отношенію къ Россіи, гдѣ все еще находится въ броженіи и въ положеніи строительства, необходимымъ прямо выяснить

какъ велика здѣсь роль крестьянства и каковы условія, намѣчающія его дальнѣйшее развитіе.

При этомъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее: если такая капиталистическая страна, какъ Англія, теряетъ свое прежнее значеніе при развитіи всемірнаго хозяйства; если доля ея участія въ торговлѣ всего міра падаетъ, и она уже сбываетъ на международномъ рынкѣ относительно менѣе продуктовъ своего производства, чѣмъ прежде [1]),—то въ какомъ видѣ все это представляется по отношенію къ Россіи?

Въ послѣдней капиталистическое производство и до сихъ поръ не можетъ обойтись безъ сильнаго покровительства, и предѣлы его сбыта ограничены почти однимъ внутреннимъ рынкомъ. Это, конечно, нисколько не говоритъ о невозможности развитія у насъ капитализма, такъ какъ для послѣдняго все равно, имѣетъ ли онъ передъ собой внутренній или внѣшній рынокъ, лишь бы этотъ рынокъ постоянно расширялся. Но отъ степени этого расширенія зависитъ возможность превращенія все большей и большей части населенія въ фабричныхъ рабочихъ. Между тѣмъ при указанномъ выше положеніи даже Англіи и при необходимости защиты нашего капитализма отъ иностраннаго соперничества, онъ можетъ расширяться лишь въ предѣлахъ, допускаемыхъ расширеніемъ нашего внутренняго рынка, и врядъ ли можетъ разсчитывать на такое распространеніе, чтобы занять во всемірномъ хозяйствѣ мѣсто, сколько-нибудь близкое къ занимаемому Англіей.

---

[1]) По вычисленіямъ Неймана Спалларта и позднѣйшимъ, въ 1867—68 гг. всемірная торговля оцѣнивалась въ $44,_2$ милліарда марокъ, въ чемъ на долю Англіи приходилось $10,_6$ млр. мар., т.-е. 24%; въ 1874—75 гг. при абсолютномъ увеличеніи оборотовъ всемірной торговли до $54,_8$ млр. мар., Англіи принадлежитъ $13,_1$ млр. мар., т.-е. тѣ же 24%; въ 1882 г., когда обороты всемірной торговли оцѣнивались въ $61,_3$ млр. мар., участіе Англіи упало и абсолютно (13 млр. мар.) и относительно—$19,_5$%; на 1884 г. ея доля во всемірной торговлѣ опредѣляется уже $12,_5$ млр. мар. Въ 1889—90 гг. процентъ ея участія въ оборотахъ всемірной торговли остается почти безъ измѣненія—$19,_6$%; въ 1894 г. онъ составляетъ $18,_7$%, за 1896—900 падаетъ еще ниже и для 1904 г. составляетъ не болѣе 17 процентовъ. См. G. Sundbärg: Aperçus statistiques internationaux. Stolkholm. 1906 (табл. 215 и 216).

А въ такомъ случаѣ онъ не въ состояніи превратить въ классъ фабричныхъ рабочихъ, и только рабочихъ, такую часть населенія, какую удалось, наприм., Англіи, имѣющей въ этомъ отношеніи долгое предшествующее историческое развитіе.

Сводя результатъ всего сказаннаго до сихъ поръ, можно отмѣтить слѣдующее. Теоретическія начала политической экономіи, выработавшись въ періодъ сложенія капиталистическихъ отношеній и характеризуя послѣднія, не могутъ имѣть прямого, непосредственнаго приложенія къ такимъ стадіямъ экономическаго развитія, *когда еще не сложилось капиталистическое производство* и обусловленное имъ распредѣленіе дохода.

Въ отношеніи къ странамъ, *гдѣ уже господствуетъ капитализмъ*, общія теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы безъ значительныхъ поправокъ, вызываемыхъ условіями дѣйствительности. Такъ, теорія имѣетъ въ виду обыкновенно распредѣленіе дохода на ренту, прибыль и заработную плату, изслѣдуетъ законы, опредѣляющіе каждую изъ этихъ долей дохода, и если допускаетъ соединеніе ихъ, то опять-таки и въ этомъ соединеніи исходитъ изъ существованія какъ бы отдѣльныхъ долей дохода; при этомъ соединеніе ихъ является какъ бы обстоятельствомъ случайнымъ. Между тѣмъ во всѣхъ почти странахъ, помимо трехъ классовъ: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, существуетъ особый классъ—крестьянство, гдѣ упомянутыя доли дохода не выдѣляются одна отъ другой. Доходъ крестьянина не является суммой трехъ видовъ дохода, а, наоборотъ, изъ одного цѣльнаго дохода, выражаемаго въ продуктѣ труда, приходится искусственно выдѣлять упомянутые виды дохода и его источники, до такой степени искусственно, что приходится говорить, наприм., о капиталѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тогда какъ крестьянинъ не имѣетъ такого представленія. Для него основа его дохода — трудъ; земля составляетъ необходимое условіе для приложенія труда; орудія труда такъ же мало разсматриваются имъ, какъ капиталъ, какъ никто изъ насъ не станетъ называть капиталомъ, наприм., перо, при помощи котораго мы пишемъ. И это по той простой причинѣ, что орудія труда у крестьянина-землепашца

не составляютъ особаго вида имущества, которое само по себѣ, безъ приложенія его труда, давало бы ему особый видъ дохода. Отсюда понятно, что здѣсь существуетъ особый родъ отношеній и иныя основанія для опредѣленія дохода. Поэтому можно сказать, что крестьянское хозяйство представляетъ собою рѣшительное противорѣчіе съ капиталистическимъ строемъ. И такъ какъ въ послѣдующихъ очеркахъ почти исключительное вниманіе будетъ отведено *явленіямъ русской дѣйствительности,* а въ ней видное мѣсто занимаетъ *крестьянство,* въ благосостояніи котораго, какъ будетъ указано ниже, и заключаются основы всего нашего хозяйственнаго развитія, то я и считаю нужнымъ здѣсь же остановиться еще нѣсколько на условіяхъ нашего экономическаго развитія, тѣмъ болѣе, что это всего яснѣе дастъ понятіе о томъ, какое отношеніе имѣетъ прикладная политическая экономія къ общимъ теоретическимъ началамъ науки о народномъ хозяйствѣ.

Крестьянское хозяйство въ томъ видѣ, какъ я только что говорилъ о немъ, представляетъ собою *натуральное* хозяйство, т.-е. такое, при которомъ все производимое въ этомъ хозяйствѣ, въ немъ же и потребляется; въ настоящее время въ этомъ чистомъ видѣ оно уже не существуетъ и подъ вліяніемъ различныхъ условій превращается въ *товарное* хозяйство. На основѣ товарнаго хозяйства, какъ показываетъ исторія другихъ странъ, развилось капиталистическое, но послѣднее получило свое полное развитіе, главнымъ образомъ, въ обработывающей промышленности; въ земледѣліи по условіямъ, на которыя будетъ указано въ послѣдующихъ очеркахъ, капиталистическая постановка хозяйства не получила такого широкаго развитія. Исходя изъ этого, мы должны заключить, что въ Россіи, гдѣ земледѣліе составляетъ занятіе преобладающей массы населенія, гдѣ въ то же время, въ силу техническихъ усовершенствованій въ фабричномъ производствѣ, прилагаемыхъ въ настоящее время, не можетъ быть занято этимъ производствомъ такое количество рукъ, какое отвлекалось въ свое время въ Западной Европѣ, въ которой переходу къ капитализму съ машиннымъ производствомъ предшествовалъ довольно длинный періодъ мануфактурнаго производства, —

въ Россіи, повторяю, обработывающая промышленность не въ силахъ поглотить такую массу населенія, какъ тамъ, иначе говоря, не въ состояніи дать занятіе такой массѣ населенія, совершенно отклонивъ его отъ земледѣлія, чтобы создать такое же отношеніе между классомъ фабричныхъ рабочихъ и земледѣльческимъ, какъ на западѣ Европы.

При этомъ, однако, надо имѣть въ виду слѣдующее: съ возрастаніемъ производительности труда является все большая и большая возможность затрачивать все большую и большую часть его на производство предметовъ обработывающей промышленности; при этихъ условіяхъ сельское хозяйство и продукты продовольствія составляютъ по цѣнности меньшую и меньшую часть всего производства и занимаютъ меньше и меньше рукъ. А въ такомъ случаѣ это какъ будто бы и предопредѣляетъ необходимость бѣгства изъ деревни въ города и, слѣдовательно, дальнѣйшее уменьшеніе крестьянскаго населенія. Но здѣсь необходимо имѣть въ виду, что: 1) само развитіе сельскаго хозяйства требуетъ, какъ будетъ указано, приложенія къ тому же пространству большаго количества труда. Здѣсь для поясненія этого достаточно пока указать на то, что вездѣ въ Европѣ, гдѣ прилагается трудъ къ земледѣлію, къ обработкѣ земли, на долю каждаго работающаго приходится меньшій участокъ земли, чѣмъ у насъ, слѣдовательно, если взять два одинаковыхъ по размѣрамъ участка земли у насъ и въ Европѣ, то въ послѣдней при болѣе высокой постановкѣ земледѣлія на такомъ же участкѣ будетъ работать большее число лицъ. Второе, что надо имѣть въ виду, это то, что само развитіе обработывающей промышленности требуетъ рынка, т.-е. лицъ, которые закупали бы ея произведенія, а для этого ей надо такое количество лицъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, и такое состояніе производства, чтобы спросъ на ея произведенія былъ великъ и продолжалъ расти, а это, въ-третьихъ, должно вести къ тому, чтобы не создавалась та масса безработныхъ, которая обременяетъ собою остальное населеніе. А если такъ, то хотя бы дальнѣйшій ходъ развитія потребностей и производительныхъ силъ допускалъ, а, можетъ-быть, и требовалъ

преобладанія не земледѣльческаго, а промысловаго населенія, то все же при этомъ устанавливается предѣлъ, дальше котораго не можетъ итти сокращеніе количества населенія, занятаго земледѣліемъ. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что развитіе промышленности и болѣе широкое удовлетвореніе потребностей ея издѣліями создаетъ и большій спросъ на сырые земледѣльческіе продукты, представляющіе собою матеріалъ для обработки.

А если все это такъ, то только изученіемъ условій сельскаго хозяйства и положенія крестьянства у насъ и можно выяснить то взаимное отношеніе, какое вырабатывается у насъ между двумя крупными отраслями народнаго труда: сельскимъ хозяйствомъ и обработывающей промышленностью, а также между двумя обширными трудящимися классами населенія: крестьянами-земледѣльцами и фабричными рабочими.

При этомъ еще надо имѣть въ виду общее положеніе фабричнаго рабочаго на Западѣ и у насъ въ Россіи. Тогда какъ на Западѣ трудъ на фабрикахъ составляетъ для рабочаго единственный источникъ существованія, у насъ еще не мало рабочихъ, считающихъ трудъ на фабрикѣ побочнымъ занятіемъ; многіе рабочіе еще привязаны къ землѣ, и при неблагопріятныхъ условіяхъ уходятъ съ фабрики. Въ силу этого далеко не вся часть фабричныхъ въ Россіи можетъ быть заинтересована одинаковымъ образомъ въ томъ, чтобы поставить свой трудъ на фабрикѣ въ болѣе выгодныя условія: та часть рабочихъ, для которыхъ работа на фабрикѣ даетъ добавочный заработокъ къ тому, что выручается отъ земледѣлія, можетъ довольствоваться меньшимъ заработкомъ сравнительно съ тѣми, которые живутъ исключительно фабричнымъ трудомъ; въ такомъ случаѣ на заработную плату этихъ послѣднихъ можетъ давить предложеніе рабочихъ рукъ со стороны первыхъ. Но возможно и другое, а именно, что рабочій, идущій на фабрику изъ такой крестьянской семьи, гдѣ другіе члены ея занимаются земледѣліемъ, и, слѣдовательно, обезпеченный въ удовлетвореніи части своихъ потребностей, не склоненъ продавать свой трудъ такъ дешево, какъ это было бы при иныхъ условіяхъ, когда всѣ средства и источники его суще-

ствованія вытекаютъ лишь изъ найма на работу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ соединеніе на фабрикѣ рабочихъ, существованіе которыхъ поставлено не въ одинаковую зависимость отъ хода фабричныхъ дѣлъ, создаетъ для нашихъ предпринимателей иныя нежели на Западѣ условія борьбы за свои интересы съ рабочимъ классомъ, а также создаетъ и для рабочихъ условія организаціи, значительно отличающіяся отъ тѣхъ, которыя существуютъ на Западѣ. Все это приходится высказать, исходя изъ разсмотрѣнія лишь чисто хозяйственныхъ условій, а затѣмъ, конечно, политическія условія опять-таки налагаютъ свои особенности и создаютъ иной ходъ развитія.

Такимъ образомъ примѣръ Россіи показываетъ, что теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы къ выясненію явленій дѣйствительности безъ всякихъ поправокъ. Онъ указываетъ, что тутъ имѣетъ значеніе различіе условій и историческаго момента, что, конечно, справедливо въ примѣненіи не къ одной только Россіи.

У насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы утверждать, что измѣненіе экономическихъ отношеній, несомнѣнно, происходящее въ Россіи, какъ во всякой прогрессирующей странѣ, происходитъ и будетъ происходить именно тѣмъ путемъ, какимъ оно происходило на Западѣ. Намъ поэтому и недостаточно останавливаться на тѣхъ путяхъ рѣшенія экономическихъ вопросовъ, на какихъ останавливаются тамъ. Мы видимъ, что экономическая и общественная обстановка наша — иная, и притомъ, въ силу того историческаго момента, который переживаемъ мы, не можетъ сдѣлаться такой же, какъ западно-европейская, такъ какъ, съ одной стороны, внѣшнія историческія условія, которыя зависятъ не отъ насъ, а произведены предшествующими поколеніями, съ другой — развитіе техники, высокая степень которой захватила насъ еще въ періодъ, можно сказать, варварства,— представляютъ собой нѣчто такое, чего нельзя поворотить назадъ. Намъ предстоитъ поэтому, пользуясь успѣхами знаній и на основѣ выработанныхъ ими пріемовъ изученія дѣйствительности, показавшихъ свою силу и значеніе, самостоятельно из-

учить и опредѣлить условія нашего экономическаго развитія. Только тогда мы въ состояніи будемъ правильно прилагать къ явленіямъ русской дѣйствительности положенія теоретической политической экономіи.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, такое явленіе, какъ низкія цѣны на хлѣбъ, составлявшія у насъ злобу дня еще не особенно давно. Для производителя, естественно, выгодны высокія цѣны, и потому отовсюду слышатся жалобы, что низкія цѣны подрываютъ сельское хозяйство. Казалось бы, это вполнѣ справедливо и безусловно приложимо къ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія. Но внимательное разсмотрѣніе условій дѣйствительности, тщательный ихъ анализъ, показывающій, что большинство русскаго земледѣльческаго класса (крестьянъ) вынуждено покупать значительную долю своего хлѣбнаго продовольствія, ограничиваетъ въ значительной мѣрѣ это положеніе и дѣлаетъ его неприложимымъ къ массѣ хозяйствъ. Изученіе же условій Германіи показываетъ, что и тамъ большая часть крестьянства заинтересована также въ низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ (см.: Вліяніе урож. и хлѣбн. цѣнъ. Т. I. Ст. Н. Каблукова. С.-Пб. 1897).

Возьмемъ въ связи съ этимъ другой вопросъ. Извѣстно, что высота заработной платы колеблется около уровня потребностей рабочаго и не можетъ надолго падать ниже его. Если, слѣдовательно, главный продуктъ потребленія — хлѣбъ—дорогъ, денежная заработная плата должна повыситься. И, однако, замѣчается, что въ Россіи она выше въ годы низкихъ цѣнъ хлѣба и, наоборотъ, въ годы хлѣбной дороговизны очень низка. Если мы возьмемъ въ расчетъ только что указанное обстоятельство, что большинство крестьянскаго населенія прикупаетъ хлѣбъ, то намъ станетъ понятнымъ это явленіе: часть продуктовъ крестьянинъ имѣетъ отъ своего хозяйства, часть долженъ купить. Чѣмъ выше урожай, сопровождаемый обыкновенно низкими цѣнами, тѣмъ меньшую часть хлѣба надо купить, и тѣмъ меньшая часть крестьянъ нуждается въ его покупкѣ. Предложеніе рабочихъ рукъ уменьшается, да и нужда у ищущихъ заработка не такъ велика, и потому они не такъ склонны продавать свой трудъ за ничтож-

ную плату. Спросъ же на рабочія руки въ такіе годы растетъ, ибо когда крестьянинъ съ хлѣбомъ, то онъ стремится къ удовлетворенію другихъ потребностей и предъявляетъ большій спросъ на продукты обработывающей промышленности. Все это и ведетъ къ увеличенію заработной платы (см. ст. Плотникова въ кн. „Вліяніе урожаевъ“ и т. д.). Такимъ образомъ, исходя изъ положеній теоріи же, мы объясняемъ это явленіе удовлетворительно, но лишь при томъ условіи, что взяли въ расчетъ ту среду, въ которой, такъ сказать, преломляется данное теоретическое положеніе, выведенное также изъ наблюденія явленій дѣйствительности и ихъ объясняющее, но явленій, происходящихъ въ другой средѣ, при другихъ условіяхъ; а если бы мы не обратили вниманія на нашу дѣйствительность, то исходя лишь изъ теоретическаго положенія, сдѣлали бы невѣрный выводъ, что съ удешевленіемъ хлѣбныхъ продуктовъ въ Россіи должна понижаться денежная заработная плата.

Все сказанное до сихъ поръ должно показать, что различныя страны поставлены далеко не одинаково относительно условій и хода развитія въ нихъ экономическихъ отношеній и въ частности капитализма. Но что именно играетъ при этомъ существенную роль, каково относительное значеніе каждаго изъ условій, и какимъ образомъ, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ каждое изъ нихъ — все это остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, а, стало-быть, неизвѣстенъ и весь послѣдовательный ходъ преемственности явленій въ развитіи экономическихъ отношеній вообще; такимъ образомъ изученіе молодыхъ странъ и наблюденіе надъ первыми шагами капитализма въ нихъ представляютъ большой интересъ и съ научной стороны.

„Россія въ этомъ отношеніи представляетъ богатое поле для наблюденія еще и потому, что для нея возможность наступленія капиталистической эпохи существуетъ сравнительно еще недавно, а именно съ момента уничтоженія крѣпостного права. Когда другія страны находились въ соотвѣтствующемъ моментѣ своей исторіи, тогда въ наукѣ еще не было представленія о томъ процессѣ измѣненій, которыя происходятъ подъ вліяніемъ новыхъ

условій. Самое представленіе о преемственности явленій экономической жизни не было выработано. Вслѣдствіе этого многимъ явленіямъ, характеризующимъ процессъ измѣненій, не придавалось особой важности и значенія, и они вовсе ускользали отъ наблюденія. Для примѣра укажемъ хоть на процессъ измѣненій въ системѣ полеводства, который совершенно почти не изученъ въ его исторической послѣдовательности. Недостатокъ наблюденій надъ всѣмъ этимъ оставляетъ, конечно, въ наукѣ много пробѣловъ. Россія же въ настоящее время представляетъ богатое поле для подобныхъ наблюденій. Слѣдовательно, теперь, когда значеніе такихъ наблюденій уже опредѣлено, изученіе совершающихся въ Россіи экономическихъ явленій въ связи въ вопросомъ о происхожденіи и значеніи капитализма даетъ основаніе для провѣрки и научныхъ теорій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу историческихъ и бытовыхъ особенностей Россіи, а также въ силу того, что въ ней условія, внѣ которыхъ немыслимо появленіе капитализма, осуществились лишь тогда, когда онъ получилъ уже свое развитіе въ другихъ странахъ, чего не существовало для странъ передовыхъ, Россія, повидимому, должна представлять много особенностей въ развитіи въ ней капитализма. Наблюденіе этихъ особенностей должно выяснить, такимъ образомъ, вліяніе ихъ на развитіе капитализма“ („Юрид. Вѣстн.“. 1883 г. № 5. Экономич. хроника Н. Каблукова).

Къ тому, что сказано нами здѣсь почти 25 лѣтъ тому назадъ, добавимъ въ настоящее время, что то, что происходитъ теперь по отношенію къ земельному вопросу, вполнѣ свидѣтельствуетъ, что при сходствѣ въ общемъ *направленіи* развитія съ хозяйственнымъ развитіемъ въ другихъ странахъ Европы, у насъ ходъ этого развитія иной. Не только крестьянство наше требуетъ теперь земли и, несомнѣнно, осуществитъ свое требованіе, но и изъ остальныхъ классовъ населенія противъ этого могутъ идти только 130.000 землевладѣльцевъ, да и изъ нихъ, конечно, не всѣ. Но разъ земля перейдетъ въ руки крестьянъ-земледѣльцевъ, то, конечно, ходъ нашего экономическаго развитія, соотношеніе хозяйственныхъ силъ у насъ явится во многомъ непохожимъ на

то, что происходило и происходитъ во многихъ другихъ странахъ. Въ то же время это указываетъ и на особенность въ развитіи сельскаго хозяйства. А въ такомъ случаѣ, ясно, какъ важно изученіе нашей русской сельскохозяйственной дѣйствительности.

Изучая ее, мы производимъ двойную плодотворную работу. Съ одной стороны, собирая и обобщая явленія русской дѣйствительности, наблюдаемые при такой исторической обстановкѣ, при которой они не существовали въ другихъ странахъ, да и при ихъ исторической обстановкѣ не были наблюдаемы такъ, какъ они наблюдаются у насъ, мы обогащаемъ тѣмъ наблюденія ученыхъ всего міра и даемъ матеріалъ для дальнѣйшаго развитія и установленія законовъ нашей науки. Съ другой стороны, провѣряемъ положенія этой науки и опредѣляемъ ихъ относительное значеніе, т.-е. получаемъ матеріалъ для выясненія, насколько и какія положенія экономической науки имѣютъ общее приложеніе и какія относятся къ данному складу экономическихъ отношеній, къ опредѣленному ходу развитія ихъ. Только этимъ путемъ изученіе русской дѣйствительности можетъ служить наукѣ и въ то же время уяснять намъ, какое приложеніе при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и въ частности къ условіямъ русской дѣйствительности имѣютъ положенія, выработанныя теоретической политической экономіей. Только этимъ путемъ, только знакомясь съ дѣйствительностью во всѣхъ ея подробностяхъ и частностяхъ, мы въ состояніи выяснить, что въ ней составляетъ проявленіе *общихъ началъ, установленныхъ путемъ отвлеченія отъ нея*, и что представляетъ собою временное, *мѣстное значеніе*, и какъ эти послѣднія стороны, т.-е. условія, имѣющія временное и мѣстное значеніе, видоизмѣняютъ и ограничиваютъ приложеніе общихъ началъ.

Таково, стало-быть, значеніе и задачи прикладной политической экономіи. Внѣ ея, *внѣ изученія дѣйствительности*, не можетъ быть и теоретической политической экономіи, какъ равно и обратно, *внѣ послѣдней*, не можетъ быть правильнаго и толковаго изученія дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній, такъ

какъ тогда мы рискуемъ безъ нея, какъ безъ путеводной нити, запутаться въ томъ разнообразіи явленій, которое представляетъ дѣйствительность. Но и при изученіи дѣйствительности съ путеводной нитью теоретическихъ началъ мы бы рисковали запутаться, если бы, въ свою очередь, не обращали вниманія на различія явленій дѣйствительности. Послѣднія крайне разнообразны, и намъ приходится разбивать ихъ на отдѣлы по отличающимъ ихъ признакамъ и особо изучать отличительныя черты явленій каждаго отдѣла. Такъ, если бы мы имѣли передъ собою общество, въ которомъ отсутствовало бы раздѣленіе занятій, то и тогда бы нетрудно было подмѣтить, что условія, въ которыхъ стоитъ трудъ, прилагаемый къ добыванію предметовъ продовольствія, къ обработкѣ земли, отличаются многими существенными чертами отъ условій приложенія труда къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, уже добытыхъ предшествующимъ трудомъ. Въ дальнѣйшихъ очеркахъ будутъ болѣе или менѣе подробно указаны тѣ особенности, которыми отличается сельскохозяйственное производство отъ обработывающей промышленности. Здѣсь же достаточно лишь отмѣтить, что при изученіи условій сельскаго хозяйства въ задачу такого изученія входитъ именно выясненіе тѣхъ особыхъ условій, которыми отличается приложеніе труда къ этой отрасли хозяйственной дѣятельности человѣка, при чемъ это выясненіе сопровождается изображеніемъ и самыхъ условій сельскаго хозяйства въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности; мы ограничимся при этомъ въ нашихъ очеркахъ по преимуществу ознакомленіемъ съ экономическими условіями русскаго сельскаго хозяйства. Но то изученіе дѣйствительности, которое входитъ въ задачу настоящаго труда, отличается отъ простого наблюденія и систематизированія. Послѣднее выполняетъ *статистика*. Здѣсь же, имѣя, съ одной стороны, матеріалъ уже собранный и систематизированный статистикой, съ другой — начала теоретической экономіи, мы сводимъ ихъ, такъ сказать, на очную ставку, повѣряемъ одно другимъ и, уясняя себѣ при помощи теоретическихъ началъ характеръ и значеніе явленій дѣйствительности, повѣряемъ послѣднею теоретическія начала и

отыскиваемъ ихъ для тѣхъ явленій, которыя еще не освѣщены теоріей.

Постоянно повторяющіяся въ Россіи голодовки показали, какъ мало мы знаемъ условія нашей дѣйствительности и какъ мало мы умѣемъ пользоваться наукой, чтобы быстро и правильно устранять порождаемыя такими годами бѣдствія, и это при тѣхъ условіяхъ снабженія хлѣбомъ всемірнаго рынка, которыя существуютъ въ настоящее время и о которыхъ придется говорить въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ. Во-вторыхъ, уже отмѣчено, какое значеніе должно имѣть наибольшее распространеніе знаній по экономіи сельскаго хозяйства для такой страны, какъ Россія, гдѣ болѣе $^2/_3$ ея населенія имѣютъ въ основѣ своего существованія земледѣліе и связанныя съ этимъ занятія. Этого, кажется, достаточно, чтобъ имѣть полное основаніе сказать, что изученіе условій русскаго сельскаго хозяйства и, по скольку для уясненія ихъ нужно, знакомство съ условіями сельскаго хозяйства и другихъ странъ имѣютъ значеніе не только для юриста, но и для каждаго общественнаго дѣятеля въ Россіи. Какъ можетъ обойтись безъ знанія ихъ *законодатель*, коль скоро предначертанія его имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ дѣйствительности и могутъ повліять на нее такъ, что самыя благодѣтельныя намѣренія обратятся во зло, если не приняты во вниманіе какія-либо особенности экономическихъ отношеній, если изданный законъ затруднитъ развитіе и, слѣдовательно, нарушитъ правильный ходъ его въ томъ, что по складу экономическихъ отношеній подлежитъ развитію, и, наоборотъ, затормозитъ вымираніе того, что въ измѣнившихся условіяхъ потеряло право на дальнѣйшее существованіе. Какъ можетъ обойтись безъ этихъ знаній *администраторъ*, которому надлежитъ приводить въ исполненіе законъ, соображаясь въ примѣненіи его съ условіями дѣйствительности? Какъ обойдется безъ нихъ *финансистъ*, которому надо опредѣлить и податныя силы, и условія собиранія налоговъ, и предметы ихъ обложенія, если онъ не знаетъ экономическихъ отношеній дѣйствительности? Правильно ли истолкуетъ договоръ *судья*, коль скоро ему не ясны тѣ экономическія отношенія и ихъ общественное

значеніе, изъ которыхъ возникъ договоръ? Ему остается тогда поступить лишь по правилу: summum jus — summa injuria (напримѣръ, аграрныя преступленія, преступленія противъ лѣсныхъ уставовъ и т. п.)! Возможно ли рѣшить правильно вопросъ о *всеобщемъ, профессіональномъ* и всякомъ иномъ обученіи для массы населенія, не зная склада ея экономическихъ отношеній? Нужно ли говорить о томъ, что *врачу* особенно *земскому*, приходится на каждомъ шагу считаться съ экономическимъ положеніемъ массъ, которое обусловливаетъ и самую организацію земской медицины и санитарныя мѣропріятія, и что, такимъ образомъ, знаніе прикладной экономіи необходимо для него, если онъ желаетъ, чтобъ его работа отвѣчала задачамъ его дѣятельности. Наконецъ русскіе *естествоиспытатели* только при знакомствѣ съ экономическими условіями нашего сельскаго хозяйства могутъ приходить на помощь послѣднему указаніями на то, что изъ успѣховъ знанія можетъ быть съ большею пользой утилизировано въ данныхъ условіяхъ.

Не напрасно ли, однако, сдѣлано все это перечисленіе? Выше я указалъ, что отъ знакомства съ нашею дѣйствительностью и отъ выясненія того, что изъ теоретическихъ началъ приложимо къ ней, отъ пониманія того, какія имѣются въ ней положительныя условія для дальнѣйшаго развитія, отъ всего этого зависитъ и правильное отношеніе къ ней, проведеніе именно тѣхъ началъ, которыя нужно проводить. Но развѣ экономическое развитіе совершается при помощи спеціально для того назначенныхъ лицъ? Развѣ оно не зависитъ отъ пониманія условій дѣйствительности самими дѣятелями этихъ отношеній? Развѣ направленіе его хода не слагается изъ суммы усилій самихъ дѣятелей этихъ отношеній? Развѣ оно совершается не всѣми классами общества, не всей массой населенія, и развѣ въ этомъ не заинтересованы всѣ? А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть кто-либо изъ членовъ общества избавленъ отъ необходимости понимать условія окружающей его экономической дѣйствительности? Можетъ ли кто-либо, помимо самого населенія, создать нужныя для него условія существованія? Слѣдовательно, ясно, насколько знаніе и пониманіе этихъ отно-

шеній необходимо для каждаго, какъ и вообще та степень просвѣщенія, въ зависимости отъ которой находится сознательное руководство ходомъ общественнаго развитія.

Примѣчаніе. Значительный матеріалъ для выясненія условій хозяйственнаго развитія Россіи, въ частности условій развитія русскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время можно найти въ слѣдующихъ трудахъ: 1) *Николай—онъ*: „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства". С.-Пб. 1893 г. 2) *В. В:* „Судьба капиталистической Россіи". С.-Пб. 1906 г. 3) *В. Ильинъ:* „Развитіе капитализма въ Россіи". С.-Пб. 1899 г. 4) *П. Масловъ:* „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи" С.-Пб. 1903 г. 5) Сборникъ статей *разныхъ авторовъ:* „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Т. I и II. С.-Пб. 1904 г. 6) Сборникъ статей въ *изд. кн. П. Д. Долгорукова и П. И. Петрункевича:* „Аграрный вопросъ". Т. I и II. М. 1906 и 1907 гг. 7) Сборникъ статей *подъ ред. А. А. Мануилова*: „Очерки по крестьянскому вопросу". Вып. I и II. М. 1905 г. 8) Изд. Деп. Землед. и Сельск. Пром.: „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи". С.-Пб. 1893 г. 9) *А. Ѳ. Фортунатовъ*: „Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи". М. 1893 г. Для другихъ странъ см. „Землевладѣніе и сельское хозяйство", статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". М. 1896 г. Проф. *А. Ѳ. Фортунатовъ:* „Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ". М. 1905 г.

II. Вліяніе природныхъ условій на постановку сельскаго хозяйства.

Въ предыдущемъ очеркѣ было указано, между прочимъ, что знаніе условій нашей дѣйствительности необходимо для того, чтобъ имѣть возможность выяснить тотъ ходъ развитія и измѣненій хозяйственныхъ отношеній, который совершается у насъ, и соотвѣтственно тому выработать правильный взглядъ на различныя экономическія явленія нашей жизни, безъ чего не можетъ быть надлежащаго воздѣйствія на нихъ правильной экономической политики. Но сказанное имѣетъ одинаковое отношеніе какъ къ сельскому хозяйству, такъ и промышленности вообще. А такъ какъ предметомъ моихъ очерковъ является изученіе условій сельскаго хозяйства, то необходимо предварительно отмѣтить особен-

ности послѣдняго, т.-е отличіе его отъ другихъ отраслей производства и экономическое значеніе этихъ особенностей. Это особенно важно еще и потому, что мы сосредоточимъ главное наше вниманіе на изученіи экономическихъ условій *русскаго* сельскаго хозяйства — на выясненіи того, что способствуетъ развитію крестьянскаго хозяйства въ Россіи. А такъ какъ земледѣліе составляетъ основное занятіе рѣзко преобладающей части населенія Россіи, то особенности сельскаго хозяйства накладываютъ въ ней свой отпечатокъ на весь ходъ ея экономическаго развитія, а въ частности на фабричную промышленность. Для уясненія послѣдняго укажу хотя бы на то, что нашей фабричной промышленности приходится считаться съ такимъ фактомъ, какъ уходъ значительнаго числа рабочихъ съ фабрики на лѣтнее время [1]), что почти совершенно не встрѣчается въ такихъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ Англія, Германія, Франція, хотя еще существуетъ въ Австро-Венгріи, многія мѣстности которой по нѣкоторымъ чертамъ своего экономическаго строя напоминаютъ наши условія. Эта особенность нашего положенія не есть, такимъ образомъ, какая-либо черта, свойственная исключительно особымъ усло-

---

[1]) По даннымъ Дементьева („Фабрика, что она даетъ и т. д.), если брать рабочихъ фабричныхъ — исключительно крестьянъ,— по различнымъ производствамъ уходятъ съ фабрики на лѣто среди рабочихъ 18 л. и старше — отъ $2,_7$% до $83,_1$% всѣхъ рабочихъ, при чемъ на срокъ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, т.-е. почти на всѣ полевыя работы, уходитъ $42,_5$% уходящихъ и $19,_6$%, т.-е. почти $^1/_3$ на срокъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, что составляетъ вмѣстѣ съ предыдущей группой $62,_1$%, т.-е. почти $^2/_3$ (стр. 24, 25 и 30). Необходимо, однако, замѣтить, что съ теченіемъ времени, конечно, число фабричныхъ рабочихъ, уходящихъ на лѣто въ деревню, уменьшается, такъ какъ отходъ на продолжительные заработки оказываетъ существенное вліяніе на прекращеніе земледѣльческаго хозяйства, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ произведенной г. *Вихляевымъ* работы „Московская губернія по мѣстному обслѣдованію" 1898—1900 гг.; т. IV. Вып. I. „Земледѣльческое хозяйство". М. 1907 г. См., напр., стр. 16 и др. Это же подтверждается и другими данными (см., напр., *А. В. Погожевъ*. „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи". С.-Пб. 1906 г. Стр. XXIII). Все же, однако, явленіе ухода на лѣто въ деревню продолжаетъ еще сохранять свое значеніе и теперь.

віямъ землевладѣнія или народнаго характера. Нѣтъ, она вытекаетъ прямо изъ особенностей сельскаго хозяйства вообще, стоящихъ въ связи въ данномъ случаѣ съ нѣкоторыми особенностями экономическаго строя и даже, какъ увидимъ впослѣдствіи, извѣстнаго момента въ экономическомъ развитіи.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что представляетъ собою сельское хозяйство? Когда мы говоримъ: горнозаводская промышленность или фабричное производство, то у насъ создается довольно отчетливое представленіе о томъ, какого рода это производство, какіе опредѣленные предметы являются продуктомъ его, какія опредѣленныя отношенія могутъ тамъ существовать и т. д. Не то по отношенію къ сельскому хозяйству. Мы даже затруднимся провести рѣзкую границу между нимъ и другими отраслями производства. Что, въ самомъ дѣлѣ, сывареніе составляетъ ли отрасль сельскаго хозяйства или обработывающей промышленности? Положимъ, мы отнесли бы его къ послѣдней. Но тогда возникаетъ вопросъ: а маслодѣліе? Послѣднее уже врядъ ли кто отнесъ бы къ обработывающей промышленности, а вѣдь между первымъ и вторымъ существенной разницы нѣтъ. Положимъ, въ этомъ случаѣ является и обратное — трудность опредѣлить границу для обработывающей промышленности, но этого не будетъ для крайнихъ ступеней ея, наприм., для бумагопрядильныхъ фабрикъ, въ которыхъ никто уже не найдетъ чего-либо общаго съ земледѣліемъ. Но возьмемъ крайнія ступени земледѣлія и получимъ не то: тамъ всегда найдемъ отчасти и *обработку* продукта. Когда говорятъ о земледѣліи, то обыкновенно имѣютъ въ виду такой родъ занятій, который имѣетъ назначеніемъ изготовленіе пищевыхъ продуктовъ (такое представленіе обыкновенно въ умѣ говорящаго), но каждый тотчасъ же согласится, что имѣется въ виду нѣчто болѣе широкое, а именно *добыча сырья при помощи обработки земли.* Это послѣднее условіе — при помощи именно обработки земли — отличаетъ добычу сырья въ земледѣліи отъ добычи его въ горнозаводской, напримѣръ, промышленности, гдѣ *обработки* земли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не происходитъ. Но зани-

мался ли когда-либо человѣкъ въ земледѣліи только добычей сырья, не подвергаетъ ли онъ послѣднее или часть его даже и теперь, въ странахъ съ самымъ сильнымъ раздѣленіемъ труда, извѣстной переработкѣ? И если это такъ теперь, то какъ было при переходѣ людей къ земледѣлію?

Земледѣліе или—болѣе широкое понятіе, если хотите—сельское хозяйство явилось для человѣчества въ свое время тѣмъ занятіемъ, которое первоначально прикрѣпило человѣка къ землѣ и имѣло то преимущество предъ скотоводствомъ, рыболовствомъ и охотой, что дало человѣку возможность полнѣе и равномѣрнѣе удовлетворять *всѣмъ* своимъ потребностямъ, а не въ одной только пищѣ, какъ полагаютъ обыкновенно. Тогда не было раздѣленія занятій между различными хозяйствами, и существовало оно лишь въ предѣлахъ семьи или рода, въ зависимости отъ пола и возраста. Но каждое хозяйство, было ли оно родовое или общинное или семейное, представляло собой одно цѣлое—свой особый міръ, въ которомъ не было мѣновыхъ отношеній. Добыча сырья, производившаяся въ благопріятное для того по климатическимъ условіямъ время года, смѣнялась въ остальную часть года обработкой его; ленъ обработывался на пряжу и шелъ на приготовленіе холста въ томъ же хозяйствѣ его же членами для своихъ собственныхъ потребностей. То же дѣлалось, наприм., съ овечьей шерстью. Ранняя весна, поздняя осень и зима обыкновенно и посвящались приготовленію одежды, обуви и многихъ другихъ предметовъ, доставляемыхъ теперь спеціализированной обработывающею промышленностью.

Такимъ образомъ когда говорятъ о переходѣ къ земледѣлію, то включаютъ въ это понятіе всѣ роды перечисленныхъ занятій. Но затѣмъ, когда говорятъ о земледѣліи въ *настоящее* время, о прелестяхъ и достоинствахъ занятія имъ, о важности сохраненія крестьянства, то совершенно забываютъ, что то идиллическое представленіе о немъ, которое создалось подъ вліяніемъ изображенія состоянія земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, нисколько не соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую оно представляетъ въ настоящее время. Силою разныхъ обстоятельствъ, а, главнымъ

образомъ, путемъ нарастанія населенія, увеличившейся плотности его, поставившей людей въ иныя взаимныя отношенія, земледѣліе, удовлетворявшее раньше всѣ нужды даннаго хозяйства, постепенно стало превращаться *исключительно* въ земледѣліе, которое доставляетъ сельскому хозяину уже одни сырые необработанные продукты. Изъ него мало-по-малу начали выдѣляться различныя отрасли труда въ особый видъ занятій, изъ которыхъ и создались ремесла, затѣмъ мануфактурная и, наконецъ, фабричная промышленность. Но если эти отрасли занятій были для земледѣльца такими, которымъ онъ удѣлялъ зимнее время, то только потому, что лѣтнее время по необходимости должно было удѣляться на обработку земли; по существу же самыхъ этихъ занятій они могли бы съ такимъ же, а подчасъ и большимъ удобствомъ производиться и въ лѣтнее время, отчего лицами, для которыхъ эти занятія явились исключительными, они и стали производиться круглый годъ. Пока обмѣнъ и раздѣленіе занятій не развились еще значительно, до тѣхъ поръ земледѣлецъ продолжалъ еще по зимамъ предаваться своимъ прежнимъ занятіямъ по обработкѣ сырыхъ матеріаловъ.

Затѣмъ, когда занятія спеціализировались еще болѣе, да и потребности самого земледѣльца приняли такой видъ, что многія изъ нихъ онъ уже не могъ удовлетворять продуктами собственнаго хозяйства, тогда онъ, помимо занятія земледѣліемъ, въ зимнее время тоже спеціализировался на изготовленіи опредѣленныхъ продуктовъ, которые служили ему для сбыта и пріобрѣтенія нужныхъ ему предметовъ потребленія, не производившихся въ его собственномъ хозяйствѣ. Такъ, еще въ девятнадцатомъ столѣтіи, при значительномъ развитіи фабричнаго бумажнаго ткачества, въ Англіи продолжало существовать ручное ткачество, которымъ занимались зимою сельскіе рабочіе, имѣвшіе свои земельные участки. Такую же роль играютъ наши кустарные промыслы у сельскаго населенія. Распространеніе ихъ ставятъ обыкновенно въ зависимость отъ недостатка продуктовъ земледѣлія для существованія ими въ теченіе всего года. И подтвержденіе этому какъ будто бы находится въ томъ, что кустарные промыслы распространены

именно въ средней и сѣверной Россіи, гдѣ, дѣйствительно, земледѣліе не приноситъ такихъ щедрыхъ даровъ, какъ на югѣ. Это объясненіе имѣетъ, конечно, свое значеніе. Но нельзя упускать изъ виду и того, что въ сѣверной и средней Россіи лѣто и вообще время, которое можно удѣлить полевымъ работамъ, значительно короче, чѣмъ на югѣ. Вотъ метеорологическія данныя нѣкоторыхъ станцій, опредѣляющія число дней въ году съ средней температурой выше 0^0, т.-е. приблизительное число дней, когда возможны полевыя работы (1), и число дней съ средней температурой выше 6^0, когда возможенъ ростъ злаковъ (2), какъ, напримѣръ, ржи и ячменя.

	(1)	(2)
Архангельскъ	185	125
Вологда	200	150
Вятка	200	150
С.-Петербургъ	215	155
Уфа	205	160
Москва	220	165
Симбирскъ	210	165
Оренбургъ	210	170
Могилевская губернія	225	170
Митава	245	180
Воронежъ	225	180
Саратовъ	220	180

	(1)	(2
Варшава	255	195
Кіевъ	240	200
Екатеринославская губ.	245	210
Астрахань	260	210
Ставрополь	280	210
Каменецъ-Подольскъ	265	215
Кишиневъ	285	225
Одесса	285	225
Баку	365	285
Ялта	365	285
Поти	365	330

Здѣсь мѣстности расположены по увеличивающемуся числу дней, когда возможенъ ростъ злаковъ. И мы видимъ, что это число дней, которое въ дѣйствительности нѣсколько меньше, повышается по направленію къ югу и западу и падаетъ по направленію, главнымъ образомъ, къ сѣверу, и въ то же время занятіе кустарными промыслами распространено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной и центральной части Россіи. По направленію же къ югу, гдѣ число дней, доступныхъ для занятія земледѣліемъ, составляетъ полгода и болѣе, распредѣлены тѣ губерніи, которыя считаются земледѣльческими, и гдѣ населеніе

еще до настоящаго времени подвергаетъ переработкѣ въ собственномъ хозяйствѣ значительную часть продуктовъ земледѣлія, гдѣ вообще еще продолжаетъ существовать выдѣлка суконъ, домашней пряжи и тканья для собственнаго потребленія даже изъ покупного сырья. Это и даетъ основаніе предполагать, что переходъ къ издѣлію предметовъ изъ матеріаловъ, не всегда добываемыхъ при помощи собственнаго земледѣлія, вызванъ былъ именно невозможностью приложить весь свой трудъ къ землѣ и обработкѣ продуктовъ собственнаго земледѣлія тамъ, гдѣ періодъ земледѣльческихъ работъ въ теченіе года слишкомъ кратокъ. Тамъ же, гдѣ онъ длиннѣе, гдѣ, стало-быть, на обработку земли можно было потратить болѣе времени и добыть изъ нея болѣе разнообразные продукты, зимнее время могло быть занято обработкой этихъ продуктовъ, и, такимъ образомъ, потребности земледѣльца могли удовлетворяться соединеніемъ земледѣлія и промысловъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ для своихъ собственныхъ нуждъ, что и даетъ работу въ теченіе всего года. Исключительное же занятіе земледѣліемъ въ такой, наприм., центральной мѣстности, какъ Московская губ., можетъ совершаться въ году въ теченіе менѣе полугодичнаго времени, если не считать ухода за скотомъ, на который требуется уже значительно меньше рабочихъ силъ. Но при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ прилагается трудъ въ настоящее время, человѣкъ не въ состояніи полугодичною работой окупить все свое годичное содержаніе, если только на него не работаютъ другіе; тѣмъ болѣе это немыслимо для наемнаго рабочаго, относительно котораго мы знаемъ, что вознагражденіе его бываетъ не свыше того, что необходимо для удовлетворенія минимальныхъ въ данномъ обществѣ потребностей. Слѣдовательно, исключительное выдѣленіе земледѣлія въ особую отрасль занятія является само по себѣ ненормальнымъ, неосуществимымъ уже въ силу климатическихъ условій, т.-е. такихъ силъ природы, относительно которыхъ до настоящаго времени ничто не даетъ основанія предполагать, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ воспользоваться ими въ такой формѣ, чтобы вести земледѣльческое занятіе круглый годъ. По отноше-

нію же къ другимъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности человѣка климатъ такой роли не играетъ.

„Разница между временемъ производства и рабочимъ временемъ проявляется съ особенною очевидностью въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ нашемъ умѣренномъ климатѣ земля приноситъ хлѣбъ разъ въ годъ. Сокращеніе и удлиненіе *періода производства* (для озими, въ среднемъ, 9 мѣсяцевъ) находится, съ своей стороны, въ зависимости *отъ хорошей или дурной погоды даннаго года*, поэтому онъ *не подчиняется контролю* и заранѣе опредѣленъ быть не можетъ, *какъ въ остальныхъ отрасляхъ промышленности*... Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ, *чѣмъ неблагопріятнѣе климатъ, тѣмъ болѣе*, съ удлиненіемъ періода производства, *сокращается рабочій періодъ*, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ въ меньшій промежутокъ времени приходится затрачивать болѣе труда и капитала. Возьмемъ Россію. Тамъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ полевыя работы возможны только въ продолженіе 130—150 дней въ году. *Понятно, какой убытокъ должна терпѣть Россія,* когда 50 мил. изъ 65 всего ея европейскаго населенія остаются безъ занятія въ продолженіе 6—8 зимнихъ мѣсяцевъ, когда всѣ полевыя работы должны быть прекращены. Кромѣ крестьянъ, которые работаютъ на фабрикахъ, вездѣ по деревнямъ развился домашній и кустарный промыселъ. Отсюда видно, что несовпаденіе періода производства и рабочаго періода—при чемъ послѣдній образуетъ только часть перваго—представляетъ *естественное основаніе для соединенія земледѣльческаго съ другими сельскими побочными промыслами* („Капиталъ“ т. II, с. 172—3).

Такъ писалъ К. Марксъ на основаніи явленій, наблюдавшихся въ Россіи въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія. Нашъ русскій ученый Н. Г. Чернышевскій въ то же время и даже нѣсколько раньше (въ 1860—61 г.) въ примѣчаніи къ переводу политической экономіи Д. С. Милля отмѣчаетъ значеніе для производительности страны домашней промышленности (полное собраніе сочиненій *Н. Г. Чернышевскаго* Т. VII. СПБ. 1905 г., стр. 98, подстрочное примѣчаніе). Что же касается связи существованія кустарной

промышленности съ климатическими условіями, то по этому поводу въ настоящее время такъ высказывается, напр., проф. *С. Н. Булгаковъ*: „Живучесть кустарной промышленности *поддерживается* и *впредь будетъ поддерживаться* указаннымъ уже климатическимъ фактомъ—*продолжительностью зимняго времени* съ его вынужденной праздностью... Картина будущаго строя народнаго хозяйства въ Россіи должна поэтому неизбѣжно включить въ себя соединеніе промысловъ съ земледѣліемъ, по крайней мѣрѣ, для части Россіи, а, слѣдовательно, и кустарную промышленность, которая и не думаетъ пока вымирать, хотя ей это давно уже предписано теоріей. И какъ мы не сомнѣваемся въ возрожденіи русскаго *крестьянскаго земледѣлія*, съ которымъ непосредственно связаны судьбы кустарной промышленности, настолько же основательны надежды и на возрожденіе и успѣхи кустарной промышленности“ (проф. Булгаковъ. „Краткій очеркъ политической экономіи. М. 1907. Вып. I, стр. 79—80). Мы привели эту выдержку изъ труда г. Булгакова не потому только, что ею подтверждается высказанное нами выше, но и для того, чтобы въ связи съ ней отмѣтить и еще одно условіе существованія домашней промышленности, оправдывающее надежды г. Булгакова на ея развитіе въ будущемъ. Онъ основываетъ эти надежды, между прочимъ, на томъ, что перемѣна нашего политическаго строя отмѣнитъ разобщеніе интеллигенціи съ деревней, что и вызоветъ усиленное и болѣе разумное вниманіе къ кустарной промышленности (с. 81). Я же хочу отмѣтить, что помимо этого, къ тому же поведетъ и рѣшеніе земельнаго вопроса. Если малоземелье вызываетъ необходимость заработка еще и отъ промысла, то оно же, не давая достаточнаго количества сырья для обработки, мѣшаетъ сохраненію и созданію домашней промышленности. Кому приходилось наблюдать болѣе зажиточное крестьянство въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ, въ Финляндіи и въ Швеціи, тотъ долженъ былъ обратить вниманіе на распространеніе тамъ домашней промышленности, т.-е. на сохраненіе въ предметахъ одѣянія, напр., домашнихъ издѣлій: сукна, холста и т. п. Чѣмъ же это можно объяснить? Только тѣмъ, что тамошній крестьянинъ, имѣя достаточно

отъ земли продуктовъ пищевыхъ и разнаго рода сырья, не имѣетъ *необходимости* искать заработка на сторонѣ и въ то же время имѣетъ *возможность*, не ища этого заработка на сторонѣ, въ зимнее, свободное отъ земледѣлія время заняться изготовленіемъ издѣлій для собственнаго потребленія. Слѣдовательно, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, пока еще не уничтожилась привычка къ домашнимъ издѣліямъ, должно повести къ возрожденію и развитію домашней промышленности.

Итакъ, изъ сказаннаго до сихъ поръ можно видѣть, какъ отражаются климатическія условія на приложеніи труда въ земледѣліи.

Но вѣдь это значеніе климата вліяетъ на возможность приложенія не только *труда*, но и *капитала*. Въ современномъ строѣ, потому именно и называемомъ капиталистическимъ, что въ немъ созданіе человѣка—капиталъ—управляетъ трудомъ, а не наоборотъ, климатъ является не только сильнѣе труда, но и капитала. Въ томъ первобытномъ земледѣліи, которое не было имъ исключительно, орудія земледѣльческаго производства были такъ несложны и просты, что человѣкъ нисколько не затруднялся оставить ихъ на зиму безъ приложенія къ дѣлу; не затруднялся, главнымъ образомъ, и потому, что созданія его же собственной изобрѣтательности не подавляли его; онъ управлялъ орудіями труда, а не они имъ; они были ему нужны каждое для удовлетворенія опредѣленной потребности и по удовлетвореніи ея оставались въ покоѣ впредь до надобности въ нихъ, нисколько не смущая тѣмъ человѣка. Тогда для человѣка ясно было представленіе, что орудія его труда служатъ только для удовлетворенія его же потребностей при производствѣ, и другого назначенія не имѣютъ. Не сокрушается и теперь кустарь, что орудія его несложнаго производства остаются лѣтомъ безъ дѣла. Не смущается владѣлецъ экипажа, предназначеннаго для собственнаго пользованія, если экипажъ его нѣкоторое время остается безъ употребленія и т. д. Словомъ, вездѣ такъ стоитъ дѣло—и это кажется совершенно естественнымъ,—гдѣ рѣчь не идетъ о капиталѣ въ его специфическомъ значеніи, т.-е. какъ средствѣ

извлеченія прибыли. Какъ только орудія труда получили это послѣднее значеніе, всякій моментъ ихъ покоя, моментъ, когда они не исполняютъ своего провиденціальнаго назначенія—извлекать прибыль—является прямымъ убыткомъ.

И вотъ въ то время, какъ въ обработывающей промышленности капиталъ—и постоянный и перемѣнный—не только можетъ прилагаться къ дѣлу въ теченіе всего года, но и цѣлыхъ сутокъ, въ земледѣліи онъ долженъ оставаться въ покоѣ не только ночью вообще, но и значительную часть года, захватывающую собой даже до $^2/_3$ всего годичнаго періода.

„Въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ рабочее время образуетъ только часть времени производства (т.-е. въ сельскомъ хозяйствѣ), затраты оборотнаго капитала производятся въ теченіе года крайне неравномѣрно, между тѣмъ какъ выручка ихъ происходитъ въ срокъ, разъ навсегда опредѣленный естественными условіями. Поэтому, при тѣхъ же размѣрахъ предпріятія, т.-е. при той же величинѣ затраченнаго оборотнаго капитала, онъ долженъ быть вложенъ одновременно *въ большемъ количествѣ и на болѣе продолжительный срокъ,* чѣмъ въ предпріятіяхъ съ безостановочными рабочими періодами. Въ этомъ случаѣ продолжительность затраты основного капитала также значительно разнится отъ того времени, въ продолженіе котораго онъ играетъ роль *дѣйствительно производительную.* Конечно, при разницѣ между рабочимъ временемъ и временемъ производства *прерывается* постоянно—на болѣе или менѣе продолжительный срокъ—*время потребленія затраченнаго основного капитала,* наприм., въ земледѣліи рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ. Насколько дѣло идетъ объ основномъ капиталѣ, состоящемъ въ рабочемъ скотѣ, то онъ постоянно *требуетъ тѣхъ же или* почти тѣхъ же *расходовъ* на кормъ и проч., *какъ и въ то время, когда онъ работаетъ.* Что же касается до мертваго инвентаря, то *неупотребленіе ведетъ* также *къ* извѣстному *обезцѣненію его.* Слѣдовательно, вообще происходитъ *вздорожаніе продукта* вслѣдствіе того, что передача цѣнности продукту исчисляется не по тому времени, пока основной капиталъ дѣйствуетъ, но по тому, въ

продолженіе котораго онъ теряетъ свою цѣнность“ (К. Марксъ „Капиталъ“ т. II, стр. 173—174).

Такимъ образомъ если для *рабочаго* земледѣліе не можетъ быть исключительнымъ средствомъ существованія (за немногими исключеніями), то и для *капиталиста* оно не можетъ быть исключительнымъ средствомъ извлеченія прибыли. Но этимъ не ограничивается то значеніе климата, которое создаетъ рѣзкія особенности для земледѣлія въ отличіе отъ другихъ отраслей труда. Послѣднія не только могутъ вестись въ теченіе всего года, но притомъ занятіе ими можетъ распредѣляться въ теченіе всего года равномѣрно, соотвѣтственно чему и требуется въ продолженіе всего года одинаковое количество труда и средствъ для его приложенія, а это создаетъ правильныя точныя основанія для всякихъ расчетовъ по производству, если только они не будутъ нарушены условіями сбыта. Въ земледѣліи же, какъ извѣстно, по характеру полевыхъ работъ рабочія силы не могутъ распредѣляться равномѣрно въ теченіе всего сезона ихъ. По вычисленіямъ одного нѣмецкаго писателя потребность въ рабочихъ рукахъ въ пяти различныхъ мѣстностяхъ Германіи, т.-е. при различныхъ экономическихъ и климатическихъ условіяхъ измѣняется по четыремъ четвертямъ года такъ, что если для всѣхъ хозяйствъ потребное число рабочихъ составляетъ въ одну четверть года 10, то для второй оно колеблется по всѣмъ пяти хозяйствамъ отъ 13 до 18, для третьей отъ 15 до 32 человѣкъ и для четвертой отъ 11 до 25 человѣкъ, (цитирую по Булгакову, „Капитализмъ и земледѣліе“). Какъ видимъ, колебанія очень сильныя, такъ что требованіе на рабочія силы въ одну часть года слишкомъ втрое больше, чѣмъ въ другую. При этомъ тотъ же писатель (Dr. G. Meyer) отмѣчаетъ, что при улучшенномъ земледѣліи, т.-е. при болѣе интенсивномъ хозяйствѣ, эта неравномѣрность въ рабочихъ силахъ въ разное время еще сильнѣе, такъ какъ тогда въ лѣтнее время происходитъ сравнительно съ зимою болѣе усиленное приложеніе труда, чѣмъ это бываетъ при хозяйствѣ малоинтенсивномъ. Время жатвы, уборки требуетъ всегда много большаго количества силъ, чѣмъ обработка полей; оставляя на

зиму необходимое число рабочихъ, нужно имѣть въ виду, что весной ихъ потребуется больше, а въ страду еще больше.

Но такъ какъ это все такія обстоятельства и условія, которыя извѣстны напередъ, то допустимъ, что они могутъ быть приняты въ расчетъ и что жизнь путемъ разныхъ вліяній установитъ такое соотношеніе экономическихъ силъ, что онѣ распредѣлятся по времени сообразно требованіямъ земледѣлія, какъ это и существуетъ, напримѣръ, у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, къ которому возвращаются на время страды плотники, наприм., извозчики и даже фабричные рабочіе. Кромѣ того, такъ какъ рабочій земледѣльческій годъ не одинаковъ въ разныхъ мѣстахъ, то отработавшіе свою страду въ одномъ мѣстѣ переходятъ въ другое; такъ, извѣстно у насъ ежегодное движеніе рабочихъ на югъ ко времени косовицы и жатвы. Но и при полной правильности такого движенія, если бъ она существовала, очевидно, что положеніе предпринимателя-земледѣльца иное, чѣмъ фабриканта-предпринимателя. Первый долженъ имѣть въ разное время года неодинаковое количество капитала для оплаты труда рабочихъ, слѣдовательно, долженъ имѣть его опредѣленное время въ запасѣ, а въ то же время земледѣлецъ не можетъ выручать его въ продуктахъ своего производства постепенно, по мѣрѣ изготовленія, какъ это можетъ дѣлать фабрикантъ, который можетъ даже ежедневно отправлять на рынокъ товаръ, ибо тотъ находится *одновременно* во всѣхъ ступеняхъ своего производства и, слѣдовательно, ежедневно появляется въ готовомъ видѣ. Земледѣлецъ можетъ сбыть продуктъ только разъ въ году, изготовляя его въ теченіе всего рабочаго періода. Здѣсь время оборота отмѣрено самой природой и не можетъ быть измѣнено: нельзя ускорить производство продукта и выпустить его на рынокъ ранѣе и, слѣдовательно, ранѣе вернуть произведенныя затраты. Здѣсь не можетъ быть того, что на фабрикѣ. Тамъ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ, напр., одна часть хлопка очищается, сортируется, другая, передъ тѣмъ только что отсортированная, находится уже въ пряжѣ, третья переходитъ уже на ткацкій станокъ, четвертая складывается въ куски, пятая везется на рынокъ, шестая сбывается

покупателю, а тѣмъ временемъ пятая поступила на ея мѣсто и т. д. Здѣсь же нельзя въ одномъ мѣстѣ пахать, въ другомъ въ то же время сѣять рожь, въ третьемъ въ то же время жать ее и т. д. Если, такимъ образомъ, въ обработывающей промышленности человѣкъ сумѣлъ раздѣлить такъ трудъ, разложить производство на такія отдѣльныя части его, что для него является возможнымъ, благодаря сотрудничеству, производить одновременно всѣ работы по изготовленію извѣстнаго продукта, то въ земледѣліи климатъ и условія произрастанія злаковъ, т.-е. качества и свойства самого продукта, не позволяютъ этого, и это составляетъ еще особенность, отличающую земледѣліе отъ обработывающей промышленности.

Но если всѣ условія распредѣленія въ земледѣліи работъ по времени года приняты во вниманіе, то и тогда немыслимы болѣе или менѣе опредѣленные расчеты для хозяина, такъ какъ въ указанномъ выше распредѣленіи работъ въ теченіе рабочаго времени могутъ происходить и обыкновенно происходятъ по климатическимъ же условіямъ такія нарушенія, для которыхъ совсѣмъ нѣтъ мѣста въ обработывающей промышленности. Время жатвы, наприм., означаетъ извѣстный моментъ, когда хлѣбъ созрѣлъ и его надо снимать съ поля, и при этомъ одновременно, такъ какъ онъ весь поспѣваетъ къ опредѣленному моменту. Но этотъ моментъ при каждой данной величинѣ хозяйства можетъ быть и день и недѣля и болѣе, смотря по тому, благопріятствуетъ погода жатвѣ или нѣтъ, благопріятствуетъ она послѣдующей уборкѣ жатвы съ поля или нѣтъ. А тѣмъ временемъ рабочіе или уйдутъ, и затѣмъ настанетъ моментъ, когда ихъ добыть нельзя, что неблагопріятно для хозяина и не только нарушаетъ всѣ расчеты, но подвергаетъ риску весь результатъ годового труда и затратъ,—или же, если рабочіе не уйдутъ, то должны проживать безъ дѣла, что уже неблагопріятно для нихъ. Правда здѣсь вносятъ свои измѣненія жатвенныя машины, но, какъ увидимъ ниже, это не уничтожаетъ справедливости всего сказаннаго.

Насколько вліяніе основныхъ климатическихъ условій на распредѣленіе сельскохозяйственныхъ занятій неблагопріятно

отражается на положеніи рабочихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ процессъ отдѣленія земледѣлія отъ другихъ отраслей производства достаточно подвинулся впередъ, рельефно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. По германской переписи безработныхъ, произведенной 14 іюня (т.-е. лѣтомъ) 1895 г., общее число безработныхъ составляло 299.352 ч.; по всеобщей же переписи, произведенной 2 декабря (т.-е. зимой, когда нѣтъ сельскохозяйственныхъ работъ) того же года, число безработныхъ возросло болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза—ихъ было насчитано 771.005 человѣкъ. Если исключить изъ того и другого числа—не имѣвшихъ работы по болѣзни, то получимъ для лѣта 179.004 ч. безработныхъ, а для зимы—553.640 ч., т.-е. отношеніе остается почти то же. При распредѣленіи безработныхъ по профессіямъ оказывается, что изъ занимающихся въ сельскомъ хозяйствѣ лѣтомъ было 19.204 безработныхъ, а зимою 162.472, т.-е. на 100 незанятыхъ въ іюнѣ было 846 безработныхъ въ декабрѣ. Подобныя же данныя находимъ въ другихъ странахъ, не исключая и С. Амер. Соедин. Штатовъ, при чемъ согласно австрійскимъ даннымъ наиболѣе продолжительная безработица (отъ 29 до 90 дней) постигаетъ 65% безработныхъ изъ числа занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. (Die Versicherung gegen die Folgen der Arbeitslosigkéit im Ausland und im Deutschen Reich. Bearbeitet im Kaiserlichen statistischen Amt. Abteilung für Arbeiterstatistik. Berlin. 1906, стр. 364, 366, 293, 352 и др.).

Въ силу того же основного значенія климата, урожай продуктовъ сельскаго хозяйства колеблется чрезвычайно значительно изъ года въ годъ, хотя съ теченіемъ времени путемъ улучшенной культуры колебанія эти и принимаютъ не столь рѣзкія уклоненія. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ существовать даже въ странѣ столь раціональной культуры, какъ Англія. Урожаи и тамъ случаются два-три года подъ рядъ плохіе и притомъ настолько, что это обстоятельство, наприм., давало основаніе въ концѣ 70-хъ годовъ объяснять сельскохозяйственный кризисъ въ Англіи плохими урожаями, бывшими тамъ въ періодъ 70-хъ годовъ. Но и для послѣднихъ пятилѣтій мы имѣемъ въ ней въ

1886—90 г. 20,5 квинт. на гекторъ, въ 1891—95 г.—19,6 кв., въ 1896—1900 г.—22,1 кв. Такъ колеблются тамъ урожаи пшеницы. По годамъ же колебанія еще значительнѣе. 1895 г., напр., 18,3 кв., 1896 г.—23,4 кв., 1897 г.—20,2 кв., 1898 г.—24,2 кв., 1900 г.—19,9 кв., 1904 г.—18,7 кв. Подобныя же колебанія и для другихъ странъ. (Sundbärg: Apezcus etc. стр. 158, табл. 127, 128 и слѣд.).

Что же касается Россіи, то о размѣрахъ колебанія урожаевъ въ ней за 50 лѣтъ, кончая 89-мъ годомъ, можно судить по діаграммѣ урожаевъ ржи, составленной проф. А. Ф. Фортунатовымъ и помѣщенной въ изд. Деп. Сельск. Хоз. „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“.

Изъ нея видно, что нѣтъ двухъ лѣтъ подъ рядъ, когда бы сборъ ржи былъ сколько-нибудь одинаковъ. По отдѣльнымъ же годамъ онъ колеблется отъ 2,6 четв. до 9,2 четв. съ десятины, т.-е. послѣдняя величина слишкомъ въ $3^1/_2$ раза превышаетъ первую. Для позднѣйшихъ лѣтъ колебанія почти такъ же велики и во всякомъ случаѣ очень значительны (3,6 до 7,8 для 1891—1904 г.). Но что значитъ такое колебаніе урожаевъ?

Вѣдь урожай—это, такъ сказать, выходъ продуктовъ, результатъ производства. Представьте же себѣ веденіе какого-либо промышленнаго предпріятія при такихъ условіяхъ, что при одномъ и томъ же размѣрѣ помѣщеній, при однѣхъ и тѣхъ же машинахъ, при одной и той же затратѣ сырого матеріала, при одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ,—словомъ, при одинаковости всѣхъ затратъ на производство, въ одномъ случаѣ получалось бы на каждый, скажемъ, ткацкій станокъ 260 арш. ткани, въ другомъ 920. Мыслимы ли были бы при этомъ какіе-либо правильные расчеты, какіе-либо регулярныя затраты для расширенія предпріятія, коль скоро неизвѣстно, дадутъ ли они повышенное количество продукта или меньшее сравнительно съ прежнимъ, производившимся при меньшихъ затратахъ? А между тѣмъ въ земледѣліи дѣло стоитъ именно такъ. При однѣхъ и тѣхъ же затратахъ въ одномъ году десять десятинъ даютъ 26 четв. ржи, а въ другомъ—92 четв., въ одномъ году 130 руб.,

а въ другомъ—460 р., при условіи, конечно, что цѣна четверти останется та же, а между тѣмъ бываетъ и такое совпаденіе, что при меньшемъ урожаѣ цѣна бываетъ ниже, тогда какъ такой урожай можетъ получиться при наибольшихъ затратахъ, такъ какъ то же условіе — неблагопріятная погода, ухудшая урожай, требуетъ нерѣдко большаго числа дней на уборку его. Замѣчу при этомъ, что тѣ колебанія, которыя приведены здѣсь, представляются средними для массы хозяйствъ, тогда какъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ они являются еще болѣе рѣзкими, т.-е. результаты сбора еще болѣе уклоняются одинъ отъ другого и, слѣдовательно, правильные расчеты еще менѣе возможны.

При такихъ условіяхъ само собой является то соображеніе, что расчеты не могутъ быть основаны на урожаѣ одного года, и въ сельскомъ хозяйствѣ обыкновенно въ основаніе ихъ кладется средняя урожайность за 10 лѣтъ. Но изъ статистики извѣстно, что при выводѣ средней обыкновенно отбрасываются рѣзкія отклоненія отъ нея. Между тѣмъ та же діаграмма показываетъ, что нѣтъ ни одного десятилѣтія, которое бы не отмѣчалось такими рѣзкими уклоненіями [1]). А въ такомъ случаѣ насколько далека отъ дѣйствительности должна быть средняя положенная въ основаніе расчета? При этомъ самъ собою является вопросъ: какимъ же образомъ возможно при этихъ условіяхъ существованіе земледѣлія вообще? Тѣ колебанія урожаевъ, на которыхъ мы теперь останавливаемъ вниманіе, существуютъ одинаково, какъ въ отношеніи къ земледѣльческому предпріятію на капиталистической основѣ, такъ и ко всякой иной формѣ его; можно даже сказать, что при капиталистической основѣ предпо-

---

[1]) Въ десятилѣтіе 1840—49 г. крайніе урожаи: $2,_6$ ч. и $8,_8$ ч.; 1850—59 г.—$4,_8$ ч. и $8,_2$ ч.; 1860 — 69 г. — $5,_3$ ч. и $9,_1$ ч.; 1870 — 79 г. — $6,_4$ ч. и $9,_2$ ч.; 1880—89 г.—$6,_4$ ч. и $9,_1$ ч. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что, начиная съ 61 г. (отмѣна крѣпостного права), урожаи (исключая 1891 г.) не падаютъ такъ низко, какъ до тѣхъ поръ, и по этой причинѣ колебанія ихъ не столь значительны; въ среднемъ съ того времени урожаи выше, чѣмъ до тѣхъ поръ.

лагается болѣе раціональная постановка земледѣлія, и тогда колебанія должны быть рѣже и не столь значительны, слѣдовательно, и условія для веденія земледѣлія болѣе благопріятны. Такъ, повидимому, стоитъ дѣло.

Въ дѣйствительности, однако, такое разсужденіе будетъ неправильно. Возьмемъ случай, когда *земледѣліе не отдѣлилось отъ другихъ занятій* и служитъ лишь первою ступенью ихъ, т.-е. составляетъ трудъ, прилагаемый къ добыванію матеріала для дальнѣйшей переработки, что и дало физіократамъ основаніе говорить, что оно даетъ produit net, т.-е. чистый доходъ. При этомъ, однако, введемъ другое еще условіе, котораго мы до сихъ поръ не брали въ расчетъ, но которое въ дѣйствительности всегда существуетъ. Если въ обработывающей промышленности приложимо то раздѣленіе труда, которое позволяетъ вести производство *одного продукта одновременно во всѣхъ стадіяхъ его приготовленія,* то въ земледѣліи какъ бы соотвѣтствуетъ ему та организація, при которой въ немъ, въ силу самыхъ условій его, въ томъ числѣ климатическихъ, а главнымъ образомъ почвенныхъ, существуетъ извѣстный плодосмѣнъ, т.-е. *одновременное изготовленіе въ одномъ и томъ же хозяйствѣ различныхъ продуктовъ.* Если мы возьмемъ довольно примитивную систему такого земледѣлія—трехпольную, то найдемъ въ ней: 1) *рожь,* 2) *яровое поле*, въ которомъ можетъ быть рядомъ и овесъ, и ячмень, и картофель, и горохъ, и греча, даже яровая пшеница и т. д., и, наконецъ, помимо 3) *пара*, на которомъ нѣтъ ничего, еще сборъ сѣна съ луговъ на кормъ какъ рабочему, такъ и продуктивному скоту, который также составляетъ продуктъ сельскаго хозяйства. Раньше не было надобности вводить это условіе, такъ какъ оно ничего не измѣняло въ тѣхъ выводахъ относительно экономическаго значенія особенностей сельскаго хозяйства, на которыя мы указывали. Теперь же введеніе его необходимо не только для уясненія явленія, но и потому, что оно измѣняетъ нѣсколько приведенное выше заключеніе относительно колебанія выхода продукта. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же явленія погоды никогда не отражаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко

отражаются на всѣхъ произрастаніяхъ одинаково, и плохой урожай ржи можетъ соединиться съ хорошимъ урожаемъ овса или травъ или какихъ-либо другихъ растеній. Соотвѣтственно же организаціи земледѣльческаго производства расчетъ хозяина и строится не на урожаѣ какого-либо одного продукта, а всѣхъ высѣваемыхъ, при чемъ уже такого рѣзкаго колебанія не получается, хотя оно и не устраняется совершенно ни для одного года. При этомъ, конечно, существуетъ то неблагопріятное условіе, что нельзя ограничиться посѣвомъ одного растенія, наиболѣе выгоднаго по рыночнымъ условіямъ. Кромѣ того, не одно и то же основывать ли расчетъ на выходѣ одного продукта или нѣсколькихъ разнаго достоинства и цѣнностей, при чемъ выходъ каждаго изъ нихъ не вѣренъ, и размѣръ его не можетъ быть предопредѣленъ заранѣе. Первое, конечно, гораздо проще и вѣрнѣе.

Такимъ образомъ при натуральной формѣ хозяйства земледѣлецъ имѣлъ въ результатѣ своего годового труда нѣсколько продуктовъ, такъ что для зимняго занятія у него всегда что-либо да получалось. Въ случаѣ избытка какого-либо продукта онъ оставался съ запасомъ на слѣдующій годъ на случай неурожая. Бывало, конечно, и такъ, что неурожай повторялся два и три года подъ рядъ, и запасы истощались, являлся голодъ. На такіе-то случаи общественная власть и организовала мѣры для устройства общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыя практикуются у насъ и до настоящаго времени. Кромѣ того, при свободномъ пользованіи землею, при избыткѣ ея, и на основаніи опыта, засвидѣтельствовавшаго, что при посѣвѣ, разсчитанномъ, наприм., на 20 четв. сбора, можетъ получиться только 10 и менѣе, земледѣлецъ могъ высѣвать столько, чтобы разсчитывать на большій сборъ—уже не 20, а 30 и 40 четвертей, такъ какъ этимъ путемъ онъ получалъ не менѣе 20 четвертей или около того, въ случаѣ плохого сбора; при хорошемъ же сборѣ избытокъ не тяготилъ его и оставался запасомъ на случай неурожая. Устроить дѣло такъ или иначе зависѣло лишь отъ обилія свободныхъ земель и количества рабочихъ силъ семьи.

Всѣ расчеты ограничивались этимъ. Затѣмъ, такъ какъ высота урожая зависитъ не только отъ климата, но и отъ качества почвы и обработки ея, то въ связи съ измѣняющимися обстоятельствами мѣнялись и пріемы обработки земли, что и породило различныя системы земледѣлія и извѣстную послѣдовательность въ замѣнѣ одной системы другою, при чемъ каждая можетъ быть примѣнена только при наличности извѣстныхъ условій. Здѣсь, такимъ образомъ, излишекъ продукта не причинялъ и не могъ причинить никакого убытка.

Иныя послѣдствія и иное положеніе создаетъ колебаніе урожаевъ при хозяйствѣ *исключительно земледѣльческомъ и разсчитанномъ только на сбытъ*. Тутъ уже играетъ существенную роль не столько *количество* продукта, сколько *цѣна*, по которой онъ будетъ проданъ, такъ какъ именно отношеніе ея ко всей суммѣ затратъ на производство и опредѣляетъ, будетъ ли получена прибыль и какъ она будетъ высока. Согласно теоріи трудовой цѣнности, цѣнность продукта опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, потребнымъ на производство его при данномъ уровнѣ техническихъ условій производства. На рынкѣ мѣновая цѣнность продукта выражается въ цѣнѣ, представляющей собою тѣ или иныя уклоненія отъ цѣнности. Если, какъ выяснено выше, въ другихъ отрасляхъ производства можно разсчитывать на опредѣленный выходъ продукта при приложеніи опредѣленнаго количества труда, то тамъ можно, зная установившуюся на рынкѣ цѣну продукта, напередъ предопредѣлить, покроетъ ли эта цѣна необходимыя издержки производства и прибыль, т.-е. оправдаются ли расчеты предпринимателя. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, при колебаніи урожаевъ, даже при расчетѣ на опредѣленную цѣну (что, какъ увидимъ, здѣсь гораздо труднѣе), нельзя предопредѣлить, покроетъ ли урожай расходы или нѣтъ, и нельзя именно потому, что результатъ даннаго труда и издержекъ можетъ быть очень различенъ: выше ихъ и ниже ихъ при установленной заранѣе рыночной цѣнѣ продукта. Если я при затратѣ, скажемъ, 30 часовъ труда получилъ 30 четв., и цѣнность часа труда опредѣляется рублемъ, то я могу продать четверть по 1 р. и не

быть въ убыткѣ; если у меня вышло 45 четвертей, то я уже могу продавать четверть по 75 к.; если же я собралъ лишь 15 четвертей, то долженъ уже продавать ее по 2 р. Но цѣнность опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, и, слѣдовательно, я долженъ продавать по той цѣнѣ, которая установилась на рынкѣ, приводящемъ, такъ сказать, къ среднему уровню представленіе объ этомъ общественно-необходимомъ времени и дающемъ ему выраженіе въ цѣнѣ. Если на рынкѣ цѣна опредѣлилась, наприм., въ 80 к. за четверть, то я не получу ни одной изъ приведенныхъ цѣнъ и въ одномъ случаѣ буду въ большомъ убыткѣ, въ другомъ—въ барышѣ.

Само собой разумѣется, здѣсь есть общее съ положеніемъ фабричнаго производства въ томъ отношеніи, что и тамъ цѣна опредѣляется не по стоимости производства для отдѣльнаго предпринимателя. Но дѣло въ томъ, что фабричное производство въ данной странѣ и при данной затратѣ средствъ на него даетъ результаты весьма близкіе и настолько сходные между собой, что стоимость производства аршина сукна извѣстнаго сорта на одной фабрикѣ, если не существуетъ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, можетъ быть совершенно приравнена къ стоимости производства такого же сукна на другой. Въ сельскомъ же хозяйствѣ при тожествѣ остальныхъ условій можетъ получиться различный сборъ даже съ двухъ рядомъ лежащихъ участковъ, въ зависимости, въ данномъ случаѣ, если не отъ *климата*, то отъ *топографическаго* положенія ихъ, присутствія или отсутствія *склона*, обращенія послѣдняго на *югъ* или на *сѣверъ* и т. п. Насколько это замѣчаніе справедливо, можно судить по тому, что можно наблюдать въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ по южному склону небольшой горы расположены виноградники, а по сѣверному той же самой—лишь картофель. Если здѣсь существуетъ такая рѣзкая разница въ родѣ культуръ, то понятно, что при посѣвѣ лишь одного и того же растенія, хотя и при менѣе крутомъ склонѣ, должна быть большая разница въ урожаѣ его, что и потвердитъ каждый наблюдательный хозяинъ и что, въ концѣ-концовъ, сводится къ разницѣ климатическаго харак-

тера, такъ какъ тутъ все зависитъ отъ количества и направленія солнечныхъ лучей, падающихъ на данную поверхность. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ условій сельскаго хозяйства нерѣдко приходится встрѣчаться съ указаніями крестьянъ одного и того же селенія, что на такомъ-то полѣ у нихъ хлѣбъ родится хуже въ сухой годъ, наприм., вслѣдствіе такихъ-то условій въ положеніи поля. Понятно послѣ этого, насколько сильно можетъ быть различіе урожая въ двухъ рядомъ лежащихъ хозяйствахъ, а тѣмъ болѣе въ различныхъ хозяйствахъ одной губерніи и, наконецъ, страны.

„Отъ *погоды* зависитъ въ большей части случаевъ *исходъ всего производства земледѣльческихъ продуктовъ; отъ результатовъ этого производства—покупательная сила* заинтересованныхъ въ немъ широкихъ круговъ *населенія*. Статистика неурожаевъ не позволяетъ сомнѣваться, что сборъ картофеля, рыночныхъ растеній, плодовъ, вина и проч. легко падаетъ въ одинаковой мѣрѣ и что не можетъ быть возмѣщенъ чрезъ повышеніе цѣнъ на эти продукты. Чтобы подкрѣпить сказанное нѣкоторыми статистическими данными, мы укажемъ на то, что въ Баденѣ, при незначительныхъ различіяхъ обработываемыхъ площадей, сбирается, въ *среднемъ*, въ годъ *672.542* тонны картофеля; между тѣмъ какъ урожай 1874 г. далъ только *214.350*, а 1885 г.—*1.034.300* тоннъ. Еще значительнѣе колебанія въ винодѣліи: въ *среднемъ*, оно даетъ *566.610* гект., въ 1880 г.—***50.270*** гект., 1875 г.—***1.405.500*** гект. Сборъ плодовъ равнялся въ 1885, 1886, 1887 и 1888 гг.—143.500, 80.100, *28.000* и *312.300* тоннамъ. Во Франціи урожай винограда въ 1877 г. былъ $56_{,4}$ мил. гект., а въ 1879 г.—$25_{,7}$ мил. Въ Австро-Венгріи было собрано въ 1878 г. 14.806.000 гект. противъ 4.157.000 гект., полученныхъ въ 1880 г. Въ Остъ-Индіи плантаторы получили въ 1874 г. *111* ф. хлопка на акръ, а въ 1883 г.—*38* фунтовъ“ („Промышленность“. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. Стр. 86—87).

Сказаннымъ достаточно опредѣляется, насколько, независимо отъ всякихъ условій рынка, являются невѣрными результаты годовой работы сельскаго хозяина. Въ силу этого, если онъ же-

ластъ обезпечить себя, онъ собственно долженъ организовать дѣло такъ, чтобы разсчитывать на сборъ не того количества четвертей, которое ему нужно при среднемъ урожаѣ, а большаго, т.-е. если ему нужно собрать, наприм., 20 чт., то необходимо засѣять столько, чтобы при среднемъ урожаѣ имѣть 25—30 чт., такъ какъ въ дѣйствительности можетъ получиться урожай ниже средняго, и при этомъ расчетѣ онъ получитъ не болѣе 20 необходимыхъ ему четвертей. Такого собственно расчета и долженъ держаться каждый хозяинъ. Но если всѣ будутъ разсчитывать такъ, и получится урожай только средній, не выше его, то получится громадное перепроизводство, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ сельскій хозяинъ сравнительно съ фабрикантомъ имѣетъ ту невыгоду, что долженъ производить бо̀льшія затраты, чтобы быть увѣреннымъ въ полученіи того количества продукта, какое ему безусловно необходимо, и при этомъ сознательно итти на то, что если продукта выйдетъ больше то наступитъ перепроизводство, т.-е. время, затраченное на производство, оказалось выше общественно-необходимаго. По климатическимъ условіямъ даннаго года нужно было затратить то количество общественно-необходимаго времени, которое дало бы, скажемъ, 1.000 чт., по расчету 20 чт. на долю нашего хозяина, а затрачено такое количество его, которое дало 1.500 чт., или, для нашего хозяина 30 чт. Если на 1.000 чт. нужно было затратить 1.000 единицъ труда, скажемъ — рублей, то онѣ должны стоить 1.000 руб.; общество и располагаетъ отдать за нужный ему хлѣбъ 1.000 руб., и если хозяева истратили 1.250 руб. и получили 1.500 чт., то каждая четверть обошлась имъ не въ 1 руб., а лишь съ небольшимъ въ 83 коп. (1250:1500); но общество даетъ имъ всего только 1.000 руб. за всѣ 1.500 чт., т.-е. всего по 66 коп. за четверть или, если хотите, по 1 руб. за четверть, но беретъ только 1.000 чт., а 500 чт. остается на рукахъ у производителей, при чемъ имъ не возвращается 250 р., излишне издержанныхъ на эти 500 чт. Возможенъ и обратный случай, когда наступаетъ неурожай и, слѣдовательно, цѣна четверти поднимается выше стоимости ея производства, т.-е. тѣ же

1.000 р. будутъ предлагать за меньшее количество, т.-е. не за 1.000 чт., а за 750 или еще меньше. Расчеты нисколько не измѣняются въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что цѣна четверти и вообще общественно-необходимое время на производство ея опредѣляется по тому же расчету, согласно которому, чтобы получить 20 чт., надо его затратить такъ, какъ будто бы разсчитывалось получить 25 чт.; только тогда цѣна четверти, согласно общественно-необходимому времени на производство ея, будетъ не 1 руб., а 1 руб. 25 коп., и если вмѣсто 20 чт. получится 25, то цѣна понизится, т.-е. за все произведенное количество четвертей будутъ отданы тѣ же 1.250 руб.; и обратно, при меньшемъ количествѣ ихъ будетъ отдана та же сумма денегъ—цѣна повысится. Въ этомъ находится объясненіе колебаніямъ цѣны на товаръ при неизмѣняющихся условіяхъ его производства, т.-е. затратъ на его производство.

Но то что мы здѣсь приняли для одного хозяйства или для всѣхъ хозяйствъ одной страны, т.-е. урожай выше или ниже нормы, проявляется въ дѣйствительности въ одномъ и томъ же году для всѣхъ хозяйствъ вмѣстѣ взятыхъ въ различной мѣрѣ. Мы видѣли выше, каковы колебанія урожаевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а это означаетъ, что если для страны нужно 1.000 чт. и если въ ней 50 хозяйствъ и каждое можетъ произвести 20 чт., при чемъ четверть можетъ продаваться по 1 руб., то въ однихъ изъ этихъ хозяйствъ произведено будетъ по 15, въ другихъ по 10, въ третьихъ по 20, далѣе—по 25, по 40 и даже по 50 чт., а во всѣхъ вмѣстѣ можетъ выйти норма, т.-е. 1.000 чт. И, слѣдовательно, въ то время, когда одно хозяйство, затративъ 20 руб. на производство 20 чт., получитъ всего 10 или 15 руб. за продуктъ своего производства, другія получатъ до 50 руб. при затратѣ тѣхъ же 20 руб. Такъ именно и будетъ при томъ условіи, что цѣна четверти вездѣ будетъ по 1 руб. Если же получится общій сборъ не 1.000, а болѣе четвертей, то положеніе получившихъ всего 10 или 15 чт. будетъ еще хуже; не выручатъ своего получившіе и 20 чт. А при капиталистическомъ хозяйствѣ, гдѣ всѣ разсчитано на прибыль, такъ вести

дѣло нельзя; нельзя его вести и тогда, когда, не заботясь о прибыли, необходимо всѣ затраты произвести въ деньгахъ, а эти послѣднія надо выручить въ цѣнѣ продукта. Такимъ образомъ, при чисто товарномъ хозяйствѣ въ земледѣліи хорошій урожай въ странѣ можетъ быть разореніемъ для отдѣльныхъ хозяйствъ, и это при условіи неизмѣннаго состоянія рынка и въ силу лишь того, что въ сельскомъ хозяйствѣ все подчинено такимъ условіямъ природы, регулировать которыя человѣкъ не въ силахъ непосредственнымъ путемъ.

„Сильныя колебанія цѣнъ вызываютъ въ процессѣ воспроизводства перерывы, большія потрясенія и даже катастрофы. Такимъ колебаніямъ цѣнъ подвержены именно *продукты земледѣлія* въ собственномъ смыслѣ — сырые матеріалы, ведущіе свое происхожденіе отъ органической природы—*вслѣдствіе измѣненія величины урожая* и пр. Вслѣдствіе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ *стихійныхъ условій, не подчиняющихся человѣческой власти, то же самое количество труда можетъ* при этомъ *представлять самыя разнообразныя количества потребительной стоимости*, а опредѣленное количество этихъ потребительныхъ стоимостей будетъ поэтому имѣть *крайне различную цѣну*“ („Капиталъ“ т. III, стр. 80. Почти то же самое на стр. 675).

При этомъ, однако, совершенно естественно является мысль, что мною какъ бы упущено вліяніе закона ренты, согласно которому цѣна хлѣба опредѣляется по стоимости его производства при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Но извѣстно, что свободное дѣйствіе этого закона проявляется при такихъ условіяхъ, какъ ограниченность земель, свободное передвиженіе капитала, труда, т.-е. при условіяхъ, совмѣщенія которыхъ въ дѣйствительности почти не бываетъ. Законъ ренты выражаетъ лишь тенденцію, направленіе, по которому должна складываться цѣна хлѣба, что и отражается на ней. Для дѣйствія этого закона надо, чтобы хлѣба было произведено именно не болѣе того, что нужно, и чтобы въ обработку вошли уже такія земли, которыя дѣйствительно не могутъ дать больше извѣстнаго количества четвертей; вообще онъ предполагаетъ участки *разной* производительности, будетъ

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

ли то зависѣть отъ свойства почвы или отъ разстоянія или отъ другихъ условій, опредѣляющихъ различное приложеніе труда и капитала для полученія одного количества продуктовъ. Я же въ своемъ примѣрѣ взялъ въ расчетъ участки *одной* производительности, требующіе одинаковаго капитала и труда для полученія одинаковаго продукта, но количество послѣдняго получилось *разное* въ силу разнаго вліянія на нихъ климатическихъ явленій даннаго года, т.-е. на слѣдующій годъ можетъ при другихъ атмосферическихъ вліяніяхъ получиться обратный результатъ: гдѣ было худо теперь, будетъ лучше на будущій годъ и обратно, и въ десятилѣтній срокъ производительность и тѣхъ и другихъ окажется одинаковой. Иначе говоря, для устраненія осложненій при выясненіи интересующаго насъ вопроса, я ввелъ уже напередъ въ цѣну хлѣба вліяніе ренты. Кромѣ того, какъ увидимъ, въ силу условій образованія ренты, такъ и должно быть, что при развитіи торговли хлѣбомъ, вводящимъ въ кругъ ея все большее и большее число земель съ наиболѣе благопріятными условіями для его производства, цѣна его опредѣляется по стоимости производства въ странѣ или странахъ, наиболѣе его производящихъ. При ввозѣ американскаго хлѣба, болѣе дешеваго, въ Англіи стало сокращаться производство его, ибо онъ сталъ продаваться ниже стоимости его производства въ ней, хотя урожайность его въ Англіи выше, нежели въ Америкѣ (на единицу пространства).

Итакъ, если зависимость отъ условій природы отражается невыгодно на производителяхъ, то, съ другой стороны, страдаютъ отъ этого интересы и потребителей, которые не могутъ разсчитать напередъ предстоящаго расхода на главную часть бюджета—пищу. Если при этихъ условіяхъ хозяйство, выдержавшее плохое положеніе дѣлъ, можетъ разсчитывать поправиться въ послѣдующіе годы, когда измѣненіе произойдетъ въ обратномъ отношеніи, такъ что за 10 лѣтъ, наприм., уравняются прибыль и убытокъ въ такой мѣрѣ, что получится нормальная прибыль, то опасеніе недостачи хлѣба на потребителей дѣйствуетъ такимъ образомъ, что вызываетъ даже при опасеніи только неурожая представленіе о бѣдствіяхъ голода и ведетъ

къ сильному подъему цѣнъ, чѣмъ, однако, успѣваютъ воспользоваться не столько хозяева, сколько торговцы хлѣбомъ. Въ силу всего этого является стремленіе измѣнить такую зависимость отъ вліянія климата. Измѣненіе ея для потребителя, какъ увидимъ изъ слѣдующаго очерка, и совершается съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли, которая до извѣстной степени устраняетъ вліяніе климата на снабженіе хлѣбомъ отдѣльной страны.

Изъ всего до сихъ поръ выясненнаго, конечно, слѣдуетъ, что 1) намѣченные до сихъ поръ для обработывающей промышленности такъ называемые законы капиталистическаго развитія нельзя прилагать цѣликомъ къ земледѣлію, и 2) изучая вліяніе капитализма на земледѣліе, надо постоянно имѣть въ виду то условіе, которое не имѣетъ существеннаго значенія въ обработывающей промышленности, т.-е. *климатъ*. Но, кромѣ климата, въ земледѣліи играютъ большую роль и другія природныя условія. Такова *почва*. На значеніи и вліяніи ея я, однако, не буду останавливаться подробно, такъ какъ этотъ факторъ значительно поддается воздѣйствію человѣка. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію системъ земледѣлія, мы увидимъ, какъ человѣкъ постепенно овладѣваетъ все болѣе и болѣе почвой и, по мѣрѣ изученія ея, умѣетъ придавать ей тѣ свойства, которыя нужны для его цѣлей, даже, можно сказать, создавать ее, а въ послѣднее время съ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній власть его въ этомъ отношеніи очень широка. Положимъ, и относительно устраненія вреднаго вліянія климата человѣкъ не совсѣмъ безсиленъ. Такъ, онъ можетъ устраивать и устраиваетъ искусственное орошеніе и даже съ очень давнихъ временъ, и благодаря этому получаетъ хорошіе урожаи тамъ, гдѣ бы иначе ихъ не было совсѣмъ; здѣсь появленіе дождя составляетъ даже явленіе нежелательное, ибо нарушаетъ ту регулярность въ ходѣ дѣла, которая введена уже съ примѣненіемъ искусственнаго орошенія. Но это почти и все, что можно сказать по поводу воздѣйствія на атмосферическія условія. Достигнуть обратнаго, т.-е. прекращенія дождей, когда ихъ не надо, человѣкъ не умѣетъ, не можетъ вызвать искусственнаго дождя тамъ, гдѣ почему-

либо искусственное орошеніе текучими водами непримѣнимо, не умѣетъ еще предохранить себя и отъ града, хотя существуютъ уже опыты разстрѣливать градовыя тучи. Не можетъ, наконецъ, человѣкъ измѣнить температуры воздуха, если не брать такихъ случаевъ, которые не могутъ быть общимъ правиломъ, какъ тепличное выращиваніе овощей на продажу (наприм., у крестьянъ въ Клинск. у., Москов. губ.), или тѣхъ климатическихъ измѣненій, которыя не преднамѣренно производятся уничтоженіемъ лѣсовъ, при чемъ и тутъ еще много спорнаго относительно того, при какихъ условіяхъ уничтоженіе лѣсовъ и какое производитъ вліяніе. Спорно и обратное: вліяніе лѣсонасажденія на измѣненіе климатическихъ условій. Все это во всякомъ случаѣ имѣетъ очень относительное значеніе и лишь въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, не уничтожая того основного экономическаго значенія вліянія климата, которое отмѣчено раньше. Воздѣйствіе же на почву болѣе значительно, почему она и не кладетъ такихъ неустранимыхъ предѣловъ сельскому хозяйству, какъ климатъ.

Но насколько все-таки особенности почвы имѣютъ значеніе въ ученіи объ условіяхъ сельскаго хозяйства, это ясно уже изъ того, что именно онѣ дали основаніе ученію о рентѣ въ политической экономіи, хотя сама рента, какъ особый видъ дохода, составляетъ, конечно, результатъ общественнаго отношенія къ землѣ. И если нѣсколько выше я указалъ на то, что почва не налагаетъ такихъ препятствій, какъ климатъ, то экономическое значеніе ея различій остается въ силѣ. Рѣзкое вліяніе климатическихъ условій сказывается въ томъ, что извѣстный климатъ совершенно не допускаетъ опредѣленныхъ видовъ растительности, а затѣмъ другіе виды растительности имѣютъ въ климатѣ болѣе или менѣе благопріятное условіе для своего произрастанія, соотвѣтственно чему, при одной и той же затратѣ труда, урожай, сборъ продуктовъ будетъ болѣе или менѣе значителенъ. Вліяніе почвы имѣетъ характеръ сходный съ этимъ послѣднимъ вліяніемъ климата, такъ какъ приведеніе ея въ то или иное состояніе требуетъ большей или меньшей затраты труда и средствъ.

Если же имѣть въ виду, что то направленіе, въ которомъ вліяетъ почва, можетъ совпадать или не совпадать съ вліяніемъ климата, то сложность вліяній природы на сельскохозяйственное производство станетъ понятною, тѣмъ болѣе, что она проявляется на всемъ ходѣ его, начиная съ подготовки почвы и кончая сборомъ и уборкой продуктовъ.

Все это ставитъ капиталъ, направленный на земледѣльческое производство, въ неравныя условія съ капиталомъ, направленнымъ на производство предметовъ обработывающей промышленности. Пока для капитала еще есть поле приложенія внѣ земледѣлія, онъ и не направляется на послѣднее. Въ земледѣліи, по указаннымъ выше причинамъ, для отдѣльныхъ предпринимателей не только не осуществляется тенденція капитала къ равенству въ прибыли, но, наоборотъ, это равенство не только постоянно нарушается, но даже напередъ предусматривается неравенство, а потому естественно, что сельское хозяйство менѣе обращаетъ на себя вниманіе капиталистовъ, менѣе интересуетъ ихъ. Не въ этомъ ли кроется и причина того, что крупное *землевладѣніе,* способствуя (среди другихъ силъ, приводившихъ къ тому же) накопленію капиталовъ, а также образованію рабочихъ рукъ, свободныхъ отъ всѣхъ условій существованія, само, однако, не явилось почвой для образованія капиталистическаго производства. Послѣднее родилось, выросло и окрѣпло въ обработывающей промышленности. Ему принадлежитъ эксплуатація на почвѣ производства пролетаріата, а не земледѣльческихъ массъ. Эксплуатація трудовыхъ силъ *земледѣльческихъ* массъ принадлежала временамъ рабства и феодализма. Тогда же господствовало и крупное земледѣльческое хозяйство, что тѣсно связано также съ экстенсивнымъ характеромъ его, какъ это будетъ отмѣчено ниже.

Намъ пришлось въ настоящемъ очеркѣ довольно долго останавливаться на выясненіи такихъ сторонъ и условій сельскохозяйственнаго производства, которыя въ сущности довольно

очевидны и настолько элементарны, что понятны безъ особенно долгихъ объясненій. Но мы не могли не остановиться на нихъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые считаемъ даже минимальными. Дѣло въ томъ, что вліяніе ихъ сказывается въ сельскомъ хозяйствѣ *на каждомъ шагу,* отъ момента перваго удара лопаты и до ссыпки зерна въ закромъ или поставки его на рынокъ. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ природныхъ условій въ сельскомъ хозяйствѣ находятся всѣ экономическія отношенія,—они представляютъ собою основной факторъ. Между тѣмъ нѣтъ ни одного писателя, который бы въ объясненіи *экономическихъ* явленій сельскохозяйственнаго производства клалъ въ основу природныя условія. Обыкновенно на этотъ факторъ обращается вниманіе, но какъ бы на случайный: исходя изъ общихъ теоретическихъ положеній политической экономіи, трактуютъ объ условіяхъ приложенія труда, капитала, и тутъ, какъ бы попутно, въ видѣ еще одного изъ частныхъ условій вводится и вліяніе климата. Такъ это мы видимъ въ лучшей до сихъ поръ сельскохозяйственной экономіи на русскомъ языкѣ — Людоговскаго, тоже у Шишкина и др. Такимъ образомъ, никто не игнорируетъ того, что мною развито въ настоящемъ очеркѣ, который поэтому ничего новаго и не даетъ въ этомъ отношеніи, но въ то же время никто не отводитъ этимъ условіямъ того *общаго* значенія и вліянія, которыя они имѣютъ. И только у Рошера во 2-мъ т. мы находимъ особую главу, которая спеціально отмѣчаетъ значеніе климата и природныхъ условій въ земледѣліи, но и тамъ это дѣлается довольно обще и больше въ смыслѣ того вліянія, которое это имѣетъ на характеръ сельскихъ жителей, о чемъ говоритъ еще и А. Смитъ слѣдующими словами: „Никогда не приходило никому въ голову, чтобы для земледѣлія, составляющаго главное занятіе сельскаго населенія, необходимо было обученіе. Однакоже за исключеніемъ того, что называютъ свободными науками и искусствами, быть-можетъ, нѣтъ занятія, которое требовало бы такихъ разнообразныхъ свѣдѣній и такой опытности. Безчисленное множество книгъ, написанныхъ о земледѣліи на всѣхъ языкахъ, доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что самые благоразумные и про-

свѣщенные народы смотрѣли на него не иначе, какъ на предметъ, требующій самаго серьезнаго обученія. И все-таки, едва ли бы мы нашли во всемъ написанномъ то количество разнообразныхъ и сложныхъ свѣдѣній, требуемыхъ этимъ занятіемъ, какимъ обладаетъ вообще самый обыкновенный земледѣлецъ, какъ бы презрительно ни относились къ нему нѣкоторые легкомысленные писатели, писавшіе о земледѣліи... Необходимо гораздо болѣе познаній и смышлености при занятіяхъ, измѣняющихся *съ каждою перемѣною времени года* и зависящихъ отъ безчисленнаго множества другихъ обстоятельствъ, нежели для работъ, остающихся всегда или почти что всегда одинаковыми... Человѣкъ, пашущій землю лошадьми или быками, употребляетъ въ дѣло животныхъ, здоровье, силы и темпераментъ которыхъ бываютъ весьма различны при различныхъ обстоятельствахъ. Обработываемая имъ почва подвержена не меньшимъ перемѣнамъ, какъ и употребляемыя имъ животныя: то и другое требуютъ особеннаго благоразумія и осторожности; и нельзя сказать, чтобы этими качествами постоянно не обладалъ земледѣлецъ, хотя его и принимаютъ за образецъ тупости и невѣжества“ (книга I, гл. X, стр. 290—291).

Въ общихъ руководствахъ по политической экономіи также рѣдко отмѣчаются особенности экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ въ зависимости отъ природныхъ условій. Что касается отдѣльныхъ ученыхъ, то слѣдуетъ указать еще, что К. Марксъ, прослѣживая различныя условія извлеченія прибыли, никогда не позабываетъ отмѣтить вліянія природныхъ условій на время производства, періодъ обращенія (т. II, гл. 12—15), на прибыль (т. III, стр. 27, 29, 30 и 37). Въ отдѣлѣ о рентѣ особенности условій земледѣльческаго производства отмѣчаются у него, можно сказать, на каждомъ шагу, и въ одномъ мѣстѣ прямо говорится: „Надо принять въ соображеніе *своеобразный* характеръ земледѣлія“ (стр. 632). Но, отмѣчая это своеобразіе, К. Марксъ, однако, не придаетъ ему того общаго значенія, которое оно имѣетъ, обусловливая и своеобразіе въ ходѣ развитія земледѣлія. Между тѣмъ, думается намъ, это своеобразіе, эти

особыя условія, это особое значеніе для постановки земледѣльческаго хозяйства природныхъ условій имѣютъ большое значеніе и для развитія крестьянскаго хозяйства. Вотъ почему мы и считали нужнымъ прежде всего остановиться на значеніи природныхъ условій въ довольно общихъ чертахъ. Чтобы, однако, уяснить болѣе опредѣленнымъ образомъ значеніе этого для крестьянскаго хозяйства, надо остановиться еще на вліяніи ихъ на приложеніе труда и на положеніе труда въ сельскомъ хозяйствѣ, а затѣмъ на то, какъ это отражается на приложеніи машинъ и къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ здѣсь примѣненіе послѣднихъ. Къ этому и переходимъ теперь.

Примѣчаніе. Значеніе природныхъ условій въ сельскомъ хозяйствѣ довольно полно выяснено въ трудѣ: **Э. Давидъ.** Соціализмъ и сельское хозяйство Спб. 1906. Многія изъ развитыхъ въ настоящей главѣ положеній и нѣкоторыя другія были намѣчены мною впервые въ моемъ трудѣ „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ". М. 1884 г. въ гл. V. „Особенности сельскохозяйственнаго производства и ихъ экономическое значеніе".

III. Различія въ положеніи и условіяхъ приложенія въ сельскомъ хозяйствѣ наемнаго и крестьянскаго труда.

Во избѣжаніе недоразумѣній при дальнѣйшемъ изложеніи необходимо здѣсь же пояснить, что подъ крестьянскимъ трудомъ въ отличіе отъ наемнаго, я разумѣю въ дальнѣйшемъ трудъ, примѣняемый крестьяниномъ въ собственномъ хозяйствѣ за свой страхъ и рискъ въ отличіе отъ работы по найму въ чужомъ хозяйствѣ.

Сводя все выясненное въ предыдущей главѣ къ немногимъ положеніямъ, можно установить слѣдующее:

Природныя условія или, иначе говоря, почвенныя, климатическія и топографическія условія опредѣляютъ въ сельскомъ хозяйствѣ:

1. *Родъ производства*, т.-е. то, какія именно растенія могутъ производиться, такъ какъ въ зависимости отъ различія этихъ

условій въ однѣхъ мѣстностяхъ можно производить виноградъ, въ другихъ пшеницу, въ третьихъ только ячмень и т. д.

2. *Рабочій періодъ,* т.-е. продолжительность времени въ теченіе года, когда возможно прилагать трудъ къ обработкѣ земли и *производственный періодъ,* т.-е. продолжительность времени, въ теченіе котораго растеніе созрѣетъ, т.-е. продуктъ можетъ быть готовъ. Прибавка труда, увеличеніе количества рабочихъ рукъ, не можетъ укоротить производственный періодъ, ускорить выходъ продукта, уменьшить періодъ оборота капитала и произвести въ меньшее время то же количество продукта.

3. Климатическія же вліянія не даютъ увѣренности относительно *высоты урожая,* иначе говоря, можно быть увѣреннымъ, что при равной съ предшествующимъ годомъ затратѣ труда получимъ *иной* урожай, иное количество продукта; за нѣкоторое время до сбора урожая и съ нѣкоторой вѣроятностью (но не достовѣрностью) можно предвидѣть больше или меньше противъ прошлаго года, но насколько, сказать нельзя, тогда какъ въ индустріи, зная затраченное количество труда при данномъ матеріалѣ и данныхъ орудіяхъ производства можно почти съ полной точностью вычислить *когда* и *сколько* получится продукта.

4. Потребное для производства *количество рабочихъ силъ* въ силу тѣхъ же условій весьма *различно* въ разные моменты какъ рабочаго, такъ и производственнаго періода, т.-е. въ разное время года.

5. Тѣ же условія не позволяютъ *спеціализироваться* на производствѣ одного наиболѣе выгоднаго продукта, а заставляютъ прибѣгать къ одновременному производству различныхъ произрастаній.

6. При одной и той же затратѣ труда и средствъ производства въ двухъ рядомъ лежащихъ мѣстностяхъ при производствѣ того же продукта получается *различный урожай*, что и даетъ основаніе для диференціальной *ренты.*

Эти условія предопредѣляютъ уже многое относительно приложенія рабочей силы въ сельскомъ хозяйствѣ и въ связи съ этимъ относительно положенія въ немъ наемныхъ рабочихъ.

Прежде всего условія эти являются менѣе благопріятными для извлеченія прибыли, нежели условія обработывающей промышленности, соотвѣтственно съ чѣмъ здѣсь и нѣтъ благопріятной почвы для развитія капитализма. Вотъ почему даже Каутскій, такъ настойчиво убѣждающій въ превосходствѣ крупнаго капиталистическаго хозяйства въ земледѣліи надъ мелкимъ, посвящаетъ цѣлый отдѣлъ своей книги „Аграрный вопросъ“ выясненію *границъ* капиталистическаго сельскаго хозяйства и находитъ, что въ индустріи „при нормальныхъ условіяхъ крупное производство всегда выше мелкаго, по отношенію же къ сельскому хозяйству это дѣйствительно лишь до извѣстной степени“.

Несмотря, однако, на это, крупныя сельскія хозяйства и во всякомъ случаѣ капиталистическія, т.-е. основанныя на наемномъ трудѣ, существуютъ, а въ такомъ случаѣ и условія найма рабочихъ въ нихъ должны отличаться отъ условій найма въ индустріи.

Помимо неравномѣрности въ распредѣленіи работъ, невѣрности въ результатахъ труда, невозможности спеціализироваться на производствѣ болѣе выгодныхъ продуктовъ, здѣсь еще отсутствуютъ въ силу тѣхъ же природныхъ условій тѣ средства повышенія количества производимаго продукта и повышенія производительности труда, какія существуютъ въ индустріи.

Здѣсь невозможно удлиненіе рабочаго дня дальше извѣстнаго предѣла,—ночная работа при обработкѣ и уборкѣ немыслима, и здѣсь уже почти совершенно не примѣнимо то средство повышенія производительности труда, осуществленіе котораго А. Смитъ ставитъ въ основу всего промышленнаго преуспѣянія. Здѣсь лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ примѣнимо такое техническое раздѣленіе труда, такое распредѣленіе работъ, при которомъ каждый изъ одновременно работающихъ совершаетъ лишь опредѣленный видъ работы. Здѣсь почти нѣтъ того, что составляетъ сложное сотрудничество, хотя довольно широко можетъ примѣняться простое сотрудничество, когда какъ при косьбѣ, жатвѣ всѣ совокупными силами производятъ одну и ту же работу. Но, съ другой стороны, здѣсь, въ силу смѣны работъ, опредѣляемой ходомъ созрѣванія продукта, приходится въ разное время

рабочаго періода каждому рабочему производить различныя работы. Отсюда происходитъ, съ одной стороны, отсутствіе спеціализаціи у рабочихъ, и, слѣдовательно необходимы сложность и многообразіе рабочихъ навыковъ у каждаго изъ нихъ, а, съ другой стороны, здѣсь отсутствуютъ, такъ сказать, обученные рабочіе: каждый крестьянинъ-земледѣлецъ, выросшій на земледѣльческихъ занятіяхъ, уже годенъ въ работники, и въ такихъ работникахъ недостатка не должно бы быть. И, однако, какъ увидимъ ниже, никакой разрядъ предпринимателей не страдаетъ такъ отъ недостатка рабочихъ, какъ именно сельскіе хозяева.

Всѣ только что отмѣченныя условія, среди которыхъ происходитъ приложеніе труда въ сельскомъ хозяйствѣ, вызываютъ господство тамъ такъ называемой экономіи низкой заработной платы. Дѣло въ томъ, что согласно многочисленнымъ наблюденіямъ можно установить какъ безспорное то положеніе, что чѣмъ лучше поставленъ рабочій, чѣмъ лучше его питаніе, выше образованіе, менѣе утомительна обстановка труда, тѣмъ производительнѣе *можетъ быть* его трудъ и, наоборотъ, чѣмъ выше требованія, предъявляемыя къ труду рабочаго, чѣмъ болѣе, чѣмъ выше то напряженіе силъ, тотъ расходъ мускульной и нервной энергіи, которыя онъ долженъ проявить, тѣмъ лучше должна быть обстановка труда рабочаго, тѣмъ лучше должно быть его питаніе, полнѣе отдыхъ, а, слѣдовательно, тѣмъ короче рабочій день и выше заработная плата. А такъ какъ въ индустріи съ теченіемъ времени примѣняются все болѣе и болѣе усовершенствованныя орудія производства, требующія со стороны рабочаго болѣе усиленнаго (интенсивнаго) труда, больше мускульнаго и нервнаго напряженія, то тамъ и является необходимымъ и сокращеніе рабочаго дня и повышеніе заработной платы, иначе рабочій не въ состояніи будетъ дать того, что при современномъ техническомъ уровнѣ производства должно быть дано. Но въ то же время этотъ техническій уровень производства не только дѣлаетъ возможнымъ напряженную затрату силъ рабочаго, но и *заставляетъ его* производить эту затрату, такъ какъ сама машина контролируетъ и регулируетъ его работу, но, чтобы получить такую работу, опять-таки

нужно рабочаго обученнаго и хорошо обставленнаго. Въ силу всего этого не только рабочіе, но и сами предприниматели въ индустріи во многихъ случаяхъ находятъ для себя необходимымъ и даже выгоднымъ платить такую заработную плату, которая позволяла бы рабочимъ такъ содержать себя, чтобы быть въ состояніи расходовать требуемую рабочую силу. Здѣсь самыя матеріальныя условія производства вызываютъ выгодность *экономіи высокой заработной платы* и на почвѣ этого объективнаго дѣятеля и является возможнымъ при общей противоположности интересовъ предпринимателей и рабочихъ, какъ таковыхъ, совмѣщеніе до извѣстнаго предѣла интересовъ рабочихъ и предпринимателей.

До какой степени здѣсь въ выгодахъ предпринимателей улучшеніе положенія рабочаго (до извѣстнаго предѣла)—ясно изъ того, что на нѣкоторыхъ американскихъ и англійскихъ фабрикахъ считаютъ нужнымъ не только платить заработную плату сравнительно высокую, не только установленъ рабочій день въ 8 час., а по субботамъ въ 5 час., но и приняты всѣ мѣры, чтобы противодѣйствовать духовному и физическому *утомленію* рабочаго во время работы: при рабочихъ помѣщеніяхъ имѣются купальни, горячіе и холодные души, кабинеты для туалета, смѣнная одежда, залы для отдыха, для чтенія, музыки (на фабрикѣ испанскихъ сигаръ въ Нью-Йоркѣ при каждой мастерской состоитъ чтецъ, на обязанности котораго лежитъ читать вслухъ во время работы газеты, романы, стихи); машины выкрашены въ палевый и бѣлый цвѣтъ; удобныя сидѣнья со спинками и *ножныя табуретки* въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ женщины; снаружи парки для прогулокъ (Шарль Жидъ: „Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія“, стр. 71—72). Все это, какъ видимъ, если не превосходитъ пророчествъ Фурье, то во всякомъ случаѣ оставляетъ далеко за собою то, что видѣла въ своихъ снахъ Вѣра Павловна въ романѣ Н. Г. Чернышевскаго „Что дѣлать“. А между тѣмъ предприниматель одной изъ такихъ фабрикъ заявилъ, что расходы эти являются „очень хорошимъ помѣщеніемъ капитала, потому что, если брать для сравненія продолжительные періоды, то трудъ чистоплотнаго рабочаго окажется производительнѣе, чѣмъ

нечистоплотнаго, и просвѣщенный рабочій работаетъ производительнѣе невѣжественнаго".

Итакъ, высокой заработной платой и улучшенной обстановкой труда повышается производительность послѣдняго. Тутъ въ этомъ пунктѣ сходятся интересы общества, рабочаго, фабриканта. Но все это возможно при современной организаціи экономическихъ силъ тогда, когда *техническія* условія производства ставятъ рабочаго такъ, что онъ *долженъ* проявить все то напряженіе, какое можетъ по своимъ силамъ, и указанная обстановка только усиливаетъ эту возможность.

Не то въ сельскомъ хозяйствѣ, тамъ какъ и въ индустріи при повременной платѣ наемный рабочій заинтересованъ наименѣе расходовать свои силы, а внѣшнія средства для воздѣйствія на него не тѣ; они всѣ могутъ заключаться лишь въ надзорѣ, но и это здѣсь затруднительнѣе, чѣмъ на фабрикѣ, такъ какъ рабочіе здѣсь разсѣяны по пространству. При такихъ условіяхъ выгоды предпринимателя тѣмъ выше, чѣмъ менѣе онъ заплатитъ рабочимъ: у него нѣтъ средствъ заставить работать напряженнѣе; тутъ и сдѣльная плата не вездѣ примѣнима и вызываетъ необходимость тѣмъ большаго надзора за тщательностью работы. Поэтому здѣсь и господствуетъ экономія низкой заработной платы, какъ она господствовала на раннихъ ступеняхъ развитія капитализма и какъ она преобладаетъ и теперь еще тамъ, гдѣ техническій уровень производства не высокъ. Вотъ почему заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ всюду ниже, чѣмъ рабочихъ въ любой отрасли обработывающей промышленности. Здѣсь въ сельскомъ хозяйствѣ весь расчетъ на прибыль основанъ на низкой заработной платѣ. Но если такъ, то понятно, что каждый, кто вынужденъ жить наемнымъ трудомъ и имѣетъ хоть какую-либо возможность выбирать его, стремится уйти въ городъ, на фабрику, гдѣ онъ можетъ получить болѣе высокую заработную плату и гдѣ онъ можетъ имѣть постоянную работу, тогда какъ въ сельскомъ хозяйствѣ лишь на время рабочаго періода. Отсюда происходитъ постоянный отливъ рабочихъ въ города и постоянное ощущеніе недостатка въ рабочихъ со стороны сель-

скихъ хозяевъ предпринимателей. Автору настоящаго труда пришлось встрѣтиться съ этимъ явленіемъ впервые въ 1877 г. при мѣстномъ обслѣдованіи частновладѣльческихъ хозяйствъ въ Московской губерніи. Ознакомившись къ тому времени путемъ мѣстныхъ изслѣдованій съ положеніемъ крестьянскаго хозяйства, съ крестьянскими нуждами, съ низкой оплатой крестьянскаго труда, съ постоянной погоней крестьянина за заработкомъ, я, услыхавъ отъ ихъ сосѣдей-помѣщиковъ жалобы на дороговизну и недостатокъ труда, сперва отнесся къ этому просто съ недовѣріемъ, видя въ этомъ выраженіе лишь алчности. Но постоянство, повторяемость этихъ жалобъ, указаніе на факты заставили отнестись къ этому иначе, а именно признать, что трудъ дорогъ для сельскихъ хозяевъ и что они, дѣйствительно, испытываютъ недостатокъ въ рабочихъ, но что это есть результатъ неумѣнья вести дѣло, неумѣнья, существующаго какъ послѣдствіе недавняго крѣпостного права. Эта точка зрѣнія и получила свое выраженіе въ составленномъ мною тогда „Очеркѣ хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ“ (Сборникъ статист. свѣд. по Московской губ. Отдѣлъ хозяйствен. стат. Т. V., вып. I. М. 1879 г., стр. 191). Но, приступивъ къ изученію условій сельскаго хозяйства въ Германіи, Франціи, Англіи, я нашелъ тамъ тѣ же жалобы, что и заставило искать основаній ихъ уже, такъ сказать, въ объективныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства. Результатомъ этого изученія явился трудъ мой: „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. М. 1884 г., въ которомъ я и стремлюсь выяснить основанія, условія и послѣдствія тѣхъ отношеній между предпринимателями и рабочими, которые складываются въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ я установляю, что вопросъ о рабочихъ для сельскихъ хозяевъ вытекаетъ съ такой же неизбѣжностью изъ условій и особенностей сельскаго хозяйства, какъ и рабочій вопросъ для рабочихъ. Упадокъ англійскаго сельскаго хозяйства, превращеніе пашенъ въ пастбища объясняю я тамъ не американской конкуренціей, а именно тѣми затрудненіями съ рабочими, которыя существуютъ независимо отъ нея, хотя американская конкуренція вызвала бо̀льшую остроту, бо̀льшую ощутительность этихъ затрудненій.

Въ настоящее время авторы такихъ противоположныхъ взглядовъ на ходъ развитія сельскаго хозяйства, какъ Каутскій и Давидъ, признаютъ существованіе и значеніе такого обстоятельства какъ недостатокъ наемныхъ рабочихъ для сельскихъ хозяевъ, хотя и даютъ ему разное объясненіе. При этомъ Давидъ выражается такимъ образомъ: „Не недостатокъ въ работѣ, а недостатокъ въ рабочихъ составляетъ общую сигнатуру сельскохозяйственнаго рабочаго рынка". („Соціализмъ и сельское хозяйство". СПб. 1906, стр. 196). И факты подтверждаютъ это вполнѣ. Въ Англіи уменьшеніе числа сельскихъ рабочихъ привело къ такимъ затрудненіямъ, что въ 1892 г. министръ земледѣлія воскликнулъ въ палатѣ общинъ: „Вопросъ будущаго будетъ уже вопросомъ не иностранной конкуренціи, но трудности для фермеровъ доставать рабочихъ". (Э. Вандервельде: „Аграрный вопросъ". Спб. 1907). „Отовсюду,—говоритъ тамъ же Вандервельде о Бельгіи,—слышны жалобы на слабое предложеніе сельскохозяйственнаго труда, на почти полную невозможность найти хорошихъ батраковъ". То же самое отмѣчается во Франціи, въ Германіи, какъ это указано еще во введеніи моей книги „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ".

Къ чему же ведетъ это, что вызывается этимъ? „Возвратъ къ экстенсивнымъ формамъ хозяйства!—такъ именно говоритъ Давидъ, и гласитъ тотъ *совѣтъ,* который въ послѣднее время дается сельскимъ хозяевамъ, чтобы избѣжать *бѣдствій нужды въ рабочихъ*". Но давать этотъ совѣтъ въ настоящее время значитъ быть слишкомъ далеко позади того, что осуществлено уже въ жизни. Въ Англіи процессъ возврата къ экстенсивному хозяйству и именно подъ вліяніемъ затрудненій съ рабочими и недостатка ихъ происходитъ, начиная, по крайней мѣрѣ съ 1875 г., т.-е. болѣе 30 лѣтъ. Говорю, по крайней мѣрѣ, съ 1875 г., такъ какъ съ этого года идетъ почти безъ отступленій абсолютное уменьшеніе площади подъ *пашней* при общемъ увеличеніи площади подъ культурой, площадь же подъ посѣвомъ *пшеницы* собственно начала почти безпрерывно сокращаться даже съ 1874 г. (моя книга Вопросъ о рабочихъ и т. д., стр. 26

и 51) и къ 1900 г. сократилась почти на 2 мил. акровъ; общая же площадь земли подъ плугомъ упала съ того времени болѣе чѣмъ на 2 мил. акровъ, при чемъ произошло соотвѣтственное увеличеніе пастбищъ для скота. Если же брать процентъ площади подъ пастбищами, то надо считать, что возвратъ къ эстенсивному хозяйству въ Англіи начался еще 40 л. тому назадъ, т.-е. въ 1867 г., такъ какъ тогда въ общемъ пространствѣ земли подъ обработкой на каждыя 100 десятинъ ея приходилось $38^1/_2$ дес. подъ пастбищами, а къ 1883 г., наприм., при послѣдовательномъ увеличеніи этой площади съ того времени уже $46^1/_2$ дес. Что тогда уже одной изъ существенныхъ причинъ такого превращенія культурной площади въ пространство, зарастающее несѣянной травой, былъ недостатокъ въ рабочихъ и другія затрудненія съ ними, это видно изъ отчетовъ парламентской комиссіи 1879 г., изслѣдовавшей причины сельскохозяйственнаго кризиса. Среди многочисленныхъ данныхъ, приведенныхъ относительно этого въ упомянутомъ моемъ трудѣ, укажу здѣсь, что одинъ изъ членовъ комиссіи, приводя въ своемъ отчетѣ сообщенія о затрудненіяхъ съ рабочими, говоритъ: „Единственное измѣненіе, необходимое въ системѣ производства, состоитъ *въ запусканіи земли подъ траву* на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и въ обращеніи земли въ *постоянныя пастбища*. То и другое дѣлается въ видахъ *сбереженія труда* и извлеченія большей прибыли“ („Вопр. о рабоч.“ стр. 185). И, дѣйствительно, согласно расчету, приводимому однимъ нѣмецкимъ писателемъ, ферма, имѣвшая въ 1874 г. 1150 ф. с. расхода при 550 акрахъ подъ плугомъ изъ общей площади въ 732 акра, въ 1893 г. по превращеніи всей земли подъ пастбище для овецъ, имѣетъ расхода лишь 130 ф., при чемъ изъ бывшихъ 8 рабочихъ жилищъ теперь заселены всего два — овчаромъ и его помощникомъ (Давидъ). Это даетъ, конечно, полное основаніе Э. Вандервельде сказать, что „за предѣлами лондонскихъ предмѣстій вы вступаете безъ всякаго перехода въ пустыню“. Но къ тому же идетъ дѣло и въ крупныхъ хозяйствахъ Германіи и по той же причинѣ. Такъ, въ Силезіи, несмотря на привлеченіе иноземныхъ рабочихъ (изъ Россіи, гдѣ

плата рабочимъ еще ниже, почему они и идутъ въ Германію), все-таки недостаетъ почти четвертой части необходимыхъ рабочихъ и въ результатѣ сокращеніе свекловичнаго производства, неудовлетворительная обработка почвы. Въ составленномъ для Парижской всемірной выставки 1900 г. изслѣдованіи о состояніи сельскаго хозяйства говорится, между прочимъ, по поводу Пруссіи: „Можно думать, что *преодолѣніе* настоящаго кризиса *покоится* на *болѣе экстенсивной системѣ хозяйства*. Мѣстами это и практикуется. Наименьшей затраты требуютъ, конечно, постоянныя пастбища.“ И, дѣйствительно, въ Германіи за время съ 1878 по 1893 г. постоянныя пастбища увеличились на 21%.

Ограничимся приведенными примѣрами для освѣщенія значенія и послѣдствій затрудненій съ рабочими. Но само собой разумѣется, что прежде чѣмъ совершить такой возвратъ, хозяева принимаютъ всякія мѣры къ обезпеченію себя рабочими силами, что и ведетъ къ болѣе долгому сохраненію именно въ сельскомъ хозяйствѣ переживаній крѣпостного права. Такъ это остается до сихъ поръ даже въ Англіи, что, въ свою очередь, еще сильнѣе заставляетъ рабочихъ бѣжать изъ деревни. Вотъ какъ характеризуетъ одинъ писатель положеніе сельскаго рабочаго въ Англіи: „Трудящійся человѣкъ, желающій имѣть занятіе въ приходѣ, долженъ получить его на землѣ графа, у одного изъ фермеровъ графа, который водворитъ его въ одной изъ графскихъ хижинъ и станетъ вычитать плату за помѣщеніе изъ его недѣльнаго заработка. Дѣтей своихъ онъ станетъ посылать въ такъ называемую національную школу, но состоящую подъ вѣдѣніемъ фермеровъ графа (землевладѣльца); по воскресеньямъ будетъ посѣщать церковь и подъ наблюденіемъ двухъ церковныхъ старостъ (опять-таки графскихъ фермеровъ) будетъ слушать проповѣди священника, содержимаго приходомъ (т.-е. землевладѣльцемъ). Подъ старость, когда онъ будетъ уже не въ силахъ работать, или же по какой-нибудь несчастной случайности впадетъ въ крайнюю нищету, ему придется прибѣгнуть къ тѣмъ же вѣчнымъ двумъ фермерамъ для полученія пособія по установленной для бѣдныхъ таксѣ. Если же,

несмотря на всѣ заботы объ его жизненныхъ удобствахъ, онъ все-таки будетъ не доволенъ своей участью, то не найдется ни одного дома, ни даже помѣщенія въ школѣ, содержимой, однако, налогами, гдѣ бы онъ могъ сойтись и побесѣдовать съ своими товарищами, если только онъ не заручился заранѣе разрѣшеніемъ на это отъ тѣхъ же фермеровъ...

„Предположите, — прибавляетъ авторъ цитируемаго отчета,— что приходъ этотъ не что иное, какъ рабовладѣльческая колонія, принадлежащая графу и управляемая двумя служащими у него надсмотрщиками; и въ такомъ даже случаѣ было бы трудно поставить ея обитателей въ болѣе безвыходное рабство сравнительно съ ихъ настоящимъ положеніемъ...

„Деревенскій рабочій оказывается въ большей зависимости отъ сквайра или фермера, чѣмъ рабочій фабричный отъ своего хозяина. Ничто, кромѣ собственной совѣсти, не препятствуетъ первымъ всевозможными способами стѣснять labourer'a; для примѣра стоитъ только перечислить эти стѣсненія: насиліе надъ свободою совѣсти и мнѣнія; изгнаніе собственниками англиканскаго вѣроисповѣданія диссидентскихъ миссіонеровъ и пресвитеріанцами — миссіонеровъ англиканскихъ; отказъ политическимъ ораторамъ въ помѣщеніи и въ разрѣшеніи созывать митинги; подача голоса подъ руководствомъ фермера или пастора; стѣсненіе свободы передвиженія; бывали случаи, когда арендатору угрожали выселеніемъ за устройство около своего дома мѣста для стрѣльбы въ цѣль или для игры въ мячъ“ (А. Метенъ: Соціализмъ въ Англіи. С.-Пб. 1898 г., гл. V).

Такое положеніе дѣлаетъ понятнымъ бѣгство изъ деревни и недастатокъ въ рабочихъ, но въ то же время для сельскаго рабочаго и при отсутствіи переживаній крѣпостного права создается большая зависимость уже въ силу того, что онъ долженъ жить въ имѣніи, получать хозяйскіе харчи, а это создаетъ своего рода зависимость. Но хозяева сознательно стремятся закрѣпить рабочаго, такъ какъ только этимъ путемъ и можно обезпечить себѣ необходимое количество рукъ въ необходимое время и избавить себя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сильныхъ колебаній въ зара-

ботной платѣ и чрезмѣрнаго подъема послѣдней въ моментъ жатвы или косовицы.

Все выясняемое до сихъ поръ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ крестьянскому хозяйству. Но все это необходимо для того, чтобы освѣтить общія условія сельскаго хозяйства — только тогда и можно отмѣтить тѣ специфическія свойства крестьянскаго хозяйства, въ зависимости отъ которыхъ и находится его развитіе. Выясняя эти общія условія, намъ пришлось коснуться и пріемовъ, примѣняемыхъ хозяевами для обезпеченія себя рабочими силами. Останавливаться здѣсь на этихъ пріемахъ, значило бы слишкомъ отклониться въ сторону отъ основной задачи настоящаго труда. Замѣтимъ только, что на Западѣ Европы, гдѣ уже создался спеціальный типъ сельскохозяйственнаго рабочаго, въ основѣ этихъ пріемовъ лежитъ стремленіе привязать рабочаго къ мѣсту клочкомъ земли для огорода или предоставленіемъ ему возможности держать корову при снабженіи; конечно, и жилищемъ. У насъ въ Россіи, гдѣ рабочій уже привязанъ къ мѣсту земельнымъ надѣломъ, пріемы эти нѣсколько иные. Правда, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, при самомъ надѣленіи не было упущено изъ виду такое положеніе, которое заставляло бы крестьянина наниматься въ батраки, затѣмъ и впослѣдствіи, когда крестьянинъ предпочиталъ вмѣсто батрачества переселеніе, послѣднее затруднялось, такъ что и здѣсь имѣется сходство съ тѣмъ, что примѣнялось на Западѣ. Но все-таки основного работника въ сельскомъ хозяйствѣ составляетъ у насъ не безземельный батракъ, а малоземельный крестьянинъ. На этомъ - то малоземельи и основаны всѣ примѣняющіеся у насъ способы обезпеченія имѣній рабочей силой. Чтобы не возвращаться далѣе къ положенію труда въ сельскомъ хозяйствѣ, мы и приведемъ здѣсь краткія указанія на эти способы, а также и данныя объ оплатѣ у насъ труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Мы уже отмѣтили, что практикуемые у насъ способы обезпеченія имѣнія наемными силами коренится на почвѣ крестьянскаго малоземелья. Еще при крѣпостномъ правѣ, при барщинной си-

стемѣ крестьянство было обезпечено средствами производства лишь настолько, что не болѣе половины его рабочаго времени занято было въ собственномъ хозяйствѣ, другая половина отдавалась помѣщику. Съ теченіемъ времени это отношеніе измѣнилось, но не къ выгодѣ крестьянства. Во-первыхъ, надѣлы, отведенные крестьянамъ при отмѣнѣ крѣпостного права, оказались ниже тѣхъ нормъ, которыя приняты были при крѣпостномъ правѣ помѣщиками для обезпеченія трехдневнаго крестьянскаго труда, а во-вторыхъ, съ того времени, съ постепеннымъ ростомъ населенія, растетъ и земельная необезпеченность его. Понятно отсюда, что если раньше у крестьянина оставалось три дня свободныхъ, то теперь такого избыточнаго времени еще больше. Здѣсь мы и находимъ объясненіе тому сильному стремленію къ арендѣ земли, которое мы наблюдаемъ теперь у насъ. Но, чтобы арендовать землю, необходимо оплачивать наемъ, нужны деньги. А такъ какъ таковыхъ у нашего крестьянства большею частью не бываетъ, то и является необходимость отчуждать непосредственно рабочую силу въ видѣ различныхъ работъ въ постороннемъ хозяйствѣ. Частные владѣльцы, а также наиболѣе состоятельные крестьяне получаютъ, такимъ образомъ, возможность пользоваться рабочими силами, необходимыми для ихъ хозяйства. Одна изъ распространенныхъ формъ состоитъ въ томъ, что за извѣстный участокъ земли арендаторъ долженъ произвести рядъ работъ на остающейся свободной отъ аренды землѣ.

Крестьянинъ за аренду какого-нибудь участка обязуется явиться по требованію владѣльца въ его хозяйство и отработать тамъ опредѣленное число дней или произвести извѣстныя работы, часто даже со своимъ инвентаремъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ частновладѣльческія хозяйства, гдѣ нѣтъ ни живого ни мертваго инвентаря: земля обработывается крестьянскимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Это аренда *за отработки*. Такая отработка, производимая обыкновенно изъ нужды (не только за арендуемую землю, но и за муку, солому, кредитъ, проценты) не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми товариществами и обществами крестьянъ, не можетъ вести къ улучшенію частновладѣльческаго

хозяйства. *Зимняя наемка* — это тотъ же заемъ на уплату податей, въ задатокъ за аренду или на текущія потребности. Испытывая сильную нужду въ деньгахъ для удовлетворенія этихъ потребностей, крестьянинъ нанимается зимой на лѣто, при чемъ при наймѣ ему выдается задатокъ. Такая наемка обходится собственнику на 20 и больше $^0/_0$ дешевле, но соотвѣтственно этому и самая работа ниже. Затѣмъ аренда изъ доли или *половничество*, что прежде было сильно распространено въ Западной Европѣ. Прежде крестьянинъ при такой арендѣ получалъ землю и сѣмена, иногда даже постройки и часть инвентаря, а продуктъ дѣлился пополамъ съ владѣльцемъ. Но съ теченіемъ времени это отношеніе мѣняется: вмѣсто $^1/_2$ урожая, напримѣръ, крестьянинъ оставляетъ себѣ только $^1/_3$. Иногда при половничествѣ ставится условіе, что за десятину арендуемой земли крестьянинъ обязуется обработать десятину на владѣльца земли.

Далѣе *батрацкое* хозяйство, гдѣ рабочіе нанимаются на годъ, на лѣто и поденно.

Районъ преимущественнаго распространенія обработки пашни у владѣльцевъ ихъ инвентаремъ и трудомъ *постоянныхъ* или *сроковыхъ* рабочихъ составляютъ вся западная, южная и частью юго-восточная окраина Европейской Россіи и двѣ губерніи промышленной группы, гдѣ, однако, владѣльческихъ хозяйствъ относительно немного. Въ остальной большей части Европейской Россіи господствуетъ почти исключительно, или пользуется преимущественнымъ распространеніемъ обработка пашни *крестьянскими орудіями и скотомъ* и наемъ *издѣльный за деньги* или въ формѣ *отработковъ* или же отдача земли въ обработку *исполу* (Вліяніе урожаевъ и т. д. *Н. Ф. Анненскій*. „Стоимость производства хлѣба въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ“).

Отсюда мы видимъ, что крестьянинъ отчуждаетъ не только свою рабочую силу, но исполняетъ работы и своимъ инвентаремъ въ большей части мѣстностей Европейской Россіи, такъ что характеръ сельскохозяйственныхъ предпріятій, ведомыхъ, хотя бы и на частновладѣльческихъ земляхъ и за счетъ частныхъ

владѣльцевъ, опредѣляется по преимуществу строемъ, уровнемъ и условіями крестьянскаго хозяйства.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство весьма существенное. Какъ видно изъ приведенной только что передъ симъ выдержки изъ работы Н. Ф. Анненскаго, у насъ преобладаетъ натуральная форма оплаты труда, т.-е. не деньгами, а землей, которую крестьянинъ, берущій ее въ аренду, получаетъ какъ плату за трудъ, примѣняемый на остальной части владѣльческой земли, будетъ ли то работа исполу или отработочная система, при которой крестьянинъ, а иногда и цѣлое крестьянское общество обязуется за арендуемую землю исполнить рядъ опредѣленныхъ работъ. Это преобладаніе натуральной оплаты аренды съ одной стороны и работы съ другой объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что населеніе, въ особенности наиболѣе обездоленное, предпочитаетъ уплатить за землю не деньгами, а трудомъ, такъ какъ деньги надо достать, что не всегда возможно, а трудъ свой надо прилагать и для добычи денегъ, а здѣсь готовая почва подъ руками для приложенія его; но если это отвѣчаетъ интересамъ крестьянъ въ данный моментъ или, точнѣе говоря, положенію ихъ, то возможность воплотить эти интересы въ такой формѣ обусловливается тѣмъ, что того требуютъ интересы землевладѣльцевъ: многими статистическими сборниками констатировано и въ только что цитированной статьѣ Н. Ф. Анненскаго вполнѣ выяснено, что натуральная оплата труда для землевладѣльцевъ обходится дешевле, нежели денежная. По вычисленіямъ, произведеннымъ въ этой статьѣ, оказывается, что при натуральной формѣ найма хозяева гораздо „менѣе зависятъ отъ колебанія рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ и на трудъ, нежели при хозяйствѣ чисто-денежномъ“. Это одно обстоятельство, заставляющее предпочитать натуральную оплату труда. Другое заключается въ томъ, что оплата эта бываетъ въ этомъ случаѣ обыкновенно дешевле. Во-первыхъ. потому, что на нее соглашается болѣе нуждающійся крестьянинъ, который и готовъ взять поэтому за свой трудъ дешевле, а во-вторыхъ, и менѣе нуждающійся больше отдастъ за землю трудомъ, нежели деньгами, ибо послѣднія надо тоже достать трудомъ,

для приложенія котораго за деньги можетъ и не найтись благопріятныхъ условій, а трудъ все равно останется не использованнымъ. Къ этому присоединяется еще и то, что земля-то нужна, и именно данная, лежащая здѣсь поблизости и, слѣдовательно, если землевладѣлецъ, соблюдая свою выгоду, не отдаетъ ее иначе, какъ за отработки и притомъ опредѣленныя, то надо согласиться. Наконецъ рабочій за деньги можетъ уйти всегда, а такой мѣстный готовъ во всякое время къ услугамъ. Къ тому же съ развитіемъ денежной наемки надо имѣть и свой инвентарь, а тутъ можно обойтись инвентаремъ крестьянина, не требующимъ денежнаго расхода.

Приведемъ теперь нѣкоторыя фактическія данныя, выясняющія обстоятельства и условія найма рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Согласно этимъ даннымъ, одной изъ причинъ, побуждающихъ уходить на заработки, является излишекъ рабочихъ силъ въ семьѣ, при невозможности приложить эти силы въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ, земско-статистическія изслѣдованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской губ. даютъ указанія на то, что средняя семья, изъ которой не отпускаются рабочіе, состоитъ изъ 6,9 человѣкъ, и лицъ въ рабочемъ возрастѣ на такую семью приходится 1,65; семьи же, выставляющія рабочихъ, состоятъ въ среднемъ изъ 6,6 человѣкъ, а лицъ въ рабочемъ возрастѣ въ такой семьѣ 1,78, т.-е. больше (*С. Ф. Рудневъ*. Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи. Сельскохозяйственные рабочіе. Саратовск. земск. собр., 1894 г. № 9).

При данныхъ условіяхъ землевладѣнія, уходъ на заработки не всегда долженъ разсматриваться какъ явленіе отрицательное; уходъ этотъ не всегда объясняется бѣдностью семьи, а иногда богатствомъ рабочихъ силъ, такъ какъ отношеніе числа лицъ въ рабочемъ возрастѣ къ общему числу лицъ въ семьѣ часто явленіе случайное. „Значительное число нанимающихся на земледѣльческія работы (въ Воронежской губ. 85%) выходятъ изъ хозяйствъ, держащихся за землю, и отхожій заработокъ помогаетъ имъ бороться за сохраненіе хозяйственной независимости“. (*А. Ф. Фортунатовъ*. „Сельскохозяйст. обозр.“

„Русск. Вѣд.“ 1895 г., № 12 апрѣля). Я останавливаюсь на этомъ потому, что у насъ, безъ дальнѣйшаго анализа, распространено мнѣніе, что отхожіе промыслы явленіе печальное. Не стану отрицать, что въ большинствѣ случаевъ это дѣйствительно такъ. Понятно, если бъ было больше земли, то не могло бы быть и рѣчи объ избыткѣ рабочихъ силъ, и рабочіе не уходили бы изъ своего хозяйства. Но при данныхъ условіяхъ землевладѣнія уходъ на заработки вызывается иногда желаніемъ приложить къ чему-нибудь лишнія рабочія силы, являясь средствомъ заработать больше и улучшить положеніе семьи, и такимъ образомъ совершается иногда и не изъ нужды. Отходъ на заработки имѣетъ и хорошія стороны, поскольку онъ способствуетъ знакомству уходящихъ съ условіями другихъ мѣстностей, расширенію ихъ умственнаго кругозора. Затѣмъ отходъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ кустарныхъ промысловъ, является часто выгоднымъ приложеніемъ рабочей силы въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Такъ, наприм., плотничій отходъ, по наблюденіямъ относительно образа жизни и хозяйства уходящихъ на мѣстахъ, откуда они уходятъ, свидѣтельствуетъ о сравнительной ихъ зажиточности. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что излишекъ рабочихъ силъ, вызывающій отходъ на заработки, представляетъ собою обычно явленіе относительное, создаваемое малоземельемъ, являющимся основной причиной отхода, какъ это видно изъ данныхъ земской статистики. Если распредѣлить семьи по величинѣ надѣловъ, то наибольшій % уходитъ оттуда, гдѣ надѣлы меньше, и наоборотъ. Такъ, по 9 уѣздамъ Воронежской губ., свѣдѣнія изъ которыхъ приведены раньше:

	Десятинъ земли на 1 хозяйство.	Арендующихъ землю: % ко всѣмъ хозяйствамъ.	Въ среднемъ на 1 хоз. аренд. земля десятинъ.
Среднія по уѣздамъ	11,4	43,6	5,6
У поставляющихъ батраковъ .	9,7	28,4	3.5

(С. Ф. Рудневъ, указ. ст.).

Въ пяти уѣздахъ Орловской губ. среди безземельныхъ отходъ (въ общемъ итогѣ промысловъ) даетъ 66,$^{30}/_0$, при надѣлѣ до 5 дес. 50,$_7$%, отъ 5 до 15 д.—45%, свыше 15 д.—40,$_8$%. Въ Пирятинскомъ уѣздѣ среди хозяйствъ безъ пашни 20% отпускаютъ своихъ членовъ на земледѣльческія работы, при надѣлѣ до 3 д. и отъ 3 до 6 дес. по 16%, при надѣлѣ 6—9 д. 14,$_2$%, болѣе 9 дес. 7,$_4$% (А. Ф. Фортунатовъ, указ. ст.).

Очевидно, гдѣ надѣлы меньше, оттуда и батраковъ уходитъ больше.

Рядомъ съ земельной необезпеченностью здѣсь оказываетъ вліяніе и недостатокъ скота: процентъ не имѣющихъ его совсѣмъ или имѣющихъ его въ недостаточномъ количествѣ больше среди хозяйствъ, поставляющихъ батраковъ, чѣмъ среди непоставляющихъ, что подтверждается данными по тѣмъ же уѣздамъ Воронежской губ.

	Не обрабатывающихъ землю.	Не имѣющихъ рабочаго скота.	Безъ всякаго скота.
	Въ процентахъ ко всѣмъ хозяйствамъ.		
Въ среднемъ по 9 уѣздамъ . .	9,4	2,8	11,2
У поставляющихъ батраковъ .	14,8	3,5	21,1

(С. Ф. Рудневъ, указ. статья).

Въ двухъ уѣздахъ Орловской губ. безлошадные показываютъ 60% отхода, однолошадные 37,$_1$ проц., двухлошадные 32.$_2$ проц., а имѣющіе больше лошадей — 30,$_4$ проц. (А. Ф. Фортунатовъ указ. ст.).

Далѣе при недостаточныхъ надѣлахъ на отходъ оказываетъ вліяніе близость и величина частновладѣльческихъ имѣній, при чемъ не столько вліяетъ общее количество частновладѣльческой земли, сколько пашни. Если взять по разнымъ районамъ процентъ уходящихъ въ наемъ на сельскохозяйственныя работы и сопоставить съ величиной надѣловъ и распаханностью частновладѣльческой земли, то съ уменьшеніемъ надѣловъ и увеличеніемъ частновладѣльческой пашни увеличивается число батраковъ. Итакъ, количество батраковъ зависитъ отъ цѣлаго ряда условій:

отъ величины надѣловъ, возможности арендованія земли, количества и близости частновладѣльческихъ хозяйствъ, способа веденія послѣднихъ, отъ развитія внѣземледѣльческихъ промысловъ и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ причинъ величина надѣловъ и количество частновладѣльческихъ земель отражается все-таки болѣе замѣтно на количествѣ батраковъ (С. Ф. Рудневъ, указ. статья).

Такимъ образомъ, недостаточность надѣла играетъ и здѣсь едва ли не первенствующую роль, что совершенно понятно. Отсюда ростъ населенія, создающій все меньшую и меньшую обезпеченность надѣломъ, долженъ бы былъ вести къ развитію батрацкаго хозяйства.

И, однако, незамѣтно, чтобы оно развилось сколько-нибудь значительно, исключая лишь нѣкоторыя мѣстности Россіи, но и тамъ не въ особенно уже большихъ размѣрахъ. А это говоритъ за то, что при всей, какъ увидимъ ниже и какъ это всѣмъ извѣстно, печальной обстановкѣ крестьянскаго хозяйства у насъ, все же существуютъ такія условія, которыя не благопріятствуютъ развитію у насъ въ земледѣліи хозяйства съ наемнымъ трудомъ и не даютъ уничтожиться крестьянскому хозяйству.

По поводу приведенныхъ фактовъ отмѣтимъ еще, что они говорятъ по преимуществу объ „отходѣ“ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, т.-е. отмѣчаютъ еще иную форму приложенія труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сверхъ тѣхъ, которыя были отмѣчены раньше. Факты эти характеризуютъ, главнымъ образомъ, тотъ отходъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который совершается по преимуществу на югъ, гдѣ производятся большіе зерновые посѣвы и гдѣ время жатвы и косовицы предъявляетъ большой спросъ на рабочихъ для даннаго времени, для критическихъ моментовъ сельскаго хозяйства, при чемъ передвиженіе рабочихъ на югъ къ этому моменту является возможнымъ, отчасти вслѣдствіе несовпаденія времени жатвы на югѣ и въ другихъ мѣстахъ. По различнаго рода даннымъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ въ 12 южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ и областяхъ опредѣляется свыше 1 мил. человѣкъ, въ каковомъ приблизи-

тельно количествѣ и направляются туда рабочіе изъ губерній средней полосы (*кн. Н. Шаховской.* „Земледѣльческій отходъ крестьянъ". С-Пб. 1903, гл. II). При этомъ оказывается, что изъ этого числа ежегодно бываетъ до 30 проц. новичковъ, идущихъ на заработки первый разъ, что и свидѣтельствуетъ, что и въ этомъ родѣ заработка не образовался постоянный составъ рабочихъ. Это же подтверждается и тѣмъ, что среди рабочихъ мужчинъ холостые составляютъ довольно высокій процентъ, а именно до 40 проц., а среди женщинъ—дѣвицы—до 87,6 проц. Наибольшая масса ихъ двигается въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ (до 90 проц.), поспѣшая къ уборкѣ травъ и хлѣба. Болѣе 70 проц. прибываютъ пѣшкомъ, за неимѣніемъ средствъ на проѣздъ. „Выяснились для хозяевъ или невыяснились виды на урожай, своевременная, ранняя или поздняя—оказывается весна, могутъ ли или не могутъ хозяева составить себѣ вѣрный расчетъ, сколько имъ нужно рабочихъ для уборки травъ и хлѣбовъ, но они должны въ опредѣленное традиціей установленное время совершить на извѣстныхъ, зачастую весьма отъ нихъ отдаленныхъ, ярмаркахъ наемъ сроковыхъ рабочихъ на все лѣто, иначе они рискуютъ вовсе остаться безъ рабочихъ" (тамъ же). Относительно условій вознагражденія такихъ рабочихъ приходится сказать, что плата колеблется чрезвычайно въ зависимости отъ отношенія спроса и предложенія рабочихъ, что, въ свою очередь, опредѣляется урожаемъ или неурожаемъ, а также колебаніями погоды, особенно частыми и рѣзкими на югѣ, заставляющими нерѣдко крайне спѣшить съ уборкой хлѣбовъ. Эти-то обстоятельства и вызываютъ особенно сильное распространеніе на югѣ жатвенныхъ машинъ, дѣлающихъ потребность въ косаряхъ не столь настоятельной и острой и ведущихъ къ замѣнѣ мужского труда трудомъ женщинъ и подростковъ, что и увеличиваетъ число этихъ лицъ въ составѣ приходящихъ на югъ рабочихъ.

Обращаюсь теперь къ *платѣ* за сельскохозяйственныя работы. Соотвѣтственно условіямъ найма на круглый годъ, на лѣто, или поденно, и плата устанавливается годовая, лѣтняя или поденная. Послѣдняя выдерживаетъ вообще весьма значитель-

ныя колебанія, въ зависимости отъ условій года и даже момента сельскохозяйственныхъ работъ, не говоря уже, конечно, о вліяніи большаго или меньшаго притока рабочихъ. Большей опредѣленностью отличается плата годовая и лѣтняя. Наиболѣе точнымъ выраженіемъ высоты платы служила бы, конечно, денежная плата, но такъ какъ она не вездѣ у насъ распространена, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается плата частью деньгами, частью натурой, либо исключительно натурой, какъ, наприм., хлѣбомъ, либо уступкой земли въ арендное пользованіе въ разныхъ формахъ, то, въ добавленіе къ сказанному объ этомъ раньше, укажемъ нѣсколько детальнѣе, гдѣ и какой именно видъ платы преобладаетъ. Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ преобладаетъ наемъ годовой, лѣтній или поденный пришлыхъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній, не мѣстныхъ на хозяйскихъ харчахъ, а годовыхъ даже на хозяйской одеждѣ. Въ восточныхъ степныхъ губерніяхъ, за Волгой, плата издѣльная и часто прямо хлѣбомъ. Въ центральной черноземной полосѣ отъ Днѣпра до Волги и еще въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской, гдѣ густое населеніе и избытокъ рабочихъ, а надѣлы малы, — распространена сдача земли въ аренду во всѣхъ формахъ: за деньги, исполу, за отработки, и, при отсутствіи промысловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большой нуждѣ, зимняя наемка, т.-е. когда нужда въ деньгахъ достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, при условіи, что работа будетъ произведена крестьянскимъ инвентаремъ, при чемъ заработная плата значительно дешевле, что отражается и на платѣ пришлымъ сюда рабочимъ. Въ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ много безземельныхъ и бездомовыхъ, поэтому тамъ нѣтъ найма крестьянъ съ ихъ инвентаремъ, а нанимаются только батраки. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Владимирской, Смоленской, Тверской, Новгородской и др., гдѣ частновладѣльческіе посѣвы малы, годовыхъ рабочихъ очень мало, существуютъ здѣсь лѣтніе рабочіе, при чемъ распространена обработка крестьянскимъ же инвентаремъ, а затѣмъ самые разнообразные способы найма: поденный, издѣльный, зимняя наемка и пр.

Различныя экономическія условія всѣхъ названныхъ мѣстностей вызываютъ и различную плату сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Наиболѣе высокая годовая и лѣтняя плата рабочимъ существуетъ на крайнемъ югѣ, гдѣ запашки больше и большая часть года занята работами, рабочій здѣсь пришлый. Съ другой стороны, высокая заработная плата въ промышленныхъ губерніяхъ: промышленная жизнь вызываетъ здѣсь большой отливъ рабочихъ на фабрики и въ различные промыслы. Самая низкая земледѣльческая плата въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ много безземельныхъ и относительно малы площади пахотныхъ земель у частныхъ владѣльцевъ. Приведу нѣкоторыя цифры для характеристики сказаннаго:

Районы.	Плата годовымъ рабочимъ.	Плата лѣтнимъ рабочимъ.
	Въ рубляхъ.	
Южныя степныя губерніи . . .	88,60 (отъ 50 до 120)	54,90 (отъ 35 до 95)
Прибалтійскія „ . . .	82 („ 60 „ 110)	53,33 („ 40 „ 65)
Сѣверо-западныя „ . . .	77 („ 50 „ 120)	53,25 („ 35 „ 90)
Промышленныя „ . . .	64 („ 36 „ 90)	42,86 („ 25 „ 60)
Сѣверн. нечерноз. „ . . .	63 („ 40 „ 90)	46,66 („ 28 „ 70)
Восточн. и юго-вос. „ . . .	60,86 („ 35 „ 120)	38,16 („ 20 „ 80)
Среднія чернозем. „ . . .	60 („ 40 „ 80)	43,17 („ 30 „ 56)
Средне-волжскія „ . . .	58 („ 40 „ 90)	39,33 („ 30 „ 60)
Сѣверныя черноз. „ . . . (Курск., Пенз. и др.)	51,79 („ 35 „ 70)	36,79 („ 20 „ 55)
Западныя „ . . .	44 („ 25 „ 60)	32,75 („ 24 „ 50)
Юго-западныя „ . . .	41,67 („ 20 „ 90)	37,50 („ 26 „ 50)
	Средняя.	
Для черноземной полосы . . .	64	42,86
„ нечерноземной „ . . .	60,63	44,25

60,63.

Цифры эти, взятыя изъ указанной выше ст. С. Ф. Руднева, незначительно разнятся отъ цифръ Н. Ф. Анненскаго въ его ст. въ книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, какъ взятыхъ за другой періодъ, но нисколько не измѣняютъ относительныхъ колебаній платы по районамъ.

Средняя земледѣльческая плата для всей Россіи: лѣтняя 43,14, годовая 61,22, руб. Какъ можно видѣть изъ приведенной выше

таблицы, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ трехъ, годовая плата либо очень близка къ средней для всей Россіи, либо много ниже ея, а эта плата (61,22) не покрываетъ годовыхъ расходовъ на пищу семьи, если въ ней 3,2 человѣка безъ рабочаго (С. Ф. Рудневъ, тамъ же). Какъ видимъ, заработокъ, доставляемый крестьянамъ сельскохозяйственнымъ отходомъ, далеко не таковъ, чтобы сельское батрачество могло отвлекать отъ занятія земледѣліемъ въ собственномъ хозяйствѣ, а потому и понятно, что при первой возможности этотъ отходъ прекращается, почему и является такъ много новичковъ.

Не останавливаясь на данныхъ относительно поденной платы въ земледѣліи, отмѣтимъ, что по сопоставленіямъ, сдѣланнымъ А. Ф. Фортунатовымъ („Населеніе и хозяйство Австраліи". Рефератъ въ засѣд. Статист. Отд. Московск. Юрид. Общ. 28 марта 1898 г.), она растетъ съ ростомъ урожая; такъ во время ярового посѣва:

	Въ 1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Средн. поден. пл. въ нечерноз. пол.	32 к.	35 к.	35,6 к.	37 к.
Въ черноземн. пол.	23 „	27 „	31 „	32 „
Урож. въ отнош. къ средн.	73,7	85,9	106	122,6

Какъ видимъ, по мѣрѣ роста урожая средняя поденная плата также растетъ. Объясненіе этому заключается отчасти въ томъ, что при лучшемъ урожаѣ можетъ быть сильнѣе спросъ на рабочія руки, главное же—меньше предложеніе послѣднихъ, а если меньше ихъ предложеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, то менѣе и въ обработывающей промышленности, и слѣдовательно, и тамъ это должно вліять на подъемъ или задержку паденія заработной платы. Отсюда вытекаетъ, между прочимъ, заключеніе, что улучшеніе положенія крестьянскаго хозяйства должно отзываться благопріятно и на положеніи рабочихъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности.

Для болѣе полной характеристики высоты заработной платы отмѣтимъ еще, что *поденная* плата сельскимъ рабочимъ въ центральныхъ губерніяхъ не превышаетъ 50 коп. мужчинѣ и 30 к.

женщинѣ, что, говоритъ кн. Н. В. Шаховской (Землед. отход., стр. 59). „нельзя не признать для періода исключительнаго напряженія силъ земледѣльцевъ, каковымъ является лѣтняя страда, недостаточнымъ вознагражденіемъ за трудъ“. Онъ же приводитъ согласно даннымъ департамента окладныхъ сборовъ поденную плату въ той же полосѣ въ страдную пору за десятилѣтіе 1891—1900 г., изъ которой и видно, что *въ среднемъ за десятилѣтіе* плата эта по различнымъ губерніямъ спускается для женщинъ до 18 к. (Пензенская губ.) и для мужчинъ до 31 коп. (Волынская губ.) и по Пензенской, Симбирской, Подольской до 32 к. Въ отдѣльные же годы женская плата падаетъ до 15 к. (одинъ разъ даже до 14), а мужская (и не по одной губерніи)—до 30 к.

Мы приводимъ эти данныя, между прочимъ, потому, что это данныя офиціальнаго характера и помѣщены въ офиціальномъ изданіи, такъ какъ трудъ кн. Н. В. Шаховского выполненъ по порученію предсѣдателя Высочайше утвержденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; кромѣ того, данныя эти относятся и къ времени не весьма отдаленному. Мы обращаемъ здѣсь на это вниманіе, такъ какъ изъ этихъ цифръ ясна полная справедливость приведеннаго нѣсколько выше замѣчанія кн. Н. В. Шаховского о недостаточности такого вознагражденія. Между тѣмъ въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ офиціальныхъ сферахъ заявляется, что заработки крестьянъ въ частновладѣльческихъ экономіяхъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ работа на надѣльной землѣ; слыша это, приходится недоумѣвать, почему отсюда не дѣлается неизбѣжный выводъ: слѣдуетъ въ интересахъ крестьянина совершенно отнять у него землю, пускай онъ обрабатываетъ ее на помѣщика, и тогда благосостояніе его увеличится. Впрочемъ, если не ошибаюсь, такъ и надо понимать выводъ, который на основаніи данныхъ такъ называемой комиссіи центра дѣлается въ трудѣ С. С. Бехтѣева изъ сопоставленія дохода съ надѣльной земли и заработка въ экономіяхъ. Сопоставленіе это даетъ въ среднемъ по 27 губерніямъ *чистую доходность* одной десятины пашни на крестьянской надѣльной землѣ въ 4 р. 13 к., а средній *заработокъ* крестьянина по тѣмъ же

губерніямъ съ одной десятины частновладѣльческой земли въ 15 р. Въ заключеніе этого сопоставленія говорится, что оно „даетъ ключъ къ уразумѣнію причинъ ухода крестьянъ отъ своей земли, какъ только къ тому есть возможность. Что же сидѣть на землѣ, когда она такъ плохо оплачиваетъ трудъ, даетъ такой убогій *доходъ*, который *ниже того*, что имъ же, крестьянамъ, уплачиваютъ землевладѣльцы только за одну работу, безъ всѣхъ другихъ общихъ расходовъ? Какъ ни печаленъ этотъ фактъ бездоходности крестьянской земли, но онъ имѣетъ ту хорошую сторону, что онъ свидѣтельствуетъ о небезысходности современнаго положенія, о небезнадежности его. Сопоставленіе съ *землевладѣльческимъ хозяйствомъ* свидѣтельствуетъ о возможности и крестьянскую землю превратить въ болѣе доходную приложеніемъ къ ней болѣе культурныхъ пріемовъ хозяйства“. („Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія“, т. II. „Вопросъ земельный“. С.-Пб. 1906, стр. 142—144). Авторъ приведеннаго труда тѣмъ болѣе убѣжденъ въ справедливости сказаннаго имъ, что даже валовая доходность одной десятины надѣльной земли по офиціальнымъ даннымъ, которыми онъ пользуется, составляетъ въ среднемъ лишь 11 р. 78 к., т.-е. ниже заработка, получаемаго крестьяниномъ отъ одной десятины частновладѣльческой земли. Такая величина *валового* дохода при сопоставленіи ея съ только что приведенными величинами *чистаго* дохода и *заработной платы* должна бы была показать автору, что цифры его не пригодны для дѣлаемаго имъ сопоставленія. Вѣдь при опредѣленіи чистаго дохода, все равно крестьянъ или другихъ землевладѣльцевъ, необходимо вычесть изъ валового, помимо всего другого, еще и всю сумму заработной платы, а такъ какъ послѣдняя составляетъ 15 р. да чистый доходъ 4 р. 13 к., то вотъ уже валовой доходъ не можетъ быть ниже 19 р. 13 к., а тамъ имѣется еще расходъ на сѣмена, котораго тоже нельзя не принять въ расчетъ. Слѣдовательно, тутъ или заработная плата показана черезчуръ высокой или валовой доходъ—очень низкимъ, или вычисленіе чистаго сдѣлано невѣрно, или же, наконецъ, и то, и другое, и третье невѣрно,—какой же отсюда можетъ быть выводъ и какъ же не

остановить на этомъ вниманія, если пользоваться цифрами для уясненія явленій, а не для подтвержденія напередъ установленнаго положенія. Если же признать возможнымъ изъ этихъ цифръ дѣлать какой-либо выводъ, то онъ можетъ быть только одинъ: крестьянинъ не имѣетъ съ своего надѣла никакого чистаго дохода, такъ какъ выручаетъ менѣе того, что составляетъ заработная плата, которая и въ офиціальныхъ изданіяхъ разсматривается какъ недостаточная; но отсюда, пожалуй, недалеко и до заключенія, что крестьянинъ обработываетъ свой надѣлъ изъ-за удовольствія, а не ради заработка.

Несомнѣнно, конечно, что во многихъ случаяхъ русскому крестьянину не только не приходится получать чистаго дохода съ своего надѣла, но даже приходится нести убытокъ и не вслѣдствіе того, чтобы доля, приходящаяся на заработную плату, расцѣнивалась очень высоко, а по причинамъ и условіямъ иного характера, о которыхъ и будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Что же касается труда, примѣняемаго вообще крестьянами на земляхъ, обработываемыхъ въ свою пользу, то, конечно, онъ стоитъ въ иныхъ условіяхъ, нежели трудъ наемныхъ рабочихъ.

Но прежде, чѣмъ пояснить это, необходимо, такъ сказать, условиться, о какомъ крестьянскомъ хозяйствѣ идетъ рѣчь. Конечно, это прежде всего хозяйство, основанное не на наемномъ трудѣ, а на трудѣ самого крестьянина и членовъ его семьи; мы говоримъ „основанное“, такъ какъ въ иные моменты и здѣсь можетъ встрѣтиться надобность въ наемныхъ силахъ, но все то веденіе хозяйства разсчитано не на наемный трудъ. Но этого недостаточно. Надо имѣть въ виду такой размѣръ хозяйства, который допускаетъ достаточное использованіе рабочей силы. Конечно, рѣчь идетъ не о томъ, что понимается подъ трудовой нормой, но въ то же время нельзя имѣть въ виду и такой размѣръ, при которомъ приходится говорить о малоземельѣ, о невозможности приложить свой трудъ къ землѣ настолько, чтобы не оставаться большую часть времени празднымъ. Нужно, слѣдовательно, имѣть въ виду хозяйство во всякомъ случаѣ не меньше средняго крестьянскаго, при которомъ возможна сколько-нибудь нормальная постановка дѣла.

Если имѣть въ виду такое хозяйство, то, конечно, въ немъ отсутствуетъ цѣлый рядъ условій, неблагопріятно отражающихся на хозяйствахъ съ наемнымъ трудомъ,—тѣхъ условій, о которыхъ говорилось выше въ этомъ очеркѣ. Прежде всего неравномѣрность въ распредѣленіи работъ по рабочему періоду не причиняетъ здѣсь тѣхъ неудобствъ, какія терпитъ хозяйство съ наемными рабочими. Здѣсь не приходится, съ одной стороны, во время остановки работъ содержать лишнія рабочія силы и платить имъ; съ другой стороны, тутъ не можетъ быть недостатка въ рабочихъ силахъ. Здѣсь всѣ затрудненія съ рабочими силами не имѣютъ тѣхъ послѣдствій, съ какими считается предпринимательское хозяйство, уже потому, что такое хозяйство ведется не ради прибыли. Оно будетъ вестись съ выгодою даже и въ томъ случаѣ, если дастъ не менѣе того, что можно разсматривать какъ заработную плату. (Это хорошо выяснено въ гл. IV труда проф. В. А. Косинскаго. Къ аграрному вопросу. Одесса. 1906). Но само собой разумѣется, что такое хозяйство, какъ и каждое, стремится выручить больше, а такъ какъ эта выручка зависитъ здѣсь при равенствѣ остальныхъ условій отъ количества и качества затраченнаго труда и такъ какъ трудъ этотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ затрачивается для себя, то, конечно, онъ производительнѣе наемнаго труда, да еще и не требуетъ расхода на надзоръ.

Эти общія положенія въ связи съ тѣмъ, что было сказано объ экономіи низкой заработной платы, уже должны бы были заставить воздержаться отъ заключенія, что, работая на другихъ, въ земледѣліи крестьянинъ получитъ болѣе, чѣмъ при работѣ на себя. Но, кромѣ того, большая производительность въ земледѣліи работы на себя подтверждается наблюденіями всѣхъ и притомъ весьма давними. Достаточно хотя напомнить, какъ еще на памяти современниковъ поводильщики медвѣдей заставляли послѣднихъ изображать, какъ примѣняется барщинный трудъ, а мы уже видѣли, какъ въ Англіи даже условія труда свободнаго сельскаго рабочаго почти не отличаются отъ труда подневольнаго. Отсюда понятно и такое наблюденіе, сдѣланное въ Сербіи, напр., что „тѣ

хозяева, которые работаютъ лишь съ своими семейными или очень рѣдко прибѣгаютъ къ наемнымъ силамъ, въ состояніи производить дешевле и вслѣдствіе этого являются болѣе способными выдерживать конкуренцію, нежели тѣ, которые прибѣгаютъ къ наемнымъ силамъ" (Iowanowitsch: Die serbische Landwirthschaft. München. 1906, стр. 31). Это же объясняетъ намъ, почему, наприм., Данія, которая по природнымъ условіямъ близко подходитъ къ англійскимъ, но все же уступаетъ имъ, но въ которой преобладаетъ не крупное или среднее хозяйство, какъ въ Англіи, а крестьянское, имѣетъ подъ пашней 58,8% обработываемой площади, а Англія лишь 33,1%; что же касается урожая пшеницы, то съ 30,74 бушелей съ акра, какъ это было въ 1875 — 79 г., онъ поднялся въ Даніи до 39,08 къ 1897 — 1903 г., тогда какъ въ Англіи онъ за это послѣднее пятилѣтіе составляетъ лишь 30,95 буш. съ акра, т.-е. почти тоже, что въ Даніи было 25 лѣтъ назадъ. (Thompson: The Development of Agriculture in Denmark. Journal of the Royal Statistical Society. June. 1906, стр. 375—6 и 392—4).

Наглядное объясненіе такой производительности земледѣлія въ крестьянскихъ хозяйствахъ, такой успѣшности тамъ труда дается слѣдующими примѣрами. „Обработка полей въ мелкомъ производствѣ *въ каждомъ отдѣльномъ* случаѣ лучше, чѣмъ въ болѣе крупномъ хозяйствѣ, которое приходится вести *почти* исключительно при посредствѣ чужихъ рабочихъ силъ. Примѣры. При посадкѣ или прорѣживаніи свекловицы задѣльные работники оставляютъ въ каждомъ кустѣ отъ 6 до 12 растеній, а *хозяинъ* самое большее—отъ 3 до 4, при чемъ онъ *всегда умѣетъ пощадить самое сильное растеніе.* Задѣльные работники при той же работѣ едва слѣдятъ за тѣмъ, остается ли на мѣстѣ лучшее растеніе. Благодаря такому различному выполненію работы, свекловица мелкаго крестьянина, какъ мнѣ сообщаетъ владѣлецъ одного болѣе крупнаго двора, въ своемъ ростѣ уходитъ сравнительно на двѣ недѣли впередъ. Между тѣмъ какъ до этихъ работъ въ обѣихъ группахъ владѣнія не замѣтно было никакой разницы въ стадіяхъ роста. На всякомъ полѣ можно распознать,

обработана ли свекловица собственными или чужими руками. При обработкѣ *хлѣбныхъ* породъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ (Аугагенъ. Цитирую по Давиду, стр. 56—58), — обнаруживаются приблизительно такія же различія между своимъ и чужимъ трудомъ". Давъ нѣкоторыя поясненія этому, авторъ опять возвращается къ свекловицѣ и указываетъ, что въ сезонъ 1894—5 г., когда свекловица выкапывалась въ очень сырую погоду, у крупнаго владѣльца въ 10 подводахъ свекловицы было 7 подводъ сору (70% забраковано), а у мелкаго лишь $2^1/_2$ [1]). Приведя эти примѣры, Давидъ справедливо заключаетъ: „крупное производство располагаетъ менѣе доброкачественнымъ трудомъ, и оно оплачиваетъ его дороже, чѣмъ мелкій самостоятельный хозяинъ". Но это оплачиваніе „дороже" не значитъ, что, работая у крупнаго собственника по найму, крестьянинъ заработаетъ больше, чѣмъ производя ту же работу у себя; напротивъ, это означаетъ, что именно тамъ, у крупнаго собственника, онъ и получаетъ очень небольшую заработную плату (экономія низкой заработной платы), такъ какъ низкая заработная плата вызываетъ и трудъ невысокаго качества, почему наиболѣе дешевый трудъ (по платѣ) является наиболѣе дорогимъ (по результатамъ его).

Сказаннымъ, думается намъ, уже достаточно выясняется разница между трудомъ наемнымъ и собственнымъ въ земледѣліи. Но здѣсь можетъ быть сдѣлано указаніе на то, что до сихъ поръ рѣчь идетъ все о ручномъ трудѣ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи примѣняется и машинный трудъ, что, конечно, доступнѣе крупнымъ не крестьянскимъ хозяйствамъ. А такъ какъ въ обработывающей промышленности побѣду крупному производству даетъ именно примѣненіе машинъ, то и необходимо выяснить значеніе машинъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ, къ чему и переходимъ теперь.

---

[1]) Отсюда легко видѣть, насколько не обосновано въ интересахъ производительности выдѣленіе изъ принудительнаго отчужденія земель, занятыхъ свекловичными плантаціями при свеклосахарныхъ заводахъ. Какъ разъ, ради усиленія производительности ихъ, онѣ должны попасть въ руки мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ.

IV. Условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Извѣстно, какое крупное значеніе придавалъ А. Смитъ раздѣленію труда. Въ развитіи этого раздѣленія труда онъ справедливо видѣлъ основную причину промышленнаго преуспѣянія и успѣховъ крупнаго производства въ обработывающей промышленности. Это не помѣшало, однако, ему отмѣтить непримѣнимость такого раздѣленія труда въ земледѣліи. А это различіе въ примѣненіи раздѣленія труда тамъ и тутъ, помимо своего непосредственнаго значенія, важно и по вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. К. Марксъ, останавливаясь подробно на значеніи сотрудничества, представляющаго обратную сторону раздѣленія труда, и посвящая блестящія страницы выясненію значенія машинъ, устанавливаетъ связь между раздѣленіемъ труда и изобрѣтеніемъ машинъ, совершившихъ переворотъ въ производствѣ предметовъ обработывающей промышленности. Онъ указываетъ, что раздѣленіе производства на отдѣльныя операціи и распредѣленіе послѣднихъ между отдѣльными рабочими установило опредѣленное отношеніе въ количествѣ рабочихъ силъ, необходимыхъ для каждой операціи; оно же повело къ спеціализированію орудій производства и къ приспособленію каждаго изъ нихъ къ исполненію какой-либо одной операціи, т.-е. къ упрощенію орудій производства. Опредѣленное сочетаніе этихъ упрощенныхъ орудій дало машину, замѣняющую человѣческую руку. Это въ связи съ выяснившимся отношеніемъ рабочихъ силъ, необходимыхъ на каждую операцію, дало прочное технологическое основаніе всему производству и позволило ввести твердо установленное распредѣленіе отдѣльныхъ операцій между отдѣльными машинами. Получился автоматъ, при которомъ люди (рабочіе) играютъ лишь роль наблюдателя. Установилось раздѣленіе труда между машинами. И съ этого момента паровой двигатель получилъ свое значеніе и явилась возможность вести производство безпрерывно, что и дало основаніе безостановочному накопленію капитала и

окончательно закрѣпило въ сознаніи владѣльца капитала одну цѣль: накопленіе, превратило производство въ полномъ смыслѣ этого слова въ капиталистическое.

Такъ ли все это въ земледѣліи? Прежде всего, какъ уже отмѣчено, тамъ нѣтъ и не можетъ быть того раздѣленія труда, оно не только не вызывается условіями производства, но оно ими прямо не допускается, а слѣдовательно, эти выгоды въ установленіи правильнаго соотношенія силъ отсутствуютъ. Правда, и тамъ можетъ существовать правильное соотношеніе силъ, но не между работами, производимыми одновременно, такъ какъ, говоря вообще, одновременно производится всѣми одна и та же работа: это соотношеніе существуетъ между тѣмъ, что нужно сегодня, и тѣмъ, что надо будетъ дѣлать черезъ мѣсяцъ, а то и болѣе. И тутъ-то это соотношеніе выражается въ неравномѣрности числа рабочихъ по временамъ года. Но и самое примѣненіе въ земледѣліи машинъ стоитъ въ иныхъ условіяхъ.

Прежде всего здѣсь главное *орудіе производства*—земля. Она представляетъ собою, съ одной стороны, *сырой матеріалъ*, поскольку она отдаетъ свои части растенію, но въ то же время она и *орудіе производства*, такъ какъ въ нѣдрахъ ея и подъ вліяніемъ дѣйствующихъ въ ней силъ происходитъ переработка зерна, сѣмени. А разъ она главное орудіе производства и притомъ ничѣмъ не замѣнимое, то уже всѣ остальныя орудія не имѣютъ и не могутъ имѣть здѣсь такого значенія, какое имѣютъ въ индустріи. Можно сказать даже такъ (правда, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ): машина создала окончательно изъ обработывающей промышленности особую отрасль производства, отдѣлила ее окончательно отъ земледѣлія; земледѣліе же существовало и ранѣе какъ самостоятельное производство,—съ того момента, какъ человѣкъ сталъ пользоваться землей какъ орудіемъ производства.

Во-вторыхъ, такъ какъ въ земледѣліи не можетъ быть той непрерывности производства, какая возможна въ индустріи, то и не можетъ быть той выгоды примѣненія машинъ. Въ немъ нельзя 1) установить непрерывность работы машины въ теченіе дня и ночи,

такъ какъ по общему правилу полевыя ночныя работы невозможны; нельзя 2) установить одновременную работу машинъ, необходимыхъ для разныхъ операцій, такъ какъ эти операціи могутъ происходить въ силу *органическаго процесса роста,* почти не подлежащаго ускоренію, лишь въ различное время. Все это значитъ, что въ земледѣліи машина не только бездѣйствуетъ ночью въ рабочій ея періодъ, но и имѣетъ много нерабочаго времени въ теченіе производительнаго періода. А какъ это существенно для накопленія, ярко освѣщено слѣдующими приводимыми у К. Маркса словами одного англійскаго фабриканта: „Когда земледѣлецъ бросаетъ заступъ, онъ оставляетъ въ бездѣйствіи нѣсколько пенсовъ, когда же кто-либо изъ нашихъ рабочихъ останавливаетъ работу, то онъ дѣлаетъ празднымъ капиталъ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ". Необходимо еще имѣть въ виду, что въ періодъ бездѣйствія машинъ не только не воспроизводится ея цѣнности, не только заключенный въ ней капиталъ не приноситъ прибыли, но она теряетъ еще въ своей цѣнности, такъ какъ портится за это время. А таково безысходное правило для каждой земледѣльческой машины, и потому *капиталистическое* примѣненіе ея здѣсь далеко не всегда оправдываетъ себя.

Далѣе необходимо имѣть въ виду, что переворотъ въ индустріи совершенъ, какъ уже отмѣчено, машиной, замѣняющей человѣческую руку. А много ли въ земледѣліи,—въ тѣхъ операціяхъ, гдѣ рѣчь идетъ не о переработкѣ продукта, а объ обработкѣ земли—операцій, производимыхъ непосредственно рукой, а слѣдовательно, и роль машинъ, замѣняющихъ руку, не можетъ быть здѣсь велика. Тутъ опять-таки не столько человѣческая рука имѣетъ значеніе и, слѣдовательно, не столько сдѣланныя имъ орудія, сколько земля, какъ главное орудіе производства.

Но это значеніе земли, какъ орудія производства, сказывается и еще на одномъ условіи примѣненія машинъ въ земледѣліи. Въ послѣднемъ производство, такъ сказать, движется по пространству, и машину надо тоже двигать. Всякое увеличеніе производства *не сосредоточиваетъ силы*, а разбрасываетъ ихъ, и чѣмъ оно крупнѣе, тѣмъ болѣе затрудненій съ передвиженіемъ машины,

въ особенности имѣя въ виду тяжесть орудій и мягкость полевыхъ дорогъ. Здѣсь нѣтъ центральнаго двигателя, какъ въ фабрикѣ, и не предметъ труда (земля) подвозится къ орудію, а оно движется по предмету труда. Вотъ почему и паровой плугъ, на которомъ покоились надежды на техническій переворотъ въ земледѣліи, вполнѣ обманулъ эти надежды. Онъ тяжелъ, требуетъ массу времени на подготовку и установку его, прочной дороги, ровной поверхности поля, и при всемъ томъ работа его важна лишь для глубокой вспашки, которая далеко не всегда нужна, а иногда (глядя по условіямъ почвы и подпочвы) и вредна. Если при этомъ имѣть въ виду еще, что глубокая же вспашка можетъ производиться и не паровымъ плугомъ, мелкая же бываетъ нужна чаще и производить ее паровымъ плугомъ, стоящимъ 15—20.000 р., крайне убыточно, то станетъ понятнымъ малое его распространеніе. Это же объясняетъ, почему въ Германіи, напр., въ одномъ крупномъ имѣніи на ряду съ паровымъ плугомъ *для пашни* имѣется еще 99 лошадей и 619 воловъ; подобное же соотношеніе наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ имѣніяхъ. Такъ это выходитъ тамъ, гдѣ примѣняется паровой плугъ, а между тѣмъ, въ силу топографическихъ условій мѣстности, поле примѣненія парового плуга весьма ограничено. Нельзя примѣнять его въ мѣстностяхъ съ неровной почвой, гористыхъ или такихъ, какъ, напр., значительныя пространства въ Швеціи, Финляндіи или нашей Олонецкой губерніи, гдѣ среди полей разбросаны громадные камни или скалы, или лучше сказать, гдѣ среди камней приходится выискивать небольшія пространства земли для обработки, такъ что ихъ и вообще то нерѣдко приходится обрабатывать не плугомъ вообще, а лопатой или ручной мотыкой.

Возлагались затѣмъ надежды на революціонированіе земледѣлія при помощи электричества, но и онѣ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не оправдываются, а въ то же время опять-таки отсутствіе постояннаго спроса на рабочую силу, на электрическую энергію дѣлаетъ не выгоднымъ затраты на устройство такихъ дѣятелей. Съ другой стороны, при сложности въ устройствѣ всякихъ электрическихъ орудій и приспособленій, здѣсь возможны

перерывы въ работѣ въ самое необходимое время, когда отложить работу нельзя. А это значитъ, что при электрической энергіи надо имѣть про запасъ еще силу, что опять-таки прямо убыточно.

Непостоянство въ спросѣ на электрическую энергію въ разное время года дѣлаетъ, такимъ образомъ, выгоднымъ примѣненіе ея только при соединеніи земледѣлія съ промышленностью, напр., съ винокуреннымъ производствомъ зимою, что, однако, не представляетъ и, по крайней мѣрѣ, пока не можетъ представлять общаго правила. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что во всякомъ приложеніи плужной вспашки степень производительности ея зависитъ отъ качества и влажности почвы. Въ результатѣ и оказывается, что согласно расчетамъ, произведеннымъ для двухъ нѣмецкихъ имѣній при примѣненіи электрическаго плуга, образовался *перерасходъ* на одинъ моргенъ въ 5 марокъ (около $2^1/_2$ р.), т.-е. довольно значительный. Только при устройствѣ турбины, т.-е. при пользованіи для электричества водяной силой, получилась на моргенъ экономія на 87 пфениговъ (около 43 к.), да и то не вездѣ. Плуги съ керосиновыми двигателями также еще пока ничего особеннаго не предвѣщаютъ.

Все приведенное, думается намъ, показываетъ уже достаточно ясно, насколько условія примѣненія машинъ въ земледѣліи отличаются отъ условій примѣненія ихъ въ индустріи и насколько различны послѣдствія примѣненія ихъ тамъ и тутъ. Въ индустріи результатомъ введенія машинъ является *ускореніе* процессовъ производства; здѣсь этого не можетъ быть въ общемъ процессѣ, а только лишь въ отдѣльныхъ процессахъ; но такое частичное ускореніе только усиливаетъ неравномѣрность потребности въ рабочихъ силахъ человѣка и, слѣдовательно, въ хозяйствахъ съ наемнымъ трудомъ увеличиваетъ затрудненія съ рабочими.

Въ индустріи примѣненіе машинъ *удешевляетъ* производство; здѣсь или этого совсѣмъ нѣтъ или удешевленіе играетъ очень ничтожную роль. Все это заставляетъ даже Каутскаго, такъ рѣзко высказывающагося за преимущества крупнаго производства въ земледѣліи („Аграрный вопросъ"), признать, что въ земледѣліи

машинному производству приходится преодолѣвать бо́льшія препятствія, чѣмъ въ индустріи: прежде всего *техническаго* характера; въ промышленности приходится производство приспособлять къ машинѣ, здѣсь—машину къ мѣстности. Кромѣ того, имѣются препятствія и экономическаго характера: краткость рабочаго періода, слѣдовательно, здѣсь *меньше сбереженіе въ рабочей силѣ*; не такъ, слѣдовательно, велико сбереженіе на рабочей платѣ, что для капиталиста весьма существенно. Кромѣ того, здѣсь это сбереженіе не велико, и потому, что, какъ выше указано было, здѣсь заработная плата ниже, чѣмъ гдѣ-либо. Затѣмъ надо имѣть въ виду, что сельскохозяйственныя машины довольно сложны, что затрудняетъ приспособленіе къ нимъ, а между тѣмъ здѣсь рабочимъ еще труднѣе приспособиться еще и потому, что каждому приходится въ разное время работать на разныхъ машинахъ и, слѣдовательно, приспособляться не къ одной какой-либо. Здѣсь, слѣдовательно, обратно тому, что происходитъ въ индустріи, гдѣ машина упростила трудъ человѣка, почему первымъ словомъ примѣненія ея и было широкое использованіе дѣтскаго и женскаго труда, это послѣднее не настолько расширено примѣненіемъ машинъ. Напротивъ, здѣсь сразу сказалась потребность въ болѣе искусномъ подготовленномъ, смѣтливомъ рабочемъ, а такой-то рабочій и уходитъ въ городъ. Если къ этому присоединить трудность перевозки и починки машинъ при дальности разстояній отъ желѣзныхъ дорогъ, то понятно будетъ, почему и въ Германіи встрѣчаются такія явленія, что *машины ржавѣютъ въ сараяхъ* или что во всемъ Баденѣ имѣется одинъ паровой плугъ, а въ Вюртембергѣ ни одного.

Все это, отнимая у крупнаго предпринимательскаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ тѣ преимущества, которыя оно имѣетъ въ индустріи, ведетъ въ то же время къ тому, что въ сельскомъ хозяйствѣ примѣняются почти исключительно мелкія орудія, приспособленныя для ручной или животной силы. По каталогу Германскаго сельскохозяйственнаго общества на выставкѣ сельскохозяйственныхъ орудій изъ 1800 нумеровъ только 75 нумеровъ было съ исключительно механическимъ двигателемъ.

Считаютъ, что 95% сельскохозяйственныхъ машинъ приводится въ дѣйствіе ручной и животной силой.

Вызывается это тѣмъ, что здѣсь, какъ уже отчасти отмѣчено выше, необходимо приспособлять орудіе производства къ главному орудію—къ землѣ, къ особенностямъ *почвы, климата* и къ *спеціальнымъ условіямъ* культуры отдѣльныхъ растеній. Въ Англіи примѣняется не тотъ плугъ, что въ Германіи, и не потому только, что почва иная, но и потому, что климатъ вліяетъ иначе на состояніе почвы. Это опять иное, чѣмъ въ индустріи, гдѣ нѣтъ надобности въ такомъ приспособленіи. Кромѣ того, въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ уже ясно изъ предыдущаго, невыгодна спеціализація орудія, допускающая примѣненіе его къ дѣлу въ теченіе очень короткаго времени. Вотъ почему здѣсь не только не происходитъ упрощенія орудій, какъ то происходило въ индустріи, но, наоборотъ, современное сельскохозяйственное машиностроеніе, приспособляясь къ рыночнымъ требованіямъ и спросу, приготовляетъ такія орудія, какъ плуги напр., такъ, чтобы они могли служить и для глубокой, и для мелкой вспашки, и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей, напр., складыванія въ кучу картофеля. Американская ручная сѣялка приспособлена для сѣмянъ всѣхъ родовъ и, кромѣ того, при посредствѣ различныхъ перемѣнныхъ орудій можетъ превращаться въ полольникъ, борону и т. д. Примѣровъ такихъ сложныхъ орудій можно было бы привести довольно много (см. Давидъ. „Соціализмъ и сельское хозяйство". С.-Пб. 1906 г., § 23), но и приведенныхъ довольно, чтобы показать, что этого требуютъ условія сельскохозяйственнаго производства. Тутъ дѣло не только въ томъ, что при сложномъ орудіи сокращается періодъ его бездѣйствія, но и въ томъ, что это позволяетъ сохранить экономію въ работѣ и во времени при тѣхъ передвиженіяхъ, съ которыми въ сельскомъ хозяйствѣ связана всякая работа. Такому сбереженію времени отвѣчаетъ борона, напр., съ приспособленіемъ для сѣянія въ то же время или американская комбинированная жатвенная и молотильная машина, сберегающая время на перевозку съ поля для молотьбы.

Всѣ описанныя условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ не одинаково, однако, отражаются на примѣнимости различныхъ машинъ. Если паровой плугъ нашелъ сравнительно мало распространенія, то, съ другой стороны, рядовая сѣялка, напр., имѣетъ значительное распространеніе. Такъ, въ 1882 г. она была распространена въ Германіи въ 25.547 мелкихъ хозяйствахъ, т.-е. хозяйствахъ не свыше 20 гектаровъ размѣромъ (гектаръ равенъ 0,915 дес.), а въ 1895 г. уже въ 80.591 такихъ хозяйствахъ. Въ хозяйствахъ болѣе крупныхъ также произошло замѣтное увеличеніе рядовыхъ сѣялокъ за то же время. Но на что здѣсь нельзя не обратить вниманія, такъ это на значительное увеличеніе рядовыхъ сѣялокъ даже въ такихъ хозяйствахъ Германіи, какъ хозяйства менѣе 2-хъ гектаровъ (въ 4807 хоз. въ 1882 г. и въ 14.949 хоз. въ 1895 г.). При этомъ оказывается, что рядовая сѣялка не только не удешевляетъ, а даже и *удорожаетъ работу*, такъ какъ при примѣненіи ея пользуются въ однихъ случаяхъ однимъ, въ другихъ двумя рабочими и затѣмъ во всякомъ случаѣ еще и лошадью, тогда какъ при ручномъ посѣвѣ въ то же время засѣвается не меньшая площадь однимъ человѣкомъ. Въ результатѣ и получается, что при рядовомъ посѣвѣ издержки на 1 гектаръ составляютъ 2 марки 56 пфен., а при ручномъ лишь 44 пфенига. Но вводится рядовая сѣялка потому, что она 1) вызываетъ такое сбереженіе на сѣменахъ, которое съ излишкомъ покрываетъ расходъ на работу; 2) увеличиваетъ урожай на 12—16%. Обратно съ этимъ машины для разбрасыванія искусственнаго удобренія не встрѣчаютъ такого распространенія, такъ какъ ихъ находятъ не очень совершенными, и, кромѣ того, разбрасываніе удобренія при ихъ помощи стоитъ *дороже*, нежели ручнымъ способомъ.

Необходимо еще остановиться на значительномъ распространеніи паровой молотилки, причины чего довольно понятны, такъ какъ при ней работа дешевле, лучше (чище) и быстрѣе. Но при этомъ надо имѣть въ виду и слѣдующее. 1) Ускоряя молотьбу, молотилка устраняетъ надобность въ рабочихъ на зимнее время, когда они прежде производили молотьбу, а это увеличиваетъ

неравномѣрность въ спросѣ на рабочихъ по временамъ года, еще болѣе гонитъ ихъ въ городъ и усиливаетъ затрудненія по пріискапіи ихъ. Такъ въ хозяйствахъ съ наемнымъ трудомъ. Въ крестьянскомъ же хозяйствѣ молотилка только освобождаетъ самому крестьянину то зимнее время, которое онъ прежде затрачивалъ на молотьбу. 2) Замѣна паровой молотилкой молотилки конной или ручной не представляетъ здѣсь такой выгоды, какъ въ индустріи замѣна ручной силы паровой. Обусловливается это тѣмъ, что если молотьба производится зимой, когда животныя стоятъ безъ дѣла, то выгоднѣе примѣненіе молотилки, приводимой въ дѣйствіе конной силой. 3) Использованіе молотилокъ для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ не менѣе доступно, чѣмъ и для крупныхъ, такъ какъ возможно соединеніе въ товарищества для пріобрѣтенія ихъ. Это здѣсь легче, чѣмъ въ индустріи, такъ какъ работа молотилки нужна лишь временно, и потому она никому не нужна все время, а слѣдовательно, безъ ущерба можно чередоваться въ пользованіи ею. Мало того, можно сказать, что для мелкихъ хозяевъ примѣненіе молотилки даже выгоднѣе, чѣмъ для крупныхъ, такъ какъ при товарищескомъ соединеніи каждый затрачиваетъ на пріобрѣтеніе ея небольшую сумму, и потому во время бездѣйствія молотилки онъ не несетъ такой потери, какъ крупный предприниматель, у котораго остается празднымъ большой капиталъ, не говоря уже о томъ, что крестьянинъ имѣетъ въ виду не прибыль на капиталъ, а выручку за свой трудъ. Конечно, и крупные предприниматели, сельскіе хозяева, соединившись въ товарищество, тоже затратятъ въ орудія производства небольшой капиталъ. Но соединиться-то въ товарищества имъ менѣе выгодно: у каждаго изъ нихъ большое производство, и потому молотилка нужна на такой періодъ времени, въ теченіе котораго другому. крупному тоже, нельзя ждать съ молотьбой.

Независимо отъ всего этого надо имѣть въ виду, что для мелкихъ хозяйствъ возможно пользованіе выгодами, доставляемыми молотилкой и не пріобрѣтая ее, а пользуясь молотьбой на передвижныхъ молотилкахъ, съ которыми отправляются въ осеннее время по деревнямъ владѣльцы такихъ молотилокъ у насъ,

напр., въ Рязанской губ. или на югѣ Московской губ. Здѣсь, такимъ образомъ, такія условія, какъ перемѣна въ работахъ по временамъ года и необходимость или въ данномъ случаѣ возможность передвигать орудіе производства служатъ къ выгодѣ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Для болѣе полнаго выясненія условій примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ необходимо остановиться еще на примѣненіи сѣнокосилки и жатвенной машины. Казалось бы, онѣ, особенно жатвенныя, должны имѣть очень значительное распространеніе, такъ какъ сильно сокращаютъ потребность въ рабочихъ въ самое горячее время; кромѣ того, работу на жатвенной машинѣ по сравненію съ обычной оплатой ручной жатвы вычисляютъ процентовъ на 30 дешевле. И, однако, оказывается, что даже и въ крупныхъ хозяйствахъ Германіи онѣ сравнительно мало распространены. Объясняется это слѣдующимъ. 1) Онѣ не вездѣ примѣнимы, а именно тамъ, гдѣ существуютъ значительныя неровности почвы, что далеко не такъ рѣдко. 2) Полеганіе посѣвовъ также дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе жатвенной машины. Независимо отъ этого, существенно для сбереженія расходовъ на трудъ примѣненіе такой жатвенной машины, которая не только срѣзаетъ растеніе, но и связываетъ въ снопы, а тогда перевязочная бечева или проволока приводятъ къ тому, что работа на такой машинѣ обходится дороже ручного жнитва. Все это значительно уменьшаетъ выгоды примѣненія этихъ машинъ.

Этимъ и объясняется, что жатвенная машина въ сельскохозяйственныхъ экономіяхъ примѣняется нерѣдко, не какъ орудіе производства, а какъ орудіе *устрашенія*. „Замѣчательно, — говоритъ Каутскій, — что даже тѣ хозяйства, гдѣ жатва производится еще ручнымъ способомъ, пріобрѣтаютъ иногда жатвенныя машины, но не для употребленія ихъ, а для того, чтобы имѣть въ нихъ защиту противъ стачки“ (стр. 40). Извѣстно, что у насъ, на югѣ, гдѣ жатвенныя машины получили значительное распространеніе, все же прибѣгаютъ на время жатвы къ значительному найму рабочихъ, при чемъ въ случаѣ требованія послѣдними заработной платы, представляющейся высокой, вы-

ставляется нѣсколько жатвенныхъ машинъ, и рабочіе понижаютъ свои требованія. Все это показываетъ, что и тутъ основа не въ машинномъ трудѣ. И это понятно. Въ такихъ машинахъ легко происходятъ поломки, останавливающія дѣйствія ихъ, а имѣть всегда въ запасѣ всѣ части машины невозможно. Это значило бы вмѣсто одной машины постоянно имѣть двѣ: одну въ готовомъ видѣ, а другую разобранной.

Всѣмъ этимъ указаніямъ на неудобства и ограниченность примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ какъ бы противорѣчитъ, однако, широкое и разнообразное примѣненіе ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Отмѣтимъ прежде всего, что и здѣсь за сельскохозяйственными машинами сохраняется та особенность, что онѣ совмѣщаютъ въ себѣ разныя функціи, какъ, напр., соединеніе плуга, бороны и сѣялки, такъ что одновременно можно пахать, боронить и сѣять. Но въ то же время тамъ для Америки преимущество машиннаго труда доказано изслѣдованіемъ, произведеннымъ бюро труда въ 1899 г. Согласно этому изслѣдованію опредѣлена стоимость производства ржи, пшеницы и нѣкоторыхъ другихъ хлѣбовъ, во-первыхъ, для 1830 или 1847, или 1860, или 1866 гг., смотря по тому, за какой изъ этихъ лѣтъ можно было получить свѣдѣнія тамъ или тутъ и, во-вторыхъ, для 1894 г., когда существовало уже широкое примѣненіе машинъ. Получилось, что для производства опредѣленной единицы каждаго изъ растеній (напр., средн. урожая съ одного акра) *уменьшилось время*, потребное на работу (для картофеля, напр., вм. 108 часовъ работы лишь 38 часовъ) и плата за всѣ произведенныя работы (напр., вмѣсто 10 долларовъ—3 дол.). Но и здѣсь 1) производство табака, напр., оказалось *дешевле* при *ручномъ* трудѣ. 2) При примѣненіи *машинъ увеличивается число рабочихъ рукъ*, требующихся для выполненія всѣхъ работъ: въ картофелѣ, напр., 12 рабочихъ вмѣсто 4-хъ, во ржи 14 вм. 4, въ пшеницѣ 10 вм. 4, въ сѣнѣ 7 вм. 5, въ садоводствѣ 30 вм. 16-ти.

Какъ видимъ, машина, сокративъ усилія, время производства работъ и издержки, потребовала, однако, числа рабочихъ вдвое, втрое и даже болѣе противъ прежняго, а это подтверждаетъ уже сдѣланное раньше указаніе на увеличеніе неравномѣрности въ спросѣ на трудъ, въ особенности при томъ условіи, что тутъ зимою ихъ уже совсѣмъ не требуется.

Но, помимо распространенности машиннаго труда, Америка какъ бы противорѣчитъ выясненному до сихъ поръ и въ томъ отношеніи, что въ ней существуютъ и процвѣтаютъ исполинскія фермы, т.-е. крупно-капиталистическія сельскохозяйственныя предпріятія. Но, разсматривая эти факты, говоритъ Л. Крживицкій („Аграрный вопросъ". С.-Пб. 1906), „не слѣдуетъ никогда забывать, что они выросли на основѣ мало интенсивнаго хозяйства". А извѣстно, что еще у римлянъ существовала поговорка, согласно которой менѣе всего выгодно обработывать поле наилучшимъ образомъ; съ пашней лучше управляться при дурныхъ средствахъ. (Проф. В. Ф. Левитскій. „Исторія политической экономіи". Харьковъ. 1907, вып. 1, стр. 57). Слѣдовательно, широкое примѣненіе машинъ въ С. Ш. С. А. не говоритъ еще за совершенство производства тамъ, гдѣ онѣ примѣняются, не говоритъ за это и существованіе крупныхъ хозяйствъ. Вотъ, что по этому поводу высказываетъ другой авторъ, признающій такъ же, какъ и Крживицкій, за крупными сельскохозяйственными предпріятіями бо́льшую производительность сравнительно съ мелкими: „Техническій процессъ въ земледѣліи, удешевляя производство хлѣба въ районахъ экстенсивнаго хозяйства, сильнѣе всего бьетъ по карману землевладѣльцевъ въ районахъ *интенсивнаго* хозяйства, побуждая ихъ переходить отъ зернового хозяйства къ производству тѣхъ продуктовъ, въ добываніи которыхъ играетъ *меньшую роль машинный трудъ. Распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ* поэтому *доступнѣе для экстенсивныхъ районовъ*, что... и *оправдывается въ дѣйствительности*". (П. Масловъ. „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи". С.-Пб. 1903, стр. 73, подстрочн. прим.). Въ Америкѣ это связано съ производствомъ на большой площади *однообразнаго* продукта — пшеницы. Но, кромѣ того,

какъ отмѣчаетъ Крживицкій, распространенію машинъ здѣсь много способствовали климатическія условія и форма поверхности. Примѣненіе простой жнеи или сноповязалки, говоритъ онъ, связано съ постоянствомъ климата въ данной странѣ. „Сноповязалка, употребляемая съ успѣхомъ подъ безоблачнымъ небомъ Калифорніи, можетъ оказаться негодной, —говоритъ одинъ польскій писатель,—въ нашемъ капризномъ и часто дождливомъ климатѣ, такъ какъ на размокшей пашнѣ и при *сырой соломѣ* не только сноповязалка, но и простая жнейка должна уступить преимущество ручной жатвѣ“ (Крживицкій. Тамъ же, стр. 107, подстрочн. прим.).

Все приведенное до сихъ поръ ярко свидѣтельствуетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ машина не сокращаетъ количества рабочихъ, требуемыхъ для *окончательнаго* производства даннаго продукта; она здѣсь уменьшаетъ напряженность труда, увеличиваетъ разницу между рабочимъ періодомъ и періодомъ производства, и, выражаясь словами Крживицкаго, машина, „снявъ бремя непосильной страды, съ избыткомъ вознаградила тѣ *потери*, которыя *при примѣненіи машинъ* возникаютъ благодаря тому, что машинная работа не такъ кропотливо-тщательна, какъ ручная“ (стр. 97).

Къ сказанному о примѣненіи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ необходимо добавить еще слѣдующее. Машина здѣсь обратно съ тѣмъ, что существуетъ въ обработывающей промышленности, не только не способствуетъ объединенію рабочихъ въ процессѣ производства, не только не ведетъ къ соединенію, сосредоточенію ихъ при работѣ, но, наоборотъ, уничтожаетъ даже и простое сотрудничество въ процессѣ сельскохозяйственнаго труда, ведетъ къ разбрасыванію рабочихъ, такъ сказать, къ индивидуализированію работы. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ жатвенную машину, или косильную, конныя грабли, или сѣно-ворошилку, такъ широко примѣняемую теперь въ крестьянскихъ хозяйствахъ сѣвернаго Тироля. Всѣ эти машины позволяютъ одному человѣку съ лошадью дѣлать то, для чего прежде необходимо было соединеніе большого числа людей. Здѣсь машина дѣлаетъ, съ одной стороны, то же, что и въ индустріи: одна машина замѣняетъ ра-

боту нѣсколькихъ человѣкъ, но слѣдствія этого очень различны. Сѣно-ворошилка замѣняетъ работу 5-ти человѣкъ и требуетъ лишь одного человѣка и одну лошадь. Одинъ ткачъ можетъ смотрѣть за 5-ю самодѣйствующими ткацкими станками, изъ которыхъ каждый въ свое время тоже замѣнилъ работу не одного человѣка. Но въ ткацкомъ производствѣ возможно и выгодно— соединеніе въ одной фабрикѣ не только сотенъ, но и тысячъ такихъ станковъ и, слѣдовательно, соединеніе въ одной мастерской сотенъ и тысячъ рабочихъ, тогда какъ прежде въ такомъ соединеніи не было ни надобности ни выгоды, и каждый ткалъ у себя отдѣльно. Въ сельскомъ же хозяйствѣ до сѣно-ворошилки надо было соединить для ворошенія сѣна 5 человѣкъ тамъ, гдѣ теперь довольно одного, тоже при жатвенной и сѣнокосильной машинѣ, только въ еще большей мѣрѣ. *Уничтожается*, такимъ образомъ, необходимость даже и *простого сотрудничества* и получается возможность индивидуализироваться въ процессѣ производства, дробить хозяйства, а не соединять ихъ. Какъ видимъ, результатъ примѣненія здѣсь машинъ совершенно иной и притомъ облегчающій трудъ именно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, дающій возможность обходиться въ немъ и съ малымъ числомъ рабочихъ силъ.

Все сказанное, конечно, говоритъ за большія преимущества въ примѣненіи машинъ самими трудящимися крестьянами; съ нихъ она снимаетъ бремя страды, а что до этого предпринимателю? Правда, онъ болѣе прежняго огражденъ отъ несвоевременнаго снятія жатвы, но и то, какъ видимъ, не всегда. А въ общемъ результатѣ машина увеличиваетъ его затрудненія. „Въ земледѣліи машина усиливаетъ всѣ противорѣчія, которыя приноситъ съ собою наличность крупнаго землевладѣнія. Вслѣдствіе этого въ Германіи примѣненіе машинъ нашло противниковъ даже среди теоретиковъ юнкерскаго сословія, которые боятся, какъ бы опустѣніе земледѣльческихъ округовъ окончательно не перетянуло центръ тяжести общественной жизни изъ деревни въ городъ“ (Крживицкій. Тамъ же, стр. 124). Отсюда нетрудно видѣть, что разсчитывать на широкое примѣненіе машинъ при улучшеніи земледѣлія, т.-е. при увеличеніи его интенсивности, возможно

только въ томъ случаѣ, если машина будетъ примѣняться не при условіяхъ капиталистическаго ея примѣненія, а самимъ работникомъ, т.-е. въ крестьянскомъ хозяйствѣ, говоря яснѣе, если на мѣстѣ предпринимательскихъ хозяйствъ будутъ крестьянскія. Замѣтимъ еще разъ—въ индустріи машина усиливаетъ возможность эксплуатаціи рабочаго. Въ сельскомъ хозяйствѣ главная *машина сама земля*, ею и пользуются для эксплуатаціи рабочаго. Поэтому индустрія, крупная промышленность создала рабочій вопросъ, а въ земледѣліи мы имѣемъ дѣло съ земельнымъ вопросомъ.

Необходимо отмѣтить еще одно условіе, вліяющее на примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Машина можетъ замѣнить въ немъ двигательную силу животнаго. Говоримъ можетъ, такъ какъ это справедливо для парового плуга, паровой молотилки, но пока не приложимо, хотя бы къ той же жнеѣ. Представляетъ ли, однако, въ сельскомъ хозяйствѣ замѣна силы животнаго силой машины значительную выгоду. Въ индустріи, конечно, важенъ двигатель, который дѣйствовалъ бы постоянно, однообразно, автоматически. Въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ это вытекаетъ уже изъ условій произрастанія растеній и обработки земли, имѣетъ значеніе двигатель подвижной, измѣняющійся и подчиняющійся въ этихъ измѣненіяхъ волѣ работающаго человѣка. А такимъ двигателемъ можетъ быть только живая сила, если не самого человѣка, то послушнаго ему животнаго. И выше, когда говорилось о примѣненіи парового плуга, указывалось на то значеніе, которое имѣетъ здѣсь и работа животныхъ. Но животное, помимо примѣнимости его ко всякой подвижной работѣ, представляетъ еще и ту выгоду, что оно и зимой не въ убытокъ: оно приноситъ навозъ, доставляетъ приплодъ, молоко (въ Германіи не считаютъ вредомъ ѣзду и пахоту на коровѣ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ); наконецъ отъ него идетъ въ пользу кожа, мясо, рога, кости, волосъ, такъ что оно даетъ доходъ, помимо своей работы. Это и объясняетъ то явленіе, что въ Германіи въ имѣніяхъ крупныхъ (свыше 100 гектаровъ) съ 1882 г. по 1895 г. съ увеличеніемъ механическихъ двигателей увеличи-

вается и количество скота, а главнымъ образомъ, лошадей и быковъ.

Сводя къ немногимъ положеніямъ все сказанное о машинахъ, мы можемъ установить слѣдующее.

1) Здѣсь не создается, какъ въ индустріи, системы машинъ, такъ сказать, господствующихъ надъ всѣми дѣятелями производства. 2) Машина въ земледѣліи не укорачиваетъ періода производства, но увеличиваетъ разницу между производственнымъ и рабочимъ періодомъ. 3) Или не удешевляетъ производства, или дѣлаетъ это не въ той мѣрѣ, какъ въ индустріи. 4) Не уменьшаетъ число рабочихъ для всего производства, а сокращаетъ его лишь временно для извѣстныхъ операцій, что или увеличиваетъ неравномѣрность въ потребныхъ рабочихъ рукахъ или усиливаетъ для послѣднихъ непостоянство въ работѣ, а для нанимателей— недостатокъ въ рабочихъ. 5) Тамъ, гдѣ машина сокращаетъ въ ходѣ сельскохозяйственнаго производства число необходимыхъ рабочихъ силъ человѣка, она ведетъ не къ объединенію рабочихъ во время производства, а устраняетъ или ограничиваетъ примѣненіе простого сотрудничества и способствуетъ раздробленію, индивидуализированію въ процессѣ производства. 6) Необходимо приспособленіе машинъ къ условіямъ климата и почвы. 7) Каждая машина обречена на бездѣйствіе въ теченіе весьма продолжительнаго времени въ году. 8) Требуетъ передвиженія ея къ предмету работы, что особенно трудно при полевыхъ дорогахъ и тяжелыхъ орудіяхъ. 9) Не упрощаетъ, а усложняетъ требованія, предъявляемыя къ рабочимъ, такъ какъ при ней необходимъ болѣе искусный и знающій рабочій.

Примѣчаніе. Условія примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ наиболѣе обстоятельно выяснены въ трудѣ Э. Давида: „Соціализмъ и сельское хозяйство“. Спб. 1906.

Нѣкоторыя заключенія, вытекающія изъ двухъ предшествующихъ очерковъ.

Два предшествующіе очерка, выясняя условія приложенія труда и машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, приводятъ къ одному общему выводу—относительно значенія этихъ условій для хозяйства крестьянскаго и для хозяйства съ наемнымъ трудомъ.

Низкій уровень платы сельскохозяйственнаго наемнаго рабочаго и его крѣпостное положеніе заставляютъ его стремиться въ городъ. Но стремленіе это, конечно, прежде всего осуществляется наиболѣе предпріимчивыми, надѣющимися на себя, болѣе ловкими и искусными. Вотъ почему еще физіократъ Кенэ замѣтилъ, что въ городъ уходятъ лучшія силы, а въ такомъ случаѣ создается для нанимателей не только необезпеченность рабочими силами, но и тѣ силы, какія есть, являются по общему правилу наименѣе удовлетворительными. И этотъ фактъ отмѣчается повсюду и всѣми. Но это ставитъ сельскаго хозяина-нанимателя въ худшее положеніе не только по сравненію съ капиталистомъ промышленникомъ, но и по сравненію съ крестьяниномъ земледѣльцемъ, примѣняющимъ собственный трудъ. Дѣло въ томъ, что изъ двухъ крестьянъ, стоящихъ въ равныхъ условіяхъ, конечно, тотъ, кто можетъ лучше справиться съ своимъ хозяйствомъ, умѣетъ больше изъ него выручить, менѣе склоненъ итти въ сельскохозяйственные батраки. Конечно, какъ показано въ III очеркѣ, тутъ вліяетъ и величина надѣла и составъ семьи но при данной-то величинѣ надѣла или при данномъ составѣ семьи уже, конечно, отъ своего хозяйства уйдетъ не тотъ, кто лучше можетъ съ нимъ справиться. Конечно, въ городъ, на фабрику, какъ и отмѣчено было выше, уходитъ тотъ кто предпріимчивѣе, сообразительнѣе, энергичнѣе и т. д. Но изъ остающагося-то въ деревнѣ состава на сельскохозяйственныя, обычныя работы по найму отдѣлится изъ данной семьи не тотъ, кто лучше сумѣетъ справиться съ своимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ по отношенію къ сельскохозяйствен-

нымъ батракамъ происходитъ двойной отборъ. Такъ сказать, „головка“ уходитъ въ городъ, затѣмъ изъ неушедшихъ болѣе обстоятельные хозяева остаются при своемъ хозяйствѣ, а къ крупнымъ хозяйствамъ отбирается уже все остальное. А это ведетъ къ тому, что крестьянскія хозяйства снабжены лучшими рабочими силами сравнительно съ крупными, примѣняющими наемную рабочую силу. Слѣдовательно, крестьянскія хозяйства, не терпя отъ недостатка въ рабочихъ силахъ, не неся такихъ потерь отъ неравномѣрнаго распредѣленія работъ, имѣя преимущество въ большей тщательности труда въ собственномъ хозяйствѣ, при всемъ этомъ снабжены еще и вообще лучшими по качеству трудовыми силами, сравнительно съ хозяйствами предпринимательскими.

Значеніе этого условія, какъ благопріятнаго для развитія крестьянскаго хозяйства, понятно безъ дальнѣйшихъ поясненій. Но значеніе это еще болѣе возрастаетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ хозяйства. По мѣрѣ того, какъ увеличивается интенсивность хозяйства, требуется больше и больше рабочихъ рукъ на одно и то же пространство. По расчетамъ одного нѣмецкаго писателя (Бензинга) для обработки 100 гектаровъ (со снятіемъ и уборкой урожая) требуется при *трехпольѣ* ежедневно работа среднимъ числомъ *2,42* рабочихъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ (180 дн.), при *плодопеременной* системѣ *11,10* рабочихъ и при плодосмѣнной и интенсивной *культурѣ свеклы 24,15* рабочихъ. Другой писатель (Фюлингъ) разсчитываетъ, что для обработки площади въ 100 гект. требуется рабочихъ: 1) при простомъ трехпольѣ 15—20 человѣкъ; 2) при улучшенномъ трехпольѣ съ обработкой пара 25—30 человѣкъ; 3) при весьма интенсивной (съ огородными и торговыми растеніями) 35 — 50 человѣкъ. Третій писатель (Зеттегастъ) даетъ слѣдующія цифры. На одинъ моргенъ ($^1/_4$ гект.) требуется при постоянномъ выгонѣ 1—2 рабочихъ, при лугахъ средн. качества 4—10; при зерновомъ и переложномъ хозяйствѣ 12—20, при плодоперемѣнномъ 30—50, при промышленномъ 60—130 чел.

Здѣсь не должны удивлять различія въ числѣ рабочихъ, даваемыя разными писателями, при чемъ каждый даетъ тоже не прямо опредѣленныя цифры, а съ значительными колебаніями отъ и до. Это происходитъ оттого, что потребность рабочихъ различна въ зависимости отъ очень многихъ причинъ. Она различается (Фюлингъ) сообразно различію системъ хозяйства, по различію экстенсивнаго или интенсивнаго веденія этихъ системъ, соотвѣтственно пропорціи воздѣлыванія огородныхъ и торговыхъ растеній, сообразно степени приложенія машинъ и по различію этихъ машинъ и другихъ орудій труда. (Цитирую по Булгакову: „Капитализмъ и земледѣліе", т. I). Добавимъ еще отъ себя, что здѣсь не берутся еще крайнія группы въ количествѣ потребнаго труда, какъ при переложной, напр., системѣ на одномъ концѣ и чисто огородной или садовой культурой на другомъ или, наконецъ, манджурской съ посадкой, пересадкой и *окапываніемъ* злаковъ, гдѣ требуется, конечно, наибольшее количество рабочихъ рукъ.

Приведенныя указанія во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что съ повышеніемъ интенсивности въ сельскомъ хозяйствѣ требуется большее количество рабочихъ рукъ, что и увеличиваетъ затрудненія, которыя имѣютъ въ этомъ отношеніи хозяйства, основанныя на наемномъ трудѣ, и, слѣдовательно, повышеніе интенсивности не только затрудняетъ успѣшное развитіе ихъ, но и угрожаетъ самому существованію ихъ. По отношенію же къ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ повышеніе интенсивности составляетъ условіе, благопріятствующее развитію ихъ *).

Но къ тому же заключенію приводитъ и все то, что сказано о машинахъ. Если даже допустить, что условія примѣненія ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ съ теченіемъ времени, съ усовершенствованіями, съ примѣненіемъ электрической энергіи станутъ болѣе благопріятными, то все же остаются неуничтожимыми два факта:

---

*) Уже по этому одному нельзя согласиться съ выводомъ о преимущественной успѣшности и значеніи хозяйствъ средняго размѣра—выводомъ, къ которому приходитъ *Ю. Г. Жуковскій* въ своемъ довольно интересномъ изслѣдованіи „Населеніе и земледѣліе". С.-Пб. 1907 г.

первое—это то, что здѣсь главное орудіе производства все же земля, и, слѣдовательно, относительное значеніе машинъ въ земледѣліи много ниже, нежели въ индустріи; второй фактъ тотъ, что съ повышеніемъ интенсивности земледѣлія и сопровождающимъ его, какъ только что указано, повышеніемъ доли ручного труда, *относительная* доля машинной работы сокращается. Но, кромѣ того, мы видѣли, что машина наиболѣе примѣнима при экстенсивномъ, менѣе тщательномъ и болѣе *однообразномъ* хозяйствѣ. Когда же требуется что-либо не шаблонное, а болѣе или менѣе обособленное, индивидуализированное, то машина не годится. И на этотъ разъ мы имѣетъ здѣсь сходство съ тѣмъ, что существуетъ и въ индустріи, гдѣ машина пригодна для изготовленія массоваго, шаблоннаго товара, но не такихъ издѣлій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенность. Разница, однако, и очень существенная, состоитъ въ томъ, что независимо отъ изготовленія тѣхъ или другихъ предметовъ, въ земледѣліи мы имѣемъ дѣло при самомъ примѣненіи труда къ обработкѣ земли съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ особенностей каждой мѣстности и это составляетъ не что-либо исключительное или сравнительно мало распространенное, а является общимъ правиломъ. Земледѣльческое хозяйство въ каждой мѣстности, помимо вліянія общихъ условій, подлежитъ еще вліянію индивидуальныхъ мѣстныхъ особенностей, которыя могутъ быть хорошо изучены и освоены лишь мѣстными людьми, что опять-таки имѣетъ наибольшее значеніе при болѣе интенсивной культурѣ, почему опять здѣсь имѣетъ значеніе работа мѣстнаго лица, знакомаго съ мѣстными условіями практически. Это настолько важно, что даже такой знатокъ сельскаго хозяйства теоретически и практически, какъ А. Н. Энгельгардтъ, считалъ нужнымъ сообразоваться съ мнѣніемъ мѣстныхъ крестьянъ относительно тѣхъ или другихъ начинаній въ своемъ хозяйствѣ („Письма изъ деревни". С.-Пб. 1882 г.). Но такимъ знатокомъ и можетъ быть не пришлый рабочій, а мѣстный крестьянинъ, который только и можетъ освоить себѣ мѣстныя особенности, какъ потому, что онъ ихъ могъ долго наблюдать, такъ еще болѣе потому, что онъ стремился обратить

на нихъ вниманіе, такъ какъ это важно для его собственнаго хозяйства. Но эти же особенности климата и почвы, какъ было отмѣчено, надо знать и для примѣненія машинъ, требующихъ къ тому же заботливаго и внимательнаго отношенія къ себѣ. Все это при всякихъ условіяхъ создаетъ для крестьянскаго хозяйства преимущество въ примѣненіи машинъ. Самая дороговизна машинъ и временность ихъ работы, какъ было отмѣчено, составляютъ обстоятельство, создающее болѣе благопріятное условіе для пріобрѣтенія ихъ соединенными мелкими сельскими хозяйствами, сравнительно съ крупными. Примѣненіе же электричества при существованіи центральной электрической силы, еще болѣе позволитъ группѣ мелкихъ хозяйствъ пользоваться механическими двигателями.

Вотъ какъ по поводу всего этого говоритъ ученый агрономъ: „Возрастаніе интенсивности земледѣлія, т.-е. увеличеніе затратъ капитала на единицу площади, ведетъ обыкновенно не къ увеличенію основного или даже вообще постояннаго капитала, какъ въ фабричной промышленности при повышеніи интенсивности труда или вообще съ развитіемъ фабричной техники, а часто только къ увеличенію потребленія рабочей силы, или, по крайней мѣрѣ, потребность въ рабочей силѣ съ развитіемъ земледѣлія не уменьшается такъ рѣзко, какъ въ области обработывающей промышленности... Переходъ отъ трехполья къ такъ называемой плодосмѣнной системѣ, въ его наиболѣе рѣзко выраженной формѣ требуетъ уничтоженія выгона, пара, отчасти луговъ и замѣны выгоннаго кормленія скота стойловымъ. Что же все это означаетъ? Выгонное поле не требуетъ работы вовсе, луга и паръ требуютъ ея мало; $^1/_3$ пашни (паръ) при трехпольѣ пустуетъ, а значительная часть всей эксплуатируемой земледѣльцемъ площади (выгоны и луга) требуетъ мало работы. Выгоны и луга здѣсь составляютъ именно значительную часть площади, по вычисленію, наприм., Тюнена, при правильномъ трехпольѣ, до 64% всего пространства. Для плодосмѣннаго хозяйства характерно отсутствіе тѣхъ угодій, которыя требуютъ мало работы; взамѣнъ ихъ вводятся корнеплоды и травосѣяніе. Возрастаетъ, слѣдова-

тельно, отчасти постоянный капиталъ, но не значительно, и не въ этомъ *характерная черта перехода, а въ увеличеніи въ весьма значительной степени перемѣннаго капитала* (т.-е. той части капитала, которая идетъ на плату рабочимъ). Кормленіе и уходъ за скотомъ, равно какъ уборка вновь введенныхъ въ культуру растеній, требуютъ *массы живого труда*. Въ этомъ переходѣ особенно ярко обнаруживается, что *земледѣльческая промышленность*, по сложенію и развитію отдѣльныхъ частей капитала, *является прямою противоположностью фабричной промышленности*; тамъ, въ фабрикаціи, увеличивается масса основного капитала и матеріаловъ, вообще постояннаго капитала, въ ущербъ перемѣнному; здѣсь, въ земледѣліи, наоборотъ, увеличивается перемѣнный капиталъ, масса живого труда, при незначительномъ только увеличеніи постояннаго капитала. Но, кромѣ того, характерная для земледѣлія часть постояннаго капитала, живой инвентарь, составляетъ продуктъ самого же хозяйства, т.-е. на первомъ мѣстѣ продуктъ приложеннаго въ хозяйствѣ живого труда. Культурные корнеплоды также требуютъ огромнаго количества именно ручной работы и весьма значительнаго количества работы скота, а главный расходъ на работу скота—заготовка корма и уходъ за нимъ—опять-таки выражается въ требованіи массы живого труда.

„Конечно, не всякое улучшеніе земледѣльческой техники вызываетъ возрастаніе потребленія живого труда *въ такой степени*, какъ это имѣло мѣсто при переходѣ отъ трехполья къ плодосмѣнному. Однако въ общемъ почти всякое увеличеніе интенсивности земледѣлія... ведетъ къ увеличенію приложенія живого труда, и если относительное (въ процентахъ капитала) значеніе живого труда или перемѣннаго капитала и не возрастаетъ, а иногда, можетъ-быть, и уменьшается, то во всякомъ случаѣ въ несравненно меньшемъ числѣ случаевъ доля живого труда въ цѣнности продукта упадаетъ... Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, можно сказать, что переходъ къ болѣе раціональному земледѣлію съ переходомъ къ денежному хозяйству, сопровождается не уменьшеніемъ, а *увеличеніемъ приложенія живого труда* и въ первое

время, вѣроятно, не только абсолютно или по отношенію къ единицѣ площади пользованія, но и относительно постоянной части капитала". (Проф. А. Скворцовъ: „Основанія политической экономіи". С.-Пб. 1898 г., стр. 218—221).

Не ограничиваясь на изложеннымъ, цитируемый нами авторъ разсматриваетъ, въ какомъ направленіи пойдетъ дальнѣйшее развитіе земледѣлія. „Разсчитывать на то,—говоритъ онъ,—что *машины въ земледѣліи когда-либо будутъ имѣть большое значеніе, нельзя.* Въ немъ характеръ приложенія ихъ иной, чѣмъ на фабрикахъ. Фабрикація имѣетъ дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, который нужно только подать машинѣ. Земледѣлецъ же эксплуатируетъ силу природы, разсѣянную въ пространствѣ, его рабочая сила не сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ организмами, съ которыми нужно обращаться осторожно; слѣдовательно, какъ бы ни было совершенно устройство машины, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы ею управляла разумная человѣческая воля" (тамъ же, стр. 221). Въ концѣ-концовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „необходимость прилагать больше живого труда въ земледѣліи, чѣмъ при обработкѣ сырья на фабрикахъ, вытекаетъ изъ самой природы земледѣльческаго промысла, и потому она будетъ имѣть мѣсто всегда, какова бы ни была производительность земледѣльческаго и фабричнаго труда" (тамъ же, стр. 227).

„И при наиболѣе благопріятныхъ для существующихъ крупныхъ хозяйствъ условіяхъ, *съ увеличеніемъ интенсивности земледѣлія дѣлается обыкновенно необходимымъ сокращеніе площади каждаго отдѣльнаго хозяйства*" (А. Скворцовъ. Основанія и т. д., стр. 254). „Для земледѣлія не существуетъ вообще закона концентраціи; напротивъ, господствующая тенденція состоитъ въ *уменьшеніи* (курсивъ у автора) крупнаго сельскохозяйственнаго производства... Два обстоятельства больше всего ведутъ мало-по-малу къ уменьшенію (сокращенію) крупнаго производства: увеличивающаяся интенсивность сельскаго хозяйства и возрастающій спросъ на трудъ. Чѣмъ необходимѣе становится извлекать изъ земли повышенный доходъ путемъ усиленнаго приложенія

труда и чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ неизбѣжнѣе сосредоточивать прилагаемый капиталъ и трудъ на уменьшенномъ пространствѣ земли... Увеличеніе средствъ производства и приложенія труда въ связи съ уменьшеніемъ пространства ихъ приложенія составляетъ прямо противоположный развитію индустріи *законъ развитія сельскаго хозяйства, который во всѣхъ вполнѣ населенныхъ странахъ ведетъ къ усиливающемуся сокращенію и численному увеличенію сельскохозяйственнаго производства* (курсивъ автора), по скольку величину послѣдняго опредѣляютъ технико-экономическія основанія. Этотъ экономическій законъ вызвалъ когда-то возникновеніе колоната на римскихъ латифундіяхъ. Онъ же явствуетъ непосредственно изъ статистическихъ данныхъ объ американскомъ распредѣленіи землевладѣнія: средніе размѣры фермъ постепенно сокращаются съ запада на востокъ, т.-е. отъ штатовъ съ наименѣе развитой культурой къ болѣе развитой. Знаменитыя исполинскія фермы означаютъ тамъ не конечную цѣль, а, наоборотъ, первые начатки сельскохозяйственной культуры, они исчезаютъ съ ростомъ интенсивности производства... Опасности, которыя угрожаютъ среднему крестьянству, вытекаютъ не изъ технико-экономической слабости этихъ хозяйствъ, а изъ обстоятельствъ, которыя *не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ хозяйственной цѣлесообразностью* (курсивъ автора) и, наоборотъ, противорѣчатъ ей въ высочайшей степени" (M. Seering. Die lanwdirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas) *).

---

*) Намъ не пришлось бы останавливаться такъ долго на выясненіи этого, если бы мы допустили признаваемое очень многими экономистами положеніе, что при переходѣ къ интенсивнымъ системамъ издержки возрастаютъ въ болѣе быстрой прогрессіи, нежели валовой доходъ, такъ что каждая послѣдующая вспашка, наприм., увеличитъ валовой доходъ въ меньшей степени, нежели предыдущая. Но дѣло въ томъ, что это положеніе, представляющее собою въ сущности ученіе Мальтуса объ отношеніи между тенденціей роста населенія и роста производительности труда, намъ представляется не только не доказаннымъ, но и прямо невѣрнымъ. Совершенно вѣрно въ примѣрѣ, приводимомъ въ подтвержденіе разсматриваемаго положенія Людоговскимъ („Сельскохозяйственная экономія"), что при сортировкѣ хлѣба пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлитъ больше негодныхъ зеренъ, нежели во второй и т. д.

Въ связи съ сказаннымъ въ очеркѣ о машинахъ остановимся еще нѣсколько на выясненіи того, насколько вообще примѣненіе машинъ и современное хозяйственное развитіе можетъ отозваться на примѣненіи въ сельскомъ хозяйствѣ силы животныхъ. Остановиться на этомъ надо потому, что эта главная движущая сила въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и потому для условій развитія крестьянскаго хозяйства можетъ имѣть большое значеніе то, какъ вообще условія хозяйственнаго развитія могутъ вліять на условія содержанія и сохраненія рабочаго скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

По количеству рабочаго скота (лошадей) на 100 человѣкъ населенія Россія значительно превосходитъ другія Европейскія государства, исключая, впрочемъ, Даніи, которая превосходитъ Россію и въ этомъ отношеніи. По количеству же рогатаго скота выше Россіи стоятъ почти всѣ страны, исключая Бельгіи, Великобританіи и государствъ Апеннинскаго, Пиренейскаго полуострововъ и затѣмъ Черногоріи и Турціи. Почти то же приходится сказать объ овцахъ и свиньяхъ.

Не вдаваясь здѣсь въ объясненіе такой разницы въ количествѣ продуктивнаго скота, свидѣтельствующей во всякомъ случаѣ о незначительномъ потребленіи мяса въ Россіи, остановлюсь нѣсколько на фактѣ различія и превосходства Россіи въ коли-

---

Но вѣрно также и то, что первый пропускъ не дастъ еще чистаго зерна, т.-е. требуемаго продукта, и что при посѣвѣ, наприм., этимъ зерномъ мы получимъ сорныя травы, которыя увеличатъ трудъ на обработку, уменьшатъ высоту урожая и т. д., тогда какъ послѣдующіе пропуски, вполнѣ очистившіе зерно, вполнѣ устранятъ эти послѣдствія. Допустить же положеніе объ уменьшеніи производительности послѣдующаго приложенія труда значитъ прямо отказаться отъ всякаго прогресса въ земледѣліи, т.-е. признать, что работа, наприм., 6 человѣкъ доставитъ питаніе на 6 человѣкъ, а работа 7-ми человѣкъ дастъ это питаніе въ уменьшенномъ количествѣ и т. д. Между тѣмъ до сихъ поръ, какъ ни медленно совершается прогрессъ земледѣлія, ходъ его вполнѣ противорѣчитъ такому положенію, которое надо признать во всякомъ случаѣ недоказаннымъ и не раздѣляемымъ многими агрономами. (См., напр., В. Г. Бажаевъ. Конспектъ курса по сельскохозяйственной экономіи“ (по лекціямъ проф. В. Г. Бажаева въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ. Кіевъ. 1904 г.).

чествѣ рабочаго скота. Объясненіе этому заключается исключительно въ томъ фактѣ, что въ Россіи занятіе земледѣліемъ является рѣзко преобладающимъ и притомъ именно въ формѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое, какъ увидимъ далѣе, стремится снабдить каждую рабочую силу лошадью. Иного объясненія нельзя дать: 1) въ силу того, что на Западѣ, какъ это уже было выяснено, обработка пашни при помощи парового плуга встрѣчается какъ весьма рѣдкое исключеніе, а потому нельзя меньшее количество лошадей тамъ объяснить распространеніемъ другихъ орудій обработки. Напротивъ, распространеніе жатокъ, косилокъ, ворошилокъ требуетъ рабочей силы животнаго, совершенно излишней при жнитвѣ серпомъ, при работѣ косой и при ворошеніи сѣна обыкновенными граблями. Для сбора сѣна машиннымъ способомъ также нужны *конныя* грабли. 2) въ силу того, что большее сравнительно съ Россіей развитіе желѣзныхъ дорогъ и улучшенныхъ путей сообщенія до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не только не сокращаетъ, но увеличиваетъ потребность въ лошади, какъ орудіи передвиженія. Вотъ къ какимъ заключеніямъ приводятъ имѣющіяся относительно этого данныя: „Высказывавшіяся прежде опасенія, что желѣзныя дороги убьютъ гужевую перевозку, не оправдались на опытѣ. Хотя количество рабочей силы, занятой на желѣзныхъ дорогахъ, возрастало очень быстро, но и гужевая перевозка увеличивалась почти въ такой же мѣрѣ.

		1841 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
% лицъ, занятыхъ перевозкой въ Англіи.	по жел. дор.	0,03	0,3	0,5	0,8	1,2	1,4
	сухопутн.	0,7	0,9	1,1	1,2	1,5	2,8

„Данныя переписей въ Соединенныхъ Штатахъ ясно доказываютъ, что *телѣги и лошади не были вытѣснены желѣзными дорогами,* или, говоря болѣе точно, желѣзныя дороги вызвали больше гужевой перевозки, чѣмъ устранили. Въ 1850 г. производство телѣгъ и повозокъ занимало *15*.590 чел., въ 1870 г.— *54*.928. Въ этотъ же самый періодъ роста желѣзныхъ дорогъ число лошадей въ странѣ увеличилось съ *4*.336.717 до *7*.145.370.

Въ дѣйствительности, тогда какъ населеніе увеличилось на 66%, количество людей, занятыхъ производствомъ телѣгъ и экипажей, несмотря на увеличившееся употребленіе сберегающихъ трудъ машинъ въ этомъ производствѣ, возросло болѣе чѣмъ на 200%" (Гобсонъ: „Эволюція современнаго капитализма", стр. 278—279).

Такимъ образомъ и распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ—увеличиваетъ спросъ на живую рабочую силу животнаго; къ этому же ведетъ и развитіе путей сообщеній.

Мы считаемъ необходимымъ особо подчеркнуть это явленіе въ виду двухъ послѣдствій, вытекающихъ по отношенію къ Россіи изъ констатированія его: 1) Развитіе желѣзнодорожной сѣти въ Россіи, облегчая развитіе сношеній и перевозки и тѣмъ самымъ способствуя скорѣйшему и болѣе широкому развитію мѣнового хозяйства, не только не должно поколебать этимъ путемъ существованіе крестьянскаго хозяйства, но даже должно содѣйствовать устойчивости его, такъ какъ повсюду, гдѣ поблизости пройдетъ желѣзная дорога, населеніе получитъ возможность использовать силу рабочей лошади въ теченіе зимы, подвозя и отвозя на ней товары, доставляемые желѣзной дорогой. Такимъ образомъ содержаніе лошади зимою не явится уже бременемъ, вызываемымъ необходимостью сохранить ее до лѣтнихъ полевыхъ работъ. А эта полнота использованія рабочихъ силъ лошади, какъ то понятно само собою и какъ то увидимъ далѣе, составляетъ весьма важное условіе не только устойчивости, но и развитія крестьянскаго хозяйства. Въ то же самое время — это обстоятельство, т.-е. использованіе рабочей силы лошади и зимою, давая возможность сохранить ее не только безъ убытка, но даже съ пользою до времени полевыхъ работъ, дѣлаетъ для крестьянскихъ хозяйствъ болѣе доступнымъ пріобрѣтеніе машинъ, требующихъ лошадиной запряжки. Что же касается крупныхъ хозяйствъ, то они и здѣсь не могутъ использовать зимой рабочую силу лошади съ той выгодой, какъ крестьянинъ. 2) Это же условіе, т.-е. болѣе усиленный спросъ на рабочую силу лошади не для полевыхъ только работъ, вызываетъ въ то же время и большій спросъ на телѣги, сани и вообще орудія перевозки. Между тѣмъ всѣ этого рода

орудія, служащія въ крестьянскомъ обиходѣ, составляютъ предметъ кустарной промышленности. Послѣдняя же, какъ то было и отмѣчено отчасти выше, составляетъ важное условіе также для устойчивости и развитія крестьянскаго хозяйства, такъ какъ даетъ возможность уже самому крестьянину (конечно, не занятому перевозкой) утилизировать свое время, свободное отъ полевыхъ работъ, и такимъ образомъ не бросать своего земледѣльческаго хозяйства, не искать заработка на сторонѣ и въ то же время извлекать и зимой оборотныя средства для веденія своего земледѣльческаго промысла, который при этихъ условіяхъ можетъ служить прежде всего для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей самого крестьянина.

Такимъ образомъ какъ условія примѣненія труда въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и ихъ орудій, являются ли они въ формѣ машинъ или животной силы, оказываются благопріятствующими развитію крестьянскаго хозяйства въ большей мѣрѣ, нежели предпринимательскаго.

V. Вліяніе на сельское хозяйство международнаго хлѣбнаго рынка.

Ад. Смитъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи „О природѣ и причинахъ богатства народовъ“, какъ извѣстно, первыя же главы посвящаетъ значенію раздѣленія труда. Оно для него является тѣмъ факторомъ, который обусловливаетъ успѣшность и быстроту производства, оно же вызываетъ раздѣленіе занятій въ обществѣ и, слѣдовательно, дѣленіе послѣдняго на классы, оно же обусловливаетъ возможность и необходимость мѣновыхъ торговыхъ сношеній. Но, отмѣчая все это, Ад. Смитъ былъ далекъ еще отъ того, чтобы указать на послѣдствія раздѣленія труда въ томъ обширномъ и всемірномъ значеніи ихъ, которое приходится наблюдать въ современномъ хозяйствѣ. И это понятно. Въ политической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, можно выяснять и обобщать только тѣ явленія, которыя под-

лежать нашему наблюденію, и лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они доступны ему, будетъ ли это наблюденіе производиться при посредствѣ опыта, какъ въ другихъ наукахъ, или путемъ простого констатированія фактовъ, проявляющихся внѣ сознательнаго воздѣйствія изслѣдователя. Между тѣмъ во времена Ад. Смита то общеніе между людьми, та обширность и постоянство сношеній между ними, которыя составляютъ основное условіе широкаго раздѣленія занятій, не только не были развиты въ такой мѣрѣ, какъ теперь, но отсутствовали даже данныя для того, чтобы составить сколько-нибудь приблизительное представленіе о томъ, до какой степени можетъ развиться всемірное раздѣленіе труда. Достаточно напомнить о томъ, что Ад. Смитъ наблюдалъ раздѣленіе труда по преимуществу въ мануфактурѣ, и всѣ тѣ изобрѣтенія, которыя повели къ образованію крупнаго машиннаго производства, въ его время частію не существовали, частію не имѣли еще такого широкаго приложенія, какого достигли въ послѣдующее время. Уже одного этого достаточно было бы, чтобы значительно дополнить и расширить многое изъ установленнаго Ад. Смитомъ по поводу раздѣленія труда. Но девятнадцатое столѣтіе и, главнымъ образомъ, вторая половина его создали усовершенствованія, вызвавшія международное раздѣленіе занятій въ столь широкихъ размѣрахъ, что какой бы области экономическихъ явленій мы ни коснулись, мы не можемъ упустить изъ виду *всемірнаго хозяйства*. Усовершенствованія, о которыхъ я только что упомянулъ, состоятъ въ приложеніи пара къ передвиженію на сушѣ и на водѣ. Чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ примѣненіе пара къ передвиженію способствовало сближенію людей и ихъ произведеній, приведу слѣдующія цифры:

въ 1830 году на всемъ земномъ шарѣ было проложено	кил. жел. дор. 332

(километръ—0,93 версты)

и притомъ лишь въ Англіи, Франціи и Сѣверо-Америк. Штатахъ;

въ 1845 году въ Европѣ и Америкѣ существовало уже	16.690

	кил. жел. дор.
въ 1855 г. во всѣхъ пяти частяхъ свѣта было	66.277
„ 1865 г.	144.951
„ 1875 г.	295.936
„ 1885 г.	487.923

а въ настоящее время (1905 г.) 859.355 километровъ, или около 809.200 верстъ, т.-е. такое протяженіе, которымъ можно опоясать земной шаръ по экватору $9^1/_2$ разъ. Изъ этого количества на Европу приходится свыше одной трети—болѣе 300 т. килом. и болѣе половины на Америку—432 т. килом.

Подобный же, если не болѣе сильный, ростъ наблюдается въ *числѣ и вмѣстимости* паровыхъ судовъ. Укажу для примѣра, что въ Великобританіи и Ирландіи вмѣстѣ числилось:

	паров. судовъ	вмѣстимостью
въ 1860 году	2000	454 тыс. тоннъ.
„ 1870 „	3178	1113 „ „
„ 1891 „	7720	5307 „ „

Значеніе такого развитія желѣзныхъ дорогъ и паровой перевозки можно освѣтить еще слѣдующимъ сопоставленіемъ. За 1885 г. всѣ желѣзныя дороги исполнили такую работу, для выполненія которой *всѣмъ обитателямъ земного шара* надо было бы имѣть *по лошади* и работать на ней по 12 дней въ году. То пространство, которое требовало 3—4 дня пути, проѣзжается теперь по желѣзной дорогѣ въ 9 часовъ. Сокращеніе времени на перевозъ по морю можно освѣтить такими данными: Хр. Колумбъ ѣхалъ въ Америку 70 сутокъ (болѣе 2-хъ мѣс.), Франклинъ 42 сутокъ (болѣе 1-го мѣс.); первый океаническій пароходъ 1819 г. („Саванна“)—26 сутокъ (почти 4 недѣли), новѣйшіе быстроходные пароходы—5 сутокъ (менѣе одной недѣли). Все это сопровождалось и значительнымъ удешевленіемъ перевозки.

Объ огромномъ значеніи измѣненій, произведенныхъ развитіемъ парового передвиженія, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1889 году въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ перевезено по желѣзнымъ дорогамъ — 495.124.764 пассажир. и

619.135.237 тоннъ товар.; а въ 1893 году—свыше 595 милл. пассажир., т.-е. почти въ 9 разъ больше всего населенія Союза, и 745 милл. тоннъ товаровъ, или болѣе 45.000.000.000 пудовъ (тонна=слишкомъ 61 пуд.).

Желѣзныя дороги Европы въ 1875 году перевезли 1371 милл. пассажир., т.-е. число почти равное числу населенія всего земного шара, и 715 милл. тоннъ товаровъ; чрезъ 10 лѣтъ, т.-е. въ 1884 г.,—781 милл. тоннъ и болѣе 1500 милл. пассаж. Въ 1892 г.—2247 милл. пассажировъ и 994 мил. тоннъ товаровъ. По желѣзнымъ же дорогамъ всего земного шара въ 1875 г. въ среднемъ передвигалось *ежедневно* 4 милл. пассаж. и 2,2 милл. тоннъ тов., а черезъ 10 лѣтъ въ 1884 г. въ теченіе года уже—1262 милл. тоннъ тов. и 2030 мил. пасс., что составляетъ *ежедневно* болѣе 3,5 милл. тоннъ товар. и болѣе 5,5 милл. пассажировъ. Въ теченіе же 1894 г. по всѣмъ дорогамъ земного шара перевезено 3135 милл. пассажировъ и 1790 милл. тоннъ товаровъ, т.-е. въ среднемъ *ежедневно* около *9 милл.* пассажировъ и *300 милл. пудовъ* товара. Для 1903 г. приходится уже болѣе 13 мил. пассажировъ на каждый день въ среднемъ и болѣе 503 мил. пудовъ товара. („Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ „Ubersichten“ von Juraschek. B., G. Mulhall. Sundbärg. и др.).

Если мы припомнимъ, какое великое значеніе имѣло *переселеніе народовъ*, измѣнившее лицо Европы и положившее начало совершенно иному порядку вещей, то намъ станетъ ясно, насколько сильныя измѣненія должно вести за собой такое ежедневное, *постоянное передвиженіе людей и ихъ произведеній*,— измѣненія, представляющіяся тѣмъ болѣе глубокими и рѣзкими, что, они, производясь ежедневно, такъ сказать, мало-по-малу, не бросаются сразу въ глаза, а становятся замѣтными лишь тогда, когда приходится имѣть дѣло съ результатами ихъ, являющимися продуктами цѣлаго ряда накопившихся перемѣнъ, повлекшихъ за собою и дальнѣйшія. „Если мы захотимъ характеризовать настоящее время, то это приходится сдѣлать слѣдующими словами. Прежде всего въ немъ господствуетъ такая *живость*, какой

нельзя и представить для какого-либо предшествующаго времени. Черезъ современное общество проходитъ такой жизненный токъ, какого не знало никакое прежнее время, и чрезъ это возможна такая быстрота соприкосновенія отдѣльныхъ членовъ общества, какая прежде была немыслима. Это вызвано современными средствами сообщенія, созданными капитализмомъ. Возможность въ настоящее время съ разныхъ концовъ огромной страны обмѣняться мыслями въ теченіе немногихъ часовъ черезъ посредство телеграфа, телефона, газетъ; возможность при современныхъ средствахъ передвиженія перебрасывать громадныя массы людей съ одного мѣста на другое, все это породило состояніе общенія болѣе крупныхъ массъ и чувство повсемѣстнаго присутствія, незнакомаго всѣмъ прежнимъ временамъ. Чрезъ это чрезвычайно возросла легкость большихъ массовыхъ движеній. И на ряду съ этимъ въ массахъ выросло то, что мы обыкновенно называемъ образованіемъ: знанія, а вмѣстѣ съ ними новые запросы и потребности" (W. Sombart. Socialismus u. sociale Bevegung". Jena. 1896 стр. 10—11).

Если близкое сосѣдство людей и извѣстная плотность населенія составляютъ одно изъ основныхъ условій для появленія раздѣленія занятій въ обществѣ, то сближеніе между странами, которое производится паровыми средствами передвиженія и какъ бы уничтожаетъ разстояніе между ними, должно вести за собою дальнѣйшее и болѣе широкое раздѣленіе занятій и, какъ послѣдствіе его, измѣненіе хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. И ни въ какой отрасли занятій развитіе путей сообщенія не повело къ такимъ глубокимъ измѣненіямъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣднее, представлявшее собою тотъ родъ занятій, который прикрѣпилъ человѣка къ опредѣленному мѣсту, служило первоначально для удовлетворенія всевозможныхъ хозяйственныхъ потребностей человѣка. Съ теченіемъ времени изъ него выдѣлились въ особую вѣтвь различные виды обработывающей промышленности, которые и распредѣлились въ различныхъ мѣстностяхъ, смотря по тѣмъ или другимъ условіямъ, благопріятствовавшимъ ихъ развитію. Земледѣліе же, предназначенное,

главнымъ образомъ, для производства пищевыхъ продуктовъ, продолжало вестись повсемѣстно, гдѣ селились люди, и не допускало рѣзкаго распредѣленія его по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Съ одной стороны, потребность въ пищѣ представляется настолько настоятельной, что человѣкъ опасается не имѣть подъ руками продуктовъ и средствъ для удовлетворенія ея, а съ другой стороны, боится поставить удовлетвореніе этой потребности въ зависимость отъ чего-либо стоящаго внѣ его. Даже въ настоящее время, когда страны, ввозящія хлѣбъ извнѣ, поставлены относительно снабженія хлѣбомъ въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ вывозящія, въ ученыхъ трактатахъ и произведеніяхъ, какъ на основной мотивъ для поддержанія земледѣлія, указывается на то, что оно производитъ такого рода продукты, что невозможно ставить присутствіе или отсутствіе ихъ въ зависимость отъ случайностей ввоза, хотя, какъ увидимъ ниже, ввозъ составляетъ теперь не случайность, а нѣчто такое, что повторяется съ гораздо большею правильностью, нежели урожаи. Другое обстоятельство обусловливавшее повсемѣстное производство пищевыхъ продуктовъ,—это *громоздкость* ихъ, не допускавшая перевозки на дальнія разстоянія.

Съ развитіемъ же парового движенія и вообще съ перемѣнами въ средствахъ и путяхъ сообщенія, какъ бы уничтожавшихъ *дальность* разстоянія, препятствія къ перемѣщенію продуктовъ сельскаго хозяйства изъ дальнихъ странъ уничтожились, и отдаленность потребителя отъ мѣста производства хлѣба перестала имѣть какое-либо существенное значеніе. Лондонскій житель, напримѣръ, получилъ такую же возможность, а иногда даже и большую, питаться австралійскою или индѣйскою пшеницей, какъ и мѣстный житель. Хлѣбъ для каждой страны сталъ продуктомъ не ея хозяйства, а *всемірнаго*. Распредѣленіе его по странамъ, доля участія каждой страны въ потребленіи его и въ его производствѣ стали опредѣляться всемірнымъ рынкомъ. Цѣна хлѣба стала опредѣляться также не стоимостью его производства въ той или другой странѣ, а условіями международнаго рынка, внѣ зависимости ея отъ стоимости производства хлѣба въ отдѣльной

странѣ, тѣмъ менѣе въ отдѣльномъ хозяйствѣ. Во время Адама Смита можно было говорить о народномъ или *національномъ* хозяйствѣ въ смыслѣ опредѣленнаго отношенія различныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, тѣсно связанныхъ и соединенныхъ между собою раздѣленіемъ труда. Въ настоящее же время, когда пути сообщенія соединили весь міръ и ведутъ къ распредѣленію по немъ различныхъ производствъ, соотвѣтственно наиболѣе благопріятствующимъ условіямъ для каждаго изъ нихъ, тѣмъ самымъ создаются опредѣленныя хозяйственныя отношенія между всѣми странами міра; послѣднія соединяются какъ бы въ одно цѣлое, и мы можемъ уже говорить о *всемірномъ хозяйствѣ* въ этомъ смыслѣ и изучать тѣ общія условія, которыя оно создаетъ для хозяйства каждой отдѣльной страны и для ея отдѣльныхъ хозяйствъ или группъ ихъ, связанныхъ еще какими-либо общими условіями болѣе частнаго характера. И если для Адама Смита исходнымъ фактомъ для выясненія существующихъ экономическихъ отношеній служило раздѣленіе труда, то въ настоящее время не только для выясненія явленій въ области сельскаго хозяйства, но и во всякой другой отрасли экономической дѣятельности человѣка необходимо исходить изъ условій всемірнаго хозяйства, международнаго рынка, такъ какъ онъ представляетъ то общее явленіе, съ которымъ должно считаться каждое хозяйство страны, принимающей участіе въ международномъ обмѣнѣ.

По отношенію же къ сельскому хозяйству считаться съ условіями международнаго рынка тѣмъ болѣе необходимо, что существованіе всемірнаго рынка образовало для него совершенно иныя условія, отличныя отъ прежнихъ, создало почти не существовавшую прежде для него возможность развиваться и совершенствоваться сообразно условіямъ почвы и климата.

Прежде пищевые продукты по необходимости производились повсюду, сообразно съ потребностью производителя и потребителя, независимо отъ того, являлись ли эти продукты наиболѣе подходящими для данныхъ климатическихъ условій или нѣтъ. Съ развитіемъ всемірнаго рынка и съ необходимостью считаться съ болѣе усиленнымъ соперничествомъ, при чемъ стало усиливаться производство, если

не исключительно, то по преимуществу для сбыта, производитель приводится къ тому, что долженъ выбирать для производства продукты, наиболѣе отвѣчающіе мѣстнымъ природнымъ условіямъ, т.-е. такіе, которые при наименьшихъ усиліяхъ даютъ большій результатъ, и, слѣдовательно, на рынокъ должны поступать въ большей массѣ продукты, произведенные при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, потому болѣе дешевые и, въ силу соперничества и преобладающаго количества ихъ, опредѣляющіе цѣны на тѣ же продукты, произведенные при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тотъ, кто производитъ при этихъ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, долженъ также стремиться къ удешевленію издержекъ производства, а это не можетъ достигаться въ сельскомъ хозяйствѣ безъ выбора продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; слѣдовательно, удешевленіе однихъ продуктовъ должно вести за собою удешевленіе и другихъ, распредѣляя сельскохозяйственное производство наиболѣе соотвѣтственно климатическимъ условіямъ каждой мѣстности. Такова въ сущности должна быть тенденція въ распредѣленіи земледѣльческихъ культуръ при развитіи всемірнаго хозяйства, но проявляется ли она въ дѣйствительности или нѣтъ—это зависитъ отъ цѣлаго ряда условій.

При всемъ этомъ, однако, производитель можетъ терять, такъ какъ при распредѣленіи культуръ, сообразно климатическимъ условіямъ, выборъ производителя не свободенъ. Изъ всѣхъ родовъ культуръ онъ выбираетъ ту, которая оказывается наиболѣе производительной при данныхъ климатическихъ условіяхъ, скажемъ, рожь; но въ другой мѣстности другой производитель, руководствуясь тѣмъ же, выбираетъ также рожь, урожай которой, однако, въ этой послѣдней мѣстности не только выше урожаевъ всѣхъ другихъ хлѣбовъ, но и выше, нежели урожай ея въ первой мѣстности; если при этомъ рожь явится на рынкѣ въ избыткѣ, то, понятное дѣло, она будетъ продаваться по наименьшей цѣнѣ, какую можетъ взять производитель мѣстности, гдѣ урожай выше, что для перваго будетъ убыточно, но выхода ему нѣтъ, если только онъ не доведетъ при помощи какихъ-

либо усовершенствованій стоимость производства ея до меньшей цѣны, выгодами чего и воспользуется, пока усовершенствованія эти не получатъ всеобщаго примѣненія. Между тѣмъ климатическія условія создаютъ именно такое положеніе для многихъ мѣстностей, что тамъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ той или иной культуры, а прямо доступной оказывается только культура опредѣленныхъ растеній, наприм., ячменя на сѣверѣ или риса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи и т. п.,—тогда уже и совсѣмъ нѣтъ выбора, а въ то же время оставить производство нельзя. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, оставить его? Оно связано съ землей, съ извѣстнымъ имуществомъ, имѣющимъ извѣстную цѣнность, составляющимъ собственность производителей, на пріобрѣтеніе которой затраченъ извѣстный капиталъ. Между тѣмъ подъ вліяніемъ измѣнившихся условій цѣнность земли сильно понизилась, да и по этой-то цѣнности нельзя найти покупателя, такъ какъ послѣдній станетъ въ такія же неблагопріятныя условія. Кромѣ того, оставить это дѣло—значитъ приняться за другое, а для этого надо и знаніе его и умѣнье вести его. Наконецъ, это значитъ поставить себя въ зависимость отъ еще болѣе, можетъ-быть, случайныхъ обстоятельствъ.

Все это ставитъ капиталъ, направленный на земледѣльческое производство, въ неравныя условія съ капиталомъ, направленнымъ на производство предметовъ обработывающей промышленности. Развитіе капитала въ обработывающей промышленности, вызывая необходимость все большаго и большаго рынка для сбыта ея произведеній, ведетъ за собою внѣдреніе капиталистическихъ отношеній въ страны, еще мало населенныя и мало культивированныя, что вызываетъ въ послѣднихъ расширеніе земледѣльческаго производства и заваливаніе европейскихъ рынковъ дешевымъ хлѣбомъ изъ другихъ странъ. При такихъ условіяхъ европейскому земледѣлію приходится уже считаться съ такими факторами, которые не даютъ возможности установить цѣну земледѣльческихъ продуктовъ по стоимости производства ихъ въ Европѣ, и это ведетъ къ разрушенію европейскаго земледѣлія, къ невозможности прилагать къ нему капиталъ съ расчетомъ на получе-

ніе такой же прибыли, какъ въ другихъ отрасляхъ производства.

Такимъ образомъ развитіе международнаго хлѣбнаго рынка должно отразиться неблагопріятно на европейскомъ земледѣліи. Если онъ долженъ вызывать въ каждой странѣ развитіе сельскаго хозяйства въ направленіи, наиболѣе отвѣчающемъ ея условіямъ, то это значитъ, что онъ долженъ содѣйствовать увеличенію производства многихъ такихъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые производились въ другихъ странахъ, но при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, а затѣмъ повести и къ сбыту ихъ въ этихъ странахъ. Развитіе путей сообщенія повело за собой обращеніе подъ сельскохозяйственную культуру пустовавшихъ дотолѣ земель Америки, Остъ-Индіи, Австраліи, Африки и вызвало кризисъ, переломъ въ сельскомъ хозяйствѣ не только тѣхъ государствъ Европы, которыя производили количество хлѣба, недостаточное для внутренняго потребленія, и прибѣгали къ ввозу его извнѣ, но и въ тѣхъ, которыя имѣли возможность вывозить хлѣбъ и встрѣтили на міровомъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ, производящихъ хлѣбъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и готовыхъ сбыть его по болѣе дешевой цѣнѣ.

Такъ, открытіе Суэзскаго канала, облегчивъ доставку изъ Остъ-Индіи, вызвало усиленный привозъ оттуда риса и имѣло слѣдствіемъ тяжелый сельскохозяйственный кризисъ для Италіи, производившей его при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Точно такое же дѣйствіе вызвало во всѣхъ европейскихъ странахъ усиленіе ввоза американскаго хлѣба. О размѣрахъ дѣйствія, которое оно произвело, можно судить по тому, что вывозъ пшеницы изъ Америки съ $52^1/_2$ милл. бушелей въ 1870 г. дошелъ къ 1880 г. до 183 милл. бушелей; весь вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства съ цѣнности въ 124 милл. дол. въ 1850 г. достигъ въ 1880 г. $748^1/_2$ милл. дол.; число акровъ подъ пшеницею съ 13 милл. въ 1863 г. достигло въ 1880 г. 32 милл. акровъ, что дало вмѣсто 173 мил. буш. пшеницы сборъ въ 420 м. буш. Число акровъ подъ кукурузой за то же время возросло съ 15 мил. до 51 мил. акр., или за 20-лѣтіе 1860—1880 гг.:

населеніе возросло на 58%
производство пшеницы на . . 154%
вывозъ пшеницы на 4.111,8%
производство маиса на . . . 72,9%
вывозъ его на . . . . . 2.917,3% и т. д.

Вывозъ пшеницы изъ Остъ-Индіи за время 1872—1880 гг. также возросъ на 1.609% и т. д.

Съ 1880 г., который представляетъ высокую точку развитія сельскохозяйственнаго вывоза изъ С. Штатовъ, цѣнность его къ концу прошлаго десятилѣтія вдвое понизилась противъ его начала, но за то же время значительно возросъ вывозъ изъ Остъ-Индіи, Австраліи, Канады, Египта, Южной Америки и Австро-Венгріи. Вывозъ одной только пшеницы изъ Британской Индіи возросъ съ 1.073.000 центнеровъ въ 1874—75 гг. до 22.264.000 цент. въ 1886—87 гг. (M. Wirth. Krisis in der Landwirthschaft).

Таковы результаты развитія путей сообщенія для сельскохозяйственныхъ странъ, отдаленныхъ отъ Европы, для странъ *новой культуры*. Изъ сказаннаго выше уже ясно, какъ должно было это отразиться на сельскомъ хозяйствѣ европейскихъ странъ, странъ старой культуры. Достаточно указать, что, по вычисленіямъ Неймана-Спалларта, въ 1852—59 гг. еще 73,5% потребности въ пшеницѣ покрывалось въ Великобританіи внутреннимъ производствомъ ея, въ 1860—67 гг. уже лишь 59,7%, въ 1868—75 гг. внутреннее производство пшеницы покрывало лишь 51,9% потребности въ ней, въ 1876—78 гг. уже 42,6%, а въ началѣ 1880 г. уже до $^3/_4$ потребностей въ ней покрывалось ввозомъ. Въ 1891—94 гг. въ среднемъ потребленіе пшеницы составляло на голову населенія въ Великобританіи 6,2 бушеля; изъ этого лишь 1,6 буш. покрывалось собственнымъ урожаемъ. Тоже и для послѣдующаго времени. (Handwörtenbuch. der Staatsw. Erster Supplementband. Sundbärg и др.).

Такое быстрое сокращеніе потребленія пшеницы внутренняго производства, очевидно, могло быть лишь результатомъ тоже сокращенія внутренняго производства ея, что и подтверждаютъ

приведенныя уже ранѣе данныя англійской сольскохозяйственной статистики. А такое быстрое сокращеніе производства опредѣленнаго продукта въ сельскомъ хозяйствѣ и характеризуется, какъ крутой переломъ въ немъ, представляющій то, что и именуется совершенно справедливо *кризисомъ*. Первое и неизбѣжное послѣдствіе его состоитъ въ томъ, что *цѣнность* земель падаетъ, и представитель цѣннаго имѣнія превращается въ лицо, получающее очень небольшую ренту съ него, если еще приходится ее получать. Въ то же время это вызываетъ нарушеніе цѣлаго ряда денежныхъ обязательствъ со стороны землевладѣльцевъ и вынужденную продажу имѣній; затѣмъ уменьшеніе *аренды* земель и количественно и въ цѣнѣ ея, забрасываніе многихъ хозяйствъ и, наконецъ, ростъ задолженности имѣній, вызываемый необходимостью получить въ ссуду оборотный капиталъ на дальнѣйшее веденіе дѣла, такъ какъ упадокъ сбыта или обезцѣненіе продукта не даетъ получавшихся прежде средствъ.

Разумѣется, съ теченіемъ времени послѣдствія кризиса сглаживаются путемъ различныхъ мѣръ. И все то, что рекомендуется какъ средство для его поправленія, имѣетъ въ виду именно лишь смягченіе этого остраго состоянія дѣлъ. Обыкновенно указываютъ, съ одной стороны, на необходимость развитія внутреннихъ путей сообщенія и вообще средствъ, имѣющихъ цѣлью уменьшить издержки на доставку хлѣба на рынокъ. Несомнѣнно, это средство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ, при равенствѣ прочихъ условій, въ лучшемъ положеніи стоитъ тотъ, кто ближе къ рынку, и въ этомъ смыслѣ законъ ренты, установленный Рикардо и Тюненомъ, сохраняетъ вполнѣ свою силу. Второй рядъ мѣръ относится къ производству, къ необходимости поставить его соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, иначе говоря— распредѣлить его соотвѣтственно характеру почвы, климата и другимъ условіямъ, благопріятствующимъ производству опредѣленныхъ продуктовъ. Примѣненіе этого средства требуетъ уже сельскохозяйственныхъ знаній, ведетъ къ примѣненію раціональнаго земледѣлія,—словомъ, ставитъ его на прочныя научныя

основанія и вызываетъ распредѣленіе сельскохозяйственныхъ культуръ по странѣ и по странамъ міра соотвѣтственно условіямъ, наиболѣе благопріятствующимъ производству тѣхъ или другихъ продуктовъ.

Таковы послѣдствія образованія всемірнаго хозяйства въ земледѣліи. Но ими не ограничиваются они, и указанныя мѣры, сами по себѣ необходимыя и существенныя, не ведутъ еще къ устраненію того положенія сельскаго хозяйства, которое въ настоящее время переживается почти всюду и которое нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ кризисомъ, нельзя назвать и depression—угнетеннымъ состояніемъ, какъ его характеризуютъ англичане. Вѣрнѣе всего его опредѣлить какъ *неустойчивое состояніе* сельскаго хозяйства.

Состояніе это вытекаетъ изъ всего строя тѣхъ отношеній, которыя на основѣ стараго, прежняго способа веденія сельскаго хозяйства путемъ самостоятельной частной предпріимчивости, создали всемірное распредѣленіе его продуктовъ и выработали для нихъ одну цѣну, установляемую международнымъ рынкомъ. Это обстоятельство уже само по себѣ создаетъ совершенно иное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Какъ извѣстно, цѣны на сельскохозяйственные продукты колебались и ранѣе, и въ очень сильныхъ предѣлахъ. Неурожаи постигали также всѣ страны, и притомъ съ послѣдствіями болѣе тяжелыми, чѣмъ въ настоящее время; обильные урожаи также роняли цѣну продукта нерѣдко ниже стоимости его производства, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ хозяйства могли разсчитывать на подъемъ цѣнъ въ такое время года, когда запасы хлѣба истощались, и цѣна на него росла. Въ настоящее время не можетъ быть расчета на это.

Именно въ такомъ положеніи оказались въ началѣ 70-хъ годовъ германскіе хозяева, которые разсчитывали на подъемъ цѣнъ къ зимѣ, когда обыкновенно привоза хлѣба не бываетъ, какъ появившійся остъ-индійскій хлѣбъ нарушилъ всѣ ихъ расчеты.

Въ настоящее же время такихъ расчетовъ даже и не можетъ быть, ибо на международномъ рынкѣ нѣтъ такого мѣсяца въ теченіе года, когда бы не производилась жатва.

Въ самомъ дѣлѣ, въ январѣ производится жатва въ Австраліи, Новой Зеландіи, Чили и Аргентинѣ.

Въ февралѣ и мартѣ—въ Остъ-Индіи и верхнемъ Египтѣ.

Въ апрѣлѣ—на Кипрѣ, въ Сиріи, М. Азіи, Персіи, Египтѣ, Мексикѣ и Кубѣ.

Въ маѣ—въ Алжирѣ, Средн. Азіи, средн. Китаѣ, Японіи, Техасѣ, Флоридѣ и Соед. Шт. Сѣв. Ам.

Въ іюнѣ—въ Турціи, Греціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, южн. Франціи, Калифорніи, южн. и западн. штатахъ Сѣверной Америки.

Въ іюлѣ—въ Дунайскихъ княжествахъ, Австро-Венгріи, южн. Россіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, южн. Англіи, сѣверо-вост. штатахъ Сѣв. Америки и Канадѣ.

Въ августѣ—въ Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ, сѣв. Россіи, нижней Канадѣ и Колумбіи.

Въ сентябрѣ и октябрѣ—въ Шотландіи, Швеціи и Норвегіи.

Въ ноябрѣ—въ Южной Америкѣ.

Въ декабрѣ—въ Бирмѣ.

Правда, не во всѣ эти мѣсяцы жатва приходится на страны, играющія крупную роль въ международной хлѣбной торговлѣ, но все же въ первой четверти года даютъ жатву Австралія, Остъ-Индія, Аргентина, занимающія уже теперь крупную роль въ международной торговлѣ, при чемъ доля участія ихъ постепенно растетъ, и опредѣленіе предѣла этого участія еще преждевременно, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время потокъ европейскихъ переселенцевъ направляется въ Аргентину, вызывая въ ней усиленіе производства. Во второй четверти года жатву даютъ Алжиръ, Сѣв. Америка, въ третьей—Сѣв. Америка, Дунайскія княжества, Австрія и Россія.

Само собою разумѣется, что потребители выигрываютъ отъ этого, такъ какъ снабженіе ихъ пищею не становится уже въ зависимость отъ каприза, такъ сказать, природы и является обезпеченнымъ, благодаря чему устраняется также и колебаніе цѣнъ по времени года, такъ какъ опасеніе неурожая въ данномъ году въ данной странѣ, вліявшее прежде на непомѣрное

повышеніе цѣны хлѣба, какъ бы парализуется до извѣстной степени представленіемъ о немыслимости повсемѣстнаго неурожая и о возможности привоза хлѣба изъ странъ, гдѣ неурожая нѣтъ. Но то самое, что составляетъ здѣсь благопріятное условіе для потребителя, не является таковымъ для производителя, положеніе котораго чрезъ это еще болѣе ухудшается.

Конечно, если бы мы представили себѣ, что одинъ производитель получилъ возможность не пріурочивать производства всего нужнаго хлѣба къ одному моменту времени, а можетъ производить его ежемѣсячно, постепенно въ теченіе года, то тогда бы многія трудности, сопряженныя теперь съ веденіемъ сельскаго хозяйства, сами собой уничтожились бы. Но вѣдь производитель-то этотъ является въ видѣ множества отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, различныхъ по національности, по размѣрамъ землевладѣнія и по цѣлому ряду другихъ обстоятельствъ, и только продуктъ ихъ заботъ или труда попадаетъ на одинъ и тотъ же международный рынокъ, который устанавливаетъ на него цѣну для даннаго момента, отражающуюся на цѣнѣ продукта и на спросѣ его также и на внутреннемъ рынкѣ. Какъ, наприм., и какая нормальная цѣна можетъ быть установлена для тѣхъ гектолитровъ пшеницы, которые появляются въ первую четверть года, когда ожидается большое количество ея во вторую четверть и еще больше въ третью? Какъ, въ свою очередь, сообразоваться съ цѣною для этой 3-й четверти, когда уже начинаетъ поступать на рынокъ продуктъ слѣдующихъ мѣсяцевъ? Такъ, наприм., Австралія и Остъ-Индія, появившись не особенно давно на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, сразу понизили цѣну хлѣба на ту часть ея, которая падала на сохраненіе его въ запасахъ, ибо ихъ урожай какъ разъ пришелся въ серединѣ европейской безхлѣбицы— въ январѣ, февралѣ и мартѣ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются низкія цѣны на хлѣбъ, наприм., въ Германіи въ періодъ 1879—81 гг., несмотря на то, что въ эти годы Германію постигли неурожаи.

Такимъ образомъ прежде, до существованія мірового рынка на хлѣбъ, колебанія цѣнъ на него могли быть и болѣе значительны, чѣмъ теперь, но они не отличались такой внезапностью и неправильностью, и подъемъ цѣны и паденіе ея пріурочивались къ извѣстному, опредѣленному времени года, въ зависимости отъ момента жатвы и ея результатовъ; теперь же этотъ подъемъ и упадокъ можетъ происходить въ каждомъ мѣсяцѣ года, но въ какомъ именно мѣсяцѣ и что именно произойдетъ: подъемъ или упадокъ—опредѣлить заранѣе нельзя, а тѣмъ самымъ затрудняется и рѣшеніе вопроса *когда* выгоднѣе сбыть хлѣбъ, такъ какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна на него можетъ подняться, а можетъ и упасть. Для примѣра укажемъ на неурожайный 1897 г., когда цѣна на пшеницу, рожь и другіе хлѣба, поднявшись въ іюлѣ и августѣ, снова упала въ сентябрѣ; то же было въ $189^1/_2$ гг., когда она, однако, опять поднялась и достигла высокой точки въ январѣ, чтобы затѣмъ опять опуститься, хотя и съ колебаніями, несмотря на плохія ожиданія урожая въ 1892 г. („Статистич. Ежегодникъ по Московской губ. за 1897 г. Цѣны"). Понятное дѣло, какъ это все должно также благопріятствовать спекуляціи, вліяніе которой мы не разсматриваемъ, но которая также должна отзываться невыгодно на производителяхъ. Отмѣтимъ еще разъ, что такія же постоянныя и въ то же время не въ одномъ направленіи колебанія цѣны продукта существуютъ и въ обработывающей промышленности, но тамъ существуетъ и возможность (правда, постепенно уменьшающаяся съ увеличеніемъ въ производствѣ капитала въ видѣ дорого стоящихъ машинъ и т. п.) постояннаго приноровленія производства къ требованіямъ рынка. Здѣсь же самой природой и оборотъ производства данъ годовой—время жатвы и посѣва нельзя придвинуть или отодвинуть, и, стало-быть, нельзя ранѣе опредѣленнаго срока посѣвъ одного продукта замѣнить другимъ; наоборотъ, результатъ урожая опредѣлить заранѣе нельзя, онъ можетъ быть и выше и ниже, а это скажется и на цѣнѣ продукта и на отношеніи ея къ издержкамъ производства.

Итакъ, соотвѣтственно постоянному потребленію пшеницы является постоянное же снабженіе ею. Такимъ образомъ тѣ климатическія условія, которыя дѣлаютъ для человѣка немыслимымъ постоянный сборъ жатвы, пріурочиваютъ ее къ опредѣленному моменту года,—чѣмъ земледѣліе рѣзко отличается отъ фабричнаго производства—на международномъ рынкѣ побѣждаются, и хлѣбъ становится предметомъ такого же правильнаго снабженія, какъ и продукты фабричнаго производства. При этихъ условіяхъ, беря, такъ сказать, отвлеченнаго потребителя, мы можемъ сказать, что для него не должно быть опасеній о плохомъ урожаѣ, о недостаткѣ хлѣба, о голодѣ. Въ одной странѣ, въ особенности при малыхъ размѣрахъ ея, можетъ быть повсемѣстный неурожай; во всѣхъ странахъ земного шара одновременный неурожай немыслимъ. При такихъ условіяхъ потребителю, являющемуся въ то же время и производителемъ, нѣтъ надобности заботиться о производствѣ именно хлѣба, если условія его мѣстности болѣе благопріятствуютъ производству чего-либо другого. Задача его будетъ заключаться въ томъ, чтобъ изучить эти мѣстныя условія, опредѣлить ихъ пригодность для производства тѣхъ или другихъ продуктовъ и построить свое производство соотвѣтственно этому.

Но въ то же время возможность сбыта и даже необходимость его, развязывая производителю руки въ одномъ отношеніи, ставятъ его въ такую зависимость отъ сбыта, что онъ, не имѣя возможности освободиться онъ нея, лишается въ то же время устойчивой почвы для опредѣленія того, въ какомъ направленіи вести свое хозяйство, на производство какихъ продуктовъ направить свои производительныя силы.

Существованіе мірового рынка и участіе, такимъ образомъ, всѣхъ странъ въ производствѣ всѣхъ нужныхъ для человѣчества продуктовъ создаютъ такое положеніе для производителя, при которомъ онъ можетъ обратиться къ производству продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ условіямъ данной страны, не рискуя остаться безъ необходимыхъ для пропитанія продуктовъ. И дѣйствительность показываетъ, что въ этомъ отношеніи уже начи-

нають происходить соотвѣтствующія измѣненія. Такъ С.-А. Соед. Шт. предпринимаютъ основательное изученіе природныхъ условій разныхъ мѣстностей своей страны и другихъ странъ съ той цѣлью, чтобы выяснить, какая часть Америки по совокупности природныхъ условій имѣетъ наибольшее сходство съ опредѣленной европейской, напр., мѣстностью, отличающейся культурой опредѣленныхъ произрастаній. Эти-то произрастанія (виноградъ, напр., рисъ и т. д.) и культивируются потомъ въ такой части С.-А. Соед. Шт., природа которой наиболѣе отвѣчаетъ той части Европы, гдѣ, скажемъ, преобладаетъ культура винограда, риса, или табака и т.д. Но современныя условія, строй хозяйственныхъ отношеній въ каждой странѣ, въ значительной мѣрѣ ограничиваютъ возможность осуществленія на практикѣ того, въ чемъ состоитъ тенденція развитія всемірнаго хозяйства.

Съ одной стороны получается все необходимое для постановки земледѣлія на вполнѣ научную почву, обосновавъ всякій посѣвъ данными наблюденія и анализа всѣхъ основныхъ условій произрастанія тѣхъ или другихъ даровъ природы. Въ то же время страны, которыя доселѣ имѣли въ своихъ природныхъ условіяхъ гарантію того, что ихъ продукты (хлопокъ, напр.) составляютъ надежный предметъ сбыта, теперь должны опасаться въ этомъ отношеніи конкуренціи другихъ, гдѣ условія также благопріятствуютъ произрастанію хлопка и гдѣ его начинаютъ усиленно производить и вывозить, благодаря развитію международныхъ отношеній. Вслѣдствіе этого и получается задержка въ раціональномъ распредѣленіи культуръ при господствѣ капиталистическихъ тенденцій въ сельскомъ хозяйствѣ. Само собой разумѣется, что какъ будто выгоднѣе воздѣлывать тѣ хлѣба, культурѣ которыхъ способствуютъ мѣстныя условія: такое производство должно обойтись дешевле, и потому на рынкѣ побѣдить легче. Но такой продуктъ (теперь, наприм., пшеница) можетъ производиться одновременно во многихъ странахъ, и возможно его чрезмѣрное удешевленіе. Надо, стало-быть, присматриваться къ тому, что происходитъ на рынкѣ, и, сообразуясь съ нимъ, производить то, на что теперь можетъ быть спросъ, хотя

бы это и представлялось не тѣмъ продуктомъ, котораго требуетъ раціональная постановка земледѣлія. Такимъ образомъ, если международный рынокъ, съ одной стороны, ведетъ къ возможности осуществленія раціональнаго земледѣлія, то, съ другой стороны, его же требованія, при данномъ строѣ экономическихъ отношеній внутри каждой страны, мѣшаютъ осуществленію такого земледѣлія, такъ какъ вызываютъ постоянное колебаніе цѣнъ въ такомъ направленіи (или, вѣрнѣе сказать, безъ всякаго направленія), что примѣниться къ этому направленію невозможно, а, стало-быть, нельзя и приспособить къ тому производство, которое все болѣе и болѣе ведется на сбытъ и, слѣдовательно, находится въ прямой зависимости отъ цѣнъ продукта. Но все это и составляетъ наиболѣе существенное препятствіе для раціональной постановки земледѣлія въ такихъ хозяйствахъ, гдѣ все хозяйство ведется исключительно для сбыта и для извлеченія прибыли, т.-е. въ чисто капиталистическихъ.

Міровой рынокъ опредѣляетъ спросъ на продукты и цѣны на нихъ. Конечно, не все количество произведенныхъ продуктовъ поступаетъ на него, но отъ запроса мірового рынка зависитъ и то, какія отношенія предложенія и спроса, а также и цѣны на продукты установятся на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ міровой рынокъ является опредѣлителемъ того, что должно продаваться, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ будетъ производиться. Слѣдовательно, каждый производитель сельскохозяйственнаго продукта (я имѣю въ виду здѣсь только его) долженъ прислушиваться къ тому, что происходитъ на этомъ рынкѣ. Если цѣна на извѣстный продуктъ очень низка вслѣдствіе избытка въ производствѣ его, производитель правильно умозаключаетъ, что надо приступить къ производству другого продукта, цѣна котораго такова, что покрываетъ издержки производства и доставляетъ прибыль. И вотъ производитель, вооруженный знаніемъ, капиталомъ, достаточнымъ количествомъ земли, анализируя условія своего хозяйства, выбираетъ изъ продуктовъ, приносящихъ прибыль, тотъ, къ производству котораго наиболѣе приспособлены всѣ условія его хозяйства, и является торже-

ствующимъ на міровой рынокъ: получается полная удача. Эта удача даетъ возможность расширить дѣло еще болѣе въ томъ же направленіи, что и дѣлается. *Результатъ* оказывается, однако, совершенно *обратный*. Дѣло въ томъ, что въ положеніи нашего производителя стоитъ, какъ въ той же, такъ и въ другихъ странахъ, масса другихъ производителей, которымъ ничто не мѣшаетъ умозаключать и поступать совершенно такъ же, на которыхъ, можетъ-быть, повліялъ его же прошлогодній примѣръ; и вотъ они явились на рынокъ съ тѣмъ же продуктомъ и сбили на него цѣну.

Подобные примѣры не рѣдки. Такъ, когда стало невыгоднымъ производство пшеницы въ нашей центральной земледѣльческой полосѣ, перешли къ производству картофеля, но результатомъ такого перехода явилось его перепроизводство. На югѣ у насъ наблюдалось перепроизводство многихъ растеній („Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“).

Упадокъ цѣнъ и уменьшеніе доходности вызвали въ Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ изслѣдованіе, и данныя, полученныя отъ 25.000 сельскихъ хозяевъ, показываютъ, что издержки не окупаются производствомъ. Это показываетъ слѣдующій приблизительный расчетъ.

На 1 акръ земли подъ пшеницу затрачивается:

на поземельную ренту	2,81	доллара.
„ удобреніе	2,16	„
„ обработку почвы	1,87	„
„ посѣвъ	0,96	„
„ уборку и молотьбу	2,76	„
„ храненіе	0,17	„
„ расходы по продажѣ	0,76	„
Всего	11,49	доллара.
Выручка же отъ акра	11,13	„

Слѣдовательно, не только не окупаются издержки производства, но еще недовыручается 36 центовъ. Вслѣдствіе этого площадь посѣва тамъ въ довольно короткое время сократилась

съ 40 милл. акровъ до 34,6 милл. акровъ. Все это потому, что явилась возможность производить пшеницу съ меньшими издержками въ Аргентинѣ и Остъ-Индіи. Между тѣмъ подъ вліяніемъ американской конкуренціи цѣны въ Англіи падали слѣдующимъ образомъ:

1871—75 гг.	въ Лондонѣ	цѣна	пшеницы	за	кварт.	54	ш.	8	пен.
76—80 гг.	„	„	„	„	„	47	„	6	„
93 г.	„	„	„	„	„	26	„	4	„

Въ періодъ съ 91 по 93 г. цѣна пшеницы понизилась на 10 ш. 8 пенс., а въ 94 г. дошла даже до 18 ш.

При такихъ условіяхъ на уменьшеніе убыточности производства не можетъ вліять и прогрессъ полеводства. По даннымъ, напр., одного Эзельскаго хозяйства за 27 лѣтъ при средн. урожаѣ ржи въ 1875—85 гг. въ 68,93 пуда, пшеницы въ 55,35 п., ячменя въ $42,_{07}$ п., овса—52,15 п., средній *доходъ* полеводства составлялъ 698 р. При повышеніи же для 1885—1902 гг. урожая ржи до 69,57 п., пшеницы—57,72 п., ячменя—52 п., овса—$58,_{4}$ п. отъ полеводства получился убытокъ въ 562 р. („Нужды Деревни", С.-Пб. 1904, т. II, стр. 504, ст. А. П. Мертваго).

Это и понятно. На это вліяетъ не только установленіе таможеннаго тарифа, которымъ думаютъ аграріи поддержать свое положеніе, но прежде всего общія условія современнаго хозяйственнаго строя.

Вѣдь если каждый изъ производителей, лишь не въ большой мѣрѣ, примется за производство того или другого прибыльнаго продукта, то скоро уже явится избытокъ снабженія рынка, а съ нимъ и упадокъ цѣны. Допустимъ, что въ томъ или другомъ случаѣ хозяева были не особенно дальновидны. Каждый изъ нихъ могъ предусмотрѣть, что разъ на извѣстный продуктъ цѣны стоятъ высокія, то, очевидно, многіе найдутъ для себя выгоднымъ производить его, и потому не слѣдуетъ безусловно разсчитывать на него. Такъ обыкновенно и поступаютъ, если даже не по расчету, то въ силу необходимости, такъ какъ по условіямъ сельскаго хозяйства требуется существованіе плодо-

смѣна и, слѣдовательно, одновременное производство разныхъ продуктовъ; поэтому расчетъ ведется на производство нѣсколькихъ продуктовъ. Однако и здѣсь можетъ быть и обыкновенно бываетъ такъ, что является перепроизводство и упадокъ цѣны на продукты, сбытъ которыхъ годъ тому назадъ былъ выгоденъ, и, наоборотъ, можетъ случиться, что тотъ хозяинъ, который, слѣдуя рутинѣ, продолжалъ производить то, что и ранѣе производилъ, можетъ выгадать вслѣдствіе того, что наиболѣе предпріимчивые сосѣди обратились къ производству другихъ продуктовъ, тогда какъ въ первомъ оказался недостатокъ.

Съ перваго взгляда все только что сказанное мной представляется невѣроятнымъ, такъ какъ при современномъ развитіи статистики можно имѣть точныя свѣдѣнія какъ о размѣрахъ посѣва тѣхъ или иныхъ растеній въ той или другой странѣ, такъ и сбора ихъ. Но дѣло въ томъ, что свѣдѣнія эти получаются обыкновенно и могутъ быть получены лишь послѣ того, какъ посѣвы произведены. Впрочемъ, если бы даже имѣлись предварительно свѣдѣнія о размѣрахъ посѣва, то они еще не даютъ полнаго основанія для расчетовъ, такъ какъ нельзя напередъ предусмотрѣть сборъ жатвы, а слѣдовательно, и размѣръ предложенія того или другого продукта. Нельзя также предусмотрѣть стоимость уборки, которая находится въ зависимости не только отъ состоянія погоды, а слѣдовательно, отъ той поспѣшности, съ которой уборка должна быть произведена, но и отъ спроса на трудъ въ другихъ отрасляхъ производства.

Дѣло въ томъ, что каждый хозяинъ ведетъ расчетъ отдѣльно, соображаясь съ условіями своего индивидуальнаго хозяйства, и не имѣетъ возможности войти въ расчеты даже своего сосѣда, не говоря уже о расчетахъ хозяина иной части свѣта; онъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ совершенно такія же условія, какъ и въ томъ случаѣ, если бы неожиданно для него сосѣдъ изобрѣлъ и примѣнилъ какое-либо усовершенствованіе, понизившее вдвое стоимость уборки, вслѣдствіе чего поставилъ бы и его въ необходимость продать продукты своего производства по этой пониженной стоимости. Между тѣмъ при такой индиви-

дуализаціи производства и всѣхъ расчетовъ его, которая вполнѣ отвѣчала условіямъ того времени, когда каждый стремился произвести въ своемъ хозяйствѣ все необходимое только для себя,—въ настоящее время міровой рынокъ создаетъ иное распредѣленіе продукта. На міровомъ рынкѣ подводится итогъ всему производству и опредѣляется потребность въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ и цѣна ихъ. Общественный характеръ сбыта продуктовъ и частный способъ производства ихъ стоятъ въ коренномъ противорѣчіи между собою. Это ведетъ къ тому, что то, что первоначально проявлялось какъ кризисъ, отъ времени до времени, впослѣдствіи, съ бо́льшимъ развитіемъ общественнаго характера сбыта продуктовъ, но при сохраненіи индивидуальнаго строя всего хозяйства, распространяетъ это противорѣчіе на все большее и большее число хозяйствъ и, обостряя его, создаетъ для сельскихъ хозяевъ уже *постоянное колебаніе* производства и сбыта.

Необходимо имѣть въ виду, что такая неустойчивость, существующая какъ уже нѣчто постоянное для странъ старой культуры, мало-по-малу переходитъ и на другія страны по мѣрѣ того, какъ все новыя и новыя земли поступаютъ подъ обработку. Между тѣмъ подъ обработку, какъ извѣстно, захватываются все новыя и новыя земли, еще нетрогавшіяся плугомъ, и старыя, хотя и въ новой странѣ, начинаютъ уступать имъ, ибо новыя-то земли почти не требуютъ издержекъ на воздѣлываніе; „объ этомъ позаботилась сама природа... Къ тому же рѣшающимъ моментомъ при этомъ оказывается не качество, а количество земли“ (К. Марксъ „Капиталъ“, т. III, стр. 553—554). „Океанскіе пароходы и сѣверо-южно-американскія и индійскія желѣзныя дороги поставили совершенно особенныя земли въ такое положеніе, что онѣ получили возможность конкурировать на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Съ одной стороны, это сѣверо-американскія преріи, аргентинскіе пампасы, степи, самою природою предназначенныя для запашки,—цѣлина, которая много лѣтъ даетъ обильные урожаи даже при первобытной обработкѣ и безъ удобренія. Затѣмъ это были земли русскихъ и индійскихъ общинъ, которыя при-

нуждены были продавать часть своего продукта, именно часть постоянно возрастающую, для того, чтобы пріобрѣсти деньги на уплату податей. Продукты эти продаются по цѣнамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ стоимости производства,—по цѣнамъ, которыя даютъ торговцы, такъ какъ крестьянину ко времени платежа податей деньги нужны безусловно. И противъ такой конкуренціи... европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежнихъ размѣрахъ рентъ оказался безсиленъ. Часть земель въ европейскихъ странахъ совершенно перестала воздѣлываться подъ зерновые продукты, рента повсюду понизилась *)... Понижающіяся цѣны и понижающаяся производительность дополнительныхъ затратъ капитала стала въ Европѣ явленіемъ обычнымъ, а отсюда вопли аграріевъ, раздающіеся отъ Шотландіи до Италіи и отъ южной Франціи до восточной Пруссіи. Еще далеко не всѣ степныя земли находятся подъ запашкой; ихъ имѣется еще достаточно для того, чтобы разорить все крупное европейское землевладѣніе, да вдобавокъ и мелкое“ (тамъ же, стр. 597—598).

Таковы тѣ общія условія, которыя создаетъ міровой рынокъ и съ которыми приходится считаться современному сельскому хозяину. Оріентироваться среди нихъ и справиться съ ними было бы, можетъ-быть, не такъ затруднительно, если бъ эти условія, разъ данныя, оставались постоянными или измѣнялись бы въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи. Тогда бы могла быть рѣчь о возможности приспособиться къ этимъ условіямъ путемъ измѣненія системы хозяйства соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ транспорта и, слѣдовательно, соотвѣтственно установленной этими условіями близости или отдаленности той или другой страны отъ опредѣленнаго рынка, соотвѣтственно установившейся стоимости провоза и т. д. Но дѣло въ томъ, что современное міровое хозяйство представляетъ собою зрѣлище постоянныхъ перемѣнъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ: измѣняются мѣста спроса, мѣста предложенія въ связи какъ съ усло-

*) Подробное изображеніе этихъ явленій въ Англіи на основаніи множества статистическихъ данныхъ находится въ гл. I моей книги „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“.

віями измѣненія транспорта, такъ и со многими другими, зависящими уже отъ внутреннихъ условій каждой данной страны. Въ 1891 г., наприм., Россію, какъ извѣстно, постигъ огромный неурожай, вызвавшій голодъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись до невѣроятной высоты. Это обстоятельство служило, повидимому, указаніемъ. что Россія, вывозящая обыкновенно хлѣбъ, не стоитъ, однако, въ такихъ условіяхъ, чтобъ ей самой не грозилъ недостатокъ въ хлѣбѣ, а потому расширеніе производства его казалось естественнымъ при такихъ условіяхъ. Въ результатѣ получилось, что въ 1894 году, при урожаѣ, не представлявшемъ ничего выдающагося по своей высотѣ, при не особенно высокомъ урожаѣ въ Европѣ и Америкѣ, что должно было вызвать большой спросъ на хлѣбъ, цѣна его упала до 20 коп. за пудъ ржи, такъ что многіе хозяева предпочли скармливаніе посѣвовъ скоту или вовсе не снимали ихъ, ибо стоимость уборки не покрывалась упомянутою цѣной, такъ что выгоднѣе представлялось потерять стоимость обработки и посѣва, чѣмъ присоединять сюда стоимость уборки. Такимъ образомъ явилось перепроизводство хлѣба. Но это не единственная причина, вызвавшая такое паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Къ этому присоединяется упадокъ спроса на него въ предшествовавшемъ году, явившійся результатомъ того, что исключеніе Россіи изъ мірового рынка въ 1891 г. повело за собой для странъ, ввозившихъ до сихъ поръ хлѣбъ изъ Россіи, отысканіе новыхъ рынковъ, сдѣлавшихъ русскій рынокъ уже не столь существеннымъ. Въ самой Россіи 1891 г. повелъ къ созданію новыхъ рынковъ для внутренняго потребленія и, слѣдовательно, понизилъ роль прежнихъ, а въ то же время и слѣдующій за 1891-мъ годъ заставилъ расширить запашки въ ожиданіи большого спроса, вслѣдствіе истощенія запасовъ предшествующаго года; но такъ какъ такого спроса не послѣдовало, то накопленіе запасовъ и вызвало пониженіе цѣнъ въ слѣдующемъ году.

Отсюда, между прочимъ, мы видимъ, что сельскому хозяину приходится считаться и съ условіями внутренняго рынка, снабженіе котораго зависитъ отъ условій, въ которыя поставлено

производство внутри страны. Слѣдовательно, какъ внѣшній, такъ и внутренній рынокъ путемъ колебанія цѣнъ, которое ни предусмотрѣть ни предотвратить нельзя, повергаютъ сельское хозяйство въ постоянное неустойчивое положеніе и мѣшаютъ распредѣленію культуръ сообразно наибольшему соотвѣтствію ихъ естественнымъ условіямъ. Такимъ образомъ тенденція къ такому распредѣленію, которая можетъ проявляться при условіяхъ, создаваемыхъ именно всемірностью рынка, въ дѣйствительности почти не осуществляется по условіямъ, въ которыя ставятся производители тѣмъ же рынкомъ.

Все сказанное до сихъ поръ установляетъ лишь общее направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ международный рынокъ и вліяетъ на производство страны вообще и на сельскохозяйственное въ частности. Но сельское хозяйство не есть что-либо однородное. Я только что говорилъ о противоположности общественнаго характера сбыта и индивидуальнаго характера производства, и это основано на томъ, что даетъ намъ дѣйствительность, въ которой имѣются отдѣльныя индивидуальныя хозяйства. А въ такомъ случаѣ неизбѣженъ вопросъ: проявляется ли эта тенденція въ воздѣйствіи международнаго рынка, ведущая къ постояннымъ перемѣнамъ и отсутствію устойчивости въ положеніи отдѣльнаго хозяйства, на всѣхъ хозяйствахъ въ одинаковой мѣрѣ, въ чемъ заключается различіе этого воздѣйствія и чѣмъ это различіе обусловливается?

Мы все время исходили изъ положенія, что вліяніе международнаго рынка опредѣляется тѣмъ, что это — рынокъ, т.-е. мѣсто сбыта товаровъ, и, слѣдовательно, тѣмъ, какъ именно отражается сбытъ на производствѣ. Отсюда само собой слѣдуетъ заключеніе, что вліяніе его должно отражаться прямо и непосредственно на тѣхъ хозяйствахъ, которыя работаютъ только на сбытъ, а затѣмъ, если и должно отражаться на другихъ, то лишь косвенно. Но какія хозяйства поставлены въ исключительную зависимость отъ сбыта, т.-е. вынуждены работать почти исключительно на сбытъ? Здѣсь въ противоположность обработывающей промышленности, гдѣ какъ крупныя, такъ и мелкія хозяйствен-

ныя единицы работаютъ на сбытъ, хотя и не стоятъ въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ нему, приходится различать такія, которыя работаютъ всецѣло на сбытъ, и такія, которыя лишь частію имѣютъ его въ виду. Первыя—это, разумѣется, крупныя хозяйства. Даже во времена крѣпостного права, когда въ такихъ хозяйствахъ производились не только сырые продукты, но были и свои мастера, хозяйства эти не могли существовать безъ отчужденія на сторону извѣстной доли своихъ продуктовъ съ цѣлью пріобрѣсти то, что не производилось внутри хозяйства. Съ отмѣной крѣпостного права (я говорю о Россіи) положеніе такихъ хозяйствъ измѣнилось въ томъ направленіи, что они поставлены были въ необходимость производить большую часть продуктовъ своего хозяйства для сбыта, какъ потому, что лишились дворовыхъ людей, бывшихъ различнаго рода мастерами, такъ и потому, что отчуждать продукты своего хозяйства нужно было уже не только для пріобрѣтенія предметовъ, не производившихся въ своемъ хозяйствѣ, но и для найма рабочихъ. Правда, они получили оборотныя средства въ формѣ выкупныхъ свидѣтельствъ или оброка временно-обязанныхъ крестьянъ, но допустимъ, что эти средства были затрачены на пріобрѣтеніе инвентаря, такъ какъ въ большинствѣ хозяйствъ до тѣхъ поръ обработка производилась барщиннымъ путемъ, т.-е. инвентаремъ крестьянъ, и теперь надо было пріобрѣсти его. А въ такомъ случаѣ нужны были оборотныя средства. Такъ или иначе, но въ концѣ-концовъ всѣ некрестьянскія хозяйства поставлены въ необходимость считаться съ условіями сбыта и, слѣдовательно, ходъ ихъ производства, его направленіе, находится въ прямой зависимости отъ рынка и диктуемыхъ имъ предписаній, сила которыхъ состоитъ въ томъ, что каждый неисполнившій такого предписанія подлежитъ неминуемой отвѣтственности, а между тѣмъ предписаніе это приходитъ внезапно, не оставляя почти времени на приготовленіе для исполненія его.

Но величина хозяйства, не дающая возможности производить предметы лишь для своего потребленія, а обязывающая вести

производство для сбыта, создаетъ и другія условія, затрудняющія возможность приспособленія къ требованіямъ рынка. Крупное хозяйство требуетъ значительнаго инвентаря, крупныхъ оборотныхъ средствъ, и всякая перемѣна въ строѣ его, вызываемая недостаткомъ сбыта или сбытомъ по цѣнѣ, не покрывающей издержекъ производства, не даетъ средствъ на переходъ къ новой системѣ хозяйства и къ посѣву новыхъ растеній. Слѣдовательно, если нѣтъ запасныхъ оборотныхъ средствъ, нуженъ кредитъ, и притомъ достаточно льготный и долгосрочный, чтобы изъ произведенныхъ за счетъ его затратъ выручить необходимую въ данномъ году уплату процентовъ и погашенія. Но, съ одной стороны, крупные сельскіе хозяева и ранѣе были уже обременены долгами, а съ другой—при показанныхъ выше условіяхъ рынокъ не всегда оправдываетъ произведенныя затраты, да и не всякій хозяинъ рѣшится на нихъ именно въ виду тѣхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть продиктованы рынкомъ: можетъ случиться, что произведенныя затраты не будутъ возмѣщены, и тогда задолжавшій хозяинъ попадаетъ въ еще худшее положеніе.

Но и на этомъ не кончается та сложность условій, которыя дѣлаютъ для крупнаго хозяина вопросомъ жизни и смерти то или иное, подчасъ ничтожное колебаніе рыночныхъ отношеній. Крупный хозяинъ имѣетъ землю; сдача этой земли въ наемъ можетъ давать ему тѣ оборотныя средства, о необходимости которыхъ я говорилъ выше; а такъ какъ арендная цѣна этой земли находится также въ зависимости отъ условій сбыта и также не избѣгаетъ вліянія колебаній рыночныхъ отношеній, то даже и такой хозяинъ, который не имѣлъ надобности въ кредитѣ для полученія оборотныхъ средствъ, не можетъ быть обезпеченъ въ притокѣ къ нему оборотныхъ средствъ въ опредѣленномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что условія сбыта могутъ вліять не только на величину арендныхъ цѣнъ, но и на количество сдаваемыхъ въ аренду земель, на составъ ихъ и, наконецъ, вслѣдствіе вліянія того же рынка на арендаторовъ, на исправность уплатъ съ ихъ стороны. Конечно, въ обезпеченіе этихъ

уплать земледѣльцу могутъ быть предоставлены продукты этихъ земель, но вѣдь они-то именно и не имѣютъ въ такое время выгоднаго сбыта, а потому и не могутъ быть превращены въ оборотный капиталъ.

Предшествующіе очерки, изображавшіе условія примѣненія труда и его орудій въ сельскомъ хозяйствѣ, приводили къ заключенію о томъ, что эти условія не благопріятствуютъ существованію и развитію хозяйствъ съ наемнымъ трудомъ. Разсмотрѣніе условій, создаваемыхъ существованіемъ международнаго хлѣбнаго рынка, приводитъ къ тому же заключенію. Правда, съ этими условіями приходится считаться и хозяйству, основанному на собственномъ трудѣ, т.-е. крестьянскому, такъ какъ и оно не можетъ не работать на сбытъ. Но 1) для большинства такихъ хозяйствъ сбытъ продуктовъ не является и не можетъ являться исключительной задачей производства, единственнымъ средствомъ использовать произведенные продукты, такъ какъ добрая часть ихъ можетъ подлежать потребленію въ своемъ хозяйствѣ; а это значитъ, что они не въ такой мѣрѣ зависятъ отъ рынка, какъ крупные, гдѣ то, что можетъ быть потреблено въ своемъ хозяйствѣ, составляетъ очень ничтожную долю всего произведеннаго. Это одно уже составляетъ преимущество мелкаго крестьянскаго хозяйства и позволяетъ ему еще продолжать существованіе и даже вводить улучшенія, когда крупные говорятъ уже о возвратѣ къ экстенсивному хозяйству; 2) мелкія хозяйства, какъ это признается всѣми, гораздо успѣшнѣе могутъ бороться съ рыночными условіями, развивая такія отрасли хозяйства, какъ птицеводство, садоводство, огородничество, выращиваніе скота и т. д. и такимъ образомъ для нихъ является возможность выставить на рынокъ не одинъ продуктъ или даже поставить дѣло и такъ, что раздѣлить, такъ сказать, свое хозяйство на двѣ части: производство предметовъ продовольствія для собственнаго потребленія и производство спеціальныхъ предметовъ для рынка, скармливая скоту или птицѣ то, что стоитъ въ связи съ производствомъ предметовъ для собственнаго продовольствія. Примѣромъ можетъ служить та же Данія, которая съ 1866 по 1901 г. уменьшила зна-

чительно посѣвы пшеницы, увеличивъ, однако, въ общемъ посѣвную зерновую площадь съ 2536 тыс. акровъ до 2866 тыс. акровъ, а всю обработываемую площадь съ 5728 тыс. акровъ до 6973 тыс. акровъ; одновременно съ этимъ увеличено количество лошадей, коровъ и свиней, какъ абсолютно, такъ и по отношенію къ обработываемой площади, при чемъ оно значительно выше, чѣмъ въ Англіи. Въ результатѣ—эта небольшая страна при $2^1/_2$ милліон. насел., изъ коего около $1^1/_2$ милл. сельскаго, и изъ него около 1 милл. занятаго въ сельск. хоз., вывозитъ на 933 тыс. фунт. стерл. въ годъ (1904) лошадей, слишкомъ на 84 милл. рублей масла, вообще же болѣе чѣмъ на 180 милл. рублей продуктовъ сельскаго хозяйства (за 1904 г.) Стоимость вывоза продуктовъ ея сельскаго хозяйства съ 1897 г. въ 117 милл. рублей возросла до указанной цифры непрерывно повышаясь, при чемъ росъ и ввозъ, но росло и превышеніе вывоза надъ ввозомъ, такъ что цѣнность вывоза за вычетомъ цѣнности ввоза составляла въ 1897 г. 59 м. рублей, а теперь (1904 г.), безпрерывно возрастая, составляетъ 89 мил. рублей на 1 мил. земледѣльцевъ, не считая еще продажи на внутренній рынокъ (*Thomson*. Цитированная уже статья).

Здѣсь, такимъ образомъ, вліяніе международнаго рынка, снабжающаго пшеницей по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ можетъ производить Данія, вызвало въ ней развитіе другихъ отраслей сельскаго хозяйства и нисколько не повело къ упадку крестьянскаго хозяйства. Наоборотъ, благопріятное вліяніе на крестьянское земледѣліе развитія мѣнового хозяйства мы можемъ наблюдать и въ Россіи. Такъ, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія замѣчался въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской губ. возвратъ населенія къ землѣ, что и отмѣчалось въ свое время въ „статистическихъ ежегодникахъ Московской губ.“. Сопоставленія въ измѣненіи отношенія земледѣльческаго и неземледѣльческаго населенія, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія 1877—81 и 1898—900 гг., вполнѣ подтвердили такой фактъ возврата къ землѣ. Объясненіе же ему заключается въ повышеніи доходности земли въ связи съ пониженіемъ прямыхъ платежей съ земли. „Повышеніе же доходности занятія земледѣльческимъ хозяйствомъ въ этомъ районѣ въ

значительной степени объясняется развитіемъ мѣнового хозяйства, связаннымъ съ непрерывнымъ возрастаніемъ спроса столичнаго рынка на различные продукты сельскаго хозяйства. Этой же причинѣ слѣдуетъ приписать упроченіе земледѣльческаго хозяйства въ западномъ районѣ Волоколамскаго уѣзда, гдѣ развитіе рыночнаго льноводства и крупныя улучшенія въ земледѣльческой техникѣ не могли не оказать вліянія на повышеніе доходности земли" (П. А. Вихляевъ: „Московск. губ. по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг.", т. IV. „Земледѣльческое хозяйство и промыслы крестьянскаго населенія". Вып. I. „Земледѣльческое хозяйство". М. 1907 г., стр. 30).

Отсюда нетрудно видѣть, что развитіе мѣнового хозяйства въ земледѣліи содѣйствовало развитію крестьянскаго хозяйства двоякимъ путемъ: *прямо*, повышая доходность крестьянскаго земледѣлія, и *косвенно*, вызывая тѣмъ стремленіе къ занятію земледѣліемъ у большей части населенія. Это и понятно. Въ районахъ, наприм., съ наибольшимъ развитіемъ молочнаго хозяйства на *сбытъ*, „при выгодности сбыта молочныхъ продуктовъ, представляется возможность содержать корову при такихъ земельныхъ условіяхъ, которыя приводятъ *къ безкоровности при отсутствіи значительнаго сбыта молока.* Если взять районы, расположенные къ сѣверу отъ Москвы, то будетъ замѣтно, съ какой послѣдовательностью повышается % многокоровныхъ семей по мѣрѣ приближенія къ рынку"... „направленіе въ измѣненіи количества различныхъ видовъ скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московскаго у. опредѣляется выгодностью сбыта, т.-е. условіями крестьянскаго *мѣнового* хозяйства" (тамъ же, с. 169, 193). Сдѣлавъ затѣмъ рядъ сопоставленій тщательно разработаннаго цифрового матеріала подробнаго подворнаго обслѣдованія, авторъ говоритъ слѣдующее: „Изъ всѣхъ произведенныхъ сопоставленій мы приходимъ къ тому выводу, что процессъ развитія крестьянскаго подмосковнаго молочнаго хозяйства сопровождался *болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ коровъ* между отдѣльными семьями и *при наличности сбыта молочныхъ продуктовъ непосредственно потребителямъ наблюдается подъемъ благосостоянія въ экономи-*

чески обезсиленныхъ группахъ... Преобладающимъ же направленіемъ въ развитіи крестьянскаго хозяйства Московскаго у., за истекшія 18 лѣтъ было возвращеніе части населенія на землю, сопровождавшееся болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ производственныхъ средствъ между отдѣльными группами крестьянскихъ семей" (тамъ же, ст. 200—201).

Только что приведенные выводы, основанные на тщательномъ изученіи и обстоятельной разработкѣ обширнаго цифрового матеріала мѣстнаго обслѣдованія, опредѣленно говорятъ о томъ, что развитіе мѣнового хозяйства, рыночныхъ отношеній не только не губятъ крестьянское, мелкое хозяйство, но даже содѣйствуютъ улучшенію его, подъему благосостоянія занятаго имъ населенія и болѣе равномѣрному распредѣленію среди него производственныхъ средствъ. А это болѣе равномѣрное распредѣленіе производственныхъ средствъ и говоритъ за то, что этимъ путемъ развивается именно *крестьянское*, а не капиталистическое предпринимательское хозяйство.

Правда, происходившія лѣтомъ 1907 г. явленія въ винодѣльческомъ округѣ Франціи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ гибельно могутъ отражаться на крестьянскомъ хозяйствѣ рыночныя условія. Но здѣсь нужно имѣть въ виду, что, во-первыхъ, французское крестьянское хозяйство не всегда крестьянское въ томъ смыслѣ этого понятія, которое я строго выдерживаю. Это нерѣдко хозяйство предпринимательское, мелко-буржуазное съ наемными батраками, а во-вторыхъ, такая рѣзкая спеціализація сельскаго хозяйства, при которой всѣ надежды возлагаются *исключительно на одинъ продуктъ*, конечно, должна отразиться гибельно и на мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ, т.-е. при такой спеціализаціи сельскаго хозяйства, вліяніе рынка скажется неблагопріятно какъ на крупномъ, такъ и на мелкомъ хозяйствѣ; всѣ же остальныя, разсмотрѣнныя до сихъ поръ, условія международнаго рынка, отражаясь гибельно на крупномъ, не только не производятъ такого вліянія на мелкое, но, какъ видимъ, вліяютъ на него въ смыслѣ улучшенія и притомъ самыми различными путями, что будетъ

указано еще въ очеркѣ о товариществахъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, какъ предшествующіе очерки, характеризовавшіе вліяніе на сельское хозяйство окружающей его природы, такъ и настоящій, описывавшій вліяніе на ходъ хозяйства условій внѣшняго международнаго рынка, приводятъ къ заключенію, что условія эти, отражаясь при современномъ хозяйственномъ строѣ неблагопріятно на земледѣльческихъ хозяйствахъ съ наемными рабочими, не только не оказываютъ такого же вліянія на крестьянскія хозяйства, но во многихъ отношеніяхъ даже благопріятствуютъ ихъ развитію.

Если, однако, все это такъ, то самъ собою напрашивается вопросъ, почему же, однако, у насъ въ Россіи, гдѣ крестьянство имѣетъ такое численное преобладаніе, наблюдается не только не развитіе, а даже упадокъ крестьянскаго хозяйства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, надо искать въ другихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства. Если имѣть въ виду именно экономическіе факторы, то, конечно, отвѣтъ этотъ надо искать въ условіяхъ землевладѣнія у насъ. Къ этому мы и переходимъ теперь.

Примѣчаніе. Довольно яркое изображеніе механизма всемірной хлѣбной торговли и всей ея постановки и значенія находится въ сочиненіи *Л. Крживицкаго*: „Аграрный вопросъ“. С.-Пб. 1906.

VI. Землевладѣніе.

1. Значеніе размѣровъ землевладѣнія.

Земля, какъ я уже раньше упоминалъ, представляетъ собой въ сельскомъ хозяйствѣ, съ одной стороны, сырой матеріалъ, поскольку изъ нея извлекаются питательные элементы, входящіе въ составъ производимаго продукта, съ другой стороны—она является и орудіемъ производства, переработывая, въ свою очередь, тотъ сырой матеріалъ, который попадаетъ въ нее, наприм., въ видѣ сѣмянъ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сравнить ее съ

ретортой при химическихъ процессахъ. При этой двоякой роли земли понятно, насколько крупное значеніе должно имѣть не только по отношенію къ сельскому хозяйству, но и ко всему экономическому строю распредѣленіе земли между населеніемъ: какая часть послѣдняго владѣетъ землей и, слѣдовательно, можетъ непосредственно пользоваться ею въ отмѣченныхъ свойствахъ, имѣющихъ народнохозяйственное значеніе, какъ распредѣлено это пользованіе, въ какой формѣ производится оно и т. д.

Для выясненія всего этого и надо разсмотрѣть условія землевладѣнія, которыя, однако, какъ и все въ экономической области, развились исторически. Я не буду, однако, касаться здѣсь исторіи землевладѣнія и образованія современныхъ формъ его. Укажу лишь, что на первоначальныхъ ступеняхъ человѣческаго быта земля не являлась объектомъ частной собственности, что стояло въ связи со всѣми условіями того времени. При переходѣ къ земледѣлію, земля, въ зависимости, между прочимъ, отъ затруднительности и непосильности обработки ея для отдѣльнаго лица, оставалась предметомъ общаго и общиннаго владѣнія. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и различной группировки общественныхъ силъ, образовались различные виды землевладѣнія. Не входя въ дальнѣйшія разъясненія того, какъ образовалось обладаніе землей отдѣльными лицами, замѣчу лишь, что въ настоящее время мы наблюдаемъ землю во владѣніи: 1) государства—*государственныя* земли, 2) *учрежденій* (города, земства, разныя общественныя учрежденія); 3) далѣе идутъ земли частныхъ лицъ—*частновладѣльческія* и, наконецъ, 4) владѣнія общинъ—*общинныя* земли. При этомъ исторически же образовалось различное и далеко не равномѣрное, какъ по отдѣльнымъ странамъ, такъ и внутри одной страны, распредѣленіе земли по пространству между отдѣльными владѣльцами, и выработалось понятіе о крупномъ, мелкомъ и среднемъ землевладѣніи. Понятіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ мелкимъ, среднимъ или крупнымъ хозяйствомъ. Если крупный землевладѣлецъ, наприм., не ведетъ крупнаго хозяйства, а раздаетъ мелкіе участки своей земли арендаторамъ, — получается мелкое хозяйство. Если же,

владѣлецъ небольшого участка земли, для веденія своего хозяйства пріарендовываетъ значительное количество земли, то, оставаясь мелкимъ землевладѣльцемъ, онъ будетъ вести крупное хозяйство.

Повидимому, при изученіи условій сельскаго хозяйства приходилось бы говорить о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ, а не о мелкомъ и крупномъ землевладѣніи. Но различіе въ послѣднемъ до извѣстной степени обусловливаетъ различіе и въ первомъ не только въ величинѣ хозяйства, но и во многомъ другомъ, такъ какъ въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій землевладѣнія находится возможность вести хозяйство съ той или иной степенью увѣренности въ прочности и результатахъ этого хозяйства. Кромѣ того, въ зависимости отъ преобладанія того или другого вида землевладѣнія находится и количество населенія, занятаго или могущаго заниматься земледѣліемъ.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія, то, принимая во вниманіе, что земля—сырой матеріалъ и орудіе производства, приходится заключить, что мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ отъ крупнаго оно отличается тѣмъ, что при немъ земля распредѣляется между большею частью населенія, которому, такимъ образомъ, представляется возможность прилагать свой трудъ къ находящемуся у него подъ руками источнику производства. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что раздѣленіе на мелкое и крупное землевладѣніе носитъ условный характеръ: то, что при однихъ условіяхъ является мелкимъ землевладѣніемъ, при другихъ будетъ крупнымъ и наоборотъ. Отнесеніе даннаго участка къ той или другой категоріи будетъ зависѣть отъ той или иной культуры, интенсивности обработки почвы, величины прилагаемаго къ землѣ капитала и пр. Участокъ, который считается крупнымъ, наприм., въ Англіи, не можетъ при извѣстныхъ условіяхъ считаться крупнымъ въ Россіи; крупный въ земледѣльческомъ быту участокъ не будетъ таковымъ въ пастушескомъ; при залежной системѣ требуется для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ гораздо большій участокъ, чѣмъ при трехпольной. Итакъ, говоря объ Англіи,

Франціи, Германіи и Россіи, нельзя подъ крупнымъ участкомъ разумѣть одно и то же. Но даже и на пространствѣ одной Россіи однообразное подраздѣленіе участковъ по ихъ размѣрамъ на крупные и мелкіе было бы невѣрно: участокъ, который принято считать крупнымъ въ Крыму, будетъ мелкимъ въ Пермской, Вологодской или даже и въ Московской губ. Отсюда уже нетрудно видѣть насколько, можно сказать, не остроумны тѣ писатели, которые изъ простого сопоставленія количества земли, приходящейся на одного человѣка или на одного земледѣльца, дѣлаютъ выводъ объ отсутствіи малоземелья въ Россіи (П. Лохтинъ: „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи“ С.-Пб. 1901).

Отрѣшаясь, такимъ образомъ, отъ дѣленія участковъ на крупные и мелкіе по однимъ только размѣрамъ ихъ даже въ предѣлахъ одной страны, мы будемъ считать мелкимъ участкомъ такой, на которомъ собственникъ можетъ вполнѣ использовать рабочія силы свои и своей семьи. Это будетъ максимальный предѣлъ мелкаго участка. Крупнымъ участкомъ мы будемъ считать такой, на которомъ можно вести хозяйство на предпринимательскихъ началахъ съ наемнымъ трудомъ, безъ приложенія своего непосредственнаго труда и даже своего труда по управленію. Все же, что будетъ лежать между этими двумя предѣлами, мы будемъ считать средними участками. Такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи необходимо имѣть въ виду, что условія для опредѣленія мелкаго и крупнаго землевладѣнія—общія и неопредѣленныя.

Выше я уже замѣтилъ, что съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ большее количество лицъ получаетъ возможность непосредственно прилагать свой трудъ къ землѣ. Это и есть то основное положеніе, въ силу котораго мелкое землевладѣніе, т.-е. распредѣленіе земли между наибольшимъ числомъ населенія, слѣдуетъ признать имѣющимъ громадное преимущество передъ крупнымъ. Всѣ остальные доводы за или противъ крупнаго или мелкаго землевладѣнія скорѣе относятся къ крупному или мелкому хозяйству. Если же ихъ и пріурочиваютъ

обыкновенно къ тому или другому виду землевладѣнія, то это потому, что между размѣрами землевладѣнія и хозяйства нерѣдко существуетъ совпаденіе. Такъ, хотя мы и можемъ предположить соединеніе многихъ мелкихъ участковъ земли въ одно крупное хозяйство, но обыкновенно мелкому землевладѣнію въ настоящее время соотвѣтствуетъ такое же хозяйство. Нельзя сказать того же о крупномъ землевладѣніи: весьма часто оно раздробляется на много если не мелкихъ, то среднихъ хозяйствъ, такъ что крупному землевладѣнію не всегда соотвѣтствуетъ крупное хозяйство. Но, съ другой стороны, съ крупнымъ хозяйствомъ мы имѣемъ дѣло большею частью при крупномъ землевладѣніи. Имѣя это въ виду, и говорятъ, что хотя при мелкомъ землевладѣніи валовой доходъ и выше, но та доля продукта, которая относится къ чистому доходу, значительнѣе при крупномъ землевладѣніи и, слѣдовательно, вся нація въ совокупности извлекаетъ въ этомъ случаѣ больше отъ сельскаго хозяйства. Но, во-первыхъ, это приложимо далеко не ко всѣмъ видамъ земледѣльческой культуры; во-вторыхъ, это зависитъ не столько отъ размѣровъ землевладѣнія, сколько отъ соединеннаго нерѣдко съ нимъ обладанія капиталомъ, который можетъ прилагаться къ культурѣ земли; въ-третьихъ, чистый доходъ смѣшивается здѣсь нерѣдко съ тѣмъ, что получаетъ собственникъ въ видѣ прибавочной стоимости, извлекаемой отъ приложенія большого количества рукъ и собираемой въ одинъ фокусъ, что при мелкомъ землевладѣніи распредѣляется по многимъ мелкимъ собственникамъ и не представляется столь замѣтнымъ, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, никто не оспариваетъ, что при мелкомъ землевладѣніи приложеніе труда носитъ болѣе интенсивный характеръ, въ результатѣ чего и получается болѣе валового продукта, т.-е. изъ земли извлекается гораздо больше, а это означаетъ, что при мелкомъ землевладѣніи на долю каждаго приходится больше. Послѣ этого, кажется, понятно, какое землевладѣніе выгоднѣе съ точки зрѣнія интересовъ, выгодъ массы населенія или, какъ принято говорить, для общаго благосостоянія!

Далѣе, въ пользу крупнаго сельскаго хозяйства указываютъ на то, что при немъ возможно болѣе широкое раздѣленіе труда, чѣмъ при мелкомъ. Но нами уже достаточно было выше сказано объ условіяхъ раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Но, кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что этотъ доводъ относится не столько къ крупному землевладѣнію, сколько къ крупному по формѣ хозяйству, которое, конечно, и въ земледѣліи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ свои преимущества, но не при тѣхъ условіяхъ, которыя отожествляютъ его съ крупнымъ землевладѣніемъ, при которомъ все производство разсчитано исключительно на обмѣнъ и ведется при помощи наемнаго труда, что, какъ показано раньше, въ земледѣліи, не даетъ и не можетъ давать тѣхъ же преимуществъ, какъ въ обработывающей промышленности.

Далѣе, какъ на преимущество крупнаго землевладѣнія, указываютъ на возможность приложенія здѣсь большого капитала. Но это все не связано непремѣнно съ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ Англіи, наприм., странѣ крупнаго землевладѣнія, приложеніе капитала къ землѣ происходитъ со стороны фермеровъ, а не владѣльцевъ земли. Если бъ былъ правильно и широко организованъ кредитъ, то выгода отъ приложенія капитала одинаково распространялась бы и на мелкое землевладѣніе. Въ Бельгіи, Италіи, гдѣ землевладѣніе мелкое, мелкіе землевладѣльцы вступаютъ въ союзы для соединенія своихъ капиталовъ съ цѣлью производства такихъ улучшеній, которыя требуютъ значительныхъ затратъ. То же замѣчается и у насъ въ Россіи, гдѣ крестьяне при общинномъ землевладѣніи производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осушеніе и другія улучшенія, недоступныя единичнымъ силамъ. Вообще же, если сравнимъ цѣлый рядъ странъ въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія и высоты культуры, то увидимъ, что въ странахъ съ мелкимъ землевладѣніемъ, какъ, наприм., въ Бельгіи, Швейцаріи, земледѣльческая культура стоитъ выше, чѣмъ въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ предшествующихъ очеркахъ мы уже достаточно освѣтили это на данныхъ ст. Томпсона, сопоставляющаго хозяйство Даніи и Англіи.

Указываютъ еще на сокращеніе издержекъ по управленію, какъ на выгоду крупнаго землевладѣнія, но это относится, главнымъ образомъ, къ крупному хозяйству, а не къ крупному землевладѣнію.

Переходя теперь къ условіямъ, при которыхъ существуетъ земледѣліе въ цивилизованныхъ странахъ, можно указать на спеціальныя выгоды мелкаго землевладѣнія. Въ настоящее время сельское хозяйство переживаетъ кризисъ, происходящій отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, что значительно уменьшаетъ доходы собственниковъ земли. Происходитъ это отъ того, что все больше совсѣмъ необработывавшихся прежде земель поступаетъ въ обработку, что въ значительной степени замѣчается, наприм., въ Америкѣ и Австраліи. Въ зависимости отъ поступленія новыхъ земель въ хозяйственный оборотъ, преобразовывается въ нѣкоторыхъ странахъ и самое земледѣльческое хозяйство, и невозможно предвидѣть, какую оно приметъ форму. Въ Англіи, наприм., земледѣліе принимаетъ теперь иной характеръ: земли забрасываются подъ пастбища для скота. Этотъ кризисъ на мелкихъ собственникахъ не отражается такъ сильно, какъ на крупныхъ, потому что мелкій собственникъ имѣетъ въ виду не рынокъ исключительно, а, главнымъ образомъ, собственное потребленіе. Но даже и при господствѣ производства для рынка мелкій хозяинъ въ земледѣліи быстрѣе и лучше приспособляется къ рыночнымъ условіямъ и все же значительную часть продуктовъ своего хозяйства потребляетъ самъ, что будетъ подтверждено фактическими указаніями въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ. Но для такого мелкаго хозяйства и для успѣха его нужно такое землевладѣніе, при которомъ хозяевами земли были бы не крупные собственники. Если способный къ работѣ и не пренебрегающій физическимъ трудомъ человѣкъ имѣетъ въ своемъ владѣніи землю и орудія производства, то ему выгоднѣе вмѣсто того, чтобы продавать свой трудъ, прилагать его къ находящемуся въ его обладаніи участку земли. Говорятъ, что если производство хлѣба въ данномъ мѣстѣ обходится дороже, нежели въ другомъ, то въ первомъ случаѣ его невыгодно производить, надо обратиться къ

другому, болѣе выгодному въ этомъ мѣстѣ, производству, хлѣбъ же покупать; слѣдовательно работа мелкаго землевладѣльца для собственнаго потребленія непроизводительна. Но въ дѣйствительности это было бы справедливо только тогда, если бы каждый владѣлецъ мелкаго участка могъ всегда найти выгодное приложеніе своего труда. Тогда, конечно, работникъ по найму получалъ бы хорошій заработокъ и покупалъ бы дешево хлѣбъ; на дѣлѣ же, какъ это всѣмъ очень хорошо извѣстно, это далеко не такъ. Всякому ясно, какія послѣдствія могли бы произойти, если бы всѣ мелкіе собственники бросились на фабрики: не только огромное большинство изъ нихъ не получило бы возможности приложить свой трудъ, но чрезмѣрнымъ предложеніемъ труда они понизили бы плату уже занятыхъ въ производствѣ рабочихъ и, слѣдовательно, ухудшили бы ихъ положеніе. При такихъ условіяхъ существованіе мелкой земельной собственности или, правильнѣе говоря, возможность для массы населенія прилагать свой трудъ къ землѣ имѣетъ и то значеніе, что хотя до нѣкоторой степени сокращаетъ армію безработныхъ и тѣмъ можетъ способствовать поддержанію заработной платы фабричныхъ рабочихъ на извѣстной высотѣ. А кромѣ того, конечно, надо имѣть въ виду и то, что, положеніе фабричнаго рабочаго по найму, хотя бы матеріально и очень хорошо поставленнаго, никому не представляется идеаломъ.

Послѣ сказаннаго нетрудно предвидѣть послѣдствія, какія произошли бы, если бы мелкіе участки сосредоточились въ рукахъ немногихъ собственниковъ. Масса бывшихъ мелкихъ собственниковъ, оторванныхъ отъ земли, не имѣя въ большинствѣ случаевъ возможности найти заработокъ на фабрикахъ, должна была бы снова обратиться къ земледѣлію: либо въ качествѣ батраковъ у крупныхъ собственниковъ, либо въ качествѣ арендаторовъ своихъ прежнихъ участковъ, перешедшихъ въ руки новыхъ владѣльцевъ. Но крупные собственники, какъ видимъ, страдаютъ отъ кризисовъ болѣе мелкихъ и превращаютъ свои пашни въ пастбища; слѣдовательно, и у нихъ не было бы работы. Какія изъ всего этого проистекали бы послѣдствія, это уже не

трудно предвидѣть. Въ виду всего этого въ послѣднее время замѣчается переворотъ во взглядѣ экономистовъ, которые до недавняго времени видѣли за крупнымъ землевладѣніемъ большія преимущества и прославляли институтъ частной собственности на землю. Въ силу этого существовала тенденція превратить всѣ государственныя земли въ частныя. Въ послѣднее время и въ этомъ отношеніи наступили перемѣны: уже не считается задачей государственной политики наибольшее отчужденіе государственныхъ земель въ руки частныхъ собственниковъ, а, наоборотъ, замѣчается тенденція разсматривать ихъ, какъ фондъ для надѣленія землей нарастающаго населенія.

Изъ фактическихъ данныхъ, иллюстрирующихъ значеніе мелкаго и крупнаго *землевладѣнія* для интересовъ населенія и для сельскаго хозяйства, отмѣтимъ слѣдующія: въ восточной Пруссіи, гдѣ происходило и происходитъ наибольшее сосредоточеніе земельной собственности, нежели въ другихъ частяхъ Германіи, эмиграція населенія гораздо значительнѣе. Такъ, на 100.000 жителей выселилось:

	за 1875—79 г.	за 1880—84 г.	за 1885—90 г.	за 1890—94 г.
изъ вост. провинц.	446	2.254	1.305	1.225
во всей Пруссіи	364	1.753	1.073	835

т.-е. во всѣ періоды выселеніе значительнѣе оттуда, гдѣ преобладаетъ при прочихъ общихъ условіяхъ крупная земельная собственность. Оттуда же сильнѣе и выселеніе жителей въ города. Очевидно, крупное землевладѣніе образуетъ избыточное населеніе, не поглощаемое ни потребностью въ трудовыхъ силахъ въ крупныхъ хозяйствахъ, ни на фабрикахъ—и это въ годы быстраго промышленнаго роста Германіи.

По отношенію къ сельскому хозяйству отмѣчается фактъ абсентеизма землевладѣльцевъ, т.-е. въ сущности отсутствіе личнаго интереса въ веденіи сельскаго хозяйства у наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. По мѣрѣ возрастанія размѣровъ имѣнія отъ 100 гектаровъ возрастаетъ процентъ владѣльцевъ, не живущихъ въ имѣніи, отъ 11,23% до 33,33%. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ процентъ имѣній, сдаваемыхъ въ аренду и управляемыхъ

наемными лицами, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ Германіи:

	въ имѣніяхъ: до 1000 гект. разм.	въ имѣніяхъ свыше 1000 гект. разм.	вообще.
% имѣній, необитаемыхъ владѣльцами	21,68	74,11	40,74
% имѣній, сдаваемыхъ въ аренду	11,60	35,99	20,47
% имѣній, управляемыхъ наемными лицами	18,15	38,65	25,60

Если же взять лишь имѣнія свыше 10.000 гектар., то % необитаемыхъ среди нихъ поднимается до 97,08, сдаваемыхъ въ аренду до 57,35 и управляемыхъ наемными лицами до 39,04 (М. Соболевъ: „Мобилизація земельной собственности", М., 1898). То же подтверждаютъ и данныя, относящіяся къ Россіи. Такъ, въ среднихъ имѣніяхъ, имѣющихъ запашку, % отсутствующихъ владѣльцевъ лишь 7,9%, а въ крупныхъ—45,2%; въ имѣніяхъ же, гдѣ не ведется запашка, отсутствующіе владѣльцы составляютъ въ среднихъ имѣніяхъ 58,4%, а въ крупныхъ 86,5% (Хорольскій у.); съ увеличеніемъ размѣровъ имѣній увеличивается также и процентъ имѣній, управляемыхъ наемными лицами („Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ", т. I, „Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія").

Замѣтимъ здѣсь, что, противопоставляя мелкое землевладѣніе крупному, мы подъ послѣднимъ разумѣли крупное частное землевладѣніе, а не общинное или государственное. Это и понятно.

Выгоды мелкаго землевладѣнія, какъ я уже говорилъ, заключаются, между прочимъ, въ томъ, что оно предполагаетъ распредѣленіе земли между большимъ количествомъ лицъ, давая послѣднимъ возможность непосредственнаго приложенія труда. Преимущество это достигается и въ томъ случаѣ, когда крупные участки земли находятся въ распоряженіи общины или государства, такъ какъ послѣднія имѣютъ возможность распредѣлять землю между большимъ количествомъ лицъ. Съ другой стороны, подъ мелкимъ землевладѣніемъ мы разумѣемъ не то, которое въ Германіи носитъ названіе „карликоваго" и на кото-

ромъ, вслѣдствіе его незначительныхъ размѣровъ, невозможно вести земледѣльческое хозяйство, которое могло бы занять всѣ трудовыя силы земледѣльца и его семьи. Такой клочокъ земли скорѣй служитъ добавочнымъ источникомъ существованія при наличности другихъ какихъ-либо занятій, и часто даже, наоборотъ, можетъ прямо служить къ невыгодѣ населенія. Положимъ, напримѣръ, лицо работаетъ на фабрикѣ: клочокъ земли покрывалъ бы часть его расходовъ и этимъ понижалъ бы заработную плату. Такія условія можетъ создавать наше надѣльное землевладѣніе тамъ, гдѣ надѣлы слишкомъ малы. Не покрывая всѣхъ своихъ расходовъ доходами съ земли, крестьянинъ вынужденъ искать какихъ-нибудь другихъ занятій. Если 3—4 мѣсяца онъ можетъ существовать на доходъ отъ земли или же покрывать этимъ доходомъ часть своего ежемѣсячнаго содержанія, то, очевидно, на фабрикѣ ему достаточно будетъ получить заработокъ, который обезпечивалъ бы ему лишь недостающую на полное содержаніе часть. Если рядомъ съ нимъ работаетъ на фабрикѣ другой, который надѣльной земли совсѣмъ не имѣетъ и для котораго, слѣдовательно, работа на фабрикѣ служитъ единственнымъ источникомъ существованія въ теченіе цѣлаго года, то первый, сравнительно болѣе обезпеченный, можетъ удовлетвориться меньшимъ заработкомъ и, такимъ образомъ, можетъ вліять на пониженіе заработной платы второго.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что къ такого рода выводамъ и заключеніямъ нужно относиться крайне осторожно, коль скоро они не провѣрены фактическими данными. Дѣло въ томъ, что понятіе необходимаго для существованія крайне растяжимо и такъ какъ не рабочій ставитъ условія, а ему ихъ ставятъ, то совсѣмъ ничѣмъ необезпеченный рабочій готовъ согласиться на меньшее, нежели такой, который, имѣя отъ клочка земли хоть что-нибудь, болѣе свободенъ въ выборѣ. Вообще, вопросъ о вліяніи размѣра надѣла на высоту заработной платы далеко еще не выясненъ и можно лишь сказать одно, что чѣмъ крупнѣе надѣлъ, тѣмъ выше обезпеченность крестьянина и тѣмъ болѣе онъ способенъ принимать условія, сообразуясь съ своими интере-

сами, а не подъ вліяніемъ одной нужды. Вліяетъ ли при этомъ малый клочокъ земли сравнительно съ совершеннымъ отсутствіемъ ея на повышеніе или пониженіе заработной платы—это остается вопросомъ, и приведенныя соображенія имѣютъ назначеніемъ не рѣшить вопросъ, а возбудить его и вызвать стремленіе къ рѣшенію его путемъ изученія явленій дѣйствительной жизни. Обращаясь же къ послѣднимъ, мы видимъ, что въ Германіи, напр., замѣчается „стремленіе среди сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и т. п. къ пріобрѣтенію небольшого клочка земли, который былъ бы для нихъ извѣстной опорой въ жизни и пособіемъ въ доходахъ... Развитіе индустріи и домашнихъ промысловъ, давая возможность соединять земледѣльческій доходъ съ промышленнымъ, ведетъ къ большему дробленію земли, чѣмъ какое возможно въ чисто земледѣльческомъ округѣ“ (М. Соболевъ: „Мобилизація“, см. также Э. Вандервельде: „Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ“. М. 1904).

Итакъ, это стремленіе, ведущее, конечно, къ привязыванію рабочаго къ извѣстному мѣсту и ограничивающее свободу его передвиженія, что должно стѣснять въ выборѣ занятій, повидимому, однако, соотвѣтствуетъ интересамъ того класса населенія, интересы котораго, по теоріи, требуютъ свободы передвиженія. Отсюда нетрудно видѣть, насколько тутъ еще много невыясненнаго. Конечно, это не опровергаетъ теоріи, которая уясняетъ лишь, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ извѣстныя силы, что нисколько не исключаетъ возможности вліянія противодѣйствующихъ силъ и отсутствія *видимаго* проявленія дѣйствія опредѣленной силы, такъ какъ оно можетъ затемняться и задерживаться тѣми явленіями сложной дѣйствительности, среди которыхъ прилагается дѣйствіе данной силы. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ обезпеченіе, даваемое клочкомъ земли, очевидно, перевѣшиваетъ выгоды свободы передвиженія, что, конечно, не уничтожаетъ еще значенія этой свободы вообще, тѣмъ болѣе, что она этимъ не уничтожается окончательно. Во всякомъ случаѣ отсюда, какъ и изъ многихъ другихъ случаевъ, видно, насколько при примѣненіи теоретическихъ

положеній къ объясненію явленія дѣйствительности необходимо имѣть въ виду ту среду, къ которой приходится прилагать теоретическое объясненіе, при чемъ нерѣдко получается обратное тому, что даетъ теорія въ ея отвлеченномъ построеніи.

Все приведенное до сихъ поръ относительно значенія размѣровъ землевладѣнія приводитъ къ заключенію, что и мелкое землевладѣніе можетъ имѣть различное значеніе, смотря по *размѣрамъ* его и по сочетаніямъ съ тѣми или иными хозяйственными условіями. Я говорю, смотря по *размѣрамъ* его, такъ какъ если этотъ размѣръ настолько малъ, что не даетъ возможности вести хозяйство того типа, какое опредѣляется всѣми остальными условіями, то, конечно, пользы изъ такого мелкаго землевладѣнія немного, какъ это и можно видѣть изъ тѣхъ явленій, которыми неисчерпаемо богата русская жизнь. Но въ то же время изъ всего сказаннаго о значеніи мелкаго землевладѣнія ясно, какая громадная польза, какой беспримѣрный подъемъ земледѣльческой производительности долженъ произойти отъ такого рѣшенія земельнаго вопроса, согласно которому каждый живущій отъ земли будетъ имѣть необходимый для того участокъ. Высказывая опасеніе, что переходъ земли въ руки крестьянъ понизитъ сельскохозяйственную производительность, помимо многаго другого, забываютъ совершенно еще о той роли въ производительности, которую играетъ подъемъ энергіи, духа предпріимчивости и которымъ еще Д. С. Миль приписываетъ такое большое значеніе въ подъемѣ производительности послѣ войны, если послѣдняя не убила въ населеніи его энергіи. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что такой мудрый, энергичный и практическій народъ, какъ англичане,—не даромъ же именно теперь, при происходящемъ тамъ въ крупномъ хозяйствѣ возвратѣ къ экстенсивному хозяйству—проводитъ законъ о принудительномъ отчужденіи земли для народа. Никогда бы, конечно, англичане не пошли на это, если бы думали, что это убьетъ сельскохозяйственную производительность. Но факты ихъ же дѣйствительности убѣдили ихъ, что это и есть лучшее средство остановить попятный ходъ къ экстенсивному хозяйству и вернуть сельскому хозяйству Англіи его прежнее

значеніе и въ то же время сократить безработицу, принимающую угрожающіе размѣры.

2) Формы землевладѣнія.

Помимо размѣровъ землевладѣнія, которое обусловливаетъ собою владѣніе землею немногими или массой населенія, важны еще и формы землевладѣнія, которыя такъ или иначе отражаются на сохраненіи земли въ рукахъ массы населенія и на условіяхъ, способахъ и доступности пользованія ею. Остановимся поэтому на различіи между частной и общинной собственностью на землю.

Юридически это различіе сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ отдѣльное лицо имѣетъ право полнаго и свободнаго распоряженія землею, а во второмъ—право это принадлежитъ цѣлой совокупности лицъ, и отдѣльное лицо только пользуется землею, не имѣя права продать или заложить ее, что и даетъ ему юридическую возможность всегда обратиться съ приложеніемъ своего труда къ землѣ, поскольку это приложеніе зависитъ отъ обладанія землею. Отсюда видно, что самое юридическое положеніе общинника опредѣляется тѣмъ, насколько такое право на землю является экономическою необходимостью; иначе говоря, *пока для массы населенія существуетъ экономическая необходимость прилагать свой трудъ къ землѣ, до тѣхъ поръ существуютъ и основанія для такихъ юридическихъ нормъ, которыя давали бы возможность осуществленію этихъ экономическихъ требованій.* Такимъ образомъ здѣсь различіе юридическое, обусловливаясь экономическими причинами, въ то же время сливается съ экономическимъ различіемъ. Но послѣднее идетъ и далѣе, опредѣляя собою цѣлый рядъ различій въ хозяйственныхъ условіяхъ и послѣдствіяхъ при общинномъ и частномъ землевладѣніи.

Если мы представимъ себѣ группу въ 20 дворовъ, владѣющихъ вмѣстѣ 200 дес. земли и имѣющихъ каждый по одному взрослому рабочему, то при общинномъ землевладѣніи земля между ними должна быть распредѣлена поровну по 10 дес.; при

частномъ же мы встрѣтимъ крайнее разнообразіе въ размѣрахъ. Слѣдовательно, при полномъ примѣненіи въ жизни основъ общиннаго землевладѣнія всѣ дворы будутъ въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, насколько послѣднія зависятъ отъ размѣровъ землевладѣнія. Но, кромѣ того, при общинномъ землевладѣніи каждый будетъ одинаково надѣленъ землей и по качеству ея, ибо каждый получитъ по равному участку земли каждаго сорта, качества и положенія, вслѣдствіе чего не будетъ и разницы въ плодородіи земли у каждаго двора, поскольку оно зависитъ отъ качества земли; слѣдовательно, не будетъ и обусловливаемой этимъ для каждаго отдѣльнаго землевладѣльца возможности получать ренту, тогда какъ при частномъ землевладѣніи (подворномъ) у одного будетъ земля лучшаго, у другого худшаго качества, вслѣдствіе чего и доходъ, выраженный въ сборѣ продукта или цѣнѣ его, будетъ различенъ, внѣ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ хозяина и способа веденія имъ хозяйства *).

---

*) Это обстоятельство рельефнѣе всего указываетъ, насколько рента есть не результатъ различія плодородія въ почвѣ, а результатъ человѣческихъ отношеній. При общинѣ нѣтъ ренты для отдѣльныхъ членовъ ея въ силу такого устройства ихъ отношеній, которое ведетъ къ равномѣрному распредѣленію условій производства. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, у двухъ, напр., рядомъ лежащихъ общинъ, если земля ихъ различна по качеству, и *потому* въ одной урожай выше, а въ другой ниже, рента будетъ существовать для членовъ одной общины по отношенію къ членамъ другой, ибо между тѣми и другими нѣтъ уже тѣхъ отношеній, которыя вызываютъ равномѣрное распредѣленіе условій производства. Отсюда не слѣдуетъ думать, что общинное владѣніе не создаетъ ренты вообще; оно исключаетъ лишь возможность ея для членовъ одной и той же общины въ предѣлахъ пользованія землею внутри общины. Тамъ же, гдѣ противопоставляются два собственника земли другъ другу или собственникъ земли не собственнику—непремѣнно есть рента, которая и вытекаетъ изъ отношеній, на которыхъ основывается собственность на землю.

Насколько, однако, важно для благосостоянія членовъ *данной* общины отсутствіе между ними установленія ренты, можно видѣть изъ расчетовъ и соображеній, приводимыхъ въ III т. „Капитала“, на стр. 545. Согласно этимъ расчетамъ, если мы имѣемъ землю 4-хъ сортовъ, при чемъ 1-й сортъ даетъ 1 квартеръ пшеницы, другой 2 кварт., 3-й—3 кварт., 4-й—4 кварт., и стоимость

Возможно, конечно,—что обычно и бываетъ,—что при подворномъ владѣніи, возникшемъ изъ общиннаго, остается тотъ же раздѣлъ земли по качеству, т.-е. остается та же черезполосица, что и при общинномъ, но уже не можетъ быть того равенства, ибо достаточно пройти одному поколѣнію, чтобы при отсутствіи даже продажъ земли дробленіе и распредѣленіе полосъ въ разныхъ мѣстахъ поля, въ силу только перехода по наслѣдству, сдѣлалось болѣе значительнымъ, чѣмъ при общинномъ землевладѣніи. Но разница будетъ еще въ томъ, что дробленіе въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при общинѣ, сокращается при слѣдующемъ коренномъ передѣлѣ, нерѣдко вызываемомъ именно

полученія этихъ квартеровъ съ каждаго сорта равняется 60 шиллингамъ, то съ 4-хъ сортовъ получится 10 квартеровъ, въ дѣйствительности стоящихъ 240 шиллинговъ, или по 24 шиллинга за квартеръ. Въ примѣненіи къ общинѣ это значитъ, что каждый членъ ея имѣетъ возможность получить, скажемъ, квартеръ пшеницы при такихъ условіяхъ, что онъ обойдется ему въ 10 шиллинговъ, такъ какъ онъ имѣетъ землю въ каждомъ изъ сортовъ. Если же земля, принадлежащая общинѣ, была бы подѣлена между отдѣльными лицами такъ, что каждый бы имѣлъ землю разнаго качества, т.-е. въ приведенномъ примѣрѣ, одинъ имѣлъ бы землю только 1-го сорта, другой только 2-го и т. д., то первый бы получилъ 1 квартеръ за 60 шилл., 2-й—за 30 шилл. (2 квартера за 60 шилл.), третій—за 20 шилл. (3 кварт. за 60 шилл.) и четвертый за 15 шилл. (4 кварт. за 60 шилл.). При продажѣ на рынкѣ, гдѣ цѣна, согласно закону ренты, установляется по стоимости ея на 1-мъ (худшемъ участкѣ) цѣна каждому квартеру будетъ 60 шилл., а всѣмъ 10-ти—600 шилл., т.-е. въ два съ половиною раза дороже, т.-е. „общество пріобрѣтаетъ земледѣльческій продуктъ, отдавая за него рабочее время въ два съ половиною раза большее, чѣмъ сколько содержится въ немъ самомъ“. Отсюда также слѣдуетъ, что если бы рыночная цѣна хлѣба опредѣлялась цѣною хлѣба, производимаго на общинной землѣ, то она могла бы быть и ниже, т.-е. общество отдавало бы за хлѣбъ меньше. Отсюда какъ бы слѣдуетъ и другое, что крестьяне-общинники стоятъ на рынкѣ не въ равныхъ условіяхъ съ частными землевладѣльцами при опредѣленіи цѣны своего продукта, но это имѣло бы гибельное значеніе для нихъ въ томъ случаѣ, если бы цѣна продукта *на рынкѣ* установлялась для нихъ одна, для частныхъ землевладѣльцевъ другая, что если и бываетъ, то уже въ зависимости совершенно отъ другихъ условій. Кромѣ того, выше было уже выяснено, въ зависимости отъ чего установляется цѣна земледѣльческихъ продуктовъ *при современныхъ условіяхъ мірового рынка.*

стремленіемъ уменьшить раздробленность и разбросанность полосъ, тогда какъ при подворномъ владѣніи такого передѣла не бываетъ, почему дробленіе и разбросанность участковъ и ведетъ къ продажѣ ихъ, что еще болѣе усиливаетъ неравенство въ положеніи отдѣльныхъ владѣльцевъ земли. Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ различіе между частнымъ и общиннымъ землевладѣніемъ. Дальнѣйшая разница выясняется при разсмотрѣніи доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи получилъ у насъ особое значеніе передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда же былъ поставленъ вопросъ, слѣдуетъ ли освобожденныхъ крестьянъ надѣлить землей или нѣтъ. Второй вопросъ былъ скоро рѣшенъ утвердительно, но первый еще долго служилъ предметомъ горячихъ споровъ какъ въ литературѣ, такъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Извѣстно было, что на Западѣ общинное землевладѣніе почти уничтожено и что западные экономисты высказываются противъ общины, какъ стѣсняющей свободную иниціативу лица и тормозящей развитіе сельскаго хозяйства. Славянофилы, находившіе въ русской жизни ей одной свойственныя особенности, полагали, что общинное землевладѣніе присуще славянскому племени вообще и въ частности русскому народу, и потому считали необходимымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія. За сохраненіе послѣдняго стояли и западники, во главѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ въ предѣлахъ Россіи и А. И. Герценомъ за границей. Считая необходимымъ усвоеніе плодовъ западно-европейской цивилизаціи, они, тѣмъ не менѣе, не могли не видѣть того огромнаго зла, которое представлялъ все растущій на Западѣ пролетаріатъ, не могли не видѣть того невыгоднаго положенія, въ которомъ стоялъ западно-европейскій рабочій. Это зло, по мнѣнію западниковъ, не могло бы принять такихъ широкихъ размѣровъ, если бы масса населенія была обезпечена землей. Обезпеченное орудіями и средствами производства населеніе не выбрасывало бы на рынокъ такой

массы незанятыхъ рабочихъ, которые, при отсутствіи какого бы то ни было матеріальнаго обезпеченія, вынуждены были взаимною конкуренціей понижать заработную плату до невозможно низкихъ предѣловъ, чтобы хоть какъ-нибудь отстоять свое существованіе. Отсюда, заключали западники, несомнѣннымъ является тотъ выводъ, что наша экономическая политика должна предохранить Россію, если къ тому представляется возможность, отъ нарожденія такой массы пролетаріевъ, а осуществленіе этой возможности находится въ прямой зависимости отъ сохраненія общиннаго землевладѣнія, которое не позволяетъ отдѣльному лицу, подъ вліяніемъ иногда временной нужды, продать свой участокъ и остаться пролетаріемъ. При общинномъ землевладѣніи члену общины немыслимо остаться безъ земли, такъ какъ онъ не можетъ продать своего участка; онъ можетъ отъ него отказаться, но въ такомъ случаѣ дѣти его сохраняютъ право на надѣлъ.

За отсутствіемъ, однако, у насъ въ то время фактическихъ данныхъ приходилось доводы за и противъ общиннаго землевладѣнія строить почти исключительно на однихъ теоретическихъ положеніяхъ. Противники возражали, что община не есть какая-нибудь особенность русской именно жизни, что она наблюдалась почти у всѣхъ народовъ, что во многихъ странахъ она совсѣмъ исчезла, въ другихъ наиболѣе отсталыхъ, гдѣ еще наблюдаются остатки ея, она продолжаетъ исчезать, такъ какъ существованіе ея тормозитъ развитіе земледѣлія, препятствуя улучшеніямъ въ немъ, на что сторонники общины представляли свои возраженія, видя въ общинѣ не только обезпеченіе населенія отъ развитія пролетаріата, но и зародышъ новыхъ экономическихъ формъ, лучше удовлетворяющихъ интересамъ массы населенія, нежели развитіе частной собственности на землю.

Поднятый тогда въ литературѣ споръ объ общинѣ продолжается и до сихъ поръ. Въ настоящее время, однако, онъ перешелъ въ иную фазу. На Западѣ, гдѣ въ то время почти всѣ ученые высказывались противъ общины, начинаютъ раздаваться голоса въ пользу нея. Наоборотъ, въ Россіи со времени освобожденія масса крестьянъ успѣла обезземелиться, и многіе, быв-

шіе еще недавно безусловными сторонниками общины, перестали видѣть въ ней средство, какъ полагали раньше, противъ нарожденія пролетаріата. Обезземеленіе части крестьянъ послѣ освобожденія и разныя неустройства въ общинѣ дали поводъ противникамъ послѣдней еще рѣзче выступить противъ нея. Создалось убѣжденіе, что наша русская община, представляя переживаніе первобытной, стираетъ всякую индивидуальность ея членовъ, а это одно уже лишаетъ ее права на дальнѣйшее существованіе, такъ какъ переходъ къ высшей формѣ общежитія возможенъ только для такого общества, члены котораго вполнѣ развили и сознали свою индивидуальность, иначе говоря, только чрезъ индивидуализмъ возможенъ переходъ къ свободнымъ общественнымъ соединеніямъ. Въ этомъ послѣднемъ разсужденіи невѣрно, что будто именно *общинное владѣніе землей* служитъ препятствіемъ къ развитію общественныхъ формъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ препятствіе это лежитъ въ цѣломъ рядѣ другихъ общихъ условій нашей жизни, всячески тормозящихъ у насъ развитіе свободной предпріимчивости и просвѣщенія среди населенія.

Что касается приведеннаго выше замѣчанія антиобщинниковъ, что община не спасла Россію отъ пролетаріата, то его можно принять съ большими, однако, оговорками. Община, дѣйствительно, не спасла Россію безусловно отъ появленія въ ней пролетаріата, да въ ней и нельзя было видѣть панацею отъ всѣхъ золъ. Но, съ другой стороны, община, несомнѣнно, не дала возможности развиться пролетаріату до тѣхъ грозныхъ размѣровъ, до какихъ онъ могъ бы дойти при отсутствіи общиннаго землевладѣнія. Наконецъ еще одно обстоятельство назначено служить при общинномъ землевладѣніи предохранительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго роста пролетаріата: лицо, порвавши съ землей и обратившись къ какому-нибудь другому занятію, можетъ, въ случаѣ какой-нибудь неудачи въ этомъ послѣднемъ, снова вернуться въ общину, получить тамъ земельный надѣлъ и хотя до нѣкоторой степени избавить армію безработныхъ отъ чрезмѣрнаго приращенія. Въ дѣйствительности такія предположенія оправдывались не разъ. Такъ было, наприм., въ Москов-

ской губерніи: во время промышленнаго застоя, когда работы на фабрикахъ сокращались, нѣкоторые изъ рабочихъ снова возвращались къ землѣ. Объ этомъ возвратѣ неоднократно отмѣчалось въ „Статистическихъ Ежегодникахъ Московской губерніи“, на него же указано и въ цитированномъ выше т. IV-изд. „Московская губернія по мѣстнымъ обслѣдованіямъ 1898—1900 г.“. Тотъ же возвратъ подтверждаютъ многія данныя, относящіяся какъ къ другимъ центральнымъ промышленнымъ, такъ и къ черноземнымъ губерніямъ (Саратовской — сравнительныя данныя по переписи Петровскаго уѣзда въ 1884 и 1894 гг. Докладъ Н. Н. Черненкова, читанный въ засѣданіи статистическаго отд. Московск. Юридическ. Общества 11 февраля 1898 г.).

Остановимся, однако, подробнѣе на возраженіяхъ противъ общиннаго землевладѣнія и на доводахъ въ пользу него. Но что такое возраженія противъ общиннаго землевладѣнія? Каждый институтъ существуетъ и развивается или падаетъ въ зависимости отъ его соотвѣтствія данному сочетанію экономическихъ интересовъ и силѣ преобладанія того или другого изъ нихъ. Такъ точно и общинное землевладѣніе, представляя собой извѣстный оплотъ сохраненію земли въ рукахъ массы населенія, отвѣчаетъ интересамъ послѣдней. Но при рѣшеніи вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права на сцену выступило столкновеніе интересовъ разныхъ классовъ. И поскольку интересы извѣстныхъ классовъ не совпадали съ интересами массы населенія, постольку сторонники этихъ классовъ и являлись противниками общиннаго землевладѣнія. Въ зависимости отъ силы и значенія этихъ интересовъ въ законодательство и проникли такого рода положенія, которыя, при общемъ признаніи необходимости сохранить за населеніемъ землю, поставили этому извѣстныя ограниченія и положили основу дѣйствію противоположныхъ тенденцій.

„Положеніе 19 февраля 1861 г.“ признало необходимымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія, но ввело два такихъ пункта, которые указывали на то, что законодательствомъ если не вполнѣ, то хотя отчасти принято было мнѣніе и противниковъ общины. По первому изъ этихъ пунктовъ двумя третями чле-

новъ общины можетъ быть постановленъ приговоръ о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; по второму пункту допущенъ былъ выкупъ надѣльной земли въ теченіе извѣстнаго времени, послѣ котораго земля поступаетъ въ собственность лицъ, выкупившихъ ее. Крестьянамъ предоставлена была земля въ надѣлъ съ обязательствомъ уплачивать ежегодно помѣщикамъ оброкъ за него: это были временно-обязанные крестьяне. Но помѣщикъ могъ также капитализировать этотъ оброкъ и получить всю сумму сразу изъ выкупного учрежденія; крестьяне же должны были вносить деньги въ это послѣднее, становясь, такимъ образомъ, въ извѣстныя обязательственныя отношенія къ правительству; въ этомъ случаѣ они назывались крестьянами на выкупѣ, и каждый, кто уплачиваетъ извѣстное число лѣтъ выкупную ссуду за землю, которая прежде разсматривалась какъ не подлежащая торгу, смотритъ на нее какъ на собственность, оплаченную его личнымъ трудомъ, что и измѣняетъ отношеніе къ ней. Допускался также для крестьянъ единовременный взносъ всей выкупной суммы. Лицо, выкупившее сразу опредѣленную часть надѣла, могло требовать отъ общины выдѣла выкупленнаго участка. Это также открывало возможность перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному. На практикѣ, однако, это обстоятельсто особенно большого значенія не имѣло. Такъ выразилось въ законодательствѣ вліяніе интересовъ, удовлетворенію которыхъ не отвѣчаетъ охрана крестьянскаго землевладѣнія. И само собой разумѣется, то или другое отношеніе законодательства къ общинѣ можетъ способствовать развитію ея или тормозить его, но самое сохраніе ея будетъ зависѣть отъ соотвѣтствія ея интересамъ населенія и хозяйственнаго развитія страны, и потому слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе ея къ этимъ послѣднимъ. Но тутъ уже каждому ясно, что разъ община болѣе, чѣмъ частная собственность, обезпечиваетъ населенію сохраненіе земли, то тѣмъ самымъ рѣшается и вопросъ объ отношеніи ея къ его общимъ интересамъ. Поэтому всѣ возраженія и сводятся къ тому, что она задерживаетъ развитіе земледѣльческихъ улучшеній, препятствуетъ имъ и обрекаетъ земледѣльческую культуру на застой, что при увс-

личеніи населенія ухудшаетъ его положеніе. Разсмотримъ же, что говорится по этому поводу.

Противъ общиннаго землевладѣнія возражаютъ: во-первыхъ, что оно препятствуетъ разнообразнымъ улучшеніямъ въ земледѣліи. Земля въ общинѣ передѣляется на извѣстное число лѣтъ, заранѣе опредѣленное, а часто и совсѣмъ неопредѣленное. Слѣдовательно, разъ земля остается недолго въ пользованіи общинника, или если онъ не увѣренъ, какъ долго участокъ будетъ оставаться въ его распоряженіи, то у него нѣтъ побужденій заботиться о своемъ надѣлѣ такъ, какъ это дѣлаетъ собственникъ.

Во-вторыхъ, при общинномъ владѣніи невозможенъ переходъ къ болѣе высокимъ полевымъ культурамъ для отдѣльныхъ членовъ, если бъ они даже того захотѣли, потому что для всѣхъ обязательна одна и та же система полевого хозяйства. Напримѣръ, послѣ жатвы обыкновенно скотъ пасется на сжатомъ полѣ; поэтому, если бы кто-нибудь изъ общинниковъ захотѣлъ ввести такой плодосмѣнъ, что на его полѣ хлѣбъ долженъ былъ бы оставаться, тогда какъ у другихъ уже снятъ, то онъ не могъ бы этого сдѣлать; въ противномъ случаѣ либо его хлѣбъ былъ бы поврежденъ, либо другимъ не пришлось бы пускать скотъ на сжатое поле.

Въ-третьихъ, такъ какъ община при раздѣлѣ земли стремится къ уравненію качества отводимой земли, а достигнуть этого было бы совершенно невозможно, если бы земля отводилась каждому въ одномъ только мѣстѣ, ибо въ разныхъ мѣстахъ земля бываетъ совершенно различнаго качества, то приходится одному лицу отводить землю въ разныхъ мѣстахъ. Отсюда—черезполосица владѣнія, составляющая новое препятствіе къ разнаго рода улучшеніямъ.

Въ-четвертыхъ, при общинномъ владѣніи существуетъ рискъ послѣ цѣлаго ряда передѣловъ, при естественномъ ростѣ населенія, дойти до такихъ ничтожныхъ участковъ, на которыхъ вести самостоятельное хозяйство уже будетъ невозможно.

Остановимся на первомъ возраженіи, что при отсутствіи права собственности на землю у временнаго владѣльца нѣтъ побу-

жденій и даже расчета относиться заботливо къ землѣ. Въ принципѣ это, конечно, невѣрно, хотя на практикѣ могутъ встрѣчаться такіе случаи, вызванные непродолжительностью или даже неопредѣленностью срока владѣнія. Но изъ этого можетъ слѣдовать только необходимость регулированія передѣловъ, а не уничтоженія общиннаго владѣнія. На дѣлѣ же въ большинствѣ случаевъ происходитъ иначе. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ собственнаго интереса, а этотъ интересъ подсказываетъ и общиннику, что чѣмъ больше труда онъ вложитъ въ землю, чѣмъ больше необходимыхъ затратъ онъ произведетъ, тѣмъ больше онъ можетъ получить, съ условіемъ, однако, что должно пройти столько времени, чтобъ онъ былъ въ состояніи окупить свои затраты.

Какъ же этотъ послѣдній вопросъ рѣшается на практикѣ?

Дѣло въ томъ, что каждый общинникъ знаетъ, на какое время должна быть передѣлена земля: онъ знаетъ, напримѣръ, въ теченіе какого времени дѣйствуетъ удобреніе, и при рѣшеніи вопроса о томъ, передѣлять ли землю, каждый будетъ исходить изъ того соображенія, окупилъ ли онъ свои затраты или нѣтъ. При трехпольной системѣ въ теченіе 12 лѣтъ совершается 4 оборота, и крестьянинъ знаетъ, что въ этотъ періодъ онъ успѣетъ выбрать изъ земли все, что онъ въ нее вложилъ. Самые передѣлы вызываются не случайными причинами, а стремленіемъ избѣгнуть такихъ возникающихъ съ теченіемъ времени неудобствъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее веденіе хозяйства. Если, наприм., крестьянинъ получилъ такое количество земли, которое необходимо для приложенія рабочей силы 2-хъ человѣкъ, затѣмъ произошло измѣненіе въ составѣ его семьи, уменьшеніе или увеличеніе, то оставаться долгое время на прежнемъ надѣлѣ для него бываетъ часто прямо затруднительно, и тогда является необходимость въ *частномъ передѣлѣ*, при которомъ, если у него составъ семьи убавился, часть надѣленной ему земли назначается въ пользу двора, гдѣ произошло соотвѣтственное увеличеніе семьи; такимъ образомъ у послѣдней семьи эта новая часть будетъ находиться не рядомъ со всѣми

ся надѣльными долями, а тамъ, гдѣ она находилась у той семьи, отъ которой она отошла, а это можетъ быть довольно далеко отъ остальныхъ полосъ надѣляемой семьи. Понятно, что съ теченіемъ времени отъ цѣлаго ряда такихъ частныхъ передѣловъ у разныхъ семей увеличивается черезполосица и разбросанность участковъ, возникаетъ рядъ затрудненій въ полевыхъ работахъ. Тогда наступаетъ необходимость въ *общемъ передѣлѣ*. Каждый, сообразуясь съ произведенными имъ затратами на землю и другими хозяйственными выгодами и невыгодами, подаетъ голосъ въ вопросѣ о передѣлѣ. Слѣдовательно, если бъ явилось у общины сознаніе необходимости какихъ-либо улучшеній, то она могла бы для слѣдующаго передѣла назначить такой срокъ, въ теченіе котораго произведенная затрата могла бы вполнѣ окупиться. Отсюда ясно, что для регулированія сроковъ передѣловъ нѣтъ надобности въ какомъ-либо законодательномъ опредѣленіи. Сроки установляются въ каждой общинѣ подъ вліяніемъ болѣе могучихъ и общихъ хозяйственныхъ интересовъ. Эти же интересы въ каждой отдѣльной общинѣ складываются различно, и различно вліяютъ на сроки передѣловъ. А отсюда слѣдуетъ, что общее законодательное регулированіе (которое тоже было у насъ установлено) не только излишне, но и вредно, такъ какъ въ угоду закона подводитъ подъ одно общее правило, подъ одинъ общій срокъ всѣ общины со всѣми разнообразными ихъ хозяйственными условіями. Это обычно производитъ такую ломку, которая только нарушаетъ правильное, безпрепятственное развитіе хозяйства и экономическаго благосостоянія населенія.

Если мы станемъ сравнивать общинное и подворное владѣніе, то увидимъ, что послѣднее для производства различныхъ улучшеній вовсе не находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели общинное землевладѣніе, а часто прямо въ менѣе благопріятныхъ. Въ особенности это относится къ такимъ капитальнымъ улучшеніямъ, которыя требуютъ средствъ болѣе значительныхъ, чѣмъ какими располагаютъ отдѣльныя лица. Въ такихъ случаяхъ мелкіе землевладѣльцы или совсѣмъ не производятъ такихъ дорого стоящихъ улучшеній или для производства ихъ соединяютъ свой

трудъ и капиталы. Но въ этомъ отношеніи преимущество въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ общины, такъ какъ у членовъ ея гораздо больше солидарности въ интересахъ, чѣмъ у мелкихъ собственниковъ; связь у первыхъ во всякомъ случаѣ тѣснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и потому соединиться для такихъ цѣлей гораздо легче членамъ одной общины. На практикѣ случалось не разъ, что общины предпринимали соединенными усиліями корчеваніе, проведеніе канавъ и другія дорого стоящія улучшенія. Препятстіе часто являлось въ недостаткѣ средствъ, но это затрудненіе существуетъ и для мелкихъ собственниковъ-необщинниковъ.

Дѣйствительность позволяетъ привести рядъ фактовъ изъ жизни русской общины, относящихся къ самымъ различнымъ мѣстностямъ, свидѣтельствующихъ, что община, какъ живой институтъ, видоизмѣняетъ свои порядки соотвѣтственно требованіямъ жизни и не представляетъ чего-либо рутинно неподвижнаго. Такъ, въ Саратовской губ. въ общинахъ, гдѣ начинается примѣненіе удобренія, назначаются болѣе долгіе сроки для переверстки удобряемыхъ полосъ, тоже въ Воронежской, Тамбовской, Орловской, Курской, Рязанской и др. губерніяхъ (В. В.: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. СПБ. 1892. Стр. 124—126). Тамъ же приведены данныя объ общинныхъ работахъ по осушенію болотъ, объ облѣсеніи песчаныхъ пространствъ и т. д. (стр. 205, 208 и др.). Такого же рода данныя приведены въ книгѣ того же автора: „Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“. Крестьянская община. М. 1892.

Въ изслѣдованіяхъ, относящихся къ Сибирской общинѣ, встрѣчаемъ тѣ же указанія. „Сѣверо-западная окраина Ишимскаго округа и прилегающія къ ней мѣстности Тобольскаго и Ялуторовскаго округовъ представляютъ въ настоящее время картину постепеннаго упроченія и развитія хозяйства съ удобреніемъ. Какъ отдѣльные хозяева лишь постепенно убѣждаются въ необходимости унавоживанія пашенъ и лишь мало-по-малу начинаютъ проводить это убѣжденіе въ жизнь, такъ и община не

сразу начинаетъ считаться съ новыми способами хозяйства... Гдѣ вопросъ о пользѣ унавоживанія успѣлъ уже вполнѣ выясниться, гдѣ поэтому ближнія пашни унавоживаются большинствомъ крестьянъ, *община* радикально *измѣняетъ* свое отношеніе къ судьбѣ удобряемыхъ пашенъ: ближнія пашни, удобныя для вывозки удобренія, начинаютъ выдѣляться при передѣлахъ въ особый пай или сортъ" (А. А. Кауфманъ: „Крестьянская община въ Сибири" СПБ. 1897, стр. 235—236). „Въ 80-хъ годахъ въ этой мѣстности передѣлъ произведенъ былъ только въ одной мѣстности, и здѣсь особымъ приговоромъ было постановлено: ни подъ какимъ видомъ не сживать хозяевъ съ полосъ, *если послѣднія недостаточно вознаградили трудъ по ихъ удобренію*; на этомъ основаніи ближнія пашни оставались за прежними владѣльцами, если съ нихъ послѣ вывозки навоза было снято менѣе четырехъ, дальнія—если было снято менѣе шести и даже семи хлѣбовъ", (тамъ же, стр. 243).

Фактъ достаточно рельефный, чтобы засвидѣтельствовать, насколько община стремится оградить интересы и дать возможность вознаградиться труду отдѣльнаго лица, не нарушая самыхъ основъ общинныхъ порядковъ. Да и какъ это можетъ быть иначе, когда то и другое соотвѣтствуетъ интересамъ самихъ членовъ общины; неужели же они станутъ нарушать ихъ! Такимъ образомъ передѣлы не только не мѣшаютъ фактически улучшеніямъ, но сроки ихъ видоизмѣняются соотвѣтственно съ требованіемъ. чтобы извѣстная затрата окупилась произведшимъ ее.

Наоборотъ, есть факты, свидѣтельствующіе, что община ускоряетъ переходъ къ улучшеніямъ. Да оно и такъ понятно: разъ *большинство* членовъ общины сознало необходимость извѣстныхъ улучшеній, то они и должны быть произведены, чего не можетъ быть при частномъ пользованіи, гдѣ каждый воленъ продолжать вести свое рутинное хозяйство. „Найдя возможнымъ обратить въ пашню... участокъ земли, община дѣлитъ его на душевыя полосы, при чемъ каждый общественникъ не только получаетъ *право*, но даже косвеннымъ образомъ *по-*

нуждается расчистить всю отведенную ему полосу“ (тамъ же, стр. 246). Тамъ же приводятся указанія на общинныя работы по осушенію (стр. 248 — 249). Но, помимо приведенныхъ фактовъ, ниже, въ очеркѣ о системахъ земледѣлія намъ придется указать не мало другихъ, свидѣтельствующихъ о совершающемся теперь во многихъ мѣстахъ переходѣ цѣлыми общинами къ инымъ системамъ земледѣлія съ сохраненіемъ основъ общинныхъ порядковъ. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что боюсь утомлять вниманіе читателя такими фактами и, главнымъ образомъ, потому, что, приводя ихъ, просто ощущаешь нѣкоторую неловкость и передъ читателемъ, да и по отношенію къ той наукѣ, во имя которой говоришь. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нужно доказывать, что общинное землевладѣніе и передѣлы не препятствуютъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, когда у каждаго на глазахъ то явленіе, что община и связанные съ ней передѣлы земли существуютъ въ Россіи какъ тамъ, гдѣ существуетъ трехполье и удобреніе земли, такъ и тамъ, гдѣ еще наблюдаются болѣе примитивныя системы земледѣлія, которыя предшествовали появленію трехполья съ удобреніемъ тамъ, гдѣ оно уже существуетъ давно. Если, такимъ образомъ, община и передѣлы не помѣшали переходу къ трехполью съ удобреніемъ, представляющему уже не первую ступень въ земледѣліи и замѣтное улучшеніе, если въ позднѣйшее время они не помѣшали внѣдренію въ крестьянское хозяйство картофеля, то какія же существуютъ основанія для того, чтобы утверждать, что общинное землевладѣніе препятствуетъ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ?

Чтобы покончить съ первымъ возраженіемъ, остановимся нѣсколько на весьма интересныхъ данныхъ по этому вопросу, которыя приводитъ А. С. Посниковъ въ своей книгѣ „Общинное землевладѣніе“. Онъ беретъ Англію, страну крупнаго частнаго землевладѣнія. Владѣльцы сами хозяйства не ведутъ, а раздаютъ землю участками арендаторамъ, фермерамъ. Такъ какъ на этихъ участкахъ въ то время велось высокое интенсивное хозяйство, требующее значительныхъ затратъ на разнаго рода улучшенія, часто даже не скоро окупающіяся, то Посниковъ и разсматри-

ваетъ, кѣмъ производятся эти улучшенія. Оказывается, что всегда это дѣлается фермерами, несмотря на то, что право пользованія землей для нихъ не больше обезпечено, чѣмъ при нашемъ общинномъ владѣніи, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ срокъ аренды опредѣленный, большею же частью совсѣмъ неопредѣленный. Слѣдовательно, если утверждаютъ, что собственникъ ведетъ свое хозяйство лучше, чѣмъ временный владѣлецъ, то на примѣрѣ Англіи это не оправдывается. „Самое тщательное изслѣдованіе дѣйствительно существующихъ способовъ произведенія улучшеній не дало намъ ни малѣйшаго повода заключать къ тому, что они обусловливаются „введеніемъ частной собственности на землю". Напротивъ, характеръ приведенныхъ нами свидѣтельствъ склоняетъ къ выводу, что значеніе поземельнаго собственника въ земледѣльческомъ прогрессѣ Соединеннаго Королевства сводится къ роли безучастнаго зрителя, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы не мѣшать фермеру расходовать свой капиталъ на улучшеніе земли" (А. Посниковъ: „Общинное землевладѣніе", вып. I. Ярославль, 1875 г., стр. 55). Для позднѣйшаго времени это также подтверждается цѣлымъ рядомъ данныхъ, приведенныхъ въ трудѣ А. Мануилова: „Аренда земли въ Ирландіи". М. 1895 г., гл. 7. Съ другой стороны, указываютъ, что при долгосрочной арендѣ сельское хозяйство ведется лучше, чѣмъ при арендѣ краткосрочной или на неопредѣленный срокъ. На дѣлѣ же цѣлый рядъ случаевъ долгосрочнаго арендованія земли, приводимый Посниковымъ, показываетъ, что при арендѣ, напримѣръ, на 21 годъ фермеръ въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ до окончанія срока аренды не только не производитъ никакихъ улучшеній, но даже, наоборотъ, въ своемъ стремленіи взять изъ покидаемой земли все, что только можно, часто совершенно истощаетъ ее. Это же обстоятельство по отношенію къ Ирландіи прекрасно выяснено въ только что упомянутомъ трудѣ А. А. Мануилова (гл. 2).

Что же, спрашивается, при необезпеченности владѣнія служитъ гарантіей фермеру, что необходимыя при такомъ хозяйствѣ большія затраты, окупающіяся только въ теченіе цѣлаго ряда

лѣть, не будутъ потеряны для него, если почему-либо владѣлецъ земли не пожелаетъ продлить срокъ аренды до того времени, когда затраты, произведенныя фермеромъ, будутъ полностью возвращены ему отъ эксплуатаціи земли? Въ англійскихъ поземельныхъ отношеніяхъ мы и находимъ, дѣйствительно, такую гарантію: владѣлецъ земли обязанъ въ такомъ случаѣ возмѣстить фермеру не вырученныя еще отъ земли затраты. Это обстоятельство сообщаетъ англійскому фермерскому хозяйству значительную устойчивость: широко развитымъ тамъ меліоративнымъ кредитомъ гораздо въ большей степени пользуются фермеры, чѣмъ землевладѣльцы. Такимъ образомъ на примѣрѣ Англіи мы видимъ, что ни непродолжительность ни неопредѣленность срока пользованія землей не служатъ препятствіемъ къ производству даже самыхъ капитальныхъ улучшеній, разъ только есть увѣренность, что издержки будутъ возмѣщены арендатору, даже въ случаѣ преждевременнаго прекращенія аренды.

Если теперь, имѣя въ виду сказанное объ англійскомъ фермерскомъ хозяйствѣ, перейдемъ къ русскому общинному землевладѣнію, то увидимъ, что здѣсь непродолжительность владѣнія землей служитъ еще меньшею помѣхой для различныхъ затратъ на капитальныя улучшенія, въ родѣ орошенія, напримѣръ, чѣмъ для англійскаго фермера. Послѣдній въ томъ случаѣ, когда иниціатива преждевременнаго прекращенія арендныхъ отношеній исходитъ отъ него, а не отъ владѣльца, иногда все-таки рискуетъ потерять свои затраты, тогда какъ общинникъ переходитъ отъ одного участка къ другому въ предѣлахъ той же общины, на которую предпринятое улучшеніе распространилось и, слѣдовательно, въ другомъ участкѣ воспользуется тѣми же выгодами, какія въ первомъ давало ему произведенное на общинной землѣ улучшеніе. Изъ сказаннаго нетрудно видѣть, насколько неосновательно утвержденіе, будто при общинномъ владѣніи у членовъ общины не можетъ быть такихъ побужденій, какъ у собственниковъ, производить различныя улучшенія, безъ которыхъ часто невозможно правильное развитіе сельскаго хозяйства.

Перейдемъ ко второму возраженію: при общинномъ владѣніи, говорятъ, отдѣльный членъ не можетъ отступить отъ принятой системы полевого хозяйства; всѣ полевыя работы въ одно время начинаются и одновременно же кончаются, такъ какъ на сжатомъ полѣ пасется скотъ. Каждый долженъ вести такой же сѣвооборотъ, какъ и другіе. Но вина здѣсь не въ общинномъ владѣніи. Крестьяне хорошо знаютъ, что жнитво не представляетъ хорошаго питанія для скота, и если, тѣмъ не менѣе, такая пастьба производится, то дѣлается это въ силу необходимости, по недостатку другого пастбища, по недостатку, слѣдовательно, земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ.

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ условіяхъ общиннаго владѣнія нѣтъ ничего, что препятствовало бы пасти скотъ въ огороженномъ мѣстѣ, или на привязи, какъ это и примѣняется въ другихъ мѣстахъ. Къ этому добавимъ, что это возраженіе уже вовсе не имѣетъ значенія при той интенсивной культурѣ, когда скотъ содержится въ стойлѣ, и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо стѣсненіи черезъ посредство пастьбы скота.

Но, кромѣ того, какъ уже было указано выше въ одной и той же мѣстности при тѣхъ же хозяйственныхъ и природныхъ условіяхъ, рабочій періодъ, время произрастанія растеній — все это, конечно, не различается по хозяйствамъ—и потому все равно у всѣхъ однѣ и тѣ же работы происходятъ въ одно время—будутъ ли то подворные или общинные землевладѣльцы. Это отлично знаютъ крупные землевладѣльцы, обязывающіе крестьянъ-арендаторовъ при отработочной системѣ являться на работу къ помѣщику по первому требованію, чтобы уборка своего поля не задержала крестьянина отъ явки на работу къ крупному землевладѣльцу. Знаютъ послѣдніе это и потому, что теперь, во время уборки клевера, крестьянинъ, ни за что не пойдетъ на поденщину къ сосѣдямъ, такъ какъ его клеверъ созрѣваетъ къ уборкѣ въ одно время съ клеверомъ всѣхъ его сосѣдей, и онъ не хочетъ собрать у себя одни стебли, вмѣсто сочнаго корма. Что же касается перехода къ различнаго рода улучшеніямъ въ земледѣліи, къ инымъ системамъ полеводства, то при правильномъ ходѣ

хозяйства и тутъ не можетъ быть различныхъ моментовъ для отдѣльныхъ хозяйствъ, находящихся въ одной мѣстности. Разъ наступаютъ условія, вызывающія необходимость перехода къ интенсивной культурѣ, то онъ не можетъ не произойти, такъ какъ переходъ такой не есть нѣчто случайное. Нѣмецкій экономистъ Тюненъ выяснилъ, какъ совершается переходъ отъ одной системы земледѣлія къ другой: онъ происходитъ независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ этого землевладѣлецъ; онъ является въ силу неизбѣжныхъ условій, порождаемыхъ развитіемъ рынка. Но и тогда такой переходъ совершается не сразу. Необходимо убѣжденіе въ томъ, что новыя культуры, предлагаемыя вмѣсто старыхъ, дѣйствительно, отличаются какими-нибудь преимуществами предъ ними, иначе говоря, необходимъ опытъ. Обыкновенно говорятъ на это, что при общинномъ владѣніи нѣтъ возможности испробовать посѣвъ. На дѣлѣ, однако, такой невозможности не существуетъ. Пріусадебная земля, по закону считающаяся у насъ наслѣдственной, обыкновенно подлежитъ передѣлу въ очень рѣдкихъ случаяхъ и находится въ полномъ хозяйственномъ распоряженіи владѣльца. Здѣсь онъ можетъ производить какіе угодно опыты, пробовать какіе угодно посѣвы. Этой возможностью и пользовались нѣкоторые.

Въ Московской, Смоленской, Тверской и др. губ. наблюдается, что съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія крестьяне стали заводить травосѣяніе, которое знаменуетъ переходъ отъ трехпольной къ четырех- и многопольной системѣ. Раньше началось травосѣяніе на усадебныхъ земляхъ. Примѣру однихъ стали слѣдовать другіе, и когда у всѣхъ созрѣло сознаніе выгодъ отъ травосѣянія, въ нѣкоторыхъ обществахъ стали выдѣлять для этого участки, раньше не пахавшіеся; сѣмена пріобрѣтались на средства общинъ. Такъ какъ новые опыты давали каждый разъ только новое подтвержденіе полезности травосѣянія, то послѣднее ввели въ сѣвооборотъ, нисколько не нарушивъ этимъ общинныхъ принциповъ. Въ Московской и Тверской губерніяхъ такихъ примѣровъ не мало. Достаточно было сдѣлать это одной общинѣ, какъ другія уже заводили травосѣяніе на общинныхъ пахотныхъ поляхъ.

„На крайнемъ сѣверѣ Тобольской губ. хозяйство ведется по двухпольной системѣ, и общинныя пашни распредѣлены на двѣ смѣны. Такая система полеводства, повидимому, представляется болѣе соотвѣтствующею суровому климату и почвеннымъ условіямъ, нежели преобладающее нѣсколько южнѣе трехполье. И вотъ на границѣ трехпольной и двухпольной полосъ изслѣдованіемъ констатированъ рядъ случаевъ, когда общины, ранѣе державшіяся обязательнаго трехполья, послѣ ряда *опытовъ*, произведенныхъ *отдѣльными хозяевами* на „новинныхъ" земляхъ, не вошедшихъ въ разгороженныя смѣны, установляли у себя обязательное двухпольное хозяйство... съ другой стороны, тамъ, гдѣ уже издавна установилось принудительное двухпольное хозяйство, крестьянство тяготится необходимостью оставлять не засѣянною половину пахотной земли; въ виду этого, *отдѣльные хозяева почти повсюду* дѣлали на „новинныхъ" пашняхъ *опыты* заведенія трехпольнаго хозяйства (Каумфанъ": „Крест. Общ. въ Сибири", стр. 251). Итакъ, на этотъ разъ факты говорятъ за то, что общинное землевладѣніе не представило препятствій переходу къ новой культурѣ.

Могутъ на это сказать, что приведенныя условія распространенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ, а равно и другіе факты, какъ разъ и могутъ служить подтвержденіемъ, что рядомъ съ общиннымъ должно быть и частное землевладѣніе, такъ какъ первоначально дѣлались опыты на усадьбахъ, составляющихъ какъ бы отдѣльное владѣніе, или же опыты производились отдѣльными хозяевами на „новинныхъ" земляхъ. Но такой выводъ будетъ невѣренъ. Важно, чтобы была возможность ознакомиться на опытѣ съ тѣмъ или другимъ улучшеніемъ, а для этого нѣтъ надобности имѣть свой участокъ; гораздо цѣлесообразнѣе одинъ общій, на которомъ каждый могъ бы видѣть, что и какъ дѣлается, и это будетъ производительнѣе и цѣлесообразнѣе, потому что избавляетъ отъ надобности ждать, пока у отдѣльнаго лица явятся охота, время и средства на производство опытовъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ знакомство съ новыми культурами. Первона-

чально подобныя знанія получаются изъ наблюденій и потомъ, послѣ нѣсколькихъ примѣненій на опытныхъ и показательныхъ поляхъ, входятъ въ сельскохозяйственную практику. До послѣдняго времени почти исключительно при однихъ только сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣлись такія опытныя поля для неиспытанныхъ еще растеній и показательныя для испытанныхъ уже. Вполнѣ понятно, что при этихъ условіяхъ такія знанія раньше всего и легче распространялись среди болѣе образованныхъ сельскихъ хозяевъ. По отношенію къ крестьянскому землевладѣнію такихъ мѣръ до послѣдняго времени не существовало, въ чемъ уже нисколько не повинна община, такъ какъ въ условіяхъ ея нельзя найти ничего, что мѣшало бы распространенію хозяйственныхъ и иныхъ знаній. Но разъ этихъ знаній не было, никакихъ мѣръ для ознакомленія съ новымъ не принималось, то понятно, что крестьяне не рѣшались на опыты частью вслѣдствіе неувѣренности въ ихъ выгодѣ, а частью по недостатку средствъ. Случалось также, что неудача въ одномъ случаѣ (при травосѣяніи, наприм., неуспѣхъ иногда зависѣлъ отъ незнакомства съ техническими условіями), отразившись тяжело на крестьянскомъ бюджетѣ, рѣшительно возстановляла другихъ хозяевъ противъ подобнаго нововведенія. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло явиться много смѣльчаковъ, готовыхъ дѣлать опыты, и если они все-таки являлись, то это показываетъ, что община не лишаетъ и духа предпріимчивости, что крестьянинъ-общинникъ не такой рутинеръ, какъ объ этомъ распространено мнѣніе, что будто бы онъ ни за что не разстанется со своимъ первобытнымъ хозяйствомъ, чтобы перейти къ высшему. Въ дѣйствительности вовсе не замѣчается такого упорнаго застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ: выше мы уже указывали, что нѣкоторыя общины переходятъ къ высшимъ полевымъ культурамъ; нерѣдко также крестьяне отыскиваютъ новыя сѣмена, чтобы замѣнить ими старыя, пріобрѣтаютъ новыя земледѣльческія орудія, а нѣкоторыя сравнительно дорого стоящія, какъ, наприм., молотилки, покупаютъ даже цѣлыми общинами.

Въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ земства идутъ навстрѣчу этимъ запросамъ въ крестьянствѣ: приглашаютъ агрономовъ, заводятъ демонстративныя поля, устраиваютъ склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. И крестьяне нерѣдко сами приходятъ на эти поля изъ дальнихъ селъ, чтобы познакомиться съ какимъ-либо новымъ орудіемъ или новымъ посѣвомъ, часто являются въ склады за покупкой сѣмянъ или орудій, въ особенности въ томъ случаѣ, если земство какимъ-нибудь способомъ облегчаетъ пріобрѣтеніе тѣхъ и другихъ, хотя до нѣкоторой степени устраняя, такимъ образомъ, одно изъ главныхъ препятствій, тормозящихъ крестьянское хозяйство. И нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ именно общинное-то землевладѣніе и способствуетъ гораздо болѣе быстрому введенію улучшеній, чѣмъ это могло бы быть при подворномъ. При общинѣ, разъ извѣстный опытъ произведенъ, демонстрированъ, разъ большинство членовъ общины наглядно ознакомилось съ предлагаемымъ улучшеніемъ,—оно вводится по взаимному соглашенію всѣхъ общинниковъ на *всей* общинной землѣ. Если бываютъ случаи (совершенно исключительные) не согласія на это двухъ-трехъ отдѣльныхъ домохозяевъ, то, какъ это показала практика московскаго земства, такимъ хозяевамъ предоставляется вести дѣло по-старому на своихъ участкахъ, а затѣмъ улучшеніе вводится у остальныхъ. При подворномъ же землевладѣніи не только о такомъ единовременномъ введеніи улучшенія у всѣхъ домохозяевъ даннаго селенія не можетъ быть и рѣчи, но даже нѣтъ условій для возникновенія мысли о необходимости соглашенія. А въ такомъ случаѣ, при томъ же пространствѣ земли, у одинаковаго количества подворныхъ землевладѣльцевъ улучшеніе распространится медленнѣе по всему этому пространству, да и случаевъ практики, выработывающей сознаніе общности и солидарности интересовъ,—меньше.

Нельзя здѣсь не отмѣтить еще одного очень существеннаго обстоятельства. На западѣ Европы введеніе улучшеній въ крестьянское хозяйство связывалось обыкновенно проводниками этихъ улучшеній съ уничтоженіемъ общины. Для нашихъ же условій характерно, что земскіе *агрономы*—а они-то именно, и

никто другой и имѣютъ основной задачей своей дѣятельности проведеніе улучшеній въ крестьянское хозяйство—такъ вотъ наши земскіе агрономы, едва ли не поголовно, не только ничего не говорятъ противъ общины, но стоятъ за нее и при помощи ея вводятъ новыя системы полеводства и всякія другія улучшенія. Не говоритъ ли этотъ фактъ, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ что-либо другое, насколько общинное владѣніе землею отвѣчаетъ всѣмъ хозяйственнымъ и бытовымъ условіямъ жизни населенія у насъ. А въ такомъ случаѣ въ интересахъ развитія именно сельскаго хозяйства, его преуспѣянія какъ крупнѣйшей отрасли народнаго труда у насъ, слѣдуетъ не ограничиваться предоставленіемъ общиннаго владѣнія, такъ сказать, его собственной судьбѣ, а, напротивъ, всячески содѣйствовать его преуспѣянію и развитію. Тѣмъ болѣе слѣдовательно гибельны для нашего сельскаго хозяйства всякія мѣры и поощренія, способствующія расхищенію насильственнымъ образомъ общинной земли, какъ, напр., законъ 9 ноября 1906 г.—предоставляющій каждому члену общины въ зависимости отъ его желанія безвозмездное отчужденіе въ личную собственность части общинной земли.

По поводу разсматриваемаго возраженія противъ общины нужно остановиться еще на общей основѣ его, заключающейся въ томъ, что община ограничиваетъ, стѣсняетъ *предпріимчивость* отдѣльнаго лица. Но что такое значитъ предпріимчивость отдѣльнаго лица въ сельскомъ хозяйствѣ? Выше уже достаточно дано указаній на то, что строй хозяйства, родъ посѣвовъ— все это опредѣляется въ земледѣліи въ первомъ счетѣ природными условіями. При этомъ, конечно, воздѣйствіе человѣка очень важно, но здѣсь оно можетъ быть плодотворно, если оно основано на знаніи мѣстныхъ условій и того, какъ ими пользоваться; безъ этого новое мѣропріятіе можетъ быть или безплодно или вредно. Извѣстно, что для каждой данной мѣстности всякое новое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ должно быть сперва испробовано, сдѣланъ опытъ. Если опытъ оказывается удачнымъ, то населеніе охотно пользуется улучшеніемъ, коль скоро оно ему по средствамъ. Отсюда ясно, что дѣло не

въ предпріимчивости отдѣльнаго лица,—она можетъ быть даже вредна тамъ, гдѣ нужны знанія, а у такого отдѣльнаго лица имѣются лишь средства и самомнѣніе; дѣло въ томъ, чтобы въ населеніи, въ его совокупности былъ развитъ духъ предпріимчивости. А это можетъ быть лишь тогда, когда оно чувствуетъ себя раскрѣпощеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ: не чуствуетъ надъ собой административнаго гнета, свободно въ своихъ проявленіяхъ, не чувствуетъ надъ собой гнета полной экономической необезпеченности, создаваемой малоземельемъ и отсутствіемъ надлежащей кредитной организаціи и многимъ другимъ. И наконецъ,—что можетъ быть важнѣе всего,—когда оно обладаетъ знаніями. Населеніе въ его цѣломъ, конечно, тотчасъ же воспользуется знаніями съ практическими цѣлями. Это очень хорошо понимаютъ господствующіе классы, потому такъ и оберегаютъ населеніе отъ заразы знанія. Но, получивъ ихъ, населеніе раскрѣпоститъ себя и проявитъ ту массовую предпріимчивость, которая и ведетъ къ улучшенію сельскаго хозяйства и подъему производительности труда. Предпріимчивость же отдѣльнаго лица, можетъ-быть, имѣла значеніе, но тогда, когда еще не былъ накопленъ достаточный запасъ знаній; теперь же только нужно эти знанія растворить въ населеніи, и тогда ничто не въ состояніи будетъ остановить проникновеніе улучшеній въ сельское хозяйство и задержать подъемъ экономическаго благосостоянія населенія.

Итакъ, предпріимчивость отдѣльнаго лица, несообразованная съ данными природными условіями, можетъ быть даже вредна въ сельскомъ хозяйствѣ, предпріимчивость же массъ можетъ быть основана и развита при такихъ условіяхъ, когда она можетъ быть только плодотворна. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что при настоящихъ условіяхъ эта предпріимчивость въ 99 случаяхъ изъ 100 направляется обыкновенно на эксплуатацію населенія, на подчиненіе его себѣ. При наличности же общины такая предпрімчивость сдерживается; предпріимчивость же, направленная на осуществленіе чего-либо полезнаго для всѣхъ получаетъ наиболѣе благопріятную почву: чтобы провести какое-либо улучшеніе, необходимо согласить на него всѣхъ или большинство, а это

можно сдѣлать, если предлагаемое полезно всѣмъ, но нужно это доказать, убѣдить всѣхъ и, слѣдовательно, не ограничиться введеніемъ только у себя опредѣленнаго улучшенія, какъ это можно сдѣлать при положеніи, допускающемъ безконтрольное проявленіе предпріимчивости отдѣльнаго лица; нѣтъ, здѣсь надо проявить усилія для выясненія пользы этого всѣмъ однообщинникамъ. Спрашивается, когда же нужно наибольшее проявленіе предпріимчивости и когда результатъ ея распространяется на большее число хозяйствъ?

Третье возраженіе основано на тѣхъ невыгодахъ, которыя связаны съ *черезполосицей*, составляющей будто особенность общиннаго землевладѣнія. Черезполосица, какъ мы знаемъ, происходитъ отъ стремленія распредѣлить землю такъ, чтобъ у каждаго были участки земли хорошей, плохой, средней, удобной и т. д., т.-е. чтобы каждый былъ поставленъ въ одинаковыя условія приложенія своего труда, поскольку это зависитъ отъ качества, количества и положенія земельнаго участка*). При переходѣ къ подворному землевладѣнію никто не пожелаетъ поступиться своими выгодами и взять себѣ участокъ, имѣющій только неудобства въ своемъ положеніи, и потому та же черезполосность остается обычно и при переходѣ къ подворному землевладѣнію. Это знаетъ каждый, кому приходилось хотя бы даже поверхностно наблюдать хозяйства въ мѣстахъ подворнаго землевладѣнія на западѣ Европы. Но по отношенію къ этимъ мѣстностямъ извѣстно и другое, именно, что черезполосность нисколько не мѣшаетъ тамъ высокому состоянію земледѣльческой культуры, самой интенсивной обработкѣ земли. Но при подворномъ владѣніи черезполосность не только обычно остается, а съ теченіемъ времени даже усиливается, вслѣдствіе перехода частей участковъ въ разныя руки. При этомъ, однако, уже нарушается равенство въ распредѣленіи земли по сортамъ между отдѣльными владѣльцами, и, слѣдовательно, остаются лишь однѣ невыгодныя стороны черезпо-

---

*) Выгоды, происходящія отъ такой черезполосицы, отмѣчены, между прочимъ, выше въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 160—161.

лосицы, при происходящемъ притомъ усиленіи ея. Такое усиленіе ея при подворномъ владѣніи и ведетъ нерѣдко къ необходимости продавать участки, т.-е. къ скупкѣ ихъ въ однѣ руки и къ обезземеленію другихъ, безъ уничтоженія, однако, общей черезполосицы. Въ общинѣ же съ развитіемъ черезполосицы далѣе необходимаго предѣла,—развитіемъ, вызываемымъ перемѣною владѣльцевъ участковъ, вслѣдствіе смерти наприм.,—наступаетъ общій передѣлъ, при которомъ уничтожается та черезполосица, которая обусловливается не свойствами владѣнія, а переходами его изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такимъ образомъ общинное землевладѣніе имѣетъ въ самомъ себѣ средство противъ черезполосицы, вытекающей за предѣлы необходимаго; подворное же землевладѣніе этого средства не имѣетъ.

Если мы представимъ себѣ при подворномъ землевладѣніи участокъ каждаго лежащимъ въ одномъ мѣстѣ, то встрѣтимся съ *другимъ неудобствомъ*, а именно — съ необходимостью имѣть проѣздъ къ дорогѣ черезъ участокъ другого лица, такъ что и тутъ не избѣгаемъ извѣстнаго вида черезполосицы, связаннаго къ тому же съ неудобствомъ проѣзда. Къ этому считаемъ не лишнимъ добавить еще, что въ Даніи, напр., съ развитіемъ кооперативнаго молочнаго хозяйства, замѣчается въ послѣднее время стремленіе перейти отъ хуторского, раздѣльнаго разселенія снова къ поселенію деревнями дабы сократить разстояніе по доставкѣ молока въ кооперативную маслодѣльню.

Тѣсно связано съ указаніемъ на черезполосицу, суживающую отдѣльныя полосы, и *послѣднее* возраженіе, именно то, что при общинномъ землевладѣніи развивается большое дробленіе участковъ: земля та же, количество же общинниковъ растетъ. Но здѣсь уже, очевидно, на общину сваливается то, что, съ одной стороны, является результатомъ чисто-естественныхъ причинъ, роста населенія, а съ другой—малоземелья. Ни отъ перваго ни отъ второго не свободно и подворное землевладѣніе. Въ случаѣ недостатка земли подворное землевладѣніе, при наслѣдованіи одного участка нѣсколькими наслѣдниками, доходитъ иногда до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, которые со-

всѣмъ уже не допускаютъ сельскохозяйственной культуры. Община все-таки путемъ передѣловъ регулируетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ владѣніе землей въ зависимости отъ измѣненій, происходящихъ въ семейномъ составѣ хозяйствъ. Предѣлы эти, конечно, ограничены количествомъ земли, находящейся въ распоряженіи общины, но доля земли, приходящаяся на каждаго, уменьшается съ ростомъ населенія при *всякой* формѣ землевладѣнія, что и *вызываетъ измѣненіе системъ* земледѣлія, которое происходитъ *и при общинѣ*. Дробленіе же земли, происходящее при подворномъ владѣніи и являющееся результатомъ переходовъ по наслѣдству, продажъ и т. п., и неравномѣрно и въ отдѣльныхъ случаяхъ еще болѣе значительно.

Остаются общія замѣчанія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя представляетъ наше общинное землевладѣніе переходу къ высшимъ коллективнымъ формамъ. Утверждаютъ, что только на почвѣ послѣдовательнаго развитія индивидуализма, на почвѣ правильнаго развитія въ каждомъ индивидуумѣ ясно выраженнаго сознанія своихъ интересовъ, возможенъ такой переходъ, возможно соединеніе отдѣльныхъ лицъ въ правильно организованные союзы. Но если это вѣрно по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ своего собственнаго труда, то совершенно иначе представляется по отношенію къ подворному мелкому землевладѣльцу. Весь интересъ послѣдняго сосредоточенъ на его ничтожномъ участкѣ, за предѣлами котораго для него не существуетъ никакихъ общественныхъ интересовъ или, вѣрнѣе, онъ всѣ ихъ готовъ принести въ угоду своимъ, рѣзко отдѣляющимся отъ общественныхъ. Въ общинѣ же личный интересъ нерѣдко такъ тѣсно сливается съ общественнымъ, что ихъ нельзя отдѣлить. Общинникъ, кромѣ своего участка, долженъ всегда брать во вниманіе и все общинное владѣніе: участокъ, который находился во владѣніи его сосѣда, можетъ завтра очутиться въ его рукахъ; выгоды и невыгоды общины приходится въ значительной степени испытывать и ему и притомъ прямо, непосредственно. Здѣсь изъ сопостановленія личныхъ интересовъ съ общинными гораздо полнѣе, всестороннѣе, чѣмъ у мелкаго собствен-

ника, развивается сознаніе своей индивидуальности и въ то же время представленіе о соотношеніи своихъ интересовъ къ общимъ интересамъ.

Этотъ выводъ, сдѣланный мною изъ разсмотрѣнія условій общиннаго землевладѣнія, вполнѣ подтверждается тѣмъ заключеніемъ, къ которому приходитъ К. Качоровскій въ своемъ изслѣдованіи „Народное Право“ (М. 1906), основанномъ на массѣ матеріала, собраннаго въ послѣдніе годы мѣстными изслѣдованіями и наблюденіями надъ общиннымъ землевладѣніемъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Россіи: „Ростъ личности,—говоритъ Качоровскій, — всецѣло происходилъ въ процессѣ развитія общины, былъ постоянно то его причиной, то слѣдствіемъ, такъ какъ именно *въ борьбѣ за новое общинное право завоевывала крестьянская личность* права свои“. Какъ же это происходило?

Въ семьяхъ разросшихся не хватало земли, семьи, въ которыхъ новыхъ членовъ не появлялось, становились перенадѣленными, но въ нихъ въ то же время старое поколѣніе преобладало надъ молодымъ. И вотъ первая группа обдѣленныхъ, состоящая изъ „молодыхъ“, стоитъ за уравнительный передѣлъ, а партія старыхъ, консервативная, за то, что есть. Мало того, послѣдніе желаютъ подворнаго землевладѣнія ради сохраненія власти за отцомъ, а не за общиной, чтобы этимъ поддержать родительскую власть. Этотъ примѣръ „освобожденія общинной молодежи отъ патріархальнаго деспотизма наглядно показываетъ,—говоритъ Качоровскій,—какъ нелѣпо односторонни ходячіе вопли о подавленіи общиною личности и т. п.“

Но какъ справедливо указываетъ тотъ же изслѣдователь, это же повело къ постепенному признанію права на землю за женщиной (всѣми ѣдоками), а далѣе и къ представленію о равноправіи женщинъ вообще (Качоровскій. Тамъ же, с. 236, 237 и др.).

Считаемъ не лишнимъ указать, что это наблюденіе подтверждаютъ и явленія, сдѣланныя на съѣздѣ крестьянъ-старообрядцевъ: „Желательно было бы и женскій полъ надѣлить землею, ибо и женщина платитъ въ государство доходы подъ видомъ косвенныхъ налоговъ“ (уполномоченный отъ крестьянъ-старообрядцевъ

Льговскаго у., Курской губ.). За то же высказываются изъ Нижегородской, Ярославской, Подольской губерній („Матеріалы по вопросамъ земельному и крестьянскому“ Всероссійскій съѣздъ крестьянъ-старообрядцевъ въ Москвѣ 22—25 февраля 1906 года. М. 1906. Изд. П. П. Рябушинскаго, стр. 117).

Итакъ, то, что говорится о невозможности улучшеній и земледѣльческаго прогресса при общинномъ владѣніи землею, опровергается фактами. Фактами же опровергается и указаніе на подавленіе общиною личности. За важность же сохраненія общины во всякомъ случаѣ говоритъ то, что она способствуетъ болѣе, чѣмъ мелкое подворное владѣніе, сохраненію земли въ рукахъ населенія. „Если подѣлить землю подворно,—говоритъ крестьянинъ,—то земля въ скоромъ времени перейдетъ въ руки тѣхъ же помѣщиковъ и богатыхъ людей, такъ какъ бѣдные люди по своимъ недостаткамъ продадутъ землю и станутъ безземельными, а богатеи будутъ такими же помѣщиками какъ теперь“ (только что цитированные матеріалы, стр. 125).

Здѣсь, въ этомъ заявленіи, мы какъ разъ сталкиваемся съ пониманіемъ со стороны крестьянина того, откуда вытекаютъ и къ чему могутъ привести стремленія къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. И справедливость этого подтверждается, какъ всей пореформенной исторіей воздѣйствія на общину, такъ и послѣдними актами воздѣйствія на нее законами 9 и 15 ноября 1906 г. Первый устанавливаетъ право отдѣльнаго члена общины экспропріировать въ свою пользу часть общинной земли, оказавшейся къ данному моменту въ его рукахъ; развѣ это не есть прямой путь къ обезземеленію части населенія? И развѣ это не очевидно для каждаго? Законъ 15 ноября, разрѣшающій залогъ общинной земли, ведетъ къ тому же. Достаточно уже этого, чтобы видѣть, въ чемъ значеніе общины для крестьянскаго населенія, хотя при малоземельи она и не предохраняетъ отъ образованія избыточнаго сельскаго населенія.

Но если община все же помогаетъ удерживаться землѣ въ рукахъ ея работниковъ, то значитъ сохраненіе ея благопріятствуетъ развитію крестьянскаго хозяйства.

Здѣсь надо остановиться нѣсколько на утвержденіи, встрѣчающемся въ книгѣ Косинскаго: „Къ аграрному вопросу“. Исходя изъ того, что крестьянинъ при обработкѣ земли не гонится за прибылью и довольствуется тѣмъ, что онъ выручитъ не менѣе того, что составляетъ обычную заработную плату, г. Косинскій приходитъ къ вѣрному заключенію, что крестьянинъ станетъ обработывать и такую землю, обработка которой для предпринимателя будетъ уже невыгодна; развивая эти положенія далѣе, онъ приходитъ опять къ вѣрному заключенію, что крестьянинъ поэтому готовъ за землю заплатить болѣе предпринимателя, работающаго съ наемными рабочими. А отсюда дѣлаетъ далѣе г. Косинскій и такой выводъ, съ которымъ согласиться нельзя. Разъ, говоритъ онъ, земля попадетъ въ руки крестьянина, ее у него купить нельзя, такъ какъ никто не дастъ такой высокой цѣны, какъ онъ. Кто же, однако, не знаетъ массы случаевъ, когда разныя условія могутъ вызвать отдѣльныхъ крестьянъ на продажу ихъ земли? И почему при этомъ не купить ее тому, кто не предполагаетъ обработывать ее самъ, да вдобавокъ купить еще и очень дешево, ибо продавецъ продаетъ землю не отъ избытка, а по обстоятельствамъ вынуждающимъ къ тому. Купить ее при этихъ условіяхъ не для обработки самому тѣмъ выгоднѣе, что именно прилагаемый къ ней крестьянскій трудъ даетъ ему возможность, по положенію, установленному г. Косинскимъ, платить за аренду ея болѣе того, что могъ бы платить обработывающій землю наемными рабочими. Почему же и не купить для сдачи въ аренду? Вообще разъ только признается возможность купли-продажи земли, то 1) никогда нѣтъ обезпеченности въ томъ, что она не явится орудіемъ эксплуатаціи и 2) всегда возможно, что пріобрѣтеніе ея будетъ обходиться покупщику такъ дорого, что ему затѣмъ будетъ оставаться лишь заработная плата.

Но независимо отъ этого, здѣсь важенъ самый принципъ, отрицающій возможность торговать землей, дѣлать ее орудіемъ эксплуатаціи. Установленіе же этого принципа требуетъ, чтобы при рѣшеніи земельнаго вопроса земля поступила въ руки населенія на правѣ пользованія. Это пользованіе можетъ и должно быть обставлено такъ,

чтобы оно не смущало и тѣхъ крестьянъ, которые привыкли владѣть ею какъ собственностью на подворномъ началѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если земля остается въ рукахъ семьи, пока она своими силами обработываетъ ее, то это вполнѣ обезпечиваетъ такую семью, что она не лишится плодовъ своихъ трудовъ, она не лишается и возможности вести хозяйство, какъ знаетъ. Она только не можетъ продать эту землю, но можетъ получить даже вознагражденіе за сдѣланныя и неиспользованныя еще улучшенія. Конечно, если во всемъ строѣ будутъ господствовать начала, способствующія капиталистической точкѣ зрѣнія на землю, то возможенъ обходъ закона; жизнь найдетъ въ этомъ случаѣ способъ поставить дѣло такъ, что какъ будто бы данная семья и обработываетъ землю на себя, а на самомъ дѣлѣ это можетъ быть положеніе, зависимое отъ другого лица. Но все же и тутъ важно, что это будетъ обходъ, чтобы ясно было, что это злоупотребленіе, т.-е. нѣчто такое, что не имѣетъ нравственнаго оправданія, важно самое установленіе принцица, что земля не есть предметъ купли-продажи, не есть товаръ. Этотъ-то принципъ и воплощаетъ въ жизни общинное землевладѣніе. Необходимо дальнѣйшее распространеніе и развитіе его, чтобы въ этомъ главномъ орудіи земледѣлія дать неустранимую опору крестьянскому хозяйству. И думается намъ, что тѣ, которые относятся отрицательно къ общинному землевладѣнію не по классовому (сознанному или не сознанному) интересу, а видятъ въ немъ дѣйствительное препятствіе къ прогрессу сельскаго хозяйства, приходятъ къ такому заключенію не на основаніи изученія фактовъ дѣйствительности, а просто въ силу обычныхъ нашихъ представленій и условій, такъ далекихъ отъ порядковъ общиннаго владѣнія и такъ тѣсно связанныхъ съ тѣмъ единоличнымъ господствомъ, которое имѣетъ свои корни въ неравномѣрномъ распредѣленіи всѣхъ земныхъ благъ и въ томъ, что выработано всей предшествующей исторіей развитія господствующихъ классовъ. Слѣды этого развитія рѣзко отпечатлѣны на каждомъ изъ насъ и сказываются въ каждомъ изъ насъ не въ томъ, такъ въ другомъ. Вѣдь не говоримъ же мы о неудобствахъ того, что на фабрикѣ

всѣмъ приходится въ одно время и начинать и кончать работу, напротивъ это то и считается тамъ нормальнымъ.

Перехожу теперь къ самымъ порядкамъ общиннаго землевладѣнія въ Великороссіи.

Земля считается собственностью всей общины, и каждый членъ общины имѣетъ право на извѣстную долю ея. При этомъ наблюдаются различные виды общиннаго землевладѣнія: существуетъ община *простая*, когда цѣлое селеніе владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ; *составная* или *сложная*, когда нѣсколько селъ владѣютъ сообща однимъ участкомъ, при чемъ обыкновенно пашня находится въ распоряженіи каждаго селенія отдѣльно, а лѣсомъ пользуются всѣ сообща; эта форма часто наблюдается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; и, наконецъ, община *раздѣльная*, когда въ одномъ селеніи двѣ или нѣсколько общинъ. Послѣднее могло произойти оттого, что вся площадь, прилежащая къ данному селу, до надѣленія крестьянъ землей принадлежала двумъ или нѣсколькимъ владѣльцамъ или, находясь во владѣніи одного лица, была потомъ раздѣлена между двумя и болѣе.

Что касается способовъ распредѣленія земли, то прежде всего *усадебная* земля находится въ наслѣдственномъ пользованіи, хотя и она въ извѣстной мѣрѣ можетъ подлежать передѣлу. Въ такомъ случаѣ мѣсто около избы владѣльца сохраняется за нимъ, но ширина пріусадебнаго участка можетъ быть измѣнена; происходитъ, такимъ образомъ, какъ бы передвиженіе усадебныхъ участковъ. *Пашня* передѣляется черезъ извѣстное число лѣтъ, при чемъ различается передѣлъ *коренной* и *частный*, о чемъ еще придется говорить. Земля подъ *лугомъ* не раздѣляется на доли, а совершается передѣлъ ея во время покоса, такъ какъ качество травы на одномъ и томъ же участкѣ бываетъ изъ года въ годъ различно, въ зависимости отъ климатическихъ условій года. Община, не желая ставить каждаго домохозяина въ зависимость отъ рѣзкихъ колебаній въ томъ, что составляетъ весьма существенную статью въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не находитъ возможнымъ, какъ то дѣлается съ пашней, передѣлять луговую землю на опре-

дѣленное число лѣтъ, а распредѣлять между каждымъ ежегодно, глядя по урожаю травы, доли покоса такъ, чтобы опять-таки никто не имѣлъ преимущества въ превосходствѣ покоса. *Лѣсъ* либо передѣляется на извѣстный срокъ на опредѣленныя доли, либо дѣлится ежегодно на участки по числу корней.

Чѣмъ же, спрашивается, руководится община, опредѣляя долю каждаго? Основанія для такого дѣленія бываютъ различны. Долгое время передѣлы совершались *по ревизскимъ душамъ*: каждое хозяйство получало столько земли, сколько приходилось на него по числу душъ мужского пола въ семьѣ, записанныхъ при послѣдней ревизіи. Если, наприм., въ селѣ 300 десят. земли и 100 ревизскихъ душъ, то, слѣдовательно, на каждую душу мужского пола приходилось 3 десят., и если въ семьѣ 5 такихъ душъ, то она получала 15 десятинъ. Другой способъ передѣловъ состоитъ въ томъ, что земля дѣлится по числу лицъ мужского пола *въ рабочемъ возрастѣ*, какимъ считается возрастъ отъ 18 до 60 лѣтъ.

Основаніемъ для такого распредѣленія служитъ взглядъ на землю, какъ на средство приложенія рабочей силы; надѣляется земля по количеству фактическихъ рабочихъ силъ. Здѣсь, съ другой стороны, принимается во вниманіе и то обстоятельство, что за землю приходится платить подати, а въ такомъ случаѣ каждое хозяйство должно быть надѣлено землей съ такимъ расчетомъ, чтобы оно дѣйствительно могло приложить свои рабочія силы къ землѣ и имѣло, такимъ образомъ, возможность нести податное бремя.

Существуетъ и другое дѣленіе земли, когда въ расчетъ берется *составъ семьи*. Земля здѣсь разсматривается какъ источникъ пропитанія, который долженъ обезпечить семьѣ ея матеріальное существованіе. Передѣлъ производится по числу ртовъ, ѣдоковъ въ семьѣ. Это основаніе разверстки, при чемъ принимаются во вниманіе и женщины, получаетъ особенное развитіе въ послѣдніе годы и теперь немного уѣздовъ, гдѣ ея не встрѣчается. По вычисленіямъ Качоровскаго, основаннымъ на массовомъ матеріалѣ позднѣйшихъ наблюденій, нужно принять, что 25 тыс.

общинъ съ 5 мил. населенія и 10 мил. десят. земли вполнѣ или отчасти перешли къ распредѣленію земли по ѣдокамъ, т.-е. по наиболѣе уравнительному принципу.

Этотъ переходъ, съ теченіемъ времени развивающійся болѣе и болѣе, останавливаетъ особое вниманіе вотъ почему. По наблюденіямъ, относящимся къ 70-мъ годамъ, было установлено, что часто община при надѣленіи землей руководится тѣмъ, въ какомъ отношеніи стоятъ *платежи* за землю къ ея доходности: гдѣ доходы больше платежей, гдѣ, слѣдовательно, каждый домохозяинъ стремится удержать землю въ своихъ рукахъ, тамъ выжидаютъ, пока освободится участокъ за смертью надѣленнаго имъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, наоборотъ, доходы съ земли не покрываютъ платежей, тамъ стараются эту тягость распредѣлить на большее число лицъ,—берется также во вниманіе имущественное положеніе семьи. Слѣдовательно, тогда это вызывалось именно стремленіемъ равномѣрнѣе распредѣлить тяготы; теперь же платежи, падающіе на землю ниже ея доходности, слѣдовательно, въ настоящее время это дѣленіе земли по ѣдокамъ вытекаетъ уже не изъ тѣхъ основаній, что тогда, и свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ развитіи уравнительнаго начала.

Когда въ 70-хъ годахъ наблюдали общинное землевладѣніе, то усмотрѣли, что нерѣдко передѣлы не совершались съ послѣдней ревизіи, т.-е. съ 1858 года. Въ этомъ нѣкоторые хотѣли видѣть ослабленіе общинныхъ традицій, такъ какъ утверждали, что потребность въ передѣлахъ за этотъ длинный періодъ назрѣла въ достаточной мѣрѣ въ силу значительныхъ измѣненій въ составѣ и отдѣльныхъ семей и цѣлыхъ общинъ, а разъ передѣлы, несмотря на то, не совершаются, то это можно объяснить только нежеланіемъ общинниковъ приступить къ нимъ. Объясненіе это оказалось, однако, невѣрнымъ. Не ослабленіе общинныхъ традицій удерживало крестьянъ отъ передѣловъ, а совершенно иныя причины. Во-первыхъ, населеніе все ожидало новой ревизіи, за которой обыкновенно и слѣдовали передѣлы, ибо основаніемъ для распредѣленія земель служила, какъ я уже говорилъ, ревизская душа. Во-вторыхъ, новый складъ хозяйственной жизни кре-

стьянъ, съ отмѣной крѣпостного права, вызвалъ далеко не одинаковое отношеніе къ передѣламъ среди общинниковъ; главной причиною разногласія явилось, конечно, скоро рѣзко обнаружившееся несоотвѣтствіе платежей за землю съ ея доходностью; отсюда одни стремились насколько возможно избавиться отъ земли, другіе не хотѣли брать ее; одни требовали передѣловъ, другіе были противъ нихъ; это разногласіе и задерживало передѣлы, пока, наконецъ, потребность въ передѣлахъ не назрѣла настолько сильно, что уже пришлось приступить къ нимъ. Было, наконецъ, еще одно препятствіе: когда послѣ реформы 19 февраля крестьяне были надѣлены землей, многіе изъ нихъ сомнѣвались въ томъ, сохранилось ли за ними право передѣловъ. Что именно приведенныя сейчасъ основанія надолго задержали передѣлы, видно изъ того, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ сильно возросшая къ тому времени неравномѣрность въ распредѣленіи участковъ и черезполосица привели къ цѣлому ряду передѣловъ. Еще больше ихъ было въ 80-хъ годахъ.

Передѣлы совершаются по числу душъ мужского пола, по числу рабочихъ силъ, по числу ѣдоковъ, въ зависимости какъ отъ существующихъ въ данномъ мѣстѣ взглядовъ на землю, о чемъ я уже раньше говорилъ, такъ и отъ отношенія платежей къ доходности земли. Передѣлы, какъ я уже упоминалъ, бываютъ *частные* и *коренные*. Первые, которые могутъ происходить ежегодно, наступаютъ вслѣдствіе измѣненій съ семейномъ составѣ отдѣльныхъ хозяйствъ: убыло или прибыло число лицъ въ семьѣ, уменьшилась или увеличилась нужда въ землѣ, трудоспособность и платежныя силы семьи, — община въ зависимости отъ такихъ измѣненій, то урѣзываетъ, то прирѣзываетъ землю на данное хозяйство. Происходитъ эта урѣзка и прирѣзка такимъ образомъ, что часть земли, надѣленной при коренномъ передѣлѣ семьѣ, въ которой теперь произошла убыль душъ, поступаетъ въ пользованіе семьи, въ которой, наоборотъ, произошла прибыль. При этомъ, конечно, нерѣдко участки, вновь данные въ пользованіе этой послѣдней семьѣ, находятся не рядомъ съ находившимися уже въ ея пользованіи. Слѣдовательно, помимо той разбросан-

ности участковъ въ разныхъ мѣстахъ поля, которая происходитъ отъ различія въ качествѣ и положеніи разныхъ частей поля, получается еще разбросанность участковъ, находящихся въ одинаковыхъ по качеству поля мѣстахъ, но зависящая исключительно отъ новаго надѣленія при измѣненіи состава семьи. Но такіе случаи могутъ имѣть мѣсто во многихъ семьяхъ и не разъ. Отсюда одно и то же хозяйство въ случаѣ увеличенія состава семьи можетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получить нѣсколько новыхъ участковъ сверхъ полученныхъ имъ при послѣднемъ коренномъ передѣлѣ, и притомъ каждый разъ въ разныхъ мѣстахъ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ большимъ неудобствамъ: участки одного хозяйства могутъ быть уже не въ двухъ-трехъ мѣстахъ одного поля, а въ пяти, шести и болѣе, а такая сильная разбросанность участковъ не можетъ не затруднить въ значительной степени земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, и самая форма, которую принимаютъ такіе мелкіе участки, является крайне неудобной для работъ. Когда эта разбросанность участковъ каждаго хозяйства, черезполосица, принимаетъ такіе размѣры, что начинаетъ стѣснять общинниковъ, и когда необходимо нарѣзать земли еще вновь прибывшимъ душамъ, тогда, съ измѣненіемъ въ числѣ и составѣ населенія, наступаетъ *коренной* передѣлъ.

Послѣдній, устраняя указанное сейчасъ неудобство, можетъ вести и къ иному распредѣленію полей. Вся площадь данной общины можетъ быть различна: по качеству почвы въ разныхъ мѣстахъ, по топографическому положенію,—прилегаетъ ли она къ лѣсу, наприм., къ дорогѣ или рѣкѣ, а съ этимъ обыкновенно связаны извѣстныя удобства и неудобства. Поэтому земля дѣлится на участки, называемые „столбами“, „ярусами“ и т. п., число которыхъ зависитъ отъ принятаго сѣвооборота, различія почвы, топографическихъ условій и т. д.

Когда, такимъ образомъ, вся площадь раздѣлена на нѣсколько столбовъ, тогда въ каждомъ столбѣ намѣчается число душевыхъ долей (полосъ), а такъ какъ оно измѣняется сравнительно съ прежнимъ (вслѣдствіе измѣненія въ числѣ душъ), то уничтожа-

ются и всѣ прежнія межи; происходитъ разбивка полосъ по числу душевыхъ долей, принимаемыхъ для передѣла въ данный моментъ. По установленіи ширины душевыхъ полосъ, опредѣляется по составу отдѣльныхъ дворовъ число полосъ для 2-хъ, 3 душевого надѣла и т. д. Всѣхъ имѣющихъ 2-душевой надѣлъ соединяютъ въ одинъ „осьмакъ", отдѣляютъ имъ одно мѣсто въ каждомъ ярусѣ и уже жребіемъ рѣшается, гдѣ именно въ томъ мѣстѣ каждому придется его доля. Такъ же поступаютъ съ 3-душевыми и т. д. Несомнѣнно, въ тѣхъ случаяхъ, когда общинная земля, въ зависимости отъ сильнаго разнообразія почвенныхъ, топографическихъ и другихъ условій на данномъ протяженіи дѣлится на значительное число ярусовъ, — такое распредѣленіе, предпринимаемое общиной въ цѣляхъ снабженія членовъ равноцѣнными участками, приводитъ къ очень мелкимъ долямъ и черезполосицѣ, особенно невыгодной для тѣхъ, у кого надѣлы малы, а слѣдовательно, и доли незначительны. Противъ такихъ неудобствъ община принимаетъ нѣкоторыя мѣры. Такъ, однодушникамъ земля въ нѣкоторыхъ общинахъ отводится либо въ одномъ мѣстѣ, либо въ 2—3-хъ мѣстахъ вмѣсто многихъ; иногда сами общинники путемъ обмѣна между собой узкихъ полосъ увеличиваютъ ихъ ширину и т. д. Такъ совершается передѣлъ пашни.

Необходимо еще указать на существованіе передѣла и *приусадебныхъ* земель. Здѣсь особенно характерно для *общиннаго* владѣнія и служитъ *фактическимъ опроверженіемъ* многихъ указаній на неудобство общины—это то, что передѣлы совершаются тамъ, гдѣ развито наиболѣе *интенсивное* хозяйство, а именно въ такихъ подмосковныхъ селеніяхъ Нагатинской, Зюзинской, Царицынской, Троице-Голенищевской вол., гдѣ *основой* крестьянскаго хозяйства служитъ *промысловое* садоводство и огородничество. Передѣлы эти, какъ по наблюденіямъ за 1876, такъ и за 1899 г. сохраняютъ почти ту же форму, совершаются черезъ 12 лѣтъ. За каждымъ при передѣлѣ и признается то пространство земли, которое по принятымъ основаніямъ разверстки за нимъ должно быть въ моментъ передѣла; поэтому происходятъ отрѣзки и прирѣзки садовой или огородной земли. У кого происходятъ

отрѣзки, то, чтобы онъ не терялъ результатовъ вложеннаго труда и издержекъ въ садъ, принимаются такія мѣры: а) онъ вознаграждается за деревья и кусты денежной приплатой со стороны получающаго отъ него прирѣзку; б) ему предоставляется въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ пользованіе плодами съ отошедшихъ деревьевъ и кустовъ, при чемъ онъ не обязанъ ухаживать за садомъ; в) дѣлается обмѣнъ: вмѣсто прирѣзки сада, дается двойное количество лучшей и ближайшей пахотной земли; при этомъ новый хозяинъ обыкновенно обращаетъ и эту пашню подъ садъ, и, такимъ образомъ, *передѣлъ способствуетъ* еще развитію *болѣе интенсивнаго* воздѣлыванія земли. Кромѣ еще нѣкоторыхъ пріемовъ, бываютъ и добровольныя соглашенія. Что касается огородной земли, удобряемой вывозкой нечистотъ изъ Москвы, то она обыкновенно передѣляется, какъ пашня, ибо здѣсь по условіямъ культуры она у всѣхъ удобрена одинаково.

При раздѣлѣ *покосовъ*, какъ уже отмѣчено, наблюдается иной пріемъ, чѣмъ при раздѣлѣ пашни. Сѣнокосныя угодья не дѣлятся подобно пашнѣ разъ на извѣстное число лѣтъ по качеству почвы, а каждый годъ передъ самымъ сѣнокосомъ дѣлятся на извѣстное число такихъ частей, которыя дадутъ приблизительно одинаковое количество сѣна. Затѣмъ эти части распредѣляются тоже по количеству душъ или рабочихъ силъ, смотря по тому, какое основаніе для дѣленія принято и при разверсткѣ пашни. Разница въ пріемахъ при раздѣлѣ пашни и покоса обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ, что условія приложенія труда въ томъ и другомъ случаѣ весьма различны: тогда какъ пашня требуетъ значительнаго количества труда и продолжительнаго ухода, всѣ работы на сѣнокосныхъ угодьяхъ ограничиваются одной уборкой; естественно поэтому, что и размѣры и мѣстонахожденіе пашни должны быть опредѣлены заранѣе, т.-е. до начала полевыхъ работъ; покосъ же можетъ быть раздѣленъ передъ самой косьбой, такъ какъ здѣсь нѣтъ предварительнаго приложенія труда. Съ другой стороны—и главнымъ образомъ—это вызывается тѣмъ, что, какъ уже упомянуто, урожай травъ представляетъ, въ зависимости отъ почвенныхъ и атмосферическихъ условій, весьма рѣзкія коле-

банія изъ года въ годъ на одномъ и томъ же участкѣ. И вотъ община, не желая ставить каждое хозяйство въ зависимость прямо, такъ сказать, отъ случая, дѣлитъ покосъ указаннымъ уже мною способомъ. Сравнительно рѣдко наблюдаются случаи, когда сѣно убирается всѣмъ міромъ сообща и потомъ дѣлится между всѣми, соотвѣтственно долѣ каждаго.

Выгоны находятся въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи всей общины. Пользованіе ими регулируется, да и то только въ послѣднія 10—20 лѣтъ, только на южныхъ и восточныхъ окраинахъ; въ остальныхъ мѣстахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не принято никакихъ основаній для опредѣленія участія каждаго въ пользованіи выгономъ. Въ послѣднемъ случаѣ это происходитъ потому, что подъ выгонъ отводится земля, не допускающая какой-либо культуры, по крайней мѣрѣ, при данной земледѣльческой техникѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; а съ другой стороны, каждый крестьянинъ держитъ въ такихъ мѣстахъ только такое количество скота, какое необходимо для его хозяйственныхъ нуждъ, совсѣмъ не занимаясь или занимаясь въ незначительныхъ размѣрахъ продажей продуктовъ скотоводства. Неравенство въ пользованіи выгономъ выступаетъ здѣсь не такъ рѣзко, и потому община не регулируетъ пользованія имъ. Другое дѣло—въ степной полосѣ. Здѣсь крестьяне рядомъ съ земледѣліемъ занимаются скотоводствомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, сбываютъ продукты его, почему подъ пастбище часто отводятся удобныя земли. Неравенство въ пользованіи выгономъ, въ зависимости отъ различнаго количества скота у каждаго, можетъ обнаружиться довольно значительное. Это обстоятельство и вызвало здѣсь въ послѣднія 10—20 лѣтъ стремленіе регулировать пользованіе выгономъ, какъ и другими угодьями.

Особый интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ наблюденія въ тѣхъ окраинахъ, гдѣ происходитъ переходъ одной формы пользованія землею въ другія; тутъ именно можно видѣть, какъ соотвѣтственно измѣненію внѣшнихъ условій видоизмѣняются порядки пользованія землею, при чемъ матеріальные интересы большинства ведутъ постоянно къ такому распредѣленію земли, чтобы поставить каждаго

земледѣльца въ равныя условія приложенія *труда* къ основному условію земледѣлія—землѣ. „Въ то время, когда по отношенію къ пахотнымъ и сѣнокоснымъ землямъ господствовала типичная *захватная форма пользованія*, и владѣніе культурными угодьями пріурочивалось къ отдѣльнымъ заимкамъ, захватное пользованіе существовало—по крайней мѣрѣ отчасти—и по отношенію къ общественнымъ пастбищамъ: каждому заимщику предоставлялось загородить въ поскотину при своей заимкѣ часть общественныхъ пастбищъ, и отдѣльная поскотина была необходимою составною частью всякой сколько-нибудь крупной заимки; что касается до скота мелкихъ заимщиковъ и той бѣдноты, которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ общественныя стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе деревенской поскотинѣ (которою, впрочемъ, пользовались, буде желали, и заимщики, имѣющіе собственныя поскотины), частью по неогороженнымъ пастбищамъ... (Иркутская и прилегающая къ ней часть Енисейской губ.)... Въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ чисто захватныя формы пользованія вообще уже близки къ исчезновенію, община либо успѣла уже совершенно упразднить заимочныя поскотины, либо находится на пути къ такому упраздненію... Пока еще не чувствуется „утѣсненія“, общество не интересуется вопросомъ о происхожденіи и назначеніи выпускаемаго на пастьбу скота... пока пастбищъ еще очень много міръ „не препятствуетъ“ не только общественникамъ, но даже постороннимъ лицамъ, проживающимъ въ селеніяхъ, пасти на общественномъ пастбищѣ скотъ, закупаемый зажиточными для перепродажи. Но тамъ, гдѣ избытокъ пастбищъ уже не такъ великъ, къ пастьбѣ на общественныхъ угодьяхъ допускается уже одинъ только хозяйственный скотъ, а остальной скотъ пасется за особое вознагражденіе или въ пользу общины или тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ *не хватаетъ скота противъ нормы* (А. Кауфманъ, „Крест. общ. въ Сибири“, стр. 205—207).

Такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ матеріальные интересы малоимущихъ, очевидно, проявляютъ себя съ такою силою, что заставляютъ считаться съ ними самымъ дѣй-

ствительнымъ образомъ и не нарушать ихъ, а, напротивъ, признавая ихъ право на землю, уплачивать имъ вознагражденіе лишь въ силу того, что они не осуществляютъ этого права въ формѣ пастьбы скота; такой общественникъ, замѣчаетъ изслѣдователь, „какъ бы сдаетъ въ аренду ту часть принадлежащей ему доли пастбищъ, которой не можетъ использовать самъ“ (тамъ же, стр. 208). Очевидно, здѣсь, прибавимъ мы отъ себя, сказывается уже *капиталистическое начало*, но при данныхъ условіяхъ матеріальные интересы большинства заставляютъ это начало проявляться въ такой формѣ, которая ведетъ къ болѣе рѣзкому проявленію того *начала, въ которомъ коренится общинное землевладѣніе*, т.-е. равное распредѣленіе выгодъ, получаемыхъ отъ общинной земли. Далѣе идутъ уже мѣстности, гдѣ главная цѣль содержанія скота—производство навоза, количество скота у каждаго приблизительно пропорціонально размѣрамъ запашекъ, и поэтому участіе каждаго въ пользованіи пастбищемъ не подлежитъ никакому особому регулированію (тамъ же, стр. 209).

Передѣлъ *лѣсныхъ угодій* производится, какъ и передѣлъ пашни и покоса, по числу душъ или рабочихъ силъ. Принимаются мѣры къ тому, чтобы каждый участвовалъ въ пользованіи лѣсомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой пользуется другими угодьями. Для этого употребляютъ различные пріемы: одни дѣлятъ лѣсъ на участки одновременно съ пашней на опредѣленные сроки, или совпадающіе съ сроками передѣла пашни или на болѣе продолжительные, предоставляя каждому пользоваться лѣсомъ съ отведеннаго ему участка — какъ онъ найдетъ нужнымъ; другіе дѣлятъ лѣсъ въ натурѣ, т.-е. сосчитываютъ количество деревьевъ, дѣлятъ ихъ по качеству лѣса на равноцѣнныя части и каждому представляютъ столько долей, сколькими онъ участвуетъ въ прочихъ угодьяхъ. Существуютъ и другіе способы разверстки лѣса, въ зависимости отъ количества его въ данной общинѣ и его назначенія для топлива или какъ строительнаго матеріала. Таковы порядки общиннаго землевладѣнія по преимуществу въ Великороссіи и центральныхъ губерніяхъ.

На окраинахъ, въ лѣсистыхъ и степныхъ мѣстностяхъ, встрѣчается соединеніе единоличнаго пользованія землею съ общинными принципами. Чѣмъ ближе ко времени занятія этихъ земель, тѣмъ больше преобладаетъ первое, но съ теченіемъ времени тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ ростомъ населенія начинаетъ ощущаться недостатокъ въ земляхъ, замѣчается борьба за болѣе полное проведеніе общинныхъ принциповъ. Въ началѣ заселенія окраинъ свободной земли было много, каждый захватывалъ столько, сколько могъ расчистить и обработать; съ теченіемъ времени такіе заимочные владѣльцы соединили свои расчищенныя пашни въ общинныя поля, при чемъ каждый имѣлъ свой, разъ навсегда опредѣленный участокъ; въ настоящее же время извѣстно не мало случавъ, когда въ такихъ общинахъ все болѣе развивающееся неравномѣрное распредѣленіе земли приводитъ къ передѣламъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Великороссіи, что и ведетъ къ болѣе уравнительному распредѣленію земли, какъ то видно хотя бы изъ того же труда А. А. Кауфмана, который мы цитировали не разъ (см. особ. гл. 3 и 4 этого труда. См. объ этомъ также въ трудѣ К. Р. Качоровскаго: Русская Община). Изученіе условій и формъ замлевладѣнія на нашихъ окраинахъ представляетъ, между прочимъ, большой интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность наблюсти, какъ „захватное“ владѣніе постепенно переходитъ въ болѣе организованное, общинное и вообще даетъ много матеріала для уясненія исторіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, до сихъ поръ еще весьма недостаточно изученной.

Существуетъ и другой типъ общинъ, въ которыхъ рядомъ съ общинною землей имѣются участки, принадлежащіе отдѣльнымъ крестьянамъ въ частную собственность. Но здѣсь совершенно иныя основанія вызвали существованіе общинныхъ и индивидуальныхъ началъ. Какъ я уже упоминалъ, статья 165-я „Положенія“ 19 февраля предоставляетъ отдѣльнымъ домохозяевамъ право досрочнаго выкупа ихъ надѣловъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой выкупъ и былъ произведенъ болѣе зажиточными крестьянами, главнымъ образомъ, съ цѣлью избавиться отъ круговой

поруки въ податныхъ сборахъ. Обычно, однако, крестьяне, выкупившіе опредѣленную часть надѣла, продолжаютъ подчиняться всѣмъ общиннымъ порядкамъ. Отказаться отъ нихъ представляется для новаго собственника прямо невыгоднымъ. Дѣло въ томъ, что община по справедливости не отвела бы ему его надѣла, въ случаѣ окончательнаго выдѣла, въ лучшемъ мѣстѣ, такъ какъ путемъ такого постепеннаго выдѣла она оставила бы себѣ худшія земли и все бремя платежей, на нихъ лежащихъ. Затѣмъ, естественно, такой крестьянинъ, не неся всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ, не имѣлъ бы права пользоваться общиннымъ выгономъ, общиннымъ прудомъ, колодцемъ и всѣмъ прочимъ, что составляетъ достояніе всей общины въ ея совокупности. Этимъ и объясняется, что выкупившій свой надѣлъ нерѣдко остается въ общинѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ общинники, съ тою только разницей, что при передѣлѣ, хотя мѣстонахожденіе его участка и мѣняется, но размѣръ всей его доли въ общинномъ полѣ остается неизмѣннымъ, хотя бы доли другихъ домохозяевъ и стали мельче. Въ сущности даже и этого нельзя сказать, такъ какъ неизмѣннымъ остается лишь число душевыхъ долей, приходящихся ему, такъ какъ выкупается обыкновенно надѣлъ на опредѣленное число душъ. Но если при новомъ передѣлѣ, вызванномъ увеличившимся числомъ населенія, передѣлъ производится по наличнымъ душамъ, каждая душевая доля становится мельче и выкупившему надѣлъ нарѣзается то число душевыхъ долей, которое имъ выкуплено, но такихъ же уменьшенныхъ размѣровъ, какъ и другимъ. Такой собственникъ имѣетъ, конечно, право на полную мѣру—по числу выкупленныхъ десятинъ — но разъ онъ остается въ общинѣ, то ему даже и въ голову не приходитъ мѣрятъ свои доли на десятины, когда для всѣхъ установляется опредѣленная величина душевой доли.

На сколько существеннымъ признаетъ населеніе для себя сохраненіе общинныхъ порядковъ видно, между прочимъ, изъ того, что изъ всего многомилліоннаго населенія, пользующагося землей на общинномъ началѣ, со времени опубликованія закона 9 ноября 1906 г. и по 15 мая 1907 г. заявленій о желаніи укрѣпить

за собою въ личную собственность опредѣленную часть общинной земли—подано только 33.727 по 37 губерніямъ. Но и тутъ крестьянскія общества упорствуютъ, не желая, по выраженію крестьянъ, „развязывать вѣникъ“. Тотчасъ же рѣшаютъ не пускать скотину выдѣлившагося въ общественное стадо, и съ нимъ самимъ не имѣть никакого дѣла и т. п. Что касается мотивовъ выдѣла, то это опредѣляется тѣмъ, что выдѣляющимися или являются болѣе зажиточные—торговцы или проживающіе на сторонѣ и порвавшіе всякія связи съ землей, или же бѣднота, не могущая существовать отъ своего надѣла и желающая по выдѣлѣ продать его („Русск. Вѣд.“. 1907 г. № 196. Насажденіе хуторского хозяйства. А. Смирнова). Изъ этого видно, что закономъ 9 ноября спѣшатъ воспользоваться не земледѣльцы, а именно тѣ, для кого земля по тѣмъ или инымъ причинамъ не является орудіемъ приложенія своего труда, а это опять говоритъ за то, что община и крестьянское земледѣліе не находятся въ противорѣчіи между собою.

Изъ всѣхъ формъ землевладѣнія въ данномъ очеркѣ я остановился почти исключительно на общинномъ въ виду того, что оно является до сего времени сильно преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія, а послѣднее, въ свою очередь, какъ увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ,—преобладающимъ сравнительно съ частнымъ землевладѣніемъ въ Россіи. По тѣмъ же основаніямъ этому отдѣлу пришлось отвести болѣе значительное мѣсто сравнительно съ другими, и все-таки онъ даетъ только самое общее представленіе о порядкахъ и условіяхъ общиннаго землевладѣнія. Сказаннаго, однако, думается намъ, достаточно, чтобы уяснить, насколько серьезное значеніе не только въ интересахъ крестьянскаго населенія, но и развитія, преуспѣянія сельскаго хозяйства имѣетъ эта форма землевладѣнія и насколько, слѣдовательно, неосторожна, чтобы не сказать больше, всякая такая мѣра (въ томъ числѣ и законъ 9 ноября, о послѣдствіяхъ котораго, только что было сказано), которая такъ или иначе затрогиваетъ существованіе общиннаго земевладѣнія и мѣшаетъ развитію тѣхъ началъ, на которыхъ держится оно.

Думается намъ также, что изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ нетрудно видѣть и другое. Съ одной стороны, населеніе, несомнѣнно, имѣетъ въ землевладѣніи основной источникъ своего существованія, необходимое условіе для приложенія труда, и, соотвѣтственно съ этимъ, матеріальные интересы преобладающей части его ведутъ къ такому распредѣленію земли, которое позволяло бы каждому двору прилагать къ ней свой трудъ соотвѣтственно рабочимъ силамъ двора. Съ другой — это строгое и тщательное распредѣленіе земли между дворами по сортамъ почвы, по мѣстоположенію участковъ, это тщательное разграниченіе моего и твоего указываютъ, что здѣсь основная причина. заставляющая населеніе держаться за общинное землевладѣніе, заключается въ сознаніи большинства крестьянства, что только въ признаніи за *каждымъ земледѣльцемъ* права на пользованіе землею и заключается обезпеченіе сохраненія возможности пользоваться землею для того большинства населенія, которому эта возможность необходима для существованія. Это-то вотъ сознаніе въ связи съ фактической невозможностью обратиться большинству населенія къ обработывающей промышленности и составляетъ препятствіе къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. Если бы при всемъ этомъ оно являлось тормозомъ для растущей потребности въ улучшеніи сельскаго хозяйства, то, конечно, въ нѣдрахъ общественной жизни выработались бы такія экономическія силы, которыя повели бы къ его разрушенію. Но такъ какъ оно, какъ это фактически строго доказывается, не является такимъ тормозомъ, то и нѣтъ и не можетъ быть *экономическихъ* силъ, ведущихъ къ его разрушенію при *данномъ* моментѣ историческаго развитія экономическихъ отношеній.

Если въ исторіи Западной Европы мы встрѣчаемъ иное, такъ вѣдь то было при другихъ историческихъ условіяхъ, требовавшихъ болѣе сильныхъ средствъ для обезземеленія массъ, даже насильственныхъ мѣръ; *тогдашнія* условія развитія капитализма требовали этого. Для современныхъ условій его развитія нѣтъ уже надобности въ такомъ насильственномъ обезземеленіи, такъ какъ, съ одной стороны, то количество рукъ, которое разными

путями освобождается отъ условій своего существованія, болѣе чѣмъ достаточно для потребностей растущаго капитализма при современныхъ условіяхъ рынка и техническихъ усовершенствованій. Съ другой стороны, при началѣ капитализма и самая земля играла иную роль въ капитализаціи: она имѣла большее значеніе. Теперь же, какъ источникъ *производства*, которое надо направить соотвѣтственно требованіямъ капитала, земля, находящаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ фабрикой, совершенно не нужна капиталу, не нужно ему и лишать населеніе земли, такъ какъ въ рабочихъ рукахъ недостатка уже нѣтъ и не можетъ быть. Въ настоящее время къ услугамъ европейскаго капитала, какъ это показано было въ V очеркѣ, служатъ обширныя земельныя пространства въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ. Они даютъ ему возможность имѣть дешевый хлѣбъ и слѣдовательно задерживать подъемъ заработной платы, поскольку онъ вызывается цѣнами на предметы продовольствія.

Для настоящаго времени капитализмъ заинтересованъ въ наибольшемъ развитіи потребительной способности массы населенія, а слѣдовательно, и развитіи крестьянскаго хозяйства и благосостоянія: тогда крестьянское населеніе предъявитъ большій спросъ на продукты фабричнаго производства, чрезъ что послѣднее будетъ шире развиваться. Вотъ почему, между прочимъ, дѣлаемая русскимъ крестьянствомъ въ настоящее время постановка аграрнаго вопроса не встрѣчаетъ никакого противодѣйствія со стороны фабричныхъ предпринимателей. Иное дѣло рабочій вопросъ. Но для крестьянина-то важенъ экономическій подъемъ рабочаго, ибо тогда усилится спросъ на продукты его земледѣлія, а это при рыночномъ хозяйствѣ для него, конечно, очень существенно.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ порядками общиннаго землевладѣнія въ строго-научной систематической обработкѣ нельзя рекомендовать ничего лучшаго, какъ книгу **В. И. Орлова**: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ.“ („Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“. Т. IV, вып. I). Тамъ сведены формы общиннаго владѣнія, способы передѣловъ и пр. Свѣдѣнія эти имѣютъ значеніе для всѣхъ центральныхъ мѣстностей. Въ виду отмѣченныхъ достоинствъ этой книги съ нея именно всего лучше начинать знакомство съ общиннымъ землевладѣніемъ, чтобы сразу получить пред-

ставленіе о его порядкахъ въ совокупности. Съ общинными порядками во всѣхъ формахъ и разновидностяхъ въ Россіи можно познакомиться изъ I т. „Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи“ **В. В.** Крестьянская община. Изслѣдованіе это сдѣлано по даннымъ земской статистики. Весь матеріалъ сведенъ въ извѣстной системѣ. Для знакомства съ ходомъ развитія формъ и условій общиннаго землевладѣнія незамѣнима книга: **К. Качоровскій**, „Русская община“ (2-е изд. 1906 г.). **Его же**: „Народное право“. М. 1906 г. Теоретическій и наиболѣе ранній и должно сказать блестящій разборъ возраженій противниковъ общины заключается въ рядѣ статей **Н. Г. Чернышевскаго.** Статьи эти находятся въ т. III и IV полн. собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго. С.-Пб. 1906 г. Въ этихъ же томахъ заключаются и его статьи *по крестьянскому вопросу*, знакомство съ которыми уяснятъ очень многое для настоящаго времени. О книгѣ **А. С. Посникова** „Общинное землевладѣніе“ я уже упоминалъ. Она представляетъ фактически обоснованный анализъ возраженій противъ общины. Для знакомства съ формами и условіями общиннаго землевладѣнія на окраинахъ см. **А. А. Кауфманъ**: „Крестьянская община въ Сибири“ (по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—92). С.-Пб. 1897 г. Въ ней сведенъ въ систему матеріалъ подробныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, на которыхъ она основана и въ производствѣ которыхъ участвовалъ и авторъ сводки.

Съ общиной у другихъ народовъ и въ болѣе раннія времена знакомятъ: **Лавеле, Э.** „Первобытная собственность“. **Менъ, Г.** „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“. **Ковалевскій, М.** „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“. **Н. Зиберъ.** „Очерки первобытной экономической культуры“. Указанными источниками, конечно, далеко не исчерпывается литература о поземельной общинѣ. Кромѣ цѣлаго ряда книгъ, посвященныхъ ей, существуетъ въ нашей періодической печати очень много статей по этому вопросу.

3. Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи.

Для полноты представленія объ условіяхъ сельскохозяйственнаго производства въ Россіи необходимо здѣсь привести наиболѣе основныя фактическія данныя о распредѣленіи поземельной собственности, которыя уяснятъ и освѣтятъ многое изъ сказаннаго до сихъ поръ и изъ послѣдующаго. При этомъ я ограничусь почти исключительно данными для 50 губерній Европейской Россіи, такъ какъ только здѣсь мы имѣемъ болѣе полныя данныя, да и то лишь приблизительной точности, при чемъ по разнымъ офи-

ціальнымъ источникамъ какъ общее число десятинъ, такъ и число десятинъ, принадлежащихъ разнымъ группамъ землевладѣльцевъ, исчисляется различно. Впрочемъ, относительная доля, приходящаяся на каждый разрядъ землевладѣльцевъ, измѣняется по различнымъ источникамъ въ небольшихъ предѣлахъ.

Всего въ 50 губ. Европейской Россіи числится до 396,5 мил. десят. Распредѣляются они слѣдующимъ образомъ.

	мил. д.	%
1. Государственныхъ земель . . .	144,45	= 36,4
2. Удѣльныхъ „ . . .	7,11	= 1,8
3. Частновладѣльческихъ „ . . .	99,21	= 25,1
4. Крестьянск. надѣльныхъ „ . . .	135,01	= 34,1
5. Монаст. и церковныхъ „ . . .	2,47	= 0,5
6. Город., разн. учрежд. и проч. „ . . .	8,27	= 2,1

Изъ этой таблички видно, что на долю государственныхъ земель приходится болѣе $^1/_3$ количества, на долю крестьянскихъ надѣльныхъ также немного свыше $^1/_3$, тогда какъ на долю частныхъ собственниковъ $^1/_4$ часть. Остальнымъ владѣльцамъ принадлежитъ сравнительно немного. Итакъ, болѣе $^1/_3$ всей площади на данномъ пространствѣ составляютъ *государственныя* земли. Замѣчу здѣсь, что государственными землями принято считать тѣ, которыя не имѣютъ прямого, непосредственнаго владѣльца. Нигдѣ въ Европѣ мы не найдемъ такой обширной площади въ рукахъ государства. Господствовавшее въ концѣ восемнадцатаго и первой половинѣ прошлаго столѣтія на Западѣ представленіе, что частная собственность на землю является наиболѣе выгодной для успѣховъ сельскаго хозяйства и для благосостоянія населенія, способствовало тому, что бо̀льшую часть земель государство передало въ частныя руки, чтобы такимъ путемъ вызвать частную предпріимчивость. Въ послѣднее время, однако, воззрѣніе это значительно поколебалось. Россія, всегда отстававшая во всемъ отъ Запада, отстала и здѣсь: когда большая часть государственныхъ земель на Западѣ перешла въ частныя руки, въ Россіи это еще не успѣло совершиться.

Второе мѣсто послѣ государственныхъ земель занимаютъ *крестьянскія надѣльныя.* Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень большимъ разнообразіемъ въ формахъ, правахъ и условіяхъ владѣнія.

До отмѣны крѣпостного права крестьяне дѣлились на государственныхъ, удѣльныхъ, владѣльческихъ и другіе разряды. Государственные крестьяне получали землю не въ собственность, а только въ пользованіе за опредѣленный оброкъ. Съ увеличеніемъ населенія имъ отводилось и большее пространство земли. Лѣсомъ и покосами они надѣлялись по мѣрѣ надобности. Такъ было до 1866 года, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ надѣленія владѣльческихъ крестьянъ, былъ возбужденъ вопросъ и о государственныхъ крестьянахъ. Въ этомъ году имъ, какъ и владѣльческимъ крестьянамъ, были отведены опредѣленные надѣлы за извѣстный оброкъ, который долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ въ теченіе 20 лѣтъ. А въ 1886 г. они уже окончательно были уравнены въ правахъ съ б. владѣльческими, т.-е. должны были приступить къ выкупу своихъ надѣловъ.

Владѣльческіе крестьяне получили отъ помѣщиковъ надѣлы, за которые обязаны были платить оброкъ, почему и назывались временно-обязанными. Но по желанію помѣщика они могли быть переведены на выкупъ. Помѣщикъ въ такомъ случаѣ удовлетворялся изъ выкупного учрежденія, а крестьяне должны были вносить выкупъ въ казну въ теченіе 40 съ лишнимъ лѣтъ. Одни перевели крестьянъ на выкупъ вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права, другіе продолжали держать ихъ временно-обязанными до 1881 года, когда для всѣхъ помѣщиковъ сдѣлалось обязательнымъ перевести крестьянъ на выкупъ. Затѣмъ „Положеніемъ“ 19 февраля предусмотрѣнъ былъ такой случай, когда крестьяне не пожелаютъ получить полный надѣлъ и платить выкупъ. Имъ предоставлялось тогда получить безъ выкупа такъ называемый четвертной, а въ просторѣчіи *нищенскій* надѣлъ, равный $^3/_4$ положеннаго для данной мѣстности надѣла. Въ южныхъ губерніяхъ значительная часть крестьянъ получила такой надѣлъ.

Съ 1907 г., какъ извѣстно, выкупные платежи отмѣнены, и теперь въ этомъ отношеніи сгладилось то различіе, которое устанавливалось по сроку окончанія выкупа для отдѣльныхъ группъ крестьянъ.

Кромѣ общинныхъ надѣльныхъ земель, существуютъ у крестьянъ еще купленныя земли. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые крестьяне покупали земли, хотя и на имя помѣщика, но еще при крѣпостномъ правѣ. Затѣмъ и послѣ него происходили покупки земли какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными крестьянами и, наконецъ, въ началѣ 80-хъ годовъ образованъ былъ Крестьянскій поземельный банкъ. Онъ долженъ былъ приходить на помощь крестьянамъ при покупкѣ земель. Ссуда могла быть выдаваема банкомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, товариществамъ, крестьянскимъ обществамъ, но не свыше опредѣленной суммы на каждый дворъ или въ извѣстномъ отношеніи къ оцѣнкѣ. Встрѣчаются поэтому цѣлыя общины и отдѣльныя группы домохозяевъ, имѣющія, кромѣ общинной земли, и купленную. Въ способахъ пользованія той и другой существуетъ, конечно, разница: тогда какъ общинная земля распредѣляется соотвѣтственно тому или иному составу хозяйствъ, въ купленной землѣ обыкновенно каждый участвуетъ соотвѣтственно внесенной имъ для покупки суммѣ, хотя и по отношенію къ купленнымъ землямъ встрѣчаются случаи пользованія ими по тѣмъ же основаніямъ, какъ и общинными.

Существуютъ и другіе разряды крестьянскихъ владѣній. При заселеніи Новороссіи сюда привлекались колонисты, которые надѣлялись землей на извѣстныхъ условіяхъ, въ Бессарабіи — такъ называемые резеши и др.

Такова пестрота владѣнія у крестьянъ. Оно различно по основаніямъ его и, конечно, важно, чтобы въ основу всего землевладѣнія былъ положенъ одинъ принципъ и не было того разнообразія въ юридическихъ основаніяхъ его, которое можетъ вести, какъ и всякое отсутствіе опредѣленности, ко многимъ неблагопріятнымъ практическимъ послѣдствіямъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ категорій государственныхъ земель и надѣльныхъ крестьянскихъ, въ приведенной таблицѣ дано пространство земель *частной личной собственности*—99,21 м. десят. (25,1%). Этотъ видъ собственности образовался различнымъ образомъ: путемъ покупки, даренія или наслѣдованія. Затѣмъ слѣдуютъ земли *церковныя, монастырскія и другихъ учрежден* какъ, наприм., желѣзныхъ дорогъ и друг. Монастырскія земли предназначаются для пользованія монастырей, церковныя — для причта. Земли эти либо самими владѣльцами обработываются, либо сдаются въ аренду. Наконецъ, земли *удѣльныя*. Эти земли принадлежатъ членамъ Императорской фамиліи на правахъ частной собственности.

Такъ исторически сложились у насъ разныя категоріи землевладѣнія. Прикрѣпленіе крестьянъ, а потомъ ихъ освобожденіе съ надѣлами, пожалованіе земель князьямъ и служилымъ людямъ, заселеніе окраинъ и еще цѣлый рядъ другихъ историческихъ условій — все это привело къ тому разнообразію видовъ и способовъ владѣнія землей, какое мы наблюдаемъ въ настоящее время. Но государство сложилось, измѣнилась вся историческая обстановка, и въ новыхъ условіяхъ съ теченіемъ времени все меньше и меньше оправданія находятъ себѣ всѣ тѣ разнообразныя отношенія къ землѣ, которыя, возникши въ прежнихъ историческихъ условіяхъ, существуютъ и до сихъ поръ: мы встрѣчаемъ теперь и право пользованія землей, и право собственности на нее, и аренду земли въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Все это разнообразіе правъ на землю нисколько не вызывается и не обусловливается назначеніемъ земли—быть источникомъ матеріала для обработки его на нужды человѣка. Этой цѣли не отвѣчаетъ все разнообразіе способовъ присвоенія ея, выработавшееся исторически; а потому все сильнѣе въ населеніе и въ науку проникаетъ идея, что земля, какъ основа государства и экономическаго благосостоянія населенія, должна принадлежать государству же, а оно уже предоставляетъ ее въ пользованіе населенію на опредѣленныхъ условіяхъ, отвѣчающихъ назначенію ея и тѣсно связаннымъ съ тѣмъ интересамъ всего населенія.

Разсмотримъ, однако, подробнѣе важнѣйшія категоріи землевладѣнія, какъ онѣ распредѣляются въ настоящее время. Остановлюсь прежде всего на крестьянскихъ *надѣльныхъ* земляхъ, ибо хотя онѣ (34,1%) и уступаютъ немного въ количествѣ государственнымъ (36,4%), но послѣднія преобладаютъ, главнымъ образомъ, на сѣверѣ Россіи, гдѣ, при весьма значительномъ количествѣ неудобныхъ земель и большихъ лѣсныхъ пространствахъ, сравнительно (со всѣмъ количествомъ) небольшая часть площади находится подъ земледѣльческою культурой; тогда какъ крестьянское землевладѣніе, преобладая въ центральныхъ, восточныхъ, а отчасти южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, находится въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческая культура распространена весьма значительно.

Если брать только удобную землю, то до $^4/_5$ (ок. 80%) всей крестьянской земли находится въ общинномъ владѣніи. Но есть губерніи, гдѣ вся крестьянская земля находится въ подворномъ владѣніи, именно въ губ. Ковенской и Виленской. Преобладаетъ послѣднее въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ Гродненской, Полтавской, Черниговской и у четвертныхъ владѣльцевъ Курской губ. Четвертные владѣльцы — это бывшіе служилые люди, которыхъ въ Московскомъ государствѣ отправляли въ качествѣ стражниковъ въ разныя мѣстности. И до сихъ поръ многіе изъ нихъ считаютъ себя дворянами; но такъ какъ участки ихъ весьма незначительны, обработываютъ ихъ они большею частію личнымъ трудомъ, и по условіямъ своей жизни мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ, и крѣпостныхъ людей у нихъ не было, то ихъ и называютъ „лапотными“ дворянами. Преобладаетъ у нихъ подворное владѣніе, хотя нѣкоторые перешли къ общинному. Въ остальныхъ губерніяхъ, кромѣ перечисленныхъ, подворное владѣніе встрѣчается какъ исключеніе.

Крестьянское надѣльное землевладѣніе преобладаетъ на востокѣ отъ границъ Архангельской губ. до Каспійскаго моря. Болѣе 50% всей площади оно занимаетъ въ 12 центральныхъ и восточныхъ губ.: Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Воронежской, Курской, Харьковской, Тамбовской, Пензенской,

Казанской, Уфимской и Оренбургской. Менѣе 20% — въ Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской, т.-е. въ 4-хъ сѣверныхъ губ.; отъ 20 до 35% — въ С.-Петербургской, Новгородской, Минской, Витебской, Херсонской и Костромской, т.-е. въ 4-хъ сѣверо-западныхъ губ., одной центральной и одной южной. Въ остальныхъ 27 губерніяхъ крестьянское землевладѣніе составляетъ отъ 35 до 50%.

Вообще же въ черноземной полосѣ крестьянскія надѣльныя земли составляютъ 56,8% всей площади, а въ нечерноземной 20,9%.

Послѣ отмѣны крѣпостного права число *всѣхъ* крестьянскихъ общинъ, надѣленныхъ землей, составляло почти 140 тысячъ; въ нихъ ревизскихъ душъ мужского пола было 22.396.069, а общее количество ихъ надѣльной *удобной* земли 116.854.855 дес., т.-е. въ среднемъ на ревизскую душу 5,2 десят. Но по мѣстностямъ, отъ этой средней были весьма значительныя отклоненія, о чемъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Размѣры надѣла.	Ревизскихъ душъ въ %.		Десятинъ въ %.	
Менѣе 1 десят. . .	2,9%		0,4%	
отъ 1 — 2 десят. .	7,6		2,4	
„ 2 — 3 „ .	17,4		8,6	
„ 3 — 4 „ . .	20,8		14,2	
„ 4 — 5 „ . .	16,8	55,7	14,1	48,6
„ 5 — 7 „ . .	18,1		20,3	
„ 7 —10 „ . .	9,8		15,7	
„ 10 —15 „ . .	3,9		9,1	
болѣе 15-ти „ . .	2,7		1,5	

Такимъ образомъ, при освобожденіи крестьянъ, получившіе менѣе 1 десят. составляли около 3% всего числа ревизскихъ душъ, такой же приблизительно % составляли получившіе болѣе 15 десят.; получившіе отъ 10 до 15 десят. составляли около 4%, отъ 7 до 10 десят.—около 10%. Остальные 80% получили отъ 2 до 7 десят.: размѣръ во многихъ мѣстахъ крайне недостаточный.

По губерніямъ разница въ размѣрахъ земельнаго надѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ 2 до 3 десятинъ на душу получили крестьяне въ Кіевской, К.-Подольской, Полтавской и Архангельской губ.

Средній размѣръ отъ 3 до 4 десят. въ 12 губерніяхъ средней полосы: Ярославской, Московской, Калужской, Рязанской, Тульской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Орловской, Курской и Черниговской.

Самый крупный надѣлъ свыше 10 десят.—въ Оренбургской, Астраханской и Уфимской губ.

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что размѣры надѣловъ растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра къ востоку и югу. Нетрудно найти объясненіе этому: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ населеніе было рѣже, а земли больше. При рѣдкомъ населеніи и многоземельи хозяйство велось почти исключительно экстенсивное, сообразно съ чѣмъ еще при крѣпостномъ правѣ крестьянамъ и отводилась помѣщиками земля для ихъ пользованія. А такъ какъ при выработкѣ „положенія 19 февраля 1861 г.“ придерживались нормы надѣленія при крѣпостномъ правѣ и такъ какъ въ болѣе рѣдко населенныхъ мѣстахъ при болѣе экстенсивномъ хозяйствѣ земли отводилось для содержанія крестьянъ больше, чѣмъ въ центрѣ, гдѣ населеніе было гуще, то сообразно съ этимъ распредѣляются и теперь размѣры надѣловъ.

Мы разсмотрѣли распредѣленіе земли при отмѣнѣ крѣпостного права между всѣми крестьянами безъ различія разрядовъ. Еще большая неравномѣрность получится, если разсмотримъ распредѣленіе надѣльной земли по разрядамъ крестьянъ.

Бывшіе *владѣльческіе* крестьяне, составлявшіе около 10 милліоновъ мужскихъ ревизскихъ душъ, получили 33.755.759 десятинъ, т.-е. въ среднемъ 3,3 десят. на душу. По мѣстностямъ были, конечно, значительныя отклоненія отъ средней, но здѣсь мы уже не находимъ, какъ выше, такой правильности въ ростѣ надѣловъ къ югу и востоку, такъ какъ многіе въ этихъ мѣстахъ пожелали получить только даровой четвертной надѣлъ, а не полный. Юридически это зависѣло отъ самихъ крестьянъ.

Чѣмъ же объясняется отказъ крестьянъ отъ полнаго надѣла? Дѣло въ томъ, что, главнымъ образомъ, это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ преобладало натуральное хозяйство, гдѣ поэтому на сторону почти ничего не отчуждалось и денегъ у крестьянскаго населенія было очень мало. Свои повинности предъ помѣщикомъ крестьяне здѣсь отбывали въ формѣ барщины, и для уплаты давали помѣщику свой трудъ. Съ полученіемъ же собственнаго надѣла характеръ отношеній между крестьянами и помѣщиками долженъ былъ сразу измѣниться: крестьянинъ долженъ бы былъ платить казнѣ за землю не трудомъ, а деньгами. Такая уплата при господствѣ натуральнаго хозяйства казалась крестьянину настолько обременительной, что, боясь не справиться съ платежами, онъ предпочиталъ получить даровой, хотя и ничтожный надѣлъ, чѣмъ полный съ лежащими на немъ денежными повинностями. Къ тому же, разсуждали крестьяне, земля отъ нихъ не уйдетъ: помѣщики, лишившись крѣпостныхъ рабочихъ, вынуждены будутъ отдавать имъ ту же землю за обработку своихъ полей. Расчеты крестьянъ, однако, не совсѣмъ оправдались: земля отъ нихъ, дѣйствительно, не ушла, но и они отъ земли уйти не могли. При отсутствіи промысловъ на югѣ и востокѣ, крестьяне никакимъ инымъ трудомъ, какъ земледѣльческимъ, не могли обезпечить свое существованіе. Имъ ничего не оставалось, какъ арендовать землю, при чемъ условія аренды при такомъ положеніи складывались не въ ихъ пользу. Послѣдствія, дѣйствительно, не замедлили обнаружить, какимъ тяжелымъ бременемъ легла аренда на крестьянъ. Наконецъ еще одно обстоятельство повліяло на то, что крестьяне въ разсматриваемыхъ мѣстахъ отказывались отъ полныхъ надѣловъ. Среди крестьянъ настолько твердо распространено было убѣжденіе, что земля принадлежитъ имъ,—„мы ваши, а земля наша“, говорили они помѣщикамъ,—что они рѣшительно не видѣли основаній брать на условіяхъ выкупа землю, которая рано или поздно, по ихъ мнѣнію, перейдетъ къ нимъ и безъ того. Съ другой стороны, здѣсь должно было имѣть свое значеніе различіе въ цѣнности земли въ тѣхъ или другихъ полосахъ Россіи, которое не могло

не вліять на большее или меньшее стремленіе со стороны землевладѣльцевъ - помѣщиковъ отвести въ надѣлъ крестьянамъ ту или иную площадь даннаго владѣнія.

Болѣе 8 десят. на ревизск. душу получили бывшіе владѣльческіе крестьяне въ Астраханской и Орловской губ.; менѣе $2^1/_2$ дес. въ К.-Подольской, Харьковской, Воронежской, Курской и Полтавской губ., а отъ 3-хъ до 2-хъ десят. въ 11 центральныхъ губерніяхъ.

Разсматривая распредѣленіе земель бывшихъ *владѣльческихъ* крестьянъ на всемъ пространствѣ, мы замѣчаемъ, что и число крестьянъ и вся площадь, ими занимаемая, растетъ по направленію отъ юго-запада къ центру, достигая въ послѣднемъ 50—70% всей крестьянской надѣльной земли, такъ какъ здѣсь по преимуществу было развито крѣпостное право. Съ одной стороны, это объясняется тѣмъ, что земля въ то время цѣнилась не столько по величинѣ ея площади, сколько по количеству сидящихъ на ней крестьянъ; по мѣрѣ удаленія отъ центра населеніе становилось рѣже, земля имѣла меньше цѣны. Поэтому естественно было стремленіе пріобрѣтать землю въ собственность и получать ее въ пожалованіе возможно ближе къ центру. Соотвѣтственно этому и расположились владѣльческія имѣнія, а въ настоящее время земли бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Съ другой стороны здѣсь играетъ роль и то обстоятельство, что земли на югѣ и востокѣ сравнительно поздно вошли въ составъ государства и позже заселены.

Вообще же по отдѣльнымъ губерніямъ подъ землями бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ находится отъ 0,8% (Оренбургск. губ.) до 84,1% (Могилевск. губ.) всей надѣльной земли. Менѣе 10% земли бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ составляютъ въ Казанской, Олонецкой, Самарской, Таврической, Уфимской, Астраханской, Вятской и Оренбургской губ. Вовсе нѣтъ земель бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Архангельской, Бессарабской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Въ послѣднихъ трехъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной

зависимости еще въ началѣ прошлаго столѣтія, но на совершенно особыхъ условіяхъ.

Бывшіе удѣльные крестьяне, составлявшіе 900.486 мужск. ревизскихъ душъ, получили 4.333.261 дес., въ среднемъ 4,8 дес. на ревизск. душу. Надѣлъ нѣсколько выше, чѣмъ у бывшихъ владѣльческихъ. Объясняется это тѣмъ, что наибольшее количество ихъ приходится на тѣ губерніи, гдѣ по „Положенію о выкупѣ“ самый надѣлъ былъ выше. По губерніямъ надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ колеблется отъ 7,7 дес. (Астраханск. губ.) до 2,1 десят. (Московской губ.). Югъ и центръ даютъ меньшее количество удѣльныхъ крестьянскихъ земель. Вовсе ихъ нѣтъ въ 22 губерніяхъ. Наибольшее же количество ихъ—55% всѣхъ удѣльныхъ находится въ губерніяхъ: Симбирской, Самарской, Вятской и Костромской.

Земли *бывшихъ государственныхъ* крестьянъ располагаются въ обратномъ порядкѣ, нежели бывш. владѣльческихъ: меньше ихъ въ центрѣ, больше на востокѣ и юго-востокѣ. На 9.643.606 мужск. ревизск. душъ госуд. крестьянъ отведено было 57.130.141 дес., т.-е. болѣе 5,9 дес. на душу. По мѣстностямъ размѣръ колеблется отъ 2 дес. (Архангельская губ.) до 16 дес. на душу (Астраханская губ.). Въ большинствѣ же случаевъ имъ отводили либо то количество земли, какое находилось въ ихъ пользованіи до перевода на выкупъ, либо отъ 8 до 15 дес. на душу. Кромѣ того, у нихъ въ составъ надѣловъ вошли лѣсныя угодья. Это обстоятельство, даже и помимо болѣе высокаго надѣла, доставшагося бывш. государственнымъ крестьянамъ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ бывш. владѣльческихъ.

Говоря о послѣднихъ, я не упомянулъ, что помѣщикъ имѣлъ право не отводить крестьянамъ лѣсныхъ угодій, а если лѣсъ приходился на землѣ, которая должна была поступить въ надѣлъ крестьянамъ, то могъ свести его. Впослѣдствіи это очень тяжело отразилось на хозяйствѣ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, которымъ, не говоря уже о постройкахъ, обыкновенно приходится покупать лѣсъ и на топливо, что составляетъ не малый годовой расходъ, не существующій или же долго не

существовавшій для бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Въ общемъ разница въ экономическихъ условіяхъ этихъ двухъ разрядовъ крестьянъ настолько значительна, что привычный наблюдатель, въѣзжая въ деревню, легко отличитъ, къ какому разряду относятся крестьяне. Разница эта объясняется не только тѣмъ, что государственные крестьяне были лучше надѣлены, но и тѣмъ, что и во времена крѣпостного права ихъ экономическое положеніе было выше и, слѣдовательно, въ новыя условія они вступили болѣе обезпеченными, чѣмъ бывшіе владѣльческіе.

Преобладаютъ земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Вятской и Олонецкой губ.—болѣе 90% всей надѣльной; въ Казанской, Астраханской, Воронежской и Харьковской онѣ составляютъ отъ 80 до 90%. Наименьшій % ихъ приходится на Могилевскую, Симбирскую, Бессарабскую, Уфимскую и Оренбургскую губ. Главнымъ образомъ, какъ видимъ, земли бывш. государственныхъ крестьянъ распространены на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, т.-е. дальше отъ центра.

Остальные разряды крестьянъ составляютъ сравнительно съ предыдущими очень незначительное количество—1,8 мил. мужск. рев. душъ, съ надѣломъ 21.635. 694 дес., въ среднемъ 12 дес. на душу. Надѣлены они были лучше другихъ разрядовъ. Въ 21 губ. мы ихъ совсѣмъ не встрѣчаемъ, а въ остальныхъ они распредѣляются различно.

Итакъ, разсмотрѣніе крестьянской надѣльной земли показало намъ, что на центральныя промышленныя и земледѣльческія губерніи приходятся минимальные надѣлы, которые растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, и что изъ трехъ разрядовъ крестьянъ лучше всѣхъ надѣлены землей бывшіе государственные, и уже значительно ниже надѣлы бывшихъ удѣльныхъ и владѣльческихъ.

Со времени освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени произошли значительныя измѣненія въ величинѣ надѣловъ и распредѣленіи ихъ. Измѣненія произошли, конечно, въ неблагопріятномъ смыслѣ. Такъ должно было произойти уже въ силу естественнаго прироста населенія при томъ же размѣрѣ надѣльной

площади. Чтобы судить нѣсколько о томъ, какія измѣненія должны были произойти, укажемъ, что къ 1 января 1892 г. числилось крестьянскаго населенія мужского пола въ 49 губ. Европейской Россіи 33.505.042, что даетъ при томъ же надѣлѣ *средній* размѣръ его на душу уже не 5,2 дес., какъ было приведено выше (стр. 210), а *менѣе* $3^1/_2$ (3,48) дес. при общемъ количествѣ крестьянскихъ *дворовъ* въ 10.589.967 и при среднемъ составѣ двора въ 6,3 душъ обоего пола. При этомъ, однако, нужно замѣтить, что уменьшеніе въ среднемъ размѣрѣ надѣла на душу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше былъ надѣлъ, такъ какъ между приростомъ населенія и размѣромъ надѣла существуетъ соотвѣтствіе. Такъ, къ 1877—78 гг. при надѣлѣ на душу:

менѣе	1 дес.	населеніе	возросло	на	16,3%
отъ 1 до	2	„	„	„	„	17,3 „
„ 2 „	3	„	„	„	„	19,0 „
„ 3 „	4	„	„	„	„	21,2 „
„ 4 „	5	„	„	„	„	27,6 „
свыше	6	„	„	„	„	30,2 „

Эти данныя, между прочимъ, рельефно указываютъ, насколько степень обезпеченности земельнымъ надѣломъ обусловливаетъ собою благосостояніе населенія.

Въ общемъ для 50 губ. къ настоящему времени надо считать надѣлъ сократившимся не менѣе какъ вдвое: къ 1900 г. приходилось въ среднемъ для 50 губ. уже не 5,2, а лишь 2,6 дес. надѣла на душу. По отдѣльнымъ же мѣстностямъ имѣются такія свѣдѣнія, что въ Симбирской губ., напр., у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ надѣлъ сократился съ 2,6 дес. до 0,9 дес. на душу, у бывшихъ государственныхъ съ 4,2 до 1,3, у бывшихъ удѣльныхъ почти то же. Въ Курск. губ. у средн. крестьянина съ $2^3/_4$ дес. до 1 дес., а у получившаго четвертной надѣлъ образовалась только усадьба. Если же при этомъ имѣть въ виду, что бывш. владѣльческіе крестьяне получили меньшій надѣлъ, чѣмъ государственные, число же ихъ превышаетъ число послѣднихъ (б. госуд. для 1877 г. сост. 43,1%, а бывш. влад. 44,9%), то ясно насколько сильно возросла степень малоземелья у крестьянъ.

На разсмотрѣніи надѣльныхъ земель нельзя, однако, еще кончить съ крестьянскимъ землевладѣніемъ. О немъ приходится еще говорить и при разсмотрѣніи частнаго землевладѣнія. Прежде чѣмъ приступить къ обзору этого послѣдняго, укажу, что если взять надѣльное крестьянское и частное землевладѣніе вмѣстѣ (234,22 мил. дес.), то на долю перваго придется болѣе 57% (135 мил. дес.) ихъ общей площади. Въ общей площади крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія — *общинное* составляетъ около 80%, а въ такомъ случаѣ въ общей площади крестьянскаго и частнаго землевладѣнія вмѣстѣ на долю общиннаго землевладѣнія приходится до 46% или *почти половина* всей площади земли, сосредоточенной въ рукахъ населенія; слѣдовательно, если считать лишь земли частнаго пользованія, не считая земель государственныхъ, удѣльныхъ и учрежденій, то почти половиною земли, находящейся въ его рукахъ, населеніе пользуется на началѣ общиннаго землевладѣнія.

Крестьянское землевладѣніе мы встрѣчаемъ и среди частнаго, при чемъ крестьянскимъ нельзя считать только землевладѣніе лицъ по сословію принадлежащихъ къ крестьянству; такимъ надо считать вообще все землевладѣніе лицъ, непосредственно прилагающихъ свой трудъ къ землѣ. Такъ, наприм., дѣлается на Западѣ, гдѣ распредѣляется земля не по сословіямъ, а по размѣрамъ, обусловливающимъ тотъ или другой способъ веденія хозяйства. Но у насъ дѣленіе на сословныя группы еще довольно устойчиво; поэтому разсмотримъ распредѣленіе землевладѣнія по сословіямъ владѣльцевъ.

Все частное землевладѣніе въ Россіи составляло, по даннымъ, относящимся къ концу 70-хъ годовъ XIX в., около 91,5 мил. дес. (не считая землевладѣній обществъ и компаній), т.-е. около 23% всей площади, при количествѣ владѣльцевъ свыше 487.000, что составляло около $^1/_2$% всего населенія Европейской Россіи. Въ дѣйствительности количество владѣльцевъ нѣсколько меньше, такъ какъ въ статистикѣ землевладѣнія обычно существуетъ тотъ недостатокъ, что въ счетъ попадаетъ 2 и болѣе разъ одно и то же лицо, если оно имѣетъ землю въ нѣсколькихъ губер-

ніяхъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ предѣлахъ одной губерніи.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣлялось тогда частное землевладѣніе по сословіямъ владѣльцевъ:

Сословія.	Количество владѣній.	Въ %	Количество земли десятинъ.	Въ %	Въ среднемъ на 1 владѣніе десятинъ.
Дворяне	114,7 тыс.	23,8	73,2 м. д.	79,8	637,8
Купцы	12,6 „	2,6	9,8 „	10,7	775,4
Мѣщане	58,0 „	12,1	1,9 „	2,1	32,9
Крестьяне . . .	273,0 „	56,7	5,0 „	5,3	18,0
Остальн. сослов. .	22,9 „	4,8	1,7 „	1,9	75,5

Сюда не вошло еще около 2 милліон. дес., принадлежащихъ разнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Если имѣть въ виду, что передъ отмѣной крѣпостного права частными землевладѣльцами были почти исключительно дворяне, то % дворянскихъ владѣній и земель къ 1877 г. показываетъ на переходъ къ тому времени довольно значительной части земли въ руки другихъ сословій. Но онъ не остановился. Въ 1887 г. дворянамъ принадлежало изъ общей площади землевладѣнія уже только 68,3%, а къ 1900 г. уже лишь 52,9%, тогда какъ крестьянамъ вмѣсто 5,3% въ 1877 г., 13,4% въ 1887 г. къ 1900 г. принадлежало уже 19,5% всей площади частновладѣльческой земли; всего къ 1904 г. крестьянами пріобрѣтено покупкою болѣе 18 мил. дес., или 14,5% ихъ надѣльнаго землевладѣнія. По нѣкоторымъ же подсчетамъ количество земли, пріобрѣтенной крестьянами покупкой, опредѣляется къ 1904 г. въ $23^1/_2$ милл. десятинъ (см. В. Святловскій: „Къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи“. С.-Пб. 1907).

Если возьмемъ общее число частныхъ владѣній, безъ различія по сословіямъ владѣльцевъ, то преобладающими владѣніями являются такія, размѣръ которыхъ не превышаетъ того, что называется крестьянскимъ землевладѣніемъ. Болѣе $12^1/_2$% общаго числа владѣльцевъ имѣетъ менѣе 1 дес.; такой размѣръ не мо-

жетъ быть отнесенъ къ владѣніямъ, имѣющимъ сельскохозяйственное значеніе. Владѣнія отъ 1 до 10 дес. составляютъ 37,7%, при среднемъ размѣрѣ на одно владѣніе 5 дес.; такое землевладѣніе должно быть отнесено къ крестьянскому; этотъ размѣръ можетъ служить для сельскохозяйственныхъ цѣлей, но пользованіе имъ предполагаетъ, что самъ владѣлецъ прилагаетъ свой трудъ, т.-е. такое хозяйство представляетъ типъ крестьянскаго. Оба разряда вмѣстѣ—50,3%—не превышаютъ 10 дес. на каждое хозяйство.

Слѣдующій затѣмъ разрядъ — владѣнія отъ 10 до 50 дес. составляютъ 22,4%, въ среднемъ на одно владѣніе 23,8 дес. (въ нечернозем. полосѣ 23,7 дес., въ черноземн. — 23,9 дес.; по областямъ колеблется: отъ 21,5 дес. въ Вятск. и Пермск. губ. и до 32,6 дес. въ Прибалтійскомъ краѣ). Въ общемъ въ этой группѣ рѣзко преобладаетъ размѣръ около 20 дес. на одно владѣніе, а при такомъ размѣрѣ эту группу можно также отнести къ крестьянскому землевладѣнію какъ по размѣрамъ, такъ и по способу веденія хозяйства (замѣтимъ, что оно и по сословію здѣсь преобладаетъ). Во всѣхъ нашихъ земско-статистическихъ сборникахъ все землевладѣніе до 50 дес. причисляется, если не по сословію владѣльцевъ, то по условіямъ пользованія землей, къ крестьянскому. Итакъ, соединяя всѣ приведенныя сейчасъ группы частныхъ владѣній, мы видимъ, что почти $^3/_4$ (72,7%) составляетъ землевладѣніе, не превышающее 50 дес., или въ среднемъ 23 дес. на 1 владѣніе. Эти цифры въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи и въ частновладѣльческихъ земляхъ мелкаго землевладѣнія въ Россіи. Такъ это по даннымъ относящимся къ концу 70-хъ годовъ, между тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ показано немного выше, сильно возросло пріобрѣтеніе земель крестьянами и въ то же время уменьшился размѣръ переходящихъ изъ рукъ въ руки участковъ, т.-е. увеличилось число мелкихъ владѣній. А въ такомъ случаѣ преобладаніе владѣній крестьянскаго типа для настоящаго времени является еще болѣе значительнымъ, чѣмъ это выражается приведенными здѣсь цифрами.

По отдѣльнымъ областямъ, на которыя, между прочимъ, дѣлятъ Европейскую Россію, владѣнія до 50 дес., безъ различія по сословіямъ владѣльцевъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Пріуральск. губ.	91,8%	къ общему числу владѣній.
на крайнемъ сѣверѣ	89,2 „	„
въ Московск. промышл. . .	84,6 „	„
„ Малороссійск. губ. . . .	82,5 „	„
„ Центр. землед.	78,0 „	„
„ Пріозерныхъ.	76,3 „	„
„ Литовскихъ	73,9 „	„
„ Новороссійск.	57,8 „	„
„ Нижневолжск.	46,5 „	„
„ Прибалтійск.	62,2 „	„

Въ совершенно обратномъ порядкѣ располагаются крупныя владѣнія свыше 1.000 дес. Замѣтимъ, что число ихъ составляетъ 3,2% къ общему, хотя имъ принадлежитъ около 70% всѣхъ частновладѣльческихъ земель. Гдѣ повышается % мелкихъ владѣній, тамъ понижается % крупныхъ и наоборотъ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

въ Прибалтійск. губ.	11,4%	къ общему числу владѣній.
„ Нижневолжск.	14,9 „	„
„ Новороссійск.	9,6 „	„
„ Юго-западн.	6,3 „	„
„ Малороссійск.	1,5 „	„
„ Цент. землед.	1,9 „	„
„ Московск. промышл. . . .	1,3 „	„
на крайнемъ сѣверѣ.	0,8 „	„
въ Пріуральск. губ..	3,2 „	„

Вообще же владѣнія свыше 1.000 дес. составляютъ:

Въ черноземной полосѣ	3,9%,	а земля	69,2%.
Въ нечерноземной „	2,5 „	„	71,8 „
Для 49 губерній	3,2 „	„	70,4 „

Я привелъ данныя о количествѣ частныхъ владѣній. Посмотримъ, какъ распредѣляется по мѣстностямъ частновладѣльческая земля. Въ черноземной полосѣ она составляетъ 31,7% къ общей площади (крестьянская здѣсь занимаетъ 56,8%), въ нечерноземной 19,7% (крестьянская 20,9%). Половину площади частновладѣльческая земля превосходитъ въ 8 губерніяхъ: Минской, Эстляндской, Могилевской, Херсонской, Смоленской, Витебской, Псковской и Таврической. А въ 6 губерніяхъ: Оренбургской, Астраханской, Вятской, Архангельской, Вологодской и Пермской составляетъ менѣе 10%. Средній размѣръ на одно владѣніе для всѣхъ губерній—190 десят.: у купцовъ 775 десят., у дворянъ—638 д., у мѣщанъ—33 д., у крестьянъ—18 д.

Такъ было въ концѣ 70-хъ годовъ. Для болѣе поздняго времени средній размѣръ купеческаго владѣнія понизился до 758 д., дворянскаго до 598 д., а для настоящаго времени упалъ ниже 500 дес., а мѣщанскаго повысился до 45 д. и частновладѣльческаго крестьянскаго до 50 дес. Отсюда видно, что земля постепенно передвигается въ руки земледѣльческаго населенія. По нѣкоторымъ вычисленіямъ къ настоящему времени въ рукахъ дворянъ остается не болѣе 53 мил. дес., или около 13% общей площади Россіи.

Далѣе, крупнымъ собственникомъ является *государство*. По количеству находящихся въ его распоряженіи земель, оно занимаетъ даже первое мѣсто среди другихъ владѣльцевъ.

Государственныхъ земель въ Европейской Россіи насчитывается до 145 милл. дес.—36,4% всей площади. Въ нечерноземной Россіи государству принадлежитъ 56,8% всей земельной площади, а въ черноземной 5,6%, т.-е. въ 10 разъ меньше, при чемъ наибольшій процентъ падаетъ на Архангельскую губ.—97,7%, наименьшій на Эстляндскую—0,2%. Такое значительное количество государственныхъ земель казалось могло бы служить для поселенія крестьянъ, и предохранить послѣднихъ отъ малоземелья. Но дѣло въ томъ, что большая часть государственныхъ земель расположена на сѣверѣ, мало удобна для населенія и сельскохозяйственной культуры. Если изъ общаго количества го-

сударственныхъ земель выключить лѣсныя угодья, не всегда пригодныя для разработки и подлежащія въ значительной части ихъ сохраненію, то останется всего около 4 милліоновъ десят. удобной для культуры площади. Но, кромѣ того, въ Сибири не такъ много земель, чтобы путемъ переселенія можно было устранить остроту и настоятельность рѣшенія земельнаго вопроса у насъ.

Сводя всѣ данныя о распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Среди другихъ категорій землевладѣнія значительно преобладающимъ является *крестьянское надѣльное.* Затѣмъ земля въ Россіи находится въ значительно большемъ количествѣ рукъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Все это отличаетъ Россію отъ послѣднихъ.

Въ общей площади частновладѣльческой и крестьянской земли, какъ уже было отмѣчено, крестьянская надѣльная земля занимаетъ болѣе 57%; если же сюда прибавить около 19 милл. дес. крестьянской купчей земли, то получимъ болѣе 65%, т.-е. почти $^2/_3$ этого общаго состава приходится на долю крестьянской земли; затѣмъ надо имѣть въ виду, что изъ общаго числа частныхъ землевладѣльцевъ нѣсколько болѣе половины ихъ имѣетъ не свыше 10 дес. при среднемъ размѣрѣ на одно владѣніе въ 4 дес., а 77% всего частнаго землевладѣнія падаетъ на долю владѣній не свыше 50 д.

Правда, при этомъ на долю владѣній, весьма крупныхъ, свыше 10.000 дес. на каждое приходится почти $^1/_3$, а именно около 30% всѣхъ земель частнаго землевладѣнія; и все же, при всей значительности площади земли, занимаемой каждымъ такимъ владѣніемъ, всѣ они вмѣстѣ занимаютъ менѣе 9% всей площади землевладѣнія Европейской Россіи; общее же число такихъ владѣльцевъ, имѣющихъ въ среднемъ на каждое свыше 33.047 дес., составляетъ лишь 0,2% (824 чел.) всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ.

Къ этому надо добавить еще, что какъ уже указано, около 80% крестьянской надѣльной земли находится въ общинномъ владѣніи, затѣмъ до 40% всей земли принадлежитъ казнѣ, удѣлу,

городамъ, церквамъ, т.-е. учрежденіямъ, а не частнымъ лицамъ. Это значитъ, что около 68% всѣхъ земель Европейской Россіи являются землями, не составляющими частной собственности. На долю же послѣдней приходится лишь часть крестьянскихъ земель и вся частновладѣльческая, что и составляетъ вмѣстѣ лишь 32%, или менѣе одной трети всѣхъ земель Европейской Россіи.

Всѣ эти расчеты и цифровыя данныя, которыя, сообразно всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, должны дать для самаго послѣдняго времени еще большее преобладаніе мелкимъ крестьянскимъ земельнымъ владѣніямъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Россіи землевладѣніе имѣетъ демократическій характеръ, какъ по числу мелкихъ землевладѣній, такъ и по тому преобладанію землевладѣнія общиннаго и общественнаго, которое неминуемо предопредѣляетъ при наличности всѣхъ другихъ условій и дальнѣйшее развитіе именно крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства.

Но если такъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ: если выясненныя выше природныя условія, а равно и распредѣленіе землевладѣнія въ Россіи, какъ будто бы предопредѣляютъ *развитіе* крестьянскаго хозяйства въ Россіи, то какъ объяснить тотъ упадокъ этого хозяйства, о которомъ въ нашей печати, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ трудахъ разныхъ правительственныхъ комиссій и совѣщаній не сходитъ рѣчь за все пореформенное время, какъ объяснить безпрестанно повторяющіяся голодовки цѣлыхъ обширныхъ частей имперіи,—голодовки, которыя самымъ жестокимъ и безспорнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о разстройствѣ у насъ крестьянскаго хозяйства?

Совершенно правильная постановка этого вопроса невольно, однако, напоминаетъ ироническое замѣчаніе, дѣлаемое Н. Г. Чернышевскимъ въ концѣ одной изъ его статей объ общинномъ землевладѣніи („Экономическая дѣятельность и законодательство", т. IV. собр. его сочиненій). Онъ тамъ предполагаетъ у читателя такой же вопросъ по поводу отсутствія благодѣтельныхъ послѣдствій общиннаго землевладѣнія и обѣщаетъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ слѣдующей статьѣ и въ связи съ нимъ „столь же

затруднительный вопросъ: почему лещъ, вытащенный на берегъ рыболовною сѣтью, не плаваетъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, въ какомъ находится у насъ крестьянское хозяйство, въ настоящее время весьма наглядно и ярко охарактеризовано цѣлымъ рядомъ трудовъ и изслѣдованій, какъ для цѣлой Россіи, такъ и для отдѣльныхъ мѣстностей ея, гдѣ только производились земско-статистическія изслѣдованія и потому изображеніе современнаго положенія у насъ крестьянства не составляетъ прямой задачи моего труда. Я имѣю въ виду лишь выяснить тѣ общія условія русской жизни, которыя говорятъ за то, что, *несмотря* на плачевное состояніе крестьянскаго хозяйства у насъ, оно все-таки обречено не на погибель, а на развитіе. И вотъ, хотя изображеніе отрицательныхъ условій современнаго крестьянскаго хозяйства не входитъ въ задачу моего труда, я не могъ все-таки не коснуться указаній на крестьянское малоземелье. Но если рѣчь идетъ о малоземельи, т.-е. о недостаткѣ земли для веденія хозяйства, то, конечно, это ставитъ хозяйство въ такое положеніе, при которомъ невозможно развитіе его, почему и является вполнѣ правомѣрной постановка только что упомянутаго вопроса. А что фактъ малоземелья имѣетъ здѣсь господствующее значеніе, такъ это извѣстно уже давно, а въ настоящее время уже достаточно рѣзко передъ всѣми засвидѣтельствовано, что этотъ фактъ такъ и принимается крестьянствомъ, какъ имѣющій сильно преобладающее значеніе.

„Податная система и аграрное законодательство наше не могутъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящихъ и будущихъ поколѣній... Измѣненіе поземельныхъ отношеній представляется намъ, съ другой стороны, гороздо болѣе настоятельнымъ и существеннымъ вопросомъ *настоящаго*, чѣмъ какая бы то ни была реформа въ финансовомъ хозяйствѣ государства: безъ измѣненія, устраняющаго коренные недостатки этихъ отношеній, несбыточно мечтать о благихъ результатахъ самой правильной податной системы“. Вотъ что пишетъ одинъ русскій ученый, изслѣдовавшій внимательно надѣльныя условія русскаго крестьянства. Читая эти слова, можно

думать, что они писаны въ настоящее время — такъ отражаютъ они то, что теперь въ мысляхъ у всѣхъ, сколько-нибудь вникающихъ въ положеніе крестьянства въ Россіи. А между тѣмъ прошло *тридцать* лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это написано и напечатано. Такъ писалъ Ю. Э. Янсонъ въ своей книгѣ: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", первое изданіе которой вышло въ первой половинѣ 1877 года. Слѣдовательно, тогда уже положеніе представлялось *не менѣе* безотраднымъ, чѣмъ теперь. И вотъ, несмотря на это, крестьянское хозяйство за это время не только устояло какъ крестьянское, но по мѣстамъ даже успѣло улучшиться.

Можно подумать, однако, что въ 1877 г. то малоземелье, которое вызвало приведенныя слова Янсона, успѣло проявить себя вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, происшедшаго со времени надѣленія крестьянъ, т.-е. съ 1861 г. Но и это не такъ. Отсутствіе благопріятныхъ экономическихъ послѣдствій крестьянской реформы по условіямъ надѣленія крестьянъ землей и большее обремененіе ихъ платежами за землю, сравнительно съ платою до 1861 г. было указано тогда же въ „Письмахъ безъ адреса", написанныхъ Н. Г. Чернышевскимъ въ 1862 г. (помѣщены теперь во 2 ч. X тома собранія его сочиненій). Слѣдовательно, обремененіе платежами и малоземелье, сравнительно съ тѣмъ, что было до отмѣны крѣпостнаго права, появились тотчасъ послѣ отмѣны его. Да это и не могло быть иначе.

По положенію 19 февраля 1861 г. крестьянамъ предоставлялась ихъ усадебная осѣдлость и, „сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ" количество земли, опредѣляемое по мѣстному положенію. Задачей реформы ставилось обезпеченіе крестьянамъ „прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей". Если имѣть въ виду, что крѣпостные крестьяне при барщинѣ отбывали свои обязанности по закону тремя днями въ недѣлю работой на себя, т.-е. для обезпеченія себѣ средствъ къ жизни и тремя днями въ недѣлю работой на помѣщика, т.-е. для исполненія своихъ обязанностей,—то

довольно ясно, каково должно было быть надѣленіе крестьянъ землею. Оно должно было быть не меньше того пространства, какое они обработывали и для обезпеченія себѣ средствъ къ жизни и для исполненія своихъ обязанностей. Такъ на это и смотрѣли крестьяне, такъ они и ожидали этого. Но случилось не то.

За основаніе для надѣленія крестьянъ землею было принято то пространство земли, которое отводилось имъ для ихъ работы на содержаніе себя. Если имѣть въ виду, что фактически нерѣдко крестьянамъ предоставлялось для обработки этого пространства не три дня, а много меньше, иногда даже лишь одно воскресенье, то естественно надо принять, что эта часть была меньше той, какую они обработывали на помѣщика. Это должно быть такъ, даже при томъ условіи, что работа на себя была производительнѣе и шла успѣшнѣе работы на помѣщика. Отсюда уже ясно, что предоставленіе крестьянамъ въ надѣлъ только такой части могло дать имъ не болѣе того, что нужно для содержанія себя, а для исполненія обязанностей передъ помѣщикомъ и правительствомъ крестьяне должны были искать другого труда или на другой землѣ. Этого уже вполнѣ достаточно было, чтобы для крестьянъ наступило малоземелье сравнительно съ прежнимъ. Но это, очевидно, признавалось недостаточнымъ для того, чтобы вызвать среди крестьянъ надлежащее побужденіе къ работѣ на помѣщиковъ или къ арендованію у послѣднихъ земли. Въ результатѣ отъ тѣхъ земель, которыя были отводимы до 1861 г. въ постоянное пользованіе крестьянъ, при надѣленіи было отрѣзано около 1,3 милл. десятинъ. Но это только то, что, такъ сказать, офиціально считается отрѣзками и что касается только отдѣльныхъ селеній. Въ дѣйствительности же трудно найти такое селеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ бы не было убавокъ изъ той части земли, которою населеніе пользовалось только для содержанія себя.

Дѣло въ томъ, что, помимо усадьбы, пашни и части покоса, отводившихся крестьянамъ въ болѣе или менѣе постоянное ихъ пользованіе, они получали покосъ и, сверхъ того, если съ отведен-

наго имъ покоса не собиралось достаточнаго количества сѣна, пастьба крестьянскаго скота производилась или совмѣстно съ помѣщичьимъ скотомъ или имъ отводились для этого мѣста на лугахъ, косимыхъ для помѣщика,—до заказа или по скосѣ этихъ луговъ; такимъ образомъ, „привольемъ“ для пастьбы скота они снабжены были болѣе или менѣе достаточно. Вотъ эти-то части земли, не отведенныя для крестьянъ отдѣльно, бывшія тамъ или тутъ въ ежегодномъ ихъ пользованіи и дававшія имъ и надлежащее количество сѣна на зиму и пастбище для скота, не отошли къ нимъ въ надѣлъ. Это—первая урѣзка, первое сокращеніе въ той части землепользованія, которую крестьяне имѣли для содержанія себя и поддержанія своего хозяйства.

Но, кромѣ этого, по общему правилу всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне лишились и еще очень существеннаго угодья, которое тоже не было имъ разъ навсегда или на продолжительное время отведено въ ихъ пользованіе, но которымъ они пользовались по мѣрѣ надобности постоянно,—это лѣсъ. Они получали его и на протопленіе, сколько нужно, и на стройку. По положенію 19 февраля лѣса имъ въ надѣлъ не полагалось, и если по расположенію земли приходилось отвести въ надѣлъ землю, поросшую лѣсомъ, то помѣщикъ могъ свести этотъ лѣсъ. Вотъ, слѣдовательно, и еще очень существенная убавка въ землепользованіи, сравнительно съ временемъ крѣпостного права. Отсюда нетрудно видѣть, насколько крестьяне, бывшіе помѣщичьи, за рѣдкими изъятіями, оказались сразу малоземельными, т.-е. попали въ такія земельныя условія, при которыхъ нельзя было вести, какъ слѣдуетъ, хозяйство и получать столько, чтобы содержать себя, не говоря уже объ „исполненіи обязанностей“, которыя вдобавокъ возросли.

Въ результатѣ получилась, между прочимъ, значительная разница между положеніемъ бывш. государственныхъ и бывш. помѣщичьихъ крестьянъ. Болѣе 75% государственныхъ получили въ надѣлъ еще въ среднемъ на душу по $^3/_4$ дес. лѣса, да неудобной около полдесятины (0,4), чего нѣтъ у помѣщичьихъ. Если такъ было дано государственнымъ, то очевидно, признавалось это

необходимымъ для „обезпеченія ихъ содержанія и исполненія обязанностей“, а въ такомъ случаѣ очевидно и для помѣщичьихъ крестьянъ только тѣ же условія могли дать возможность существовать и „исполнять обязанности“. Слѣдовательно, тогда же ни для кого не было затемнено то обстоятельство, что количество земли, отведенное въ надѣлъ бывш. помѣщичьимъ крестьянамъ, недостаточно, и что они сразу впали въ малоземелье—не относительное, а самое настоящее.

Какъ велика была въ то время разница въ экономическомъ положеніи у различныхъ разрядовъ крестьянъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Въ нечерноземной полосѣ у бывш. государственныхъ въ среднемъ по различнымъ губерніямъ размѣръ отведеннаго имъ надѣла измѣняется отъ 3,3 дес. (Московск. губ.) на душу до 9,5 дес. (Вятск. губ.),—это не считая лѣсного надѣла и неудобной земли. У бывш. удѣльныхъ—отъ 2,2 дес. до 6,3 дес. (тоже не получили лѣса). У бывш. помѣщ. отъ 2,9 дес. до 5,8 дес. (Новг. губ.) Платежи же составляли въ 70-хъ годахъ въ Московск. губ., наприм., у бывш. госуд. съ десятины 2 р. 13 к., бывш. помѣщ., состоявшихъ уже на выкупѣ, 3 р. 79 к., у временно-обязанныхъ—3 р. 91 к. Если принять въ каждой губерніи платежи бывш. государственныхъ крестьянъ за 100, то платежи остальныхъ разрядовъ крестьянъ представятъ такую величину, измѣняющуюся по отдѣльнымъ губерніямъ: у бывш. удѣльн. 102—135 р., у бывш. помѣщ. на выкупѣ—142—177 р. у бывш. помѣщ. вр. обяз. 187—211 р.

Отсюда видно, что разряды съ высшимъ надѣломъ платятъ съ десятины меньше, а чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ платежъ на десятину выше. И это такъ было не только по разрядамъ, а вообще надѣленные низшимъ размѣромъ платили больше по раскладкѣ въ среднемъ на десятину. Выходило это такъ потому, что первая десятина считалась болѣе доходной и потому расцѣнивалась дороже, чѣмъ послѣдующія, такъ что менѣе надѣленные, т.-е. болѣе малоземельные, болѣе обездоленные, должны были больше платить за свою землю, сравнительно съ тѣми, у которыхъ малоземелье было не такъ значительно. Въ результатѣ

всего этого вышло, что платежи съ десятины земли составляли по отношенію къ доходности у бывшихъ государствен. крестьянъ 100%, у бывш. удѣльн.—161%, у бывш. помѣщ. на на выкупѣ—180%, а у временно-обязанныхъ—210%. Такъ выходило, наприм., въ Новгородск. губ.; при малыхъ же надѣлахъ и высокихъ другихъ повинностяхъ платежи въ отношеніи доходности земли поднимались у бывш. помѣщичьихъ, собственниковъ (на выкупѣ), до 275%, а у временно-обязанныхъ—до 565%. Это значитъ, что бывш. государственные уплачивали въ видѣ различныхъ сборовъ съ десятины весь доходъ, полученный съ нея, а бывш. помѣщ. врем.-обяз.—вдвое противъ того, что получали, при чемъ это могло быть и вшестеро выше, т.-е. за 1 р. дохода, полученнаго отъ трудовъ своихъ съ земли, надо заплатить государству и обществу за ихъ заботы о крестьянинѣ отъ 2 до 6 р. Изъ этого видно также, что и государственные крестьяне не были поставлены въ условія, благопріятныя и для исполненія обязанностей и для содержанія себя.

Все это, конечно, должно было сразу вызвать со стороны крестьянъ работу и на сторонѣ, и у помѣщика, и стремленіе къ переселенію. Но если при выработкѣ положенія 19 февраля редакціонныя комиссіи, „уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, основанному, главнымъ образомъ, на необходимости поддержать помѣстный элементъ, и желанію устранить, по возможности, разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею, приняли принципъ неприкосновеннаго сохраненія за помѣщикомъ права на часть земли, ему принадлежащей“ (Скребицкій), то понятное дѣло, что переселенія вначалѣ тормозились. „Классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ, а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ дѣйствій отражался и на настроеніи правительства“... „опасались, что увеличится трудность добывать рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряются и съемщики на предлагаемую въ аренду землю“ (Тернеръ). Въ такихъ случаяхъ интересы землевладѣльцевъ всего міра совершенно

одинаковы. Въ Румыніи, напр., мѣропріятія, имѣющія цѣлью увеличить крестьянское землевладѣніе прямо не проходятъ въ жизнь. „вслѣдствіе противодѣйствія крупныхъ землевладѣльцевъ, опасающихся недостатка въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, если крестьянину легко будетъ добыть землю“. (H. Grothe: Zur Landeskunde von Rumänien.“ Halle. 1907. Стр. 51—52). Такіе примѣры, указывающіе на постоянно создаваемыя препятствія для развитія крестьянскаго хозяйства, только еще ярче свидѣтельствуютъ, что крупное землевладѣніе и хозяйство могутъ существовать лишь на почвѣ закрѣпощенія населенія, почему представители ихъ и противятся всякому свободному проявленію дѣятельности населенія.

Итакъ, не имѣя достаточно надѣла, населеніе не получило и достаточно простора для приложенія своего труда тамъ, гдѣ само найдетъ выгоднѣе, а между тѣмъ надѣлъ въ то время являлся уже весьма незначительнымъ. Но съ тѣхъ поръ и къ настоящему времени населеніе почти удвоилось, соотвѣтственно чему и малоземелье усилилось, т.-е. увеличилось какъ число имѣющихъ наименьшій надѣлъ, такъ и число тѣхъ, у которыхъ убавилась вдвое величина того надѣла, который и для того времени считался наименьшимъ. Правда, съ тѣхъ поръ значительно уменьшились платежи, ложившіеся прямо на землю, но возросли косвенные налоги, и по расчетамъ, наприм., для Московской губ. на семью съ девятью десятинами надѣла приходится косвенныхъ налоговъ въ годъ свыше 44 р., да прямыхъ болѣе 22 р., а всего до 70 р., т.-е. почти 8 р. на десятину. Очевидно, этого съ земли взять нельзя, и уменьшеніе прямыхъ платежей съ земли не уменьшило тягости существованія.

Послѣ всего приведеннаго нужно ли еще дальше останавливаться на разсмотрѣніи вопроса, „почему лещъ, вытащенный на берегъ, не плаваетъ?“ Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, поставить вопросъ: какимъ образомъ онъ до сихъ поръ могъ плавать, т.-е. какъ это возможно, что крестьянское населеніе Россійской имперіи за эти 46 лѣтъ не только выдержало непомѣрно возросшіе государственные расходы, не только претерпѣло нѣсколько войнъ,

не только, слѣдовательно, содержало и содержитъ себя и „исполняетъ обязанности“, но, какъ увидимъ далѣе, даже ввело и вводитъ, хотя и не повсемѣстно, улучшенія въ своемъ хозяйствѣ? Чтобы хотя нѣсколько подойти къ уясненію этого вопроса, надо предварительно разсмотрѣть способы пользованія той частью земли, которая служила для того, чтобы „устранить разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащей ему землею“. Къ разсмотрѣнію этого и перехожу теперь.

Примѣчаніе. Для яснаго представленія о томъ, какъ сложились современныя условія распредѣленія землевладѣнія у крестьянъ, весьма существенно знакомство съ книгой **Янсона**: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. СПБ. 2-е изд. 1880 г. См. также книгу Л. Ходскаго: „Земля и земледѣлецъ“.

VII. Аренда земли.

Въ предыдущемъ было показано, какъ распредѣляется въ Россіи земельная собственность, въ чьихъ рукахъ она находится.

Но вѣдь мы разсматриваемъ землю съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія одни не могутъ сами использовать обширныхъ площадей своихъ по недостатку соотвѣтствующихъ средствъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ, другіе, наоборотъ, не могутъ использовать въ приложеніи къ землѣ своихъ рабочихъ силъ по ограниченности своихъ участковъ. Одни поэтому уступаютъ свои земли цѣликомъ или частью въ пользованіе для сельскохозяйственныхъ цѣлей другимъ, послѣдніе стараются ихъ получить. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ вопросу о способахъ пользованія землею, безъ выясненія чего вопросъ о землевладѣніи, при современныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, не получаетъ надлежащаго освѣщенія.

Наблюдаемыя теперь формы пользованія землей, как и другія экономическія отношенія, сложились исторически. Когда Европа была занята завоевателями, единственнымъ имуществомъ, которое можно было присвоить, была земля. Они объявляли зе-

млю своей и облагали населеніе податями за пользованіе ею. Многія земли оставались пустыми и служили фондомъ для нарождающагося населенія. Такимъ образомъ, исторически, въ силу экономической необходимости, создалось *пользованіе* на разныхъ условіяхъ чужою землей. Сложившись издавна, эта необходимость прибѣгать къ пользованію чужою землей проходитъ чрезъ средніе вѣка и до настоящаго времени. Не останавливаясь здѣсь на разсмотрѣніи тѣхъ разнообразныхъ формъ, какія претерпѣло за этотъ длинный періодъ землепользованіе, и тѣхъ различныхъ видовъ отношеній, какія создавались этимъ явленіемъ, ограничусь краткимъ очеркомъ современныхъ условій землепользованія въ Россіи.

Значительная часть собственниковъ, главнымъ образомъ, крупныхъ, либо совсѣмъ, либо частью не пользуется своей землей для сельскохозяйственныхъ цѣлей и передаетъ ее для этого на различныхъ условіяхъ другимъ. Этими послѣдними являются тѣ, которые, тяготѣя къ земледѣльческому труду, совсѣмъ не имѣютъ земли или имѣютъ ее въ недостаточномъ количествѣ. Это—основное условіе арендованія земли.

Насколько широко осуществлено это условіе въ Россіи, это только что было указано. Отсюда понятно, что арендованіе земель въ Россіи, если только землевладѣльцы не имѣютъ въ виду вести обработку ихъ за свой счетъ, должно быть сильно распространено. Ранѣе было уже достаточно отмѣчено, что у землевладѣльцевъ должно быть больше побужденій сдавать землю въ аренду, чѣмъ обработывать ее за свой счетъ. Это будетъ пояснено еще и далѣе.

Что касается населенія, арендующаго земли, то по отношенію къ Россіи, помимо малоземелья, которое должно вызывать у крестьянъ стремленіе дополнить недостатокъ надѣльной земли арендованной, къ этому должны были вести и другія условія надѣленія. Такъ, нерѣдко фигура надѣла такова, что прямо вынуждаетъ крестьянъ арендовать землю, такъ какъ безъ этого они не могутъ „курицу выпустить“, не говоря уже о прогонѣ для скота. (См. по этому поводу: „Очерки по крестьянскому

вопросу", сб. статей подъ ред. А. А. Мануилова. Вып. II. Тамъ приложено нѣсколько плановъ крестьянскихъ надѣловъ, наглядно показывающихъ *неизбѣжность* со стороны крестьянъ арендованія земли. Еще болѣе и болѣе рельефныхъ плановъ для поясненія того же приложено къ IV т. сборника „Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг." М. 1907). Въ такихъ случаяхъ даже и при отсутствіи малоземелья аренда земли неизбѣжна. Неизбѣжна она и при существованіи черезполосицы съ землями чужихъ владѣній, на которую не поскупились при надѣленіи крестьянъ землею, несмотря на то, что ставятъ въ большую вину общинѣ черезполосицу, вызываемую тамъ хозяйственною пользою каждаго двора. О распространенности черезполосицы крестьянской земли съ землями помѣщичьими,— черезполосицы, созданной при надѣленіи крестьянъ землею, можно судить, между прочимъ, по тому, что изъ 5.690 сельскихъ общинъ Московской губ. въ 1826-ти надѣльная крестьянская земля находится болѣе чѣмъ въ одномъ участкѣ (доходитъ до 14 участковъ), т.-е. почти $^1/_3$ всѣхъ общинъ владѣетъ своими надѣльными землями черезполосно съ другими. Неизбѣжна, наконецъ, аренда и въ тѣхъ случаяхъ, когда *посреди* крестьянскаго надѣла находится посторонняя земля. Конечно, такое положеніе представляется невѣроятнымъ, но оно, тѣмъ не менѣе, довольно обычно на земляхъ бывш. удѣльныхъ крестьянъ (по крайней мѣрѣ, въ Московской губ.). Среди ихъ пашни были въ крѣпостное время расположены такъ называемыя общественныя запашки, сборъ съ которыхъ засыпался въ общественные магазины для выдачи населенію на обсѣмененіе или продовольствіе въ случаѣ неурожая. При надѣленіи бывш. удѣльныхъ крестьянъ землею послѣ 1861 г. эти общественныя запашки, лежавшія среди крестьянскихъ полей, почему-то не были надѣлены крестьянамъ, а остались за удѣломъ. А такъ какъ онѣ лежатъ среди крестьянскихъ полей, то, конечно, крестьяне, страдающіе еще къ тому же и отъ малоземелья, вынуждены арендовать ихъ.

Конечно, въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, гдѣ существуютъ сервитуты, предоставляющіе крестьянамъ право въ извѣст-

ное время года и въ извѣстныхъ мѣстахъ владѣльческихъ угодій пасти скотъ, производить косьбу, можетъ не существовать столь настоятельной надобности въ арендованіи земель. Но это создаетъ массу другихъ неудобствъ и недоразумѣній, такъ какъ тутъ тѣсно связаны между собою двѣ категоріи землевладѣльцевъ, интересы которыхъ не только не одинаковы, но и противоположны. Понятно, что это можетъ только неблагопріятно отзываться на хозяйствѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. А такъ какъ по всѣмъ приведеннымъ уже даннымъ и по тѣмъ, которыя будутъ еще приведены, сельское хозяйство должно итти успѣшнѣе у крестьянъ, а развитіе и успѣхъ сельскаго хозяйства необходимы и для благосостоянія массы населенія и для процвѣтанія страны, то, конечно, такія сервитутныя земли должны перейти въ руки настоящихъ земледѣльцевъ.

Итакъ, цѣлый рядъ условій, сложившихся исторически и образовавшихся при ликвидаціи стараго дореформеннаго хозяйства, а еще болѣе осложнившихся впослѣдствіи, вызываетъ теперь у массы крестьянъ въ Россіи нужду въ арендѣ земли.

Разсмотримъ теперь условія, при которыхъ не у насъ въ Россіи только, но и вообще крупному собственнику земли приходится сдавать землю въ аренду. Крупный собственникъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи большую площадь земли и желающій вести собственное хозяйство, долженъ соотвѣтственно этому имѣть большой капиталъ и наемный трудъ въ достаточномъ количествѣ. Приложеніе того и другого, какъ я уже это старался выяснить во второмъ и третьемъ очеркахъ, сопряжено въ земледѣліи съ бо̀льшими затрудненіями, чѣмъ въ фабричной промышленности. Существуютъ поэтому довольно тѣсные предѣлы, до которыхъ можно расширять свое хозяйство, а за этими предѣлами приходится либо, ограничивъ полевое хозяйство, вести какое-нибудь другое на свободной землѣ, обратить ее, наприм., подъ пастбища, либо сдавать эту землю въ аренду. При этомъ арендаторами при настоящихъ условіяхъ могутъ явиться только крестьяне. Это прекрасно выяснено въ трудѣ В. А. Косинскаго: „Къ аграрному вопросу“. Крестьяне не гонятся за прибылью и

довольствуются полученіемъ того, что равно заработной платѣ. А въ такомъ случаѣ, если крестьянинъ выручаетъ менѣе, чѣмъ могъ бы выручить землевладѣлецъ-предприниматель, но не менѣе заработной платы, онъ будетъ арендовать. Вотъ почему, при невозможности вести собственное хозяйство, нужно найти арендаторовъ, но мелкихъ. Но даже и при возможности вести собственное хозяйство выгоднѣе, какъ увидимъ, сдавать въ аренду крестьянамъ.

Сущность аренды заключается въ томъ, что лицо или совокупность лицъ получаетъ право пользованія землею, за что принимаетъ на себя опредѣленныя обязательства по отношенію къ собственнику земли. Содержаніе и формы этихъ обязательствъ различны, въ зависимости отъ чего различны и формы арендъ, существующія, наприм., у насъ въ Россіи въ различныхъ мѣстахъ.

Въ зависимости отъ размѣровъ арендуемаго участка, характера его, срока аренды и способа уплаты за нее, различаются разнообразные виды аренды.

По *размѣрамъ* различаются: а) мелкая аренда—участокъ небольшой, но самъ по себѣ достаточный для сельскохозяйственныхъ цѣлей; б) также мелкая аренда—участокъ, дополнительный къ недостаточному участку арендатора; в) крупная фермерская—сдается въ аренду цѣлое имѣніе съ угодьями и постройками, при чемъ арендаторъ пользуется уже наемнымъ трудомъ, и, наконецъ, г) также крупная аренда, распространенная въ Англіи, отчасти въ Россіи, а въ особенности въ Ирландіи,—когда большой участокъ арендуется не съ цѣлью вести на немъ хозяйство своими средствами, а для того, чтобы отъ себя сдавать его мелкими участками другимъ. (Относительно этого вида аренды, условій возникновенія и распространенія ея см. трудъ А. А. Мануилова: „Аренда земли въ Ирландіи“. М. 1895, гл. 3) [1]).

По *характеру* аренды различаются: аренда цѣлыхъ имѣній для сельскохозяйственныхъ цѣлей или аренда только отдѣльныхъ угодій—пашни, покоса и др.

---

[1]) Мы исключаемъ совершенно изъ разсмотрѣнія аренды не съ сельскохозяйственными цѣлями, какъ аренды подъ постройки и т. п.

По *срокамъ*: а) уже мало распространенная вѣчно-наслѣдственная аренда, при которой семья имѣетъ наслѣдственное право пользованія землей, съ уплатой ежегодно опредѣленной суммы. Такая аренда близка къ праву собственности и прекращается либо съ прекращеніемъ рода, или если сама семья откажется отъ нея. Съ ростомъ цѣнности земли этотъ видъ аренды уничтожается. б) Аренда долгосрочная; за ней раньше видѣли большія преимущества, такъ какъ полагали, что арендаторъ въ этомъ случаѣ можетъ рѣшиться на производство такихъ улучшеній, которыя окупаются только въ цѣломъ рядѣ лѣтъ. Но съ народно-хозяйственной точки зрѣнія этотъ видъ аренды не представляетъ большихъ выгодъ, такъ какъ арендаторъ предъ окончаніемъ срока аренды стремится извлечь изъ покидаемой земли все, что только возможно, и часто оставляетъ землю уже значительно истощенной. в) Безсрочная аренда въ томъ смыслѣ, что земля не сдается на какой-нибудь опредѣленный срокъ. Онъ устанавливается обычаемъ: земля остается въ пользованіи арендатора изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не найдетъ для себя болѣе выгоднымъ сдать землю новому арендатору. Гдѣ обычай крѣпокъ, тамъ такое арендованіе представляетъ значительныя выгоды, въ противномъ случаѣ — большія неудобства для арендаторовъ. Но, конечно, совершенно иное, если земля предоставляется такимъ образомъ въ пользованіе со стороны государства въ интересахъ населенія. Такъ было у насъ, наприм.. въ дореформенное время, когда общины государственныхъ крестьянъ получали въ пользованіе государственную землю, платя за нее оброчную подать и не опасаясь остаться безъ земли. г) Краткосрочная, большею частью на годъ; имѣетъ крупныя невыгоды: арендаторъ здѣсь заинтересованъ вложить въ землю возможно меньше, такъ какъ земля остается въ его распоряженіи въ теченіе весьма непродолжительнаго времени. Впрочемъ. такой арендаторъ и средствъ большею частью не имѣетъ для какихъ-нибудь капитальныхъ затратъ, такъ какъ къ годичной арендѣ прибѣгаютъ только наименѣе обезпеченные. Это—наиболѣе распространенная у насъ аренда.

Итакъ, по срокамъ одни виды аренды представляются невыгодными съ точки зрѣнія интересовъ собственника земли, другіе—съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. Наиболѣе выгодной въ послѣднемъ отношеніи представляется вѣчная аренда въ томъ видѣ, какъ ее предлагалъ Родбертусъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Но такая аренда не можетъ установиться, пока земля составляетъ частную собственность.

По *способу уплаты* различается уплата: а) денежная; б) довольно распространенная, натуральная—за отработки, при чемъ формы отработки весьма разнообразны: такъ, наприм., встрѣчается круговая отработка, которая заключается въ томъ, что арендаторъ обязуется произвести у владѣльца цѣлый кругъ работъ — обработать озимое и яровое поле, вспахать, убрать, или же обязуется исполнить отдѣльные виды работъ или отработать опредѣленное число дней и т. д. Иногда это бываетъ цѣлый рядъ работъ, не заранѣе опредѣленныхъ, а какія будутъ указаны, т.-е. не опредѣляется напередъ ни характеръ ни даже время работъ, а только число дней. Такая неопредѣленность въ срокѣ отработки вызывается характеромъ сельскохозяйственныхъ работъ: когда, наприм., стоитъ хорошая погода, землевладѣлецъ спѣшитъ убрать поскорѣй сѣно; въ это время ему необходимо такое количество рабочихъ, какое держать все время онъ не можетъ, такъ какъ у него и работы для нихъ не хватитъ. Для арендатора это представляетъ крупныя невыгоды, такъ какъ ему приходится являться на работу къ владѣльцу земли именно въ такое время, когда и ему самому надо было бы торопиться съ уборкой на своемъ участкѣ, вслѣдствіе чего, конечно, на землѣ, гдѣ такой арендаторъ ведетъ собственное хозяйство и пахота, и сѣвъ, и уборка, и вообще всѣ работы будутъ запаздывать, почему и урожай получится болѣе низкій, нежели у землевладѣльца, на котораго онъ работаетъ. в) Половничество, аренда исполу: арендаторъ получаетъ участокъ земли, иногда еще сѣмяна; за это онъ обязуется обработать землю своимъ трудомъ, орудіями и скотомъ; а урожай дѣлится или пополамъ или изъ извѣстной доли, смотря по вы-

сотѣ арендной платы въ данное время. г) Смѣшанная, когда арендаторъ расплачивается частью деньгами, частью какою-нибудь работой.

Такое разнообразіе въ формѣ арендной платы вызывается различными условіями. Съ одной стороны, владѣлецъ можетъ потребовать отработку, главнымъ образомъ, только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе имѣетъ скотъ, сельскохозяйственныя орудія, т.-е. имѣетъ все необходимое для земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, населеніе бываетъ иногда даже вынуждено отдавать свой трудъ, когда землевладѣлецъ, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, не соглашается сдавать землю на иныхъ условіяхъ, либо когда населеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хозяйство еще приближается къ натуральному, денежное же развито еще мало, можетъ въ уплату аренды предложить только свой трудъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что тѣ или другія формы аренды существуютъ—каждая при извѣстныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется и взаимное отношеніе сдатчиковъ и съемщиковъ земли. Въ то же время нетрудно замѣтить, что эти условія, въ свою очередь, находятся въ связи съ бо́льшимъ или меньшимъ развитіемъ товарнаго или денежнаго хозяйства и съ степенью раздѣленія занятій въ обществѣ, въ зависимости отъ чего для населенія опредѣляется или необходимость прилагать свой трудъ исключительно къ землѣ или возможность обратиться къ другимъ источникамъ существованія. Въ кн. Н.—она: „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ въ гл. IX указана та историческая послѣдовательность, въ которой смѣняются различныя существующія у насъ формы арендованія земли, куда и отсылаемъ желающихъ нѣсколько ближе уяснить себѣ эту послѣдовательность.

Наконецъ приходится различать еще, арендуется ли земля цѣлымъ обществомъ, или отдѣльнымъ лицомъ. Первое имѣетъ мѣсто у насъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ такъ называемымъ *отрѣзнымъ* землямъ, которыя при крѣпостномъ правѣ были въ пользованіи этихъ обществъ, и безъ которыхъ имъ обойтись невозможно. Но съ теченіемъ времени арендованіе цѣлыми

обществами уменьшается, въ зависимости отъ диференціаціи въ экономическомъ положеніи членовъ общины: одни совсѣмъ выходятъ изъ нея, другіе не имѣютъ средствъ платить арендныя деньги, когда аренда денежная, или не имѣютъ достаточнаго инвентаря для обработки, когда аренда натуральная. Поэтому аренда цѣлыми обществами постепенно уступаетъ мѣсто арендѣ товариществами или отдѣльными лицами, имѣющими къ тому возможность.

Отмѣтивъ аренду товариществами крестьянъ у насъ, укажу еще на развивающуюся въ послѣднее время коллективную аренду, т.-е. тоже аренду товариществами въ сѣверной Италіи и Баваріи. По отношенію къ нимъ характерно именно то, что здѣсь эти коллективныя аренды возникли, какъ послѣдствіе недоразумѣній между землевладѣльцами и рабочими. Подъ вліяніемъ стачекъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, охватившихъ въ 1900 г. нѣсколько провинцій, землевладѣльцы стали сокращать число рабочихъ или и вовсе прекращать хозяйство. Тогда рабочіе стали снимать въ аренду имѣнія и обработывать ихъ сообща, на что землевладѣльцы пошли охотно, такъ какъ имъ надоѣли вѣчные споры съ рабочими. (Проф. А. И. Чупровъ: „Мелкое землевладѣніе и его основныя нужды". СПБ. 1907 г. Стр. 90—93). Итакъ, недоразумѣнія съ рабочими заставляютъ крупныхъ хозяевъ вовсе прекращать хозяйство, но ведутъ къ тому, что хозяйство это переходитъ въ руки рабочихъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей, при чемъ, „благодаря изобилію рабочихъ рукъ, въ арендованныхъ имѣніяхъ выполняются нерѣдко такія меліоративныя работы и примѣняются настолько *интенсивные* пріемы хозяйства, какихъ *частные владѣльцы не имѣютъ возможности осуществить* въ своихъ имѣніяхъ".

Останавливаясь на составѣ лицъ арендующихъ, приходится сказать, что почти исключительно распространено у насъ въ Россіи пріарендованіе земли крестьянами. Фермерская же аренда, наподобіе англійской, встрѣчается у насъ рѣдко. При этомъ крестьянская аренда у насъ мелкая, на небольшіе сроки, большею частію на годъ, и опять-таки въ значительномъ числѣ слу-

чаевъ не за деньги, а за исполненіе различныхъ работъ. Вызывается такой характеръ аренды тѣмъ, что у насъ она является результатомъ не желанія улучшить хозяйство, а стремленія путемъ аренды удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ и избѣжать нужды.

Больше всего распространена крестьянская аренда пашни на югѣ, гдѣ, во-1-хъ, много даровыхъ надѣловъ и, во-2-хъ, продолжительнѣе періодъ времени, въ теченіе котораго земледѣлецъ можетъ приложить свой трудъ къ землѣ, а слѣдовательно, и къ большему пространству, чѣмъ на сѣверѣ. Кромѣ этихъ причинъ, на большее распространеніе аренды пашни на югѣ вліяетъ еще то обстоятельство, что на сѣверѣ, при существованіи кустарныхъ промысловъ, крестьянинъ можетъ недовырученное отъ земли выручить отъ промысловъ, тогда какъ на югѣ ихъ нѣтъ, и потому, чтобы добыть денегъ для уплаты податей и для своихъ собственныхъ нуждъ, приходится производить хлѣбъ для продажи, а для этого приходится обращаться къ арендѣ, такъ какъ своей земли для всего этого не хватаетъ.

Въ нечерноземной полосѣ гораздо меньше распространена аренда пашни, зато часто арендуются сѣнокосныя угодья. Объясняется это тѣмъ, что при арендѣ на годъ, главнымъ образомъ, распространенной у насъ, арендаторъ черноземной полосы можетъ засѣять пашню, не прибѣгая къ удобренію, такъ какъ объ удобреніи при годичной арендѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ нечерноземной же полосѣ оставлять пашню безъ удобренія невозможно; для удобренія же необходимо держать скотъ, а для этого— арендовать сѣнокосныя угодья; если тамъ приходится арендовать и пашню, то стараются снять ее уже на нѣсколько лѣтъ, чтобы окупить затраты на удобреніе. Встрѣчается и здѣсь аренда пашни на годъ, но уже не для хлѣба, а преимущественно для льна, и притомъ запущенной пашни, дающей первый годъ хорошій сборъ льна.

Я останавливался до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на *внѣнадѣльной* крестьянской арендѣ, т.-е. внѣ крестьянскаго надѣла. Но рядомъ съ такой арендой существуетъ еще аренда надѣль-

ныхъ же земель у своихъ односельчанъ, которые не обработываютъ своихъ участковъ, потому что живутъ на сторонѣ или своего инвентаря не имѣютъ. Арендуютъ обыкновенно такую землю тѣ сосѣди, которые занимаются почти исключительно земледѣліемъ но при малоземельи своей землей не обходятся. Но бываетъ и такъ, что эту землю арендуютъ наиболѣе зажиточные домохозяева у продолжающихъ оставаться здѣсь же бѣдняковъ, которые часто поступаютъ въ батраки къ своему же арендатору. Такимъ образомъ, и при общинномъ землевладѣніи фактически, хотя и не формально, можетъ появляться и появляется сосредоточеніе земельныхъ участковъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

Но имѣющіяся данныя не позволяютъ заключить о значительномъ развитіи этого явленія; наоборотъ, замѣчается, что такая сдача надѣльной земли отдѣльному домохозяину, взамѣнъ передачи ея въ общество, составляетъ явленіе временное, при которомъ пользованіе надѣломъ своего односельца не закрѣпляется на долгое время въ рукахъ отдѣльнаго домохозяина, а потому и не создается чего-либо похожаго на фермерскую аренду.

Въ сказанномъ до сихъ поръ намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ формы арендованія земли и тѣ условія нашей дѣйствительности, которыя вызываютъ необходимость арендованія земли со стороны массы населенія. Въ то же время было указано, что распространенность аренды не представляетъ собою чего-либо свойственнаго лишь русскимъ экономическимъ условіямъ. Поэтому остановимся нѣсколько на выясненіи общихъ экономическихъ условій, создающихъ такое положеніе, при которомъ развитію опредѣленной формы арендныхъ отношеній предстоитъ, повидимому, широкое будущее.

Освобожденіе труда, т.-е. отмѣна крѣпостного права была вызвана повсюду требованіями развивающагося капиталистическаго хозяйства, которому нужны были свободныя рабочія руки. Съ другой стороны, товарное обращеніе, составляющее условіе капиталистическаго производства, превращало въ товаръ и землю.

Этого требовало тоже развивающееся капиталистическое производство, такъ какъ этимъ путемъ земля, какъ источникъ средствъ продовольствія населенія, превращалась также въ капиталъ. Мобилизація земли, возможность отчуждать ее за деньги и превращать такимъ образомъ въ свободно обращающійся капиталъ, способствовали, съ одной стороны, скорѣйшему сосредоточенію капитала и превращенію его въ форму, болѣе пригодную для развитія капиталистическаго производства, съ другой — вели къ быстрому обезземеленію населенія и созданію класса рабочихъ, необходимаго для безостановочнаго развитія капиталистическаго производства. Соотвѣтственно этому въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія господствовало ученіе о свободѣ земельной собственности. Въ прусскомъ законѣ 1811 г. „о содѣйствіи земельной культурѣ“, мотивы къ которому составлялъ извѣстный агрономъ Теэръ, говорилось: „свобода распоряженія служитъ вѣрнѣйшимъ и лучшимъ средствомъ оградить земельныхъ собственниковъ отъ задолженности, внушить имъ неослабѣвающій и живой интересъ къ улучшенію ихъ имѣній и содѣйствовать обработкѣ всѣхъ земельныхъ пространствъ“. (Мануиловъ: „Аренда земли“, гл. 1). Тотъ же Теэръ писалъ: „Свобода соединять мелкія владѣнія между собою или присоединять ихъ къ крупнымъ и, съ другой стороны, крупныя владѣнія дробить на участки любой величины и дѣлать то, что каждому представляется въ его положеніи наиболѣе выгоднымъ, будетъ наиболѣе выгодна и для производства и для общаго блага“.

Въ интересахъ этого „общаго блага“ въ Англіи, какъ извѣстно, происходили огораживанія полей и очистка имѣній. Съ теченіемъ времени, однако, потребности развивающагося капитализма стали получать иное выраженіе. Классъ безземельныхъ рабочихъ оказался настолько великъ, что стали отмѣняться ограниченія, сдерживавшія эмиграцію, и, тѣмъ не менѣе, послѣдняя не могла поглотить всего избытка населенія, остававшагося за удовлетвореніемъ потребностей капиталистическаго производства. Съ другой стороны, земля, какъ источникъ извлеченія дохода путемъ приложенія къ ней капитала для производства, стала терять

свою привлекательность подъ вліяніемъ выступленія на арену международнаго соперничества въ земледѣліи заокеанскихъ странъ.

При такихъ условіяхъ капиталъ пересталъ такъ гнаться за землею какъ прежде, и это дало возможность интересамъ другихъ классовъ населенія, въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые продолжали существовать отъ приложенія своего труда къ землѣ, найти свое выраженіе и стать замѣтными. Подъ вліяніемъ этого въ наукѣ стало складываться иное воззрѣніе на свободу земельной собственности. Начинаютъ замѣчаться и выдвигаться тѣ факты, тѣ явленія жизни, которые характеризуютъ пользованіе земельной собственностью при капиталистическомъ строѣ, и тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ отсюда для сельскаго хозяйства и для „общаго блага". Соотвѣтственно съ этимъ начинаетъ измѣняться отношеніе и къ тѣмъ мотивамъ, которые въ концѣ восемнадцатаго и первой половинѣ прошлаго столѣтія вызвали на Западѣ усиленный переходъ огромныхъ пространствъ земли въ частныя руки: личная иниціатива, на которую возлагалось такъ много надеждъ, не могла выполнить возложенныхъ на нее задачъ. Крупное земледѣльческое хозяйство въ своемъ расширеніи было поставлено въ извѣстные предѣлы и должно было прибѣгнуть къ сдачѣ неутилизируемыхъ земель. Эти условія землепользованія были мало благопріятны и для устойчивости землевладѣнія. Переходъ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, мобилизація земельной собственности наблюдаются вездѣ, гдѣ тому не ставятся какія-нибудь искусственныя ограниченія. Такъ, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Германіи по отношенію мелкой собственности, земля черезъ 3—4 поколѣнія переходитъ въ другія руки. Чтобы спасти крупное землевладѣніе отъ такой неустойчивости, вводится майоратъ. Зато здѣсь это обстоятельство вызываетъ цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій: не желая обдѣлить другихъ дѣтей, отецъ заставляетъ старшаго сына произвести уплату другимъ ихъ доли деньгами; земля обременяется долгами, является задолженность, которая не выдерживается никакою культурою.

Всѣ эти обстоятельства подали мысль Родбертусу („Creditnoth") объ установленіи вѣчной ренты, т.-е. о передачѣ земли въ руки государства, которое уступаетъ ее уже не въ собственность, а только въ пользованіе за извѣстное вознагражденіе. Эта мысль была также развита Л. фонъ-Штейномъ („Die drei Fragen des Grundbesitzes"): съ одной стороны, говоритъ онъ, крупная частная собственность на землю, подтачиваемая мобилизаціей и задолженностью, не представляется ни устойчивой *ни цѣлесообразной съ сельскохозяйственной точки зрѣнія*, съ другой — современныя условія аренды вызываютъ цѣлый рядъ невыгодныхъ послѣдствій. При современномъ капиталистическомъ строѣ каждое имущество имѣетъ цѣлью приносить доходъ, и притомъ наибольшій. Точно такъ же и землевладѣлецъ, конечно, стремится получить съ земли доходъ. Но при выясненныхъ выше условіяхъ извлеченія дохода изъ земли, при обработкѣ ее наемный трудомъ за свой счетъ, предпочитаютъ вести собственное хозяйство, если при этомъ нѣтъ промышленныхъ предпріятій (свеклосахарный, винокуренный заводъ и т. п.), только особые любители его. Всѣ остальные вѣрнѣе и покойнѣе получатъ прибыль, сдавая землю въ аренду: тогда весь рискъ предпріятія ложится на арендатора. Но при этомъ, конечно, у землевладѣльцевъ существуетъ стремленіе сдать землю въ аренду съ наивозможно большею для себя выгодой, а для этого необходимо вызвать конкуренцію среди снимающихъ, увеличить число имѣющихъ возможность снять, т.-е. надо сдавать въ аренду мелкими участками и притомъ на краткіе сроки.

Таковы основанія для краткосрочности аренды, не дающей никакихъ гарантій арендатору и задерживающей прогрессъ и прочность земледѣльческихъ улучшеній. Тѣ же стремленія, какія вызываютъ ее, ведутъ, и также съ однородными послѣдствіями, къ сдачѣ земли въ аренду мелкими участками, согласно съ чѣмъ Л. фонъ-Штейнъ и установляетъ законъ малыхъ арендъ: для землевладѣльца большею частью представляется болѣе выгоднымъ сдать землю не въ однѣ руки, а по частямъ, небольшими участками многимъ съемщикамъ, такъ какъ чрезъ это увеличивается

число лицъ, могущихъ арендовать, усиливается среди нихъ конкуренція, и это даетъ возможность повысить арендную плату. Далѣе, населеніе растетъ, спросъ на землю увеличивается, условія аренды становятся болѣе обременительными, а арендуемые участки все мельче, т.-е. становятся уже недостаточными для прокормленія семьи, и арендаторы становятся безсильными. Наступаетъ образованіе латифундій, эмиграція и цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ними. „Земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной степени развитія она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства“ („Капиталъ“, III, стр. 513). „Арендный участокъ, благодаря дробленію, сокращался до такихъ размѣровъ, при которыхъ онъ только возмѣщалъ стоимость рабочей силы съемщика, не давая никакой прибавочной стоимости“ (А. Мануиловъ: „Аренда земли въ Ирландіи“, стр. 227). Единственный выходъ изъ этого положенія, по мнѣнію Л. фонъ-Штейна, какъ и Родбертуса,— это переходъ земли въ руки государства съ предоставленіемъ частнымъ лицамъ права пользованія землей, при чемъ основанія для сдачи земли у государства будутъ уже не тѣ, что у частныхъ собственниковъ.

Вотъ тѣ явленія дѣйствительности и тѣ теоретическія основанія, по которымъ наилучшимъ видомъ отношенія къ землѣ является не право собственности на нее, а право постоянной аренды, постояннаго пользованія ею, пока лицо, пользующееся землею, разсматриваетъ ее, какъ источникъ приложенія своихъ рабочихъ силъ къ землѣ, а не какъ средство извлеченія изъ нея дохода иными путями. Къ практическому осуществленію этого принципа и приближается англійское законодательство: „Собственникъ можетъ сдавать или не сдавать свою землю въ арендное пользованіе; но разъ онъ сдалъ ее, его право распоряжаться этой землей и устанавливать условія пользованія ею ограничивается. Эти условія устанавливаются не земельнымъ собственникомъ, а государствомъ, и до тѣхъ поръ, пока арендаторъ выполняетъ ихъ, законъ (ирландское законодательство объ

арендѣ, основой котораго служитъ земельный актъ 1881 г.) обезпечиваетъ за нимъ пользованіе землей“ (А. Мануиловъ: „Аренда земли“ и т. д.). Въ настоящее же время, какъ извѣстно, биллемъ, принятымъ въ этомъ году обѣими палатами, англійское государство, пошло въ этомъ отношеніи для Англіи и Уэльса еще далѣе, установивъ даже право принудительнаго отчужденія земли для сдачи ея въ аренду мелкимъ земледѣльцамъ.

Изложивъ вкратцѣ общія основанія и виды аренды, я приведу теперь нѣкоторыя данныя, характеризующія распространенность аренды въ Россіи вообще и по отдѣльнымъ районамъ. Для опредѣленія общаго количества земли, арендуемой крестьянами въ каждой губерніи, казалось, можно было бы воспользоваться данными центральнаго статистическаго комитета. Но сличеніе ихъ съ другими данными свидѣтельствуютъ, что они очень преуменьшены. Что касается количества арендующихъ дворовъ, то данныя по этому вопросу имѣются только въ земско-статистическихъ сборникахъ для довольно значительнаго количества уѣздовъ. Такъ какъ земско-статистическія изслѣдованія были произведены въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Россіи, то это даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя обобщенія изъ этихъ данныхъ.

Главнымъ образомъ, внѣнадѣльная аренда распространена на юго-востокѣ, югѣ и западѣ. Въ изслѣдованныхъ уѣздахъ отношеніе арендующихъ дворовъ къ наличному числу всѣхъ дворовъ колеблется отъ 10% до 85%. Еще бо̀льшія колебанія представляетъ отношеніе арендуемой внѣнадѣльной земли къ надѣльной: отъ 0,9% до 76,6%. Такое подавляющее значеніе, какъ при послѣдней и близкихъ къ ней цифрахъ, аренда имѣетъ въ сравнительно небольшомъ числѣ уѣздовъ. На одинъ дворъ въ среднемъ по изслѣдованнымъ уѣздамъ приходится отъ 0,1 десят. до 23,7 десят., при чемъ, если исключить 4 уѣзда, въ которыхъ средній размѣръ аренды на одинъ дворъ превышаетъ 10 десят., то максимальнымъ размѣромъ арендуемой земли на 1 дворъ будетъ 9,9 десят.

Я ограничился весьма немногими данными, наиболѣе характерными. Кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, тотъ найдетъ много интересныхъ данныхъ: 1) въ книгѣ проф. Н. А. Карышева: „Крестьянская внѣнадѣльная аренда“, откуда мною и приведены сейчасъ нѣкоторыя данныя и 2) во второмъ выпускѣ упомянутыхъ уже очерковъ по крестьянскому хозяйству въ ст. А. А. Мануилова: „Аренда земли“.

Послѣднія цифры, которыя я приводилъ, показываютъ предѣлы размѣровъ аренды на 1 дворъ. Разсмотримъ теперь, въ какой зависимости стоитъ величина аренды отъ большей или меньшей степени обезпеченности надѣльною землей, а потомъ— рабочими силами семьи и скотомъ.

По первому вопросу, т.-е. относительно зависимости аренды отъ земельнаго надѣла, надо думать, что разъ крестьяне вынуждены арендовать землю для удовлетворенія насущныхъ потребностей, то чѣмъ мельче надѣлъ, тѣмъ бо̀льшимъ количествомъ дворовъ будетъ арендоваться земля. Это заключеніе вполнѣ подтверждается при сопоставленіи количества арендуемой земли съ размѣрами надѣла у разрядовъ крестьянъ, различно надѣленныхъ землей, т.-е. у государственныхъ, бывшихъ владѣльческихъ и имѣющихъ дарственный надѣлъ. Составленную по такому пріему таблицу мы находимъ у проф. Карышева въ его книгѣ: „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“. Надо раньше замѣтить, что всю территорію онъ раздѣляетъ на полосу меньшихъ и полосу бо̀льшихъ арендъ, смотря по ихъ распространенности въ той и другой. Таблица составлена для каждой полосы отдѣльно:

Разряды крестьянъ.	Число арендующихъ дворовъ.	Размѣръ арендуем. участк. въ десятин.
I. Полоса меньшихъ арендъ:		
Государственн.-душевые	21,9%	1,3
Четвертные	23,8	0,9
б. влад. временно-обязанн. . . .	39,3	1,6
„ „ собственники	46,6	1,6
„ „ дарственники	66,6	4,3

Разряды крестьянъ.	Число арендующихъ дворовъ.	Размѣръ арендуем. участк. въ десятин.
II. Полоса бо̀льшихъ арендъ:		
Четвертные	35,3%	1,9
Государств.-душевые	36,6	2,9
Казаки	50,3	1,7
б. влад. собственники	55,9	3,1
б. удѣльные	60,5	5,3
б. влад. временно-обязанн. . . .	61,7	4,3
„ „ дарственники	65.1	6,9

Нетрудно видѣть, что количество арендующихъ дворовъ и средній размѣръ на 1 дворъ вездѣ выше у б. владѣльческихъ, вообще хуже надѣленныхъ, чѣмъ бывш. государственные. Отсюда и заключали, что съ уменьшеніемъ надѣла увеличивается аренда, и что, такимъ образомъ, аренда восполняетъ нужду въ землѣ наименѣе обезпеченныхъ ею.

Иначе разсматриваетъ это явленіе и къ инымъ выводамъ приходитъ проф. Карышевъ въ названной книгѣ. Онъ разсматриваетъ аренду по размѣрамъ надѣла для каждаго разряда крестьянъ отдѣльно. Приведу для наглядности одну такую таблицу.

Камышинскій уѣздъ.

Число десятинъ надѣльной земли на *1 дворъ*:	0.	0—2,5	2,5—5	5—10	болѣе 10	болѣе 20	Средн.
	Арендуется пахоты на 1 надѣльный дворъ въ десятинахъ.						
Дарственные . . .	4,6	7,1	9,1	9,2	12,2	17,7	6,7
Собственники . . .	1,1	3,8	3,7	5,6	10,3	22,0	5,0
Удѣльные	0,5	2,3	3,2	5,5	8,4	47,4	3,8
Государственные .	1,7	3,3	3,1	4,1	6,2	10,7	5,1
Поселяне собственн.	0,7	2,3	2,6	4,7	6,8	10,5	6,2

Такимъ же образомъ располагается цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ. Получается, какъ видимъ, выводъ, обратный тому, какой мы имѣли раньше: теперь съ увеличеніемъ надѣла увеличивается и аренда, и при томъ въ очень значительной степени. Такъ, напр.,

у б. удѣльныхъ крестьянъ при отсутствіи надѣла арендуется полдесятины (0,5), при величинѣ надѣла до $2^1/_2$ дес. уже 2,3 дес., а при надѣлѣ на дворъ болѣе 20 дес., арендуется пахоты на дворъ уже 47,4 дес. Сопоставляя рядъ такихъ таблицъ, проф. Карышевъ приходитъ къ тому заключенію, что въ общемъ по разрядамъ больше земли арендуютъ дѣйствительно разряды, менѣе обезпеченные землей, т.-е., наприм., б. владѣльческіе больше, чѣмъ бывш. государственные, но что внутри этихъ разрѣдовъ аренда растетъ уже не съ уменьшеніемъ надѣла, а съ увеличеніемъ его. Этотъ фактъ, въ свою очередь, по мнѣнію проф. Карышева, объясняется тѣмъ, что съ увеличеніемъ земельной обезпеченности растутъ и прочіе факторы хозяйственнаго достатка крестьянина, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность расширить свое хозяйство, арендовать землю. Этимъ выводамъ, полагаетъ проф. Карышевъ, нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ общемъ на разрядъ б. владѣческихъ приходится больше аренды, чѣмъ на б. государственныхъ. Сравнительно высокая общая цифра аренды у первыхъ объясняется тѣмъ, что надѣлы ихъ находятся въ мѣстахъ доступныхъ и годныхъ для арендованія, тогда какъ б. государственные далеко не вездѣ поставлены въ такія условія. Главнымъ фондомъ аренды являются частновладѣльческія земли, а не государственныя, а въ этомъ отношеніи замѣчается, что гдѣ больше аренда, тамъ государственныхъ земель мало; гдѣ преобладаютъ государственные крестьяне, тамъ нѣтъ рядомъ частновладѣльческихъ земель.

Въ результатѣ такого анализа проф. Карышевъ приходитъ къ заключенію, что аренда у насъ находится въ зависимости отъ предложенія земли частными владѣльцами. Нужда въ землѣ въ общемъ настолько велика, что стремленіе къ арендѣ существуетъ при всякихъ условіяхъ, но не вездѣ можетъ осуществиться это стремленіе, не вездѣ существуетъ предложеніе частно-владѣльческихъ земель. Съ другой стороны, величина аренды зависитъ отъ того, насколько дворъ снабженъ рабочими руками и скотомъ, а это, въ свою очередь, находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ величиной надѣла, почему и арендуетъ больше тотъ, кто имѣетъ

больше земли. Рядъ таблицъ, приводимыхъ проф. Карышевымъ, подтверждаетъ зависимость аренды отъ количества рабочихъ силъ и скота: съ увеличеніемъ рабочихъ силъ на 1 дворъ, аренда растетъ; такой же ростъ аренды замѣчается съ уменьшеніемъ числа безлошадныхъ дворовъ.

Но эта послѣдняя зависимость аренды отъ количества рабочихъ силъ и скота въ хозяйствѣ вноситъ существенное измѣненіе въ то положеніе проф. Карышева, что арендуютъ больше тамъ, гдѣ надѣлы крупнѣе. Если расположить дворы съ разною величиной надѣла, но съ одинаковымъ количествомъ скота, какъ это сдѣлано въ сборникѣ по Хвалынскому у. и какъ это допускаютъ сдѣлать сборники по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, то получимъ, что чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ больше арендуютъ. что и показываетъ, что разъ аренда земли восполняетъ недостатокъ въ собственной, то потребность въ землѣ съ уменьшеніемъ надѣла растетъ, но внѣшнее выраженіе этой потребности получается различное, въ зависимости отъ состава рабочихъ силъ семьи и рабочаго скота: гдѣ больше надѣлъ, тамъ возможно содержать больше скота, а слѣдовательно, возможно арендовать больше земли. Такимъ образомъ, аренда зависитъ не только отъ предложенія земли, но въ то же время и отъ элементовъ двора—рабочихъ силъ и скота. А разъ это такъ, то и положеніе, что арендуемая земля восполняетъ недостаточность надѣловъ, остается вѣрнымъ, но при этомъ нельзя ставить аренду въ зависимость только отъ размѣровъ надѣла; надо брать во вниманіе еще рабочія силы и количество скота въ данномъ хозяйствѣ.

Подвергая этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію на основаніи позднѣйшихъ данныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій и при этомъ по большему число уѣздовъ, чѣмъ это было доступно Н. А. Карышеву, А. А. Мануиловъ приходитъ къ тому же заключенію, какое только что высказано мною, а именно, что „недостаточность обезпеченія крестьянъ надѣльной землей служитъ основной причиной, вызывающей у нихъ потребность въ арендѣ; эта потребность и удовлетворяется различными разрядами крестьянскаго населенія *въ обратномъ отношеніи къ размѣ-*

рамъ ихъ надѣла, т.-е. *въ прямомъ отношеніи къ настоятельности нужды въ землѣ*, поскольку нормальное удовлетвореніе ея не встрѣчаетъ ограниченій и не подвергается видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ другихъ причинъ,—главнымъ образомъ, размѣровъ земельнаго фонда и обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ рабочими силами и рабочимъ скотомъ" (стр. 98 статьи въ указанныхъ уже очеркахъ и т. д.).

Ниже мы коснемся еще того, что опредѣляетъ преобладающій составъ арендаторовъ, а теперь остановимся на разсмотрѣніи вліянія на размѣръ аренды количества скота, и обратно—какъ отражаются условія аренды на обезпеченіи населенія скотомъ.

Переходя къ разсмотрѣнію этого, прежде всего замѣтимъ, что для опредѣленія вліянія размѣра надѣла на стремленіе арендовать землю нужно брать размѣръ надѣла *на душу*, а не *на дворъ*. Дѣло въ томъ, что количество надѣльной земли на дворъ, при данномъ среднемъ размѣрѣ надѣла на *душу*, опредѣляется численностью *двора* и потому совершенно естественно, что при большемъ размѣрѣ надѣла на дворъ, что свидѣтельствуетъ о большей численности двора, въ немъ будетъ больше рабочихъ силъ и, слѣдовательно, сильнѣе потребность въ арендованіи земли. „Въ хозяйствахъ съ большими надѣлами преобладаютъ семьи многорабочія и многолошадныя, и потому съ ростомъ надѣла возрастаетъ и аренда" *) (Сборн. стат. свѣд. по Саратовск. г., Хвалынскій, Саратовъ, 1886, стр. 149).

---

*) Подтвержденіе этому видно въ слѣдующей таблицѣ, относящейся къ Хвалынскому уѣзду.

На дворъ:	Изъ 100 хозяйствъ: Безъ рабоч. скота.	Съ 1 голов. раб. ск.	Съ 2 и б. гол. раб. ск.	Изъ 100 хозяйствъ: Безъ рабоч. м. п.	Съ 1 работ. м. п.	Съ 2 работ. м. п.	Съ 3 и б. раб. м. п.
До 2,5 д. пашни	43	29	28	20	58	17	5
2,5—5 „ „	25	49	26	4	76	16	4
5—10 „ „	10	37	53	2	56	32	10
болѣе 10 д. п.	3	13	84	1	25	36	38

Сопоставленія аренды съ различными экономическими факторами, сдѣланныя по Хвалынскому уѣзду, но допускаемыя и по многимъ другимъ уѣздамъ (Воронежской, Орловской и друг. губерній), приводятъ къ несомнѣнному заключенію, что аренда земли находится въ тѣсной связи съ недостаточностью надѣла и что для уясненія этого нельзя довольствоваться сопоставленіями лишь съ числомъ десятинъ земли на дворъ. Такъ, по Хвалынскому уѣзду въ сборникѣ свѣдѣній, въ которомъ эти сопоставленія сдѣланы, оказывается, что если сопоставить аренду съ количествомъ десятинъ на дворъ (хозяйство), то получатся тѣ же результаты, что и по вышеприведенному Камышинскому уѣзду, а именно, на 100 хозяйствъ арендуютъ пашню изъ безнадѣльныхъ 17% дес., хозяйствъ; изъ имѣющихъ отъ 2,5 до 5 дес.—31,5% хоз., отъ 5—10 дес. пашни—32% хоз. и болѣе 10 дес. пашни—35% хоз., т.-е. съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла на дворъ растетъ % арендующихъ дворовъ; растетъ и количество арендуемыхъ десятинъ на дворъ, а именно: у безнадѣльныхъ арендуется на 10 хозяйствъ въ среднемъ 6,5 дес., у имѣющихъ 2,5—5 дес.—11,9 дес., у слѣдующихъ—14,9 дес. и, наконецъ, у имѣющихъ болѣе 10 дес. арендуется 24,3 дес. на 10 хозяйствъ. „Итакъ, говоритъ составитель сборника, повидимому, все убѣждаетъ насъ, что ростъ аренды идетъ параллельно съ ростомъ надѣла. Однако мы не будемъ успокоиваться на этомъ выводѣ, зная изъ предыдущаго, что вмѣстѣ съ надѣломъ растутъ и два другіе фактора: рабочій скотъ и рабочій составъ семьи“ (тамъ же, стр. 142—143).

Изъ соотвѣтствующихъ сопоставленій данныхъ оказывается, что въ хозяйствахъ *безъ рабочаго скота* съ ростомъ размѣровъ надѣла на дворъ не только не увеличивается арендова-

---

Какъ видимъ, съ большимъ размѣромъ надѣла на дворъ (на хозяйство) число не имѣющихъ работника муж. пол. и рабочаго скота уменьшается; число же имѣющихъ болѣе 2—3 работниковъ и болѣе 1 головы рабочаго скота увеличивается: число рабочихъ обусловливаетъ большее число душевыхъ надѣловъ на дворъ; оно же обусловливаетъ и большее количество рабочаго скота на дворъ.

ніе земли, но увеличивается количество сдаваемой земли въ аренду, а именно: у имѣющихъ 2,5 дес. надѣльной пашни—*сдача* выражается цифрой 0,5 на десять хозяйствъ, у имѣющихъ 5,2—5 дес. над. пашни—12,8, у имѣющихъ 5—20 дес. над. пашни $30,_2$, у имѣющихъ болѣе 10 дес, над. пашни—цифрою $56,_3$, т.-е. у послѣднихъ *сдается* въ аренду земли во 100 разъ больше, чѣмъ у первыхъ. Наоборотъ, у имѣющихъ *2 и болѣе головы рабочаго скота*, но имѣющихъ $2,_5$ дес. над. пашни *арендуется* на 10 хозяйствъ $61,_8$ дес.,у имѣющихъ 2,5—5 дес. над. пашни—$32,_4$, у имѣющихъ 5—10 дес. над. пашни—$22,_5$, у имѣющихъ болѣе 10 дес. над. пашни—19 дес., т.-е. *съ ростомъ надѣла при одинаковомъ количествѣ скота уменьшается пространство земли, арендуемой на 10 хозяйствъ*, и въ то же время *при одинаковомъ надѣлѣ съ увеличеніемъ количества скота увеличивается пространство арендуемой земли.*

Все это можно выразить слѣдующими рядами цифръ, гдѣ — будетъ означать *сдачу* земли (разницу между арендой и сдачей), а + аренду земли.

	На 10 хозяйствъ:			
	При 2,5 д. н.	2,5—5 д. н.	5—10 д. н.	Болѣе 10 д. н.
Безъ рабоч. скота	— **0,5**	— **12,$_8$**	— **30,$_2$**	—**56,$_3$**
Съ 1 гол. раб. скота . .	+ **14**	+ 2,$_3$	— 5	—5,6
Съ 2 и б. гол. раб. скота.	+ **61,$_8$**	+ **32,$_4$**	+ **22,$_9$**	+**19**

Какъ видимъ, неимѣющіе рабочаго скота сдаютъ землю и притомъ среди нихъ тѣмъ больше сдающихъ чѣмъ больше десятинъ надѣла приходится на дворъ. Наоборотъ, имѣющіе 2 и болѣе головъ рабочаго скота всѣ арендуютъ и притомъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше имѣютъ надѣльной земли.

Такой же результатъ получается и при сопоставленіи съ числомъ работниковъ (т.-е. лицъ рабочаго возраста мужского пола въ селѣ). Такъ, при одинаковомъ числѣ работниковъ (1 м. п.) и одинаковомъ числѣ скота (одна голова) параллельно съ ростомъ надѣла до 2,5 дес., 2,5—5 дес., 5—10 дес., б. 10 дес. аренда измѣняется такъ: + $15,_4$, + $1,_7$, — $6,_8$, — $11,_1$, т.-е. не только

уменьшается количество арендуемой земли съ ростомъ надѣла, но даже увеличивается затѣмъ сдача ея. То же получается при двухъ работникахъ и 2-хъ головахъ рабочаго скота, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Надѣлъ:	до 2,5 дес.	2,5—5 дес.	5—10 дес.	б. 10 дес.
Аренда	+ 65,4	+ 38,7	+ 25,1	+ 13

(тамъ же, стр. 143—147).

Отсюда же видно, какое значеніе имѣетъ рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: при одинаковомъ надѣлѣ, но при большемъ количествѣ скота, больше арендуется земли.

Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, остановимся, поэтому, здѣсь нѣсколько подробнѣе на значеніи скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Посмотримъ, въ какой зависимости отъ величины надѣла стоитъ степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства живымъ инвентаремъ, т.-е., главнымъ образомъ, лошадью. Для освѣщенія этого явленія воспользуюсь данными, заключаючающимися въ ст. П. А. Вихляева: „Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (Очерки изъ русской сельскохозяйственной дѣйствительности. СПБ.), гдѣ обработанъ матеріалъ земско-статистическихъ сборниковъ по 313 уѣздамъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что количество лошадей на дворъ стоитъ въ тѣсной связи съ размѣрами надѣла, т.-е. съ уменьшеніемъ послѣдняго уменьшается и число лошадей на дворъ. Такъ, при подраздѣленіи на 8 группъ, при чемъ въ первой получается 17,39 дес. надѣла и, при послѣдовательномъ уменьшеніи, въ послѣдней—7,71 дес. надѣла, лошадей на дворъ въ первой группѣ приходится 1,94, въ послѣдней—1,49.

Но лошадь имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе для обработки пашни, поэтому для правильной характеристики значенія лошади въ хозяйствѣ надо сопоставить количество лошадей съ пространствомъ пашни. По отдѣльнымъ областямъ мы имѣемъ, что пространство пашни занимаетъ въ крестьянскомъ надѣлѣ отъ 50 до 75% всей надѣльной площади. По этимъ районамъ вмѣстѣ и по каждому изъ нихъ отдѣльно по-

лучается, что сокращеніе площади надѣла идетъ параллельно съ пониженіемъ площади удобной земли и пашни, приходящейся на одну лошадь, а это значитъ, что съ пониженіемъ надѣла, съ одной стороны, понижается количество кормовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты для прокормленія скота, а съ другой — сокращается производительное примѣненіе силъ лошади, такъ какъ на долю ея приходится меньшее пространство обработываемой земли. То же получается и въ томъ случаѣ, если взять надѣльную землю вмѣстѣ съ арендованной, такъ что при надѣлѣ менѣе 5 дес. на 1 лошадь приходится 2,93 дес. земли, а при надѣлѣ болѣе 25 дес.—5,17 дес.

Насколько степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства скотомъ зависитъ отъ величины надѣла, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ о безлошадныхъ:

величина надѣловъ:	17 д.	14	12	11	10	9,74	9,22	7,71
% дворовъ безъ рабочаго скота.	12	16	18	20	21	20,97	23,70	26,23

Съ уменьшеніемъ надѣла, какъ видно изъ этихъ цифръ, правильно повышается % безлошадныхъ. Это и понятно. При небольшомъ надѣлѣ нѣтъ возможности использовать рабочую силу лошади; на нее идетъ больше, чѣмъ она производитъ. Держать ее круглый годъ невыгодно, приходится на зиму продавать. А при томъ экономическомъ положеніи, которое создается продажей лошади, въ случаѣ невозможности опять купить ее на лѣто, прекращается возможность арендовать землю. Такимъ образомъ сокращается площадь, съ которой крестьянину приходится прокармливать себя. Продавши лошадь окончательно, крестьянинъ еще не сразу бросаетъ свое хозяйство. Онъ первое время еще пытается обработать свою землю при помощи найма лошади у сосѣдей. Но эта попытка большею частью оканчивается неудачей: естественно, что сосѣди уступаютъ ему лошадь только тогда, когда сами обработаютъ свою землю. А несвоевременность работъ въ земледѣліи роковымъ образомъ отражается на результатѣ: урожай у нашего крестьянина значительно меньше, и, наконецъ,

послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ онъ совершенно разоряется. Вѣрность этого предположенія подтверждается не только логическими соображеніями, но и цифровыми данными, гдѣ таковыя были собраны. И это совершенно понятно.

Дѣло въ томъ, что степень использованія рабочей силы лошади опредѣляется прежде всего размѣромъ надѣла, что опять-таки понятно, такъ какъ лошадь можетъ произвести опредѣленную работу, скажемъ вспахать въ опредѣленное время опредѣленное число десятинъ. Если надѣлъ менѣе этого числа десятинъ, то часть рабочей силы лошади останется не использованной и тѣмъ бо́льшая, чѣмъ мельче надѣлъ. И дѣйствительно, при надѣлѣ:

	дес.
до 5 дес. обработ. на 1 лошадь.	1,39
5—15 д.	2,54
15—25 д.	3,32
б. 25 д.	4,20

Соотвѣтственно этому является стремленіе дополнить недостающій надѣлъ арендой, а потому въ группахъ, менѣе надѣленныхъ, но имѣющихъ одинаковое количество лошадей, арендуется, какъ уже выяснено, больше земли.

Такъ, въ Воронежской губ. арендуется:

при надѣлѣ:	до 5 д.	5—15 д.	15—25 д.	б. 25 д.
на 1 лош. дес. —	1,54	0,85	0,78	0,97.

При этомъ, однако, получается, что на 1 лошадь арендованной и собственной земли приходится при меньшемъ надѣлѣ все-таки меньше. А именно:

при надѣлѣ:	до 5 д.	5—15 д.	15—25 д.	б. 25 д.
на 1 лош. дес. —	2,93	3,39	4,10	5,17.

Подобныя же соотношенія получаются и по другимъ уѣздамъ (Казанск., Тверск., Новгородск. губ.). Такія же соотношенія получаются и при обработкѣ пашни волами.

Такимъ образомъ, когда лошадь крестьянина менѣе надѣленнаго обрабатываетъ 1,39 дес., болѣе надѣленный пользуется ея

силой для обработки 4,20 дес., т.-е. въ послѣднемъ случаѣ ея работа втрое производительнѣе. „Тамъ, гдѣ крестьянинъ съ надѣломъ нѣсколько выше 25 д. содержитъ для обработки своей земли *3—4* лошади, пятеро сосѣдей его съ надѣломъ по 5 десятинъ, для обработки того же пространства, земли содержатъ *9—12 лошадей*“ (П. А. Вихляевъ). Содержаніе же одной рабочей лошади въ томъ и другомъ случаѣ должно быть почти одинаково, а добывается оно при очень различныхъ условіяхъ.

„Въ результатѣ, трудъ, овеществленный въ продуктахъ содержанія рабочаго скота, распредѣляется неравномѣрно и переносится на тѣмъ большее количество продуктовъ пашни, чѣмъ крупнѣе размѣръ землевладѣнія: при надѣлѣ болѣе 25 дес. содержаніе рабочей лошади переносится на продукты 4,2 дес., при наименьшемъ надѣлѣ на продукты 1,39 дес., т.-е. производятельность труда понижается по мѣрѣ сокращенія надѣла... *По мѣрѣ сокращенія величины надѣла, содержаніе рабочей лошади поглощаетъ все большій и большій процентъ валового дохода хозяйства*, а такъ какъ съ меньшаго надѣла получается и меньшее количество продуктовъ, то мы можемъ прійти къ заключенію, что чѣмъ меньше валовой доходъ крестьяскаго хозяйства, тѣмъ большій процентъ этого дохода поглощается содержаніемъ рабочаго скота *и тѣмъ меньшее количество продуктовъ остается въ рукахъ земледѣльца для удовлетворенія его собственныхъ потребностей*“. (тамъ же).

Отсюда понятно, что въ *общинахъ* съ меньшимъ земельнымъ надѣломъ должна получиться меньшая возможность вести хозяйство, и „возникаетъ моментъ, когда содержаніе лошади становится непосильнымъ и является необходимость выбора между голодомъ и потерею рабочаго скота; наступленію этого момента, конечно, споспѣшествуетъ сокращающаяся величина надѣла“ (тамъ же). Отсюда же понятно и другое, а именно, что чѣмъ малоземельнѣе община, т.-е. чѣмъ меньше въ ней средній размѣръ надѣла, тѣмъ больше въ ней должно быть такихъ хозяйствъ, надѣлъ которыхъ недостаточенъ ни для собственнаго содержанія ни для прокормленія лошади. А въ такомъ случаѣ въ

такой общинѣ должно быть болѣе, чѣмъ въ многоземельной, такихъ домохозяевъ, которые прекратили хозяйство, но въ то же время въ ней должно быть больше и такихъ домохозяевъ, которые не могутъ арендовать надѣлъ, не обработываемый тѣми, кому онъ надѣленъ. И вотъ въ такой общинѣ является въ полѣ много запущенныхъ полосъ. На это обыкновенно и указываютъ, какъ на свидѣтельство того, что не въ малоземельи причины плохого состоянія крестьянскаго хозяйства: „напротивъ, говорятъ, у мужика земли такъ много, что онъ и ее-то не въ силахъ обработать, иначе не было бы такъ много запущенныхъ полосъ". А между тѣмъ именно потому и много запущенныхъ полосъ, что земли мало: нечѣмъ содержать скотъ, нечѣмъ навозить землю, нечѣмъ ее и обработывать.

Хозяйство, не имѣющее лошади, уже лишено возможности арендовать землю, и потому въ мѣстностяхъ съ бо̀льшимъ процентомъ безлошадныхъ дворовъ *средній* размѣръ надѣла на дворъ меньше, нежели въ мѣстностяхъ съ меньшимъ процентомъ безлошадныхъ, что и констатировано въ изслѣдованіи П. А. Карышева: „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды". Тамъ указано, что по мѣрѣ увеличенія процента безлошадныхъ съ 15 до 41% уменьшается средній размѣръ арендуемаго на дворъ участка съ 4,9 дес. до 0,2 дес. Потеря лошади, лишая возможности арендовать землю, дѣлаетъ необходимой обработку надѣльной земли наймомъ, что, какъ уже отмѣчено, имѣетъ свои невыгоды, независимо отъ того, что рабочая сила лошади еще менѣе использована при сокращеніи обработываемой площади за отсутствіемъ арендованной земли.

Итакъ, прежде всего прекращается аренда, лошадь продается, а надѣлъ обработывается нанятой у сосѣда лошадью; хозяйства безъ рабочаго скота увеличиваются, а обработка своимъ скотомъ падаетъ. Но на этомъ процессъ разоренія, конечно, не останавливается, онъ идетъ далѣе: среди безлошадныхъ процентъ бездомовыхъ составляетъ отъ 8 до 10,2%, тогда какъ у лошадныхъ только 0,3—0,4% бездомовыхъ. Здѣсь мы уже имѣемъ

дѣло съ полнымъ и безповоротнымъ превращеніемъ крестьянина въ пролетарія.

Но что же сдѣлалось съ его землей? Быть-можетъ, она попала въ руки другого нуждающагося въ землѣ, и такимъ образомъ паденіе одного бѣдняка вывело до нѣкоторой степени изъ нужды другого? Но и этого нѣтъ.

Нѣсколько выше мы отмѣтили уже, что наиболѣе развито это явленіе въ наименѣе земельныхъ общинахъ, въ которыхъ поэтому и больше запущенной земли; тутъ она никому не попадаетъ. Если такое забрасываніе пашни при бѣдности рабочими силами и рабочимъ скотомъ происходитъ въ общинѣ не столь малоземельной, то тамъ оставленная безлошадными безъ обработки земля попадаетъ въ руки болѣе сильнаго хозяина, какъ это хорошо выяснено въ цитируемой статьѣ П. А. Вихляева. Дѣло въ томъ что, какъ уже отмѣчено выше, съ увеличеніемъ числа работниковъ въ семьѣ увеличивается арендованіе земли, такъ какъ соотвѣтственно этому увеличивается и количество рабочихъ лошадей. Это увеличеніе въ количествѣ рабочихъ лошадей при большемъ числѣ рабочихъ силъ объясняется тѣмъ, что каждый рабочій долженъ быть снабженъ лошадью, такъ какъ безъ того онъ и не можетъ приложить своихъ силъ къ землѣ. А въ такомъ случаѣ при существующей нормѣ надѣла должно являться въ такихъ многорабочихъ и многолошадныхъ семьяхъ стремленіе арендовать столько земли, чтобы не оставить неиспользованными рабочія силы лошадей. Но такія многолошадныя семьи при всякихъ условіяхъ аренды, т.-е. какъ за деньги, такъ и за работу, поставлены въ болѣе легкую возможность арендовать, чѣмъ однолошадный (и въ то же время по преимуществу однорабочій) хозяинъ. Конкурентами такимъ однолошаднымъ и являются многорабочія семьи.

Все это приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: величина надѣла — главный факторъ, опредѣляющій отношеніе лошади къ землѣ. Съ уменьшеніемъ надѣла сокращается пространство земли на 1 лошадь; отсюда — стремленіе арендовать, которое тѣмъ болѣе осуществляется, чѣмъ больше лошадей приходится на дворъ. Коли-

чество работниковъ, въ свою очередь, увеличивая надѣлъ двора и число лошадей, способствуетъ арендѣ въ бо́льшихъ размѣрахъ. При большомъ надѣлѣ возрастаетъ число лошадей, находящихъ работу на надѣльной землѣ; при маломъ — увеличеніе числа лошадей вызываетъ необходимость аренды, но эта необходимость существуетъ здѣсь въ болѣе сильной степени и при одной лошади. Отсюда—и низкія цѣны на хлѣбъ не уменьшаютъ аренды, ибо для увеличенія обработки не требуется увеличенія живого инвентаря, хотя въ то же время, чтобъ имѣть возможность больше арендовать, больше держится лошадей, но это и служитъ признакомъ обычнаго избытка рабочей силы лошади и влечетъ меньшую у насъ производительность труда и бѣдность. Для повышенія же производительности труда необходимо созданіе такихъ условій, при которыхъ рабочая сила утилизировалась бы сполна.

Отсюда, между прочимъ, должно быть ясно, что увеличеніе крестьянскаго землепользованія еще не потребуетъ непремѣнно и увеличенія числа лошадей. Во всякомъ случаѣ, указаніе на то, что увеличеніе крестьянскаго землепользованія не принесетъ пользы крестьянскому хозяйству, такъ какъ гдѣ же крестьянинъ возьметъ рабочій скотъ, теряетъ свою силу въ виду приведенныхъ фактовъ и разъясненій ихъ. Увеличеніе крестьянскаго землепользованія позволитъ полнѣе и производительнѣе израсходовать рабочую силу лошади, а это дастъ возможность увеличить количество рабочаго скота, возможность увеличенія котораго еще получится и оттого, что будетъ чѣмъ кормить его, разъ будетъ достаточно земли.

Что же, однако, показываетъ все это? Если намъ приходится здѣсь цѣлымъ рядомъ сопоставленій приходить къ выводу о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ несоотвѣтствіе площади обработываемой земли силамъ лошади, то крестьянину это отлично извѣстно практически и совершенно понятно безъ всякихъ статистическихъ выкладокъ. А въ такомъ случаѣ что же значитъ, что, несмотря на все это, онъ стремится снабдить лошадью каждую рабочую силу и, такъ сказать, обѣими руками держится за

возможность арендовать землю и вообще за тотъ тяжелый и къ тому же неблагодарный трудъ, которымъ, при описанныхъ условіяхъ, оказывается земледѣліе? Не та ли это привязанность и любовь къ землѣ, которую нѣкогда такъ поэтически изобразилъ Мишле? Не отрицая возможности существованія такихъ чувствъ и страстей и предоставляя анализъ ихъ психологамъ, посмотримъ, не найдется ли объясненіе этому въ экономическихъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если довольно простой и нехитрый расчетъ показываетъ, что при отмѣченныхъ условіяхъ веденіе хозяйства представляется невыгоднымъ и въ концѣ-концовъ ведетъ къ обезлошаденью, но только путемъ долгой упорной борьбы и недоѣданья, то что же заставляетъ держаться за землю, вмѣсто того, чтобы искать другой работы? Одна только привычка къ этому труду и инертность ничего не объясняютъ, такъ какъ тотъ же крестьянинъ, не ограничиваясь земледѣліемъ, берется за всякую работу, ищетъ ее повсюду, не стѣсняясь для этого итти за сотню верстъ пѣшкомъ, питаясь нерѣдко подаяніемъ, оставляетъ совершенно свою деревню и бредетъ невѣдомыми ему путями искать такія мѣста, гдѣ бы земли было вволю. Если имѣть въ виду, что развивающаяся фабрика не поглощаетъ всего количества лицъ, выбиваемыхъ изъ крестьянскаго строя малымъ надѣломъ и низкою при этихъ условіяхъ производительностью земледѣльческаго труда, то намъ станетъ такъ же понятно, какъ и крестьянину, знающему это по опыту, что, освободившись отъ земли, онъ не найдетъ болѣе благопріятныхъ условій для приложенія своего труда, а слѣдовательно, и для своего пропитанія. Вотъ тѣ экономическія основанія, тѣ матеріальные интересы, которые заставляютъ его держаться за землю, которые, несмотря ни на что, даютъ устойчивость этому слою населенія и сохраняютъ его повсюду, гдѣ капитализмъ ушелъ много дальше нашего по пути своего развитія.

Изъ всего сказаннаго въ этомъ очеркѣ понятно, какое значеніе имѣютъ условія, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе у крестьянъ живого инвентаря. Посмотримъ поэтому на нѣкоторыя условія измѣненія его.

Конскою переписью 1882 года въ 48-ми губерніяхъ Европейской Россіи зарегистровано $18^1/_2$ милліоновъ лошадей, въ среднемъ на 100 чел. — 26 лошадей, а если брать одно сельское населеніе, то на 100 чел. приходилось 28 лошадей. Городскія лошади составляли $2,3^0/_0$ общаго числа лошадей, крестьянскія — $86,7^0/_0$ всего числа и въ 8 разъ больше владѣльческихъ, составлявшихъ только $11^0/_0$. По областямъ въ средней части Россіи приходилось 2,35 лошад. на 1 лошадный дворъ; значительно ниже это отношеніе на сѣверѣ, гдѣ мало распаханныхъ земель, и на югѣ, гдѣ распространены волы. Всего больше лошадей приходилось на югѣ-востокѣ — 4 на 1 лошадный дворъ, меньше въ промышленнымъ губерніяхъ — 1,5 на дворъ. Процентъ безлошадныхъ дворовъ оказался весьма значительнымъ: въ 45 губерніяхъ — $26,8^0/_0$. Въ общемъ же замѣчалась обратная зависимость между величиной надѣла и $^0/_0$ безлошадныхъ. По переписи 1888 года въ 9-ти губерніяхъ число лошадей на дворъ увеличилось, въ 9-ти не измѣнилось и въ 10-ти уменьшилось (А. Фортунатовъ: „С. хоз. стат.“). Процентъ безлошадныхъ въ общемъ уменьшился, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ увеличился. Общее же количество лошадей по 1888 годъ возросло на $5,47^0/_0$, въ то же время понизился $^0/_0$ безлошадныхъ, при чемъ большее пониженіе произошло въ многонадѣльныхъ группахъ.

Указанный благопріятный фактъ могъ произойти какъ въ зависимости отъ увеличенія населенія, такъ и отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ періодъ съ 1882 по 1888 годъ, какъ, наприм., отмѣна подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилось нѣсколько неблагопріятное отношеніе прямыхъ платежей къ доходамъ съ земли. Если прибавить сюда, что съ 1882 по 1888 г. было нѣсколько урожайныхъ годовъ, то станетъ понятнымъ, почему за этотъ періодъ увеличилось количество лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но уже 1891 голодный годъ вызвалъ обратное явленіе — распродажу крестьянскаго скота въ большомъ количествѣ за безцѣнокъ, и не только въ губерніяхъ, постигнутыхъ голодомъ, гдѣ это, конечно, главнымъ

образомъ, наблюдалось, но и въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе общей дороговизны хлѣба въ то время; такъ, по конской переписи 1894 года въ Тверской губ. количество лошадей съ 1888 года уменшилось на 9.500 лош., т.-е. на 3,1%, и это даже при томъ условіи, что слѣдующіе за 1891 и 1892 урожайные годы при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ дали возможность населенію не прибѣгать къ продажѣ своего скота.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что количество скота является очень чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ въ условіяхъ хозяйства и потому отъ уменьшенія его даже въ цѣцѣломъ рядѣ лѣтъ нельзя еще заключать о дальнѣйшемъ движеніи въ томъ же направленіи. Такъ, при 18½ милл. лошадей въ 1882 г. мы имѣемъ въ Россіи къ 1901 г. уже болѣе 21 милл. лошадей; къ 1902 г. число ихъ тоже немного повысилось. Особенно рѣзкія колебанія происходятъ въ количествѣ рогатаго скота. Съ 26 милл. головъ въ 1880 г., число ихъ поднялось до 36 милл. къ 1900 г., тогда какъ для 1898 г. числилось лишь 24 милл. головъ. Чтобы лучше прослѣдить происходящія тутъ измѣненія, обратимся къ даннымъ, относящимся къ Московской губ., гдѣ этотъ матеріалъ разработанъ за цѣлый рядъ лѣтъ, начиная въ 1869 г. Изъ него ясно видно, что тутъ происходятъ колебанія въ ту и другую сторону. Такъ, относительно крупнаго рогатаго скота „за періодъ времени съ 1869 по 1883 г. констатируется *увеличеніе* количества скота на 9.018 головъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ съ 1883—1887 г. увеличеніе равняется 6.596 головъ, съ 1887—1889 г. достигаетъ 48.062; съ этого времени начинается совершенно правильное *паденіе* цифръ, заканчивающееся 1892 — голоднымъ годомъ, когда уменьшеніе достигаетъ 38.837 головъ; съ 1893 г. опять начинается *увеличеніе* количества скота на 5.289, а въ 1894 г. на 22.185 головъ“ (Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1895 г. „Данныя о размѣрахъ скотовладѣнія въ Московской губ.“ С. Н. Павлушкова). Начавшееся съ 1893 г. увеличеніе имѣло мѣсто также и въ 1895 и въ 1896 годахъ; въ 1895 г. количество крупнаго рогатаго скота въ губерніи, по сравненію съ предше-

ствующимъ годомъ, возросло на 15.581 гол. (6,3%), а въ 1896 г. на 34.257 гол. (13%) (Стат. Ежег. Моск. губ. за 1897 г.). Что касается лошадей, то за тѣ же годы увеличеніе въ ихъ числѣ отмѣчается лишь въ 1883 г. и затѣмъ въ 1893 г.; нѣкоторое уменьшеніе ихъ въ 1894 г. смѣняется увеличеніемъ въ 1895 г., и еще бо́льшимъ увеличеніемъ въ 1896 г. (тамъ же). Однородныя же колебанія происходятъ для послѣдующихъ лѣтъ и въ 1905 г., напр., произошло небольшое сокращеніе въ числѣ лошадей сравнительно съ предшествующимъ годомъ и довольно значительное въ числѣ коровъ, а за 1906 г. число лошадей у крестьянъ увеличилось почти на 4 тыс., а коровъ опять уменьшилось. При этомъ оказывается, что въ неурожайные годы населеніе въ большей мѣрѣ лишается крупнаго рогатаго скота, нежели лошадей, хотя затѣмъ возстановленіе рогатаго скота происходитъ быстрѣе уже въ силу того, что оно въ большей мѣрѣ происходитъ путемъ естественнаго выращиванія его въ своемъ хозяйствѣ. Отмѣтимъ еще, что для 1893 г., по сравненію съ 1883 г., произошло увеличеніе однолошадныхъ и сокращеніе въ числѣ имѣющихъ по 2 лошади и болѣе 2-хъ лошадей. Уменьшилось также и число дворовъ, не имѣющихъ лошадей.

Подобныя же измѣненія намѣчаются и по другимъ мѣстностямъ, гдѣ имѣются такого рода данныя за рядъ лѣтъ. Такъ, въ Петровскомъ у., Саратовской г., при сравнительной разработкѣ матеріала подворной переписи 1884 и 1894 гг. приведены свѣдѣнія о количествѣ лошадей за періодъ 1882—1896 гг., при чемъ оказывается, что съ 1882 г. оно росло до весны 1891 г., а затѣмъ послѣ неурожая значительно понизилось; къ веснѣ же 1893 г. стало опять возрастать вплоть до 1896 г., не достигнувъ, правда, цифры 1892 г. Что касается рогатаго скота, то по отношенію къ нему колебанія еще сильнѣе: съ 75 т. въ 1884 г. оно упало до 49,8 т. къ 1892 г., а затѣмъ, постепенно возрастая, дошло до 80,5 т. къ 1896 г., т.-е. здѣсь также отмѣчается по отношенію къ рогатому скоту: 1) болѣе быстрое сокращеніе его подъ вліяніемъ нужды и 2) болѣе быстрое возстановленіе его путемъ естественнаго выращиванія. При этомъ оказывается еще,

что и въ Петровскомъ у. въ результатѣ измѣненій, происходившихъ между 1884 и 1894 гг., произошло увеличеніе процента дворовъ съ одной лошадью и уменьшеніе процента дворовъ съ 2 и болѣе лошадьми (Н. Черненковъ: „Сравнит. данныя о скотоводствѣ крест. Петровск. у. по земск. переп. 1884 и 1894 г.“, въ „Сарат. Земск. Нед.“ 1897 г., № 7), объясненіе чему и можно искать въ томъ, что одна лошадь, какъ минимальная величина, безъ которой уже нельзя вести хозяйство, по возможности не отчуждалась; вторая же, а тѣмъ болѣе третья по нуждѣ продавались, вслѣдствіе чего и получилось увеличеніе въ числѣ однолошадныхъ дворовъ. Но въ то же время на счетъ ихъ не происходило возвышенія другихъ болѣе состоятельныхъ домохозяевъ, и неудачные въ хозяйственномъ отношеніи годы создаютъ не диференціацію, а, наоборотъ, нивеллированіе, но на почвѣ пониженія общаго уровня благосостоянія, что, однако, опять измѣняется путемъ послѣдующаго увеличенія въ количествѣ скота.

Мы ограничиваемся приведеніемъ такого рода данныхъ по Петровскому у. и по Московской губерніи именно потому, что здѣсь они имѣются за цѣлый рядъ лѣтъ, и это даетъ возможность видѣть, что измѣненія въ количествѣ скота не совершаются въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Напротивъ, чуть только являются сколько-нибудь благопріятныя условія, тотчасъ же количество скота начинаетъ увеличиваться, а это опять-таки свидѣтельствуетъ, что населеніе упорно держится за сельское хозяйство и будетъ держаться, и уже въ силу этого экономическія условія сельскаго хозяйства должны имѣть наибольшее значеніе въ общемъ строѣ нашихъ экономическихъ отношеній. Но эти же данныя относительно измѣненій въ количествѣ скота говорятъ и за то, что увеличеніе крестьянскаго землепользованія тотчасъ же—въ теченіе одного года—измѣнитъ обезпеченность крестьянскаго хозяйства и рабочимъ и пользовательнымъ скотомъ. Отсюда опять-таки ясно, насколько лишены всякой дѣйствительной почвы опасенія, что переходъ земли къ крестьянамъ не улучшитъ, а ухудшитъ положеніе нашего сельскаго хозяйства,

такъ какъ у крестьянина нѣтъ скота для удобренія и обработки. Спрашивается, однако, да кто же у насъ выращиваетъ рогатый скотъ, даже при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства? Извѣстно, напротивъ, что даже теперь, при сколько-нибудь сносномъ сборѣ сѣна и яровой соломы, крестьянинъ выращиваетъ лишнюю скотину и продажей ея выручаетъ тѣ оборотныя средства, которыя ему нужны для веденія хозяйства. И это не исключительные случаи и не у исключительно благопрятно поставленныхъ хозяевъ, а довольно обычное явленіе и притомъ въ мѣстностяхъ малоземельныхъ.

Послѣ этого отступленія, касающагося измѣненій въ количествѣ скота, отступленія, содержаніе котораго находится, однако, въ тѣсной связи съ выясненіемъ условій аренды и условій веденія у насъ крестьянскаго хозяйства, остановимся еще немного на выясненіи того, какіе разряды крестьянъ арендуютъ по преимуществу.

Анализируя данныя земско-статическихъ изслѣдованій, А. А. Мануиловъ, какъ мы привели, опредѣленно устанавливаетъ прямую зависимость между потребностью въ арендѣ и настоятельностью нужды въ землѣ. Но явленія экономической жизни настолько сложны и настолько находятся въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій, что одно какое-либо условіе не продолжаетъ своего вліянія, такъ сказать, до конца. По дорогѣ, если можно такъ выразиться, его вліяніе перекрещивается вліяніемъ другихъ условій. Въ результатѣ получается, что арендаторами являются по преимуществу не самые бѣдные, т.-е. не самые нуждающіеся въ землѣ. Такъ, по даннымъ изслѣдованія 80-хъ годовъ по Полтавской губерніи получается тотъ результатъ, что арендаторами является по преимуществу средняя по земельному обезпеченію часть крестьянства, а не самая обдѣленная и не самая многоземельная. Точно такъ же въ Саратовской губерніи, по даннымъ, относящимся къ послѣднему времени, получается, что „средняя и зажиточная часть крестьянства (съ 2 и болѣе головъ рабочаго скота), составляющая около половины населенія (46% дворовъ и 59% населенія), захватываетъ въ свои руки 84% аренды,

имѣя къ тому же $^3/_4$ всего скота и посѣва“ (Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губ. Вып. II. Эксплуатація пашни въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ и крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Саратовъ. 1905 г. Стр. 46).

Часть объясненія этого, какъ видно и изъ только что приведенной выдержки, заключается въ томъ, что наименѣе надѣленные землею относительно меньше имѣютъ и скота и потому ограничены въ одномъ изъ существенныхъ условій для арендованія. Но это объясненіе не приложимо къ наиболѣе многоземельнымъ, т.-е. не объясняетъ, почему среди арендаторовъ, какъ то выясняютъ данныя Полтавской губ. и нѣкоторыя другія, преобладаніе получаютъ именно *средніе* по земельному обезпеченію крестьянскіе дворы.

Вопросъ въ томъ: почему и какое они имѣютъ преимущество передъ многоземельными дворами? Вполнѣ удовлетворительное объясненіе даетъ этому проф. В. А. Косинскій въ своемъ уже упоминавшемся нами изслѣдованіи: „Къ аграрному вопросу“. Здѣсь надо имѣть въ виду прежде всего, какъ это слѣдуетъ изъ предшествующаго очерка по землевладѣнію и изъ всего, что сказано здѣсь объ арендѣ, что наша крестьянская аренда представляетъ собою продовольственную аренду: не ради прибыли арендуетъ землю крестьянинъ, а изъ-за нужды, изъ-за недостатка надѣльной земли для прокормленія, для продовольствія своего. Это обстоятельство, конечно, ставитъ его въ такое положеніе, что не онъ установляетъ условія аренды, а ему ихъ предписываютъ, и онъ ихъ принимаетъ. Но тѣ, кто сдаютъ землю въ аренду, имѣютъ въ виду полученіе прибыли на капиталъ, заключающійся въ стоимости земли, при чемъ, конечно, чѣмъ выше прибыль, тѣмъ лучше. Но нужно въ то же время выбрать такихъ арендаторовъ, которые и *готовы* дать больше другихъ, да и *могутъ* это сдѣлать. Кто же эти арендаторы? Средніе по земельному обезпеченію дворы, отвѣчаетъ проф. Косинскій.

Такъ какъ арендуетъ крестьянинъ землю для прокормленія, то онъ готовъ отдать за нее все, что получится сверхъ того, что возвращаетъ ему издержки и оставляетъ обычную заработную плату. А въ

такомъ случаѣ крестьянинъ пріарендовываетъ къ своей надѣльной землѣ для того, чтобы сполна использовать свою рабочую силу и получить соотвѣтствующую тому сумму средствъ на содержаніе, приравнивающуюся къ заработной платѣ. Все, что получится отъ земли сверхъ того, онъ не только *готовъ* и имѣетъ *возможность*, но и *вынужденъ* отдать. Но то, что получается сверхъ того, получается какъ съ своей, такъ и арендованной земли вмѣстѣ. Но если арендовать надо для того, чтобы довести хозяйство до нормальной величины, то у кого надѣлъ меньше, тотъ долженъ пріарендовать больше, у кого же надѣла больше, тотъ для доведенія хозяйства до той же величины арендуетъ меньшее пространство земли.

Кто же *можетъ* дать больше за арендуемую землю? Конечно тотъ, кто арендуетъ меньшее ея количество по сравненію съ своимъ надѣломъ. Если у одного 5 дес. надѣла, а у другого 2 дес., то для хозяйства на 10 десятинахъ первый долженъ арендовать 5 дес., а второй 8 дес. При арендной платѣ 12 р. 50 к. за десятину первый заплатитъ за арендуемую землю 62 р. 50 к., а второй 100 р., а выручаютъ съ земли своей и надѣльной вмѣстѣ тотъ и другой по 300 р., считая доходъ съ десятины въ 30 р. Вычитая арендную плату, получимъ въ первомъ случаѣ въ пользу арендующаго 237 руб. 50 к., а во второмъ лишь 200 руб. Если послѣдняя сумма составляетъ то минимальное, что необходимо для существованія и ниже чего обычно не спускается и заработная плата, то очевидно, что второй уже и не можетъ уплатить аренды свыше 12 руб. 50 к. за десятину, если только доходъ отъ земли не подымается; поэтому, если арендная плата поднимется выше 12 р. 50 к. за десятину, то второму, т.-е. при надѣлѣ 2 дес., выгоднѣе итти и наняться въ работники, гдѣ онъ можетъ получить полную заработную плату въ 200 руб. Владѣлецъ же 5 дес. надѣла можетъ отдать въ пользу сдатчика аренды еще 37 р. 50 к. и все-таки получитъ еще не менѣе того, что бы получилъ въ качествѣ работника въ чужомъ хозяйствѣ. Сдатчикъ, конечно, своихъ выгодъ не проглядитъ и подниметъ арендную плату свыше 12 р. 50 к. настолько, чтобы поглотить остав-

шіеся арендатору 5-ти дес. сверхъ 200 р.—37 р. 50 к., т.-е., иначе говоря, доведетъ арендную плату за десятину (при этихъ условіяхъ) до 20 р. Этого не можетъ платить имѣющій надѣлъ менѣе 5 дес., но болѣе этого не можетъ платить и тотъ, у кого ея 5 дес., поэтому при предположенныхъ условіяхъ она выше не поднимется. Правда, повышенную плату *могъ бы* платить тотъ, у кого земли больше 5 дес., но онъ *не* въ такомъ положеніи, чтобы былъ *вынужденъ* ее платить. Если вся сумма заработка 200 р., а десятина даетъ 30 р. дохода, то эти 200 р. получаются съ $6^2/_3$ дес. Если такая семья можетъ обработать лишь 10 дес., то, слѣдовательно, получая 200 р. на существованіе со всѣхъ 10 дес., она получаетъ съ каждой десятины въ видѣ заработка 20 р. При этихъ условіяхъ семья, *обезпеченная* съ своего надѣла выручкой суммы, равной заработной платѣ, *не вынуждена* платить за арендуемую землю такую сумму, которая оставитъ ей съ десятины менѣе того, что составляетъ заработокъ съ десятины. А такъ какъ заработокъ этотъ 20 р., то при 30 р. дохода такая семья не найдетъ расчета платить свыше 10 р. арендной платы за десятину. Арендаторы же 5 дес. готовы и вынуждены платить даже болѣе 12 руб. 50 коп. Эта-то ихъ *вынужденность* и дѣлаетъ ихъ настолько сильными конкурентами, что они, т.-е. *средніе* по земельной обезпеченности, перебиваютъ землю у болѣе обезпеченныхъ землею; по отношенію же къ менѣе надѣленнымъ они являются болѣе сильными конкурентами, потому что *могутъ* уплатить болѣе тѣхъ.

Таково объясненіе, даваемое проф. Косинскимъ, согласно которому преобладающими арендаторами должны явиться дворы средніе по обезпеченности землею; это же объясненіе, какъ мы видѣли, подтверждается и нѣкоторыми фактическими данными. Но, думается намъ, объясненіе это не только опредѣленно указываетъ, кто является у насъ арендаторами, а даже и больше. Въ самомъ дѣлѣ, если это объясненіе вѣрно относительно состава арендаторовъ, то оно должно объяснить и движеніе у насъ арендныхъ цѣнъ. Согласно даннымъ земско-статистическихъ сборниковъ, въ теченіе первыхъ десятилѣтій по отмѣнѣ крѣпостного

права происходило повышеніе арендныхъ цѣнъ, при чемъ постепенно цѣны поднялись вдвое и выше, и это замѣчалось повсемѣстно. Нѣкоторая пріостановка и даже по мѣстамъ небольшое паденіе цѣнъ произошло временно лишь въ 80-хъ годахъ, а потомъ цѣны опять стали подниматься. Соотвѣтственно съ подъемомъ денежныхъ арендныхъ платъ измѣнилась и величина натуральной оплаты аренды: плата исполу замѣнилась отдачей землевладѣльцу $^2/_3$ и даже $^3/_4$ продукта или стала дополняться разными отработками.

Все это будетъ понятно, если имѣть въ виду, что населеніе постепенно росло и все болѣе и болѣе остро ощущало малоземелье, что и увеличивало постепенно число дворовъ, вынужденныхъ арендовать по болѣе высокой цѣнѣ; въ составъ ихъ переходили тѣ, которые прежде, если и готовы были арендовать, то все же не спустились еще до той низкой предѣльной нормы, при которой аренда на наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ, оставаясь еще возможной, является въ то же время вынужденной. Такое измѣненіе подтверждается и приведенными выше данными объ измѣненіи въ распредѣленіи скота, показывающими уменьшеніе % дворовъ съ 2 и болѣе лошадьми, что говоритъ за увеличеніе числа дворовъ, среднихъ по обезпеченности землею.

Временное пониженіе арендныхъ цѣнъ въ 80-хъ годахъ могло происходить подъ вліяніемъ разныхъ условій, измѣнившихъ соотношеніе между землей и населеніемъ. Во-первыхъ, какъ извѣстно, 80-е годы характеризуются развитіемъ передѣловъ земли, что могло вліять на перераспредѣленіе земли болѣе благопріятнымъ образомъ, затѣмъ облегченіе переселеній, а главное здѣсь, могло временно оказать вліяніе измѣненіе прямыхъ платежей въ отношеніи къ доходности земли подъ вліяніемъ пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати.

Постепенное, однако, увеличеніе населенія продолжаетъ гнать арендныя цѣны вверхъ, пока не наступаетъ, наконецъ, такой подъемъ цѣнъ, что населеніе не въ силахъ платить, но въ то же время малоземелье не позволяетъ обойтись безъ аренды — насту-

паютъ аграрные безпорядки. Этому послѣднему явленію, однако, предшествуетъ и подготовляетъ его еще одинъ моментъ.

Изъ изложеннаго объ условіяхъ аренды не трудно заключить, что арендаторъ-крестьянинъ—это, въ сущности, рабочій землевладѣльца-сдатчика, и притомъ рабочій, поставленный во многихъ условіяхъ въ положеніе, сходное съ положеніемъ крѣпостного, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ худшее. Онъ имѣетъ свой участокъ, на которомъ работаетъ для себя, получаетъ и участокъ отъ землевладѣльца, на которомъ работаетъ тоже и для себя, отдавая землевладѣльцу только часть дохода. Но работаетъ онъ на этомъ участкѣ не такъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, когда ему все равно, что получится на участкѣ, обработываемомъ для помѣщика. Нѣтъ, теперь онъ старается выручить больше и въ результатѣ, обрабатывая для землевладѣльца его землю, отдаетъ ему и часть того, что получаетъ съ своей.

Это положеніе арендатора, дѣлающее его, въ сущности, рабочимъ, получающимъ за работу плату землей, совершенно ясно тогда, когда отдѣльный крестьянинъ или все общество обязаны за арендную землю отвѣтить работой на землѣ, сборъ съ которой цѣликомъ идетъ въ пользу сдатчика, при чемъ обработка производится крестьянскимъ инвентаремъ. Но по мѣрѣ того, какъ арендная плата растетъ, а надѣлъ на дворъ уменьшается, соотвѣтственно чему и количество скота убавляется, уменьшается и работоспособность крестьянъ на частновладѣльческой землѣ при крестьянскомъ инвентарѣ, должна уменьшаться и способность арендовать и исправность уплаты и, слѣдовательно, со стороны землевладѣльцевъ должно сократиться стремленіе сдавать крестьянамъ землю въ аренду. Такъ и происходитъ. „Собственная запашка у частныхъ владѣльцевъ расширяется. Въ прежнее время земля сдавалась въ аренду“. „Такъ какъ отдача земли въ наемъ крестьянамъ сокращается по бѣдности крестьянъ, то экономія по необходимости должна обработывать оставшуюся землю сама своимъ инвентаремъ, мертвымъ и живымъ, при постоянныхъ рабочихъ“. „Сдача земли по одиночкѣ крестьянамъ сократилась по случаю неплатежа арендныхъ денегъ“. Кромѣ того, повышеніе цѣнъ на

хлѣба вызываетъ увеличеніе у землевладѣльцевъ собственной запашки. Такъ говорятъ въ 1899 г., напр., корреспонденты саратовскаго земства изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ (Сборн. свѣд. по Саратовск. губ. за 1899 г., вып. III. Саратовъ. 1900). Но еще для этого года измѣненій въ развитіи аренды въ общемъ итогѣ не замѣчается. Здѣсь еще только начинается то явленіе, которое уже болѣе развилось къ 1904 г., когда сдача земли въ наемъ крестьянамъ уменьшилась по случаю обработки полей наймомъ. „Собственная запашка увеличилась вдвое, а сдача уменьшилась по случаю несправности платежа арендныхъ денегъ". При сравненіи числа сообщеній объ увеличеніи запашки съ числомъ сообщеній объ уменьшеніи сдачи въ аренду по отдѣльнымъ районамъ получается для 1904 г. полное совпаденіе этихъ данныхъ (Тамъ же, но за 1904 г., вып. I).

Коль скоро произошло сокращеніе сдачи въ аренду и крестьянамъ стало невозможно вести свое хозяйство, на ряду съ чѣмъ, какъ указано, происходило повышеніе цѣнъ на хлѣбъ (что тоже, конечно, способствовало увеличенію предпринимательскихъ запашекъ) и въ то же время, какъ говорится въ тѣхъ же сообщеніяхъ, „сдача земли внаемъ крестьянамъ уменьшилась, благодаря урожаямъ и *дешевымъ работамъ*", то понятно, что положеніе крестьянъ стало безвыходнымъ. Вотъ это-то сокращеніе сдачи земель въ аренду и было тѣмъ еще предшествовавшимъ моментомъ, о которомъ сказано выше.

Но тутъ мы сталкиваемся съ вопросомъ о такъ называемомъ относительномъ малоземельѣ. Оно, какъ говорятъ, состоитъ въ томъ, что населеніе, имѣя столько земли, что нельзя оставаться при прежнихъ способахъ обработки, должно перейти къ улучшеніямъ, дающимъ возможность получать съ той же земельной площади больше. Не стану пока останавливаться на этомъ указаніи, такъ какъ въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ придется коснуться условій, необходимыхъ для перехода къ новымъ системамъ земледѣлія. Отмѣчу здѣсь только: можно ли говорить о коренныхъ измѣненіяхъ въ системѣ хозяйства тѣмъ, кто поставленъ въ положеніе, вынуждавшее на такую расплату за аренду,

которая охарактеризована выше, тѣмъ болѣе, возможно ли говорить о примѣненіи улучшеній въ такой моментъ, когда сдача земель въ аренду прекращается по несостоятельности крестьянъ? Второе, на что по этому поводу надо здѣсь обратить вниманіе, это то, что малоземелье, хотя бы и такъ называемое относительное, не потому наступило, чтобы земли стало меньше, сравнительно съ числомъ населенія; нѣтъ, оно явилось только потому, что землю, которую вчера крестьянинъ обработывалъ, сегодня отъ него загородили; но загородили при этомъ не такъ, что на нее абсолютно ступить нельзя (какъ это, напр., сдѣлали англійскіе лендлорды, превративши ее въ охотничьи парки), а напротивъ, приглашая даже ступить на нее и вести *такое же хозяйство*, какое велъ и вчера, только перестать быть крестьяниномъ, а сдѣлаться исключительно наемнымъ батракомъ, безъ обезпеченія ему работы и даже крова на зиму.

Все это какъ будто бы, однако, приводитъ къ заключенію, что тутъ и конецъ крестьянскому хозяйству. Наступаетъ господство крупнаго земледѣльческаго хозяйства съ наемными рабочими. И, однако, какъ уже указано было выше, условія сельскаго хозяйства не таковы, чтобы давали преимущество здѣсь крупнымъ предпріятіямъ на капиталистической почвѣ. Это справедливо и для русской дѣйствительности, что и выяснится въ послѣдующемъ. Но въ связи съ этимъ необходимо разсмотрѣть еще одно условіе, къ разсмотрѣнію котораго перехожу теперь и знакомство съ которымъ на русской почвѣ выяснитъ еще то матеріальное положеніе, въ какое было поставлено частновладѣльческое хозяйство у насъ въ пореформенное время.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ вопросомъ объ арендѣ въ его теоретической постановкѣ, выясняемой на фактахъ дѣйствительной жизни, нельзя рекомендовать ничего лучшаго, какъ книгу **А. А. Мануилова**: „Аренда земли въ Ирландіи“. М. 1895 г. Для теоретическаго же обоснованія многихъ условій см. кн. **В. А. Косинскаго**: „Къ аграрному вопросу“. Одесса. 1906 г. Съ условіями и распространенностью аренды у насъ знакомитъ на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій книга **Н. А. Карышева**: „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“. Дерптъ. 1892 г. и ст. **А. А. Мануилова** въ вып. II „Очерки по крестьянскому вопросу“. М. 1905 г.

VIII. Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія.

Въ предыдущемъ неоднократно былъ указанъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлены земледѣльческія хозяйства, производящія на сбытъ,—условій, зависящихъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, а заключающихся въ самомъ существѣ сельскохозяйственнаго производства, въ его особенностяхъ и отличіяхъ отъ другихъ отраслей производительной дѣятельности человѣка. Многія изъ этихъ особенностей связаны здѣсь, между прочимъ, съ самымъ объектомъ труда—съ землею, и условіями землевладѣнія, что и отмѣчено было не разъ. Этотъ же предметъ труда—земля, и условія производительности ея вызываютъ и особыя условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ, а равно ведутъ къ задолженности землевладѣнія при развитіи товарнаго обращенія.

Цѣнность товаровъ, какъ было уже принято выше, опредѣляется количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, затрачиваемаго на ихъ производство. Но земля, не являясь результатомъ человѣческаго труда, очевидно, не можетъ быть оцѣниваема по этому масштабу. Но въ то же время, разъ она становится товаромъ, то при продажѣ и покупкѣ ея къ ней должны прилагаться общія основанія, опредѣляющія условія обмѣна товаровъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, владѣльца товаровъ, цѣнность послѣднихъ стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ затраченному на производство ихъ не труду, а капиталу, такъ какъ для него и самый трудъ есть не что иное, какъ извѣстная форма затраты капитала. Въ какой бы формѣ ни затрачивался капиталъ на производство, онъ долженъ приносить прибыль—въ этомъ задача капиталистическаго производства. Прибыль же должна стоять въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи ко всей суммѣ затраченнаго капитала. Иначе говоря, если то или другое имущество можетъ приносить опредѣленный доходъ, то оно можетъ быть оцѣнено въ ту сумму денегъ, которая приноситъ такой же процентъ. Слѣдовательно,

если извѣстный участокъ земли можетъ приносить въ годъ, наприм., 20 р. дохода (путемъ сдачи въ аренду), а обычный процентъ на капиталъ составляетъ 5%, то за такой участокъ можетъ быть заплачено 400 руб., — этимъ и опредѣляется его рыночная цѣна. „Цѣна земли есть не что иное, какъ капитализованная... рента“ (Капиталъ, III, 668).

Но „капиталъ, употребленный на покупку земли самимъ землевладѣльцемъ, для него представляетъ именно помѣщеніе капитала, которое приноситъ процентъ, но... онъ рѣшительно не имѣетъ никакого отношенія къ тому капиталу, который употребляется на самое земледѣліе... его такъ же мало можно назвать „затратою“ капитала на какую-нибудь отрасль производства, какъ то, что кѣмъ-нибудь затрачивается на биржѣ на покупку акцій или государственныхъ бумагъ, и что для него лично представляетъ помѣщеніе капитала... Покупатель земли какъ разъ выплачиваетъ капиталъ тому, кто продаетъ землю, и за это продавецъ отказывается отъ своихъ правъ собственности на нее. Слѣдовательно, капиталъ этотъ уже перестаетъ быть капиталомъ для покупателя; у него его больше нѣтъ; онъ, слѣдовательно, не принадлежитъ къ тому капиталу, который онъ можетъ употребить на самую землю... Тотъ же самый капиталъ не имѣется вдвойнѣ, во-первыхъ, въ рукахъ продавца и, во-вторыхъ, въ рукахъ покупателя земли... У покупателя теперь нѣтъ капитала, а вмѣсто него есть участокъ земли... Для покупателя деньги, заплаченныя за землю, уже не могутъ играть роли капитала, какъ и всякія другія деньги, которыя онъ окончательно потратилъ... Онъ можетъ реализировать ихъ вновь какъ капиталъ, только продавъ купленное. Но въ такомъ случаѣ новый покупатель становится въ такія же отношенія, въ которыхъ находился прежній“ (тамъ же).

Такимъ образомъ, покупка земли есть помѣщеніе капитала для полученія извѣстнаго процента. Но процентъ этотъ долженъ быть не ниже обычнаго, приносимаго въ данной странѣ въ данный моментъ капиталомъ. Между тѣмъ, въ силу того, что земля представляетъ собою такой товаръ, количество котораго не можетъ быть увеличено по произволу, въ силу того, что простран-

ство ея ограничено и, представляя частную собственность, она является предметомъ монополіи, спросъ же на нее съ ростомъ населенія и расширеніемъ культуры растетъ,—замѣчается общая тенденція роста цѣнъ на землю. Вслѣдствіе этого уплаченная сегодня сумма денегъ за землю или, иначе говоря, помѣщенный въ нее капиталъ черезъ нѣкоторое время, при возрастаніи цѣны земли, представляетъ собою уже бо́льшую сумму. Сегодня десятина стоила сто рублей и я, затративъ ихъ на землю, разсчитываю, что буду получать не менѣе, скажемъ, 4% на этотъ капиталъ, но черезъ нѣкоторое время эта десятина стоитъ уже 120 р., и прежніе 4 р. дохода съ нея составляютъ менѣе 4%; слѣдовательно, чтобы помѣщенный теперь въ землю капиталъ въ 120 р. приносилъ 4%, надо, чтобы сумма дохода съ земли повысилась въ такомъ же отношеніи.

Но этого-то, обыкновенно, не бываетъ. Такъ, напр., въ Александрійскомъ у., Херсонской губ., за 1880—1898 гг. цѣны на землю возрастали такъ: въ 1880—1885 г. средняя цѣна десятины 70 р., въ 1888 г.—83 р., въ 1890 г.—88 р., въ 1895 г.—118 р., въ 1896 г.—127 р., въ 1897 г.—136 р., и въ первой половинѣ 1898 г.—143 р., т.-е. за 18 лѣтъ цѣна земли возросла слишкомъ вдвое (съ 70 до 143 руб.). А между тѣмъ за тотъ же періодъ времени арендная плата за землю, выражающая собою ея доходность, хотя и возросла, но значительно меньше, а именно съ 4 на 6 р., т.-е. не на 100%, какъ цѣна земли, а лишь на 50% и даже на 36% въ отдѣльныхъ видахъ аренды.

То же самое, т.-е. болѣе сильный ростъ продажныхъ цѣнъ на землю, сравнительно съ ростомъ доходности земли, замѣчается почти повсюду—и не только въ Россіи. Это обстоятельство измѣняетъ, такимъ образомъ, выгоды помѣщенія капитала въ землю и должно вызвать стремленіе вынуть оттуда часть его, что и ведетъ къ залогу земли. Такъ, думается намъ, можно объяснить постоянно растущую задолженность землевладѣнія.

Но на этомъ положеніе землевладѣльца не останавливается. Пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, собственники земли постоянно поднимаютъ цѣну ея, соотвѣтственно съ чѣмъ долженъ

постоянно не въ меньшей мѣрѣ возрастать и доходъ земли. Но для того, чтобы земля доставляла доходъ, нуженъ, помимо капитала, затраченнаго на покупку ея, еще другой капиталъ, затраченный на производство, если пріобрѣтатель земли самъ предполагаетъ вести земледѣльческое предпріятіе, или же онъ можетъ, не затрачивая новаго капитала на производство, извлекать доходъ путемъ сдачи земли въ аренду. Въ первомъ случаѣ (при собственномъ хозяйствѣ) величина его дохода будетъ зависѣть отъ результатовъ производства; во второмъ (при сдачѣ въ аренду) — отъ высоты арендной платы за землю. Эта же высота арендной платы за землю, готовность ее дать, возможность ее уплатить зависитъ отъ результатовъ производства у арендатора. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ степень доходности земли будетъ зависѣть (оставляя въ сторонѣ разную степень природной производительности участковъ земли или же предполагая ея одинаковой и продолжая наши разсужденія для участковъ земли съ одинаковой производительностью почвы) отъ результатовъ производства и отъ цѣны продуктовъ, созданныхъ приложеніемъ труда къ землѣ.

Но въ земледѣліи, какъ мы указывали раньше, все это крайне неопредѣленно и случайно. Въ обработывающей промышленности переработывается опредѣленное количество матеріала, и выходъ продукта заранѣе опредѣленъ, заранѣе, слѣдовательно, можетъ быть опредѣлена и цѣнность продукта, а колебанія въ цѣну его вводитъ уже рынокъ, а не самыя условія производства. Въ сельскохозяйственномъ же производствѣ, какъ это было уже подробно выяснено, при одинаковыхъ затратахъ на производство, въ одномъ году могутъ получиться одни результаты, въ другомъ— другіе, такъ что уже въ стадіи производства создаются колебанія въ отношеніи произведенныхъ затратъ и ихъ результатовъ, а далѣе, само собой разумѣется,—колебанія въ цѣнѣ, которыя производитъ рынокъ. Такимъ образомъ, если тревоги фабриканта начинаются только съ поступленіемъ продукта на рынокъ, то для сельскаго хозяина такое тревожное состояніе начинается гораздо раньше. Все это, создавая вообще невѣрность и неопредѣ-

ленность дохода отъ земли, въ послѣднее время съ развитіемъ международной хлѣбной торговли повело еще и къ упадку доходности земли.

А между тѣмъ продажная-то цѣна земли не падаетъ, а даже возрастаетъ, такъ какъ собственники земли, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ и тѣмъ, что для массы земля нужна именно тутъ, нисколько не склонны понижать на нее цѣну, а даже повышаютъ ее, и такимъ образомъ она, представляя собою все большій и большій капиталъ, приноситъ все меньшій и меньшій (относительно) доходъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сельскій хозяинъ, затрачивая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ капиталъ на веденіе хозяйства и не воспроизведя его въ количествѣ, достаточномъ для покрытія потребностей и дальнѣйшаго веденія дѣла, вынужденъ обратиться къ кредиту, если у него нѣтъ достаточныхъ запасныхъ средствъ. Такимъ образомъ постоянный ростъ цѣнъ на землю дѣлаетъ невыгоднымъ помѣщеніе въ нее капитала при падающей или даже и растущей доходности ея, если этотъ ростъ доходности происходитъ въ меньшей пропорціи сравнительно съ ростомъ цѣны на землю. Продажа ея при такихъ условіяхъ равносильна иногда недовыручкѣ въ самой суммѣ вложеннаго въ нее капитала или того капитала, какой представляетъ она по средней цѣнности земель въ данный моментъ, а въ то же время и ростъ цѣнъ на нее дѣлаетъ невыгоднымъ помѣщеніе въ нее капитала при относительно падающей доходности ея. Все это и вызываетъ у землевладѣльцевъ постоянную потребность въ кредитѣ.

Изъ сказаннаго объ условіяхъ, вызывающихъ задолженность землевладѣнія, ясно должно быть также, что она должна касаться, главнымъ образомъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, вкладывающихъ въ землю *капиталъ* для извлеченія изъ него прибыли. Такъ оно и есть. Вотъ новѣйшія статистическія данныя о задолженности въ Пруссіи.

При чистомъ доходѣ съ земли въ марокъ.	% незадолженности.	Процентное отношеніе задолженности къ стоимости остального имущества при % ниже 25	въ 25—50	въ 50—75	въ 75—100	въ 100 и больше.	Всего задолженныхъ имѣній (%).
во всѣхъ *восточныхъ* провинціяхъ.							
60— 90	14,4	31,2	29,6	16,9	6,1	1,8	85,6
90— 150	9,6	33,1	32,0	17,7	6,1	1,5	90,4
150— 300	5,9	34,0	33,5	19,3	6,0	1,3	94,1
300— 750	4,2	31,6	33,5	22,3	7,3	1,1	95,8
750—1500	3,2	23,0	31,8	27,9	12,5	1,6	96,8
1500—3000	1,9	12,3	22,6	35,4	25,0	2,8	98,1
3000 и болѣе	2,5	14,4	24,7	34,0	21,8	2,6	97,5
Итого	*7,8*	*31,3*	*31,9*	*20,2*	*7,4*	*1,5*	*92,2*
во всѣхъ *западныхъ* провинціяхъ.							
60— 90	65,2	16,6	11,8	4,5	1,5	0,5	34,8
90— 150	57,8	20,9	14,1	5,1	1,5	0,5	42,2
150— 300	46,8	28,6	16,5	6,0	1,7	0,5	53,2
300— 750	33,9	37,6	19,4	7,0	1,8	0,4	66,1
750—1500	24,7	39,8	23,1	9,6	2,4	0,4	75,3
1500—3000	18,5	35,3	26,2	14,8	4,8	0,5	81,5
3000 и болѣе	17,1	33,6	27,5	16,2	5,1	0,6	82,9
Итого	*46,0*	*28,2*	*16,9*	*6,5*	*1,9*	*0,5*	*54,0*

Что же показываютъ эти данныя? Во-первыхъ, въ западной Пруссіи, гдѣ больше крестьянскихъ хозяйствъ, чѣмъ въ восточной, задолженныхъ хозяйствъ 54 изъ 100, а въ восточной съ *крупнымъ* землевладѣніемъ 92.2%, т.-е. почти всѣ имѣнія. Во-вторыхъ, тамъ и тутъ по мѣрѣ возрастаній размѣра имѣній, по скольку объ этомъ можно судить по суммѣ дохода, чѣмъ выше сумма дохода, тѣмъ менѣе незадолженныхъ и болѣе задолженныхъ имѣній (изъ этого есть только одно исключеніе). Въ-третьихъ, хотя и не такъ правильно, но все же и тамъ и тутъ имѣнія съ задолженностью, составляющей 100 и болѣе процентовъ стоимости

остального имущества составляютъ бо́льшій процентъ среди болѣе крупныхъ и вообще, чѣмъ выше задолженность, тѣмъ выше процентъ имѣній съ нею среди болѣе крупныхъ имѣній, т.-е. среди имѣній съ болѣе высокой цифрой доходности. Къ тому же приводятъ наблюденія въ Баденѣ, Гессенѣ, Ольденбургѣ.

Все это и говоритъ за справедливость данныхъ выше объясненій существованію такой задолженности землевладѣнія, а также указываетъ и на развитіе этой задолженности и потребности въ ипотечномъ кредитѣ, по преимуществу и главнымъ образомъ, среди крупныхъ землевладѣльцевъ.

Но здѣсь, въ сельскомъ хозяйствѣ, кредитъ имѣетъ иную форму и иное значеніе, чѣмъ въ обработывающей промышленности: Въ послѣдней онъ большей частью краткосроченъ и обезпечивается продуктами производства, а не самимъ имуществомъ, т.-е. не орудіями и средствами производства, а если бываетъ послѣднее, то это значитъ, что производство даннаго лица не пользуется достаточнымъ довѣріемъ. Обыкновенно же кредитъ дается только подъ вексель, обезпечиваемый только тѣмъ, что въ данное время производится товаръ, который въ моментъ сбыта покроетъ заемъ. Иныя условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь нѣтъ увѣренности въ выходѣ продуктовъ, а потому послѣдніе и не могутъ служить надежнымъ обезпеченіемъ кредита. Вслѣдствіе этого онъ дается здѣсь въ большинствѣ случаевъ только подъ залогъ недвижимости, иначе говоря, самымъ распространеннымъ здѣсь является ипотечный кредитъ подъ залогъ самого имѣнія.

Но то же обстоятельство, которое вызываетъ необходимость ипотечнаго кредита, т.-е. подъ залогъ земли, обусловливаетъ и долгосрочность его, такъ какъ никогда нельзя предполагать, чтобы результаты сельскохозяйственнаго года вернули всю сумму долга, лежащаго на землѣ, а потому и немыслима единовременная уплата его.

Обыкновенно этой долгосрочности дается иное объясненіе, заключающееся въ томъ, что результаты сельскохозяйственныхъ улучшеній не возвращаются въ теченіе одного года, такъ какъ

сами улучшенія дѣйствуютъ на рядъ лѣтъ. Но при всей справедливости утвержденія, что цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ улучшеній (хотя бы даже простое примѣненіе удобренія) обнаруживаетъ свое вліяніе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и потому затраты на эти улучшенія не возвращаются цѣликомъ въ одинъ годъ,—оно, это утвержденіе, все-таки не обосновываетъ еще необходимости разсрочки долга на рядъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что и въ обработывающей промышленности такія улучшенія, какъ, наприм., введеніе усовершенствованныхъ машинъ, также проявляютъ свое вліяніе въ рядѣ лѣтъ, однако это не обусловливаетъ тамъ долгосрочности кредита. Но, кромѣ того, указанная причина можетъ имѣть значеніе для меліоративнаго кредита, т.-е. кредита спеціально для сельскохозяйственныхъ улучшеній, но мы здѣсь говоримъ о кредитѣ, который не имѣетъ этого спеціальнаго назначенія. Наконецъ указанное объясненіе не идетъ сюда, потому, что на такихъ же условіяхъ выдается ссуда и подъ залогъ домовъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о затратѣ денегъ на улучшенія.

Короче, объясненіе долгосрочности ипотечнаго кредита долгосрочностью затратъ на улучшеніе не пригодно, такъ какъ оно выводится изъ *техническихъ* основаній сельскохозяйственнаго производства, а между тѣмъ причины этой долгосрочности лежатъ въ *экономическихъ* условіяхъ. Если я отдаю домъ или землю въ залогъ, въ обезпеченіе извѣстной суммы, ссужаемой мнѣ, то это равносильно отчужденію самого имущества, это все равно, что передача его въ другія руки, взамѣнъ полученнаго мною денежнаго капитала, это значитъ, что у меня не было капитала на покупку земли и я произвожу эту покупку по частямъ, уплачивая ежегодно опредѣленную сумму полной стоимости всего имѣнія. Необходимость этого обусловливается еще тѣмъ, что цѣна земли все растетъ, а доходъ растетъ въ меньшей мѣрѣ, и потому уплатить сразу всю цѣну земли, вложить въ нее весь капиталъ не выгодно, коль скоро, какъ было уже выяснено, даже состоящій уже собственникомъ земли подъ вліяніемъ того же роста цѣны на нее долженъ путемъ займа вынимать изъ нея часть вложеннаго въ нее капитала.

И фактически, какъ увидимъ ниже, ипотечный кредитъ вытекаетъ обыкновенно не изъ улучшеній земли, заемъ производится не съ этой послѣднею цѣлью, а именно для пріобрѣтенія имѣнія. При этомъ, однако, заемщикомъ предполагается, что стоимость имѣнія постепенно покроется изъ доходовъ отъ сельскохозяйственнаго производства въ имѣніи; кредиторъ же предполагаетъ, что это не есть гарантія, а потому обезпечиваетъ себя залогомъ самого имѣнія. И, конечно, кредиторъ правъ, такъ какъ капиталъ, употребленный на покупку имѣнія, не есть капиталъ, употребленный на извлеченіе изъ него дохода; для этого нуженъ еще иной капиталъ; результаты производства должны дать обычный процентъ на этотъ послѣдній капиталъ. Но по невѣрности этихъ результатовъ, въ особенности при современныхъ рыночныхъ условіяхъ, что достаточно выяснено въ предыдущемъ, никогда не можетъ быть полной увѣренности въ томъ, что капиталъ, затраченный на производство, дастъ обычную прибыль, тѣмъ менѣе гарантій, что прибыль эта будетъ настолько высока, что не только принесетъ обычный процентъ на капиталъ, затраченный въ производство, но еще выручитъ часть капитала, затраченнаго на покупку имѣнія. Отсюда вытекаетъ, что если мы допустимъ даже, что заемъ подъ залогъ имѣнія произведенъ для веденія самого производства, то и тогда положеніе заемщика является безвыходнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что подъ залогъ имѣнія взята извѣстная сумма и затрачена на веденіе сельскохозяйственнаго предпріятія. Результаты этого предпріятія должны, слѣдовательно, принести предпринимательскую прибыль, плюсъ вернуть часть самаго капитала для погашенія части займа, плюсъ проценты на весь занятый и затраченный на производство капиталъ. При этихъ условіяхъ малѣйшее пониженіе урожая противъ сдѣланнаго расчета уже колеблетъ все и уничтожаетъ какую-либо изъ перечисленныхъ частей дохода; если къ этому присоединяется еще невѣрность въ расчетѣ по сбыту или въ цѣнѣ продукта, то положеніе становится совсѣмъ безвыходнымъ, не говоря уже о невозможности вести хозяйство на слѣдующій годъ, такъ какъ,

чтобы не лишиться имѣнія, надо уплатить погашеніе части долга и проценты изъ той части дохода, которая представляетъ собою лишь возвратъ произведенныхъ затратъ. Слѣдовательно, на будущій годъ надо или сократить размѣры производства (а слѣдовательно, и ожидаемаго дохода) или прибѣгать снова къ кредиту на веденіе производства.

Но мы сейчасъ увидимъ, насколько даже только вторичнымъ займомъ осложняется затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что подъ землю никогда не выдается полная ссуда, т.-е. то, что равняется стоимости земли, а выдаются только $^2/_3$ этой стоимости, именно въ виду того, что вслѣдствіе колебаній, о которыхъ я говорилъ раньше, цѣнность земли можетъ понизиться. Эта остающаяся $^1/_3$ даетъ землевладѣльцу возможность воспользоваться ссудой въ другой разъ, что онъ и дѣлаетъ, закладывая эту часть въ другія руки. Но эта часть представляетъ для кредитора меньше гарантій, соотвѣтственно чему и $^0/_0$ за эту вторичную ссуду выше, чѣмъ при первомъ залогѣ. Если прежде на имѣніи лежалъ долгъ, и оно не могло выполнить лежавшихъ на немъ обязательствъ, то теперь, съ повышеніемъ $^0/_0$ и большей задолженностью, положеніе еще хуже. Если на землѣ 2 закладныя, то въ случаѣ необходимости новаго обращенія къ кредиту приходится занимать уже подъ инвентарь. Послѣдній еще меньше обезпечиваетъ ссуду, а потому условія займа подъ него еще тяжелѣе.

Таково положеніе большей части частновладѣльческихъ хозяйствъ въ европейскихъ государствахъ, и чтобы выйти изъ этого положенія, необходимо такое стеченіе самыхъ благопріятныхъ условій, какое обыкновенно не встрѣчается. Это обстоятельство подробно развито Лоренцомъ фонъ-Штейномъ въ его книгѣ „Die drei Fragen des Grundbesitzes“. Его разсужденія по этому вопросу весьма поучительны, а потому я въ нѣсколькихъ словахъ приведу ихъ здѣсь. Земля, разсуждаетъ онъ, является въ современномъ обществѣ орудіемъ капитализаціи: сдавая ее въ аренду, владѣлецъ получаетъ возможность собирать капиталъ, не прилагая непосредственно своего труда, хотя самое хозяйство на арендуемой землѣ въ большинствѣ случаевъ ведется либо не

на капиталистическихъ началахъ, если хозяйство мелкое, либо. если и на капиталистическихъ началахъ, то въ мелкой формѣ. Съ другой стороны, въ томъ случаѣ, когда хозяйство ведется самимъ собственникомъ, земля, если на ней лежитъ долгъ (а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), способствуетъ капитализаціи тѣхъ, кто даетъ подъ нее деньги. Въ результатѣ владѣльцемъ въ сущности, при такой задолженности, при обязательствѣ платить % за занятый капиталъ, является собственно не юридическій владѣлецъ, а тотъ, кому уплачиваются проценты.

По мнѣнію Л. ф.-Штейна, три обстоятельства вызываютъ задолженность. Во-первыхъ, при наслѣдованіи дробится земля, а вмѣстѣ съ ней мертвый и живой инвентарь; часто это вызываетъ иной строй хозяйства, для чего новымъ владѣльцамъ приходится, въ случаѣ недостатка свободныхъ средствъ, прибѣгать къ займу. Если же все имѣніе оставляетъ за собой одинъ изъ наслѣдниковъ, то для уплаты остальнымъ ихъ долей въ наслѣдствѣ опять-таки является необходимость въ займѣ. Другая причина—покупка земли съ переводомъ долга. Въ этомъ случаѣ для пріобрѣтенія требуется наличнаго капитала меньше, чѣмъ цѣнность пріобрѣтаемаго имущества, но зато послѣднее является уже съ самаго начала новаго владѣнія обремененнымъ долгомъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что возможность пріобрѣтать имѣніе съ переводомъ долга, т.-е. съ недостаточной суммой для уплаты всей покупной цѣны, привлекаетъ къ покупкѣ земли лицъ съ недостаточными денежными средствами. Чрезъ это: 1) увеличивается спросъ на землю, что и поднимаетъ цѣну на нее; 2) такіе покупщики—съ недостаточнымъ капиталомъ, но стремящіеся вести дѣло на капиталистическихъ началахъ—еще менѣе способны справиться съ тѣми затрудненіями, съ какими сопряжено веденіе сельскаго хозяйства на предпринимательскихъ капиталистическихъ началахъ. Наконецъ 3-я причина задолжности та, что имѣніе съ увеличеніемъ интенсивности хозяйства требуетъ улучшеній. Если на это не хватаетъ средствъ, то приходится пользоваться кредитомъ. Но всякія улучшенія такого рода сказываются не тотчасъ же, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а потому и самый заемъ

дѣлается на продолжительный срокъ, и уплата процентовъ производится въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ создается задолженность, которая постепенно растетъ еще потому, что послѣдняя причина имѣетъ мѣсто и въ первыхъ двухъ случаяхъ, т.-е. съ теченіемъ времени требуется переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ, что нерѣдко ведетъ къ новой задолженности. А къ этому присоединяются еще затрудненія, вызываемыя всемірнымъ хозяйствомъ.

Я уже говорилъ, что нужны весьма благопріятныя условія, чтобы владѣлецъ имѣнія, обремененнаго долгами, могъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Но очевидно, если такія условія не наступили, несмотря на всѣ усилія владѣльца, то тяжесть долговъ увеличивается, такъ какъ съ каждымъ новымъ займомъ имѣніе должно оплатить не только расходы и обычную прибыль, но и всѣ проценты по долгамъ, и, наконецъ, имѣніе послѣ нѣкоторыхъ стараній владѣльца удержать его въ своихъ рукахъ, поступаетъ въ продажу. Сильная мобилизація земли, наблюдаемая въ разныхъ европейскихъ государствахъ, подтверждаетъ эти предположенія: въ среднемъ земля въ однѣхъ рукахъ остается отъ 12 лѣтъ—въ Австріи, до 16 лѣтъ—въ Пруссіи (Ерошевскій: „Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ“). Въ фабричной промышленности такой краткій срокъ владѣнія встрѣчается гораздо рѣже.

Итакъ, въ однѣхъ странахъ, какъ Англія, земля для сельскохозяйственнаго пользованія находится въ рукахъ фермеровъ, слѣдовательно, уже въ силу самыхъ условій аренды, только временно. Въ другихъ, какъ Австрія и Пруссія, земля недолго остается въ однѣхъ рукахъ, вслѣдствіе сильной мобилизаціи земельной собственности. Такое кратковременное пользованіе землей не можетъ въ достаточной степени способствовать развитію сельскаго хозяйства въ имѣніяхъ, построенныхъ на капиталистическихъ началахъ. Такимъ образомъ, и условія и послѣдствія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и многое приведенное въ предшествующихъ очеркахъ, указываютъ еще разъ на иное положеніе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ, нежели въ обработывающей промышленности.

Выше было отмѣчено, что обыкновенно задолженность проистекаетъ изъ займа не для улучшенія хозяйства, а для самаго пріобрѣтенія земли. Точно такъ же и Л. ф.-Штейнъ ставитъ на первый планъ причины, связанныя съ переходомъ земли изъ рукъ въ руки. Все это подтверждается фактическими данными, которыя въ то же время указываютъ на ростъ задолженности съ теченіемъ времени. Такъ, наприм., въ Пруссіи ипотечная задолженность съ 133 милл. марокъ въ 1886—1887 гг. поднялась до 254 мил. мар., т.-е. почти вдвое, къ 1894—1895 г. Такого же рода данныя можно привести и для многихъ другихъ частей Германіи. Что касается причинъ задолженности, то для Ольденбурга, наприм. 88% всѣхъ долговъ падаетъ на доплаты за землю и наслѣдственные выдѣлы, т.-е. вытекаютъ изъ условій перехода земли и лишь 2,6% на меліораціи и покупку инвентаря; въ Баваріи изъ перехода земли вытекаетъ 84,3% всѣхъ ипотечныхъ долговъ, въ Баденѣ 68,4%. То же и по другимъ частямъ Германіи. Но, кромѣ того, всѣ изслѣдователи свидѣтельствуютъ, что крупное землевладѣніе страдаетъ отъ задолженности болѣе мелкаго (Соболевъ: Мобилизація и т. д. гл. III § 5). Это послѣднее обстоятельство, блистательно подтверждаемое такимъ знатокомъ аграрныхъ отношеній, какъ проф. Конрадъ (Agrarkrisis in Deutschland въ Handwörtenbuch d. Staatswis.), также свидѣтельствуетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ веденіе дѣла на капиталистическихъ началахъ встрѣчается съ иными условіями, нежели въ обработывающей промышленности.

Явленія задолженности землевладѣнія приводятъ къ заключенію, что въ сущности собственники земли являются таковыми лишь по названію, такъ какъ земля какъ собственность сосредоточивается все болѣе и болѣе въ такихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ общественный характеръ и по составу ихъ капитала и по управленію, какъ банки. Отсюда вполнѣ оправдываются тѣ заключенія Л. ф.-Штейна, которыя я приводилъ раньше. Логически неизбѣжно частное землевладѣніе съ тѣхъ поръ, какъ земля стала товаромъ, становится въ подчиненное положеніе къ денежному капиталу, и бо́льшая часть землевладѣльцевъ становятся данниками капита-

листовъ. Землевладѣлецъ извлекаетъ доходы изъ земли, чтобы уплачивать проценты капиталисту, и фактически земля становится собственностью тѣхъ лицъ, которыя ссужаютъ капиталы, а землевладѣльцы какъ бы управляютъ ихъ землей. Слѣдовательно, самостоятельность землевладѣльцевъ при такихъ условіяхъ есть не что иное, какъ фикція. Но такъ какъ земля—товаръ, который не можетъ быть воспроизведенъ, подобно другимъ товарамъ, въ любомъ количествѣ, составляя территорію государства и обусловливая складъ экономическихъ отношеній въ странѣ, то разъ собственники земли только юридически числятся ими, будучи на дѣлѣ не больше, какъ данниками капиталистовъ, нѣтъ и основаній для того, чтобъ это фиктивное положеніе продолжало оставаться и на будущее время.

Отсюда, по мнѣнію Штейна и Родбертуса, неизбѣжнымъ является переходъ земли въ собственность государства съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ землей къ государству перешли и долги, лежащіе на ней, а собственники, и теперь уже переставшіе фактически быть ими, превратились во временныхъ владѣльцевъ, платящихъ извѣстный процентъ государству за пользованіе землею: разъ они перестаютъ пользоваться землей для собственной обработки, прекращаются основанія ихъ фактическаго владѣнія, и земля передается тому, кто въ ней нуждается. Положеніе это сходно съ тѣмъ, какое существовало у насъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ въ дореформенное время: они не были собственниками земли, а только пользовались ею, платя за это государству извѣстную оброчную подать.

И нужно замѣтить, что намѣчаемый переходъ, помимо другихъ, болѣе прямыхъ путей, совершается, повидимому, путемъ измѣненій, происходящихъ при посредствѣ того же развитія капитализма. Такъ, одинъ нѣмецкій писатель указываетъ на то, что въ сберегательныхъ кассахъ Германіи все болѣе и болѣе сосредоточиваются мелкія сбереженія рабочихъ, такъ какъ въ среднемъ одна книжка сберегательной кассы приходится на каждаго пятаго жителя; въ Пруссіи же средняя величина семейства состоитъ изъ 4,7 челов.; отсюда въ среднемъ приходится по

одной книжкѣ на семью, и если имѣть въ виду, что классы населенія „высшіе“, достаточные, обыкновенно не кладутъ своихъ „сбереженій“ въ сберегательныя кассы, то приходится сдѣлать выводъ, что деньги сберегательныхъ кассъ принадлежатъ рабочимъ. Вся сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы въ Германіи составляла въ 1892 году 5.570.516.000 марокъ; сумма же всѣхъ вкладовъ въ нѣмецкіе банки въ то же время составляла 2.081.700.000 марокъ, т.-е. нѣсколько болѣе $^1/_3$ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Не останавливаясь на этомъ, онъ идетъ далѣе и выясняетъ, что въ Пруссіи въ 1893 г. 56,3% всѣхъ суммъ сберегательныхъ кассъ вкладывались въ ипотеки, т.-е. ссужались подъ залогъ сельской и городской недвижимой собственности, при чемъ идетъ постепенное возрастаніе вкладовъ суммъ сберегательныхъ кассъ въ ипотечные банки; въ 1889 г. только 52,4% ихъ находилось въ ипотекахъ, а въ 1893 г. уже 56,3%. А такъ какъ, согласно изложенному выше, главные вкладчики сберегательныхъ кассъ—рабочіе, то отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что „землевладѣльцы сдѣлались должниками рабочихъ и становятся ими все болѣе и болѣе“ (R. E. May: „Die wirthschaftliche Entwickelung“. Berlin. 1896, гл. VI и IX). Но если такъ, то, согласно съ вышеприведеннымъ, земля уже становится общественной собственностью, такъ какъ управленіе ею принадлежитъ тѣмъ, кто ссужаетъ подъ нее деньги и отъ ихъ отношенія къ землѣ зависятъ дальнѣйшія судьбы землевладѣнія. Отсюда, кажется, довольно ясно, насколько для германскихъ рабочихъ имѣютъ существенное значеніе судьбы германскаго землевладѣнія, да и германскаго крестьянства, положеніе котораго тѣсно связано съ положеніемъ землевладѣнія. Отъ рабочихъ, какъ показываютъ эти данныя, зависитъ дать то или иное направленіе движенію землевладѣнія.

Но если задолженность землевладѣнія (развивающаяся все больше и больше) превращаетъ собственника земли въ плательщика процентовъ собственнику закладныхъ листовъ, то, очевидно, что для собственника земли нѣтъ гарантій въ прочности и постоянствѣ его владѣнія. А въ такомъ случаѣ отпадаетъ тотъ мотивъ въ

пользу собственности на землю, который выдвигается въ интересахъ преуспѣянія сельскохозяйственной культуры. Напротивъ, предоставленіе земли въ пользованіе, пока на ней ведется обработка личнымъ трудомъ, обезпечиваетъ гораздо большую прочность землепользованія. По отношенію ко всей массѣ трудящагося населенія такое обезпеченіе достигается полнѣе всего не личной собственностью на землю, а, какъ то было выяснено выше, общественной или же и общинной, почему общинное землевладѣніе и представляетъ собою болѣе близкую ступень къ той послѣдующей формѣ землевладѣнія, которая вырисовывается изъ намѣченной здѣсь эволюціи землевладѣнія.

Отсюда, между прочимъ, нетрудно видѣть, въ какомъ противорѣчіи съ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній и съ улучшеніемъ сельскаго хозяйства стоитъ законъ 9 ноября 1906 года, разрѣшающій отдѣльному члену общины закрѣпить за собой въ личную собственность находящуюся въ его пользованіи часть надѣльной земли. Вопреки всесвѣтному правилу, допускающему принудительное отчужденіе (экспропріацію) частной собственности въ пользу общества, но и то не безвозмездно, законъ 9 ноября допускаетъ совершенно обратное, т.-е. отчужденіе въ личную, частную собственность общинной земли, да еще и безвозмездно, такъ какъ потребовать за нимъ укрѣпленія земли можетъ и тотъ, кто недавно получилъ ее въ надѣлъ въ этомъ количествѣ, тогда какъ до того уплачивалъ выкупъ за меньшую часть ея; остальная же часть, полученная имъ недавно, выкупалась другими семьями, а укрѣпятъ ее въ личную собственность за тѣмъ, у кого она теперь, и кому, слѣдовательно она будетъ отчуждена безвозмездно.

Все это, помимо всего остального, создаетъ среди всего населенія крайнюю неувѣренность въ прочности земельныхъ порядковъ. Здѣсь — разрушеніе общины можетъ произойти вопреки общественному сознанію, такъ какъ если въ селеніи потребуютъ выдѣла два, три лица, то того же потомъ могутъ потребовать и остальные, и не потому, что они предпочитаютъ навсегда остаться при опредѣленной площади землевладѣнія, а

только для того, чтобы не остаться съ слишкомъ небольшой частью земли, за выдѣломъ ея остальнымъ.

Все это можетъ вызвать среди населенія одной и той же общины такой разгулъ хищническихъ интересовъ, что сдѣлаетъ немыслимымъ и вообще правильное теченіе жизни. Этимъ всѣмъ законъ 9 ноября переноситъ, конечно, борьбу за землю въ среду самого крестьянскаго населенія, отвлекая его вниманіе отъ того, что создало и поддерживаетъ крестьянское малоземелье. А между тѣмъ тотъ же законъ можетъ вызвать и обезземеленіе значительной части населенія, такъ какъ произведенный на основаніи его выдѣлъ общинной земли можетъ повести къ тому, что временная нужда заставитъ продать выдѣленную землю. На послѣднее, впрочемъ, не такъ легко рѣшиться земледѣльцу, поэтому предусмотрительно изданъ законъ 15 ноября 1906 г., который разрѣшаетъ заложить надѣльную землю, т.-е. открываетъ для условій крестьянскаго землевладѣнія у насъ возможность той задолженности, которая можетъ повести къ обезземеленію значительной части населенія и къ созданію мелко-буржуазной крестьянской собственности съ наемными батраками. Какъ это отразится на сельскохозяйственной производительности, это видно уже изъ всего предыдущаго и еще яснѣе будетъ видно изъ фактическихъ данныхъ, которыя приводятся въ слѣдующемъ очеркѣ.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію задолженности землевладѣнія въ Россіи. Но прежде укажу въ нѣсколькихъ словахъ на существующіе виды кредита въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь слѣдуетъ различить три вида. Во-первыхъ, кредитъ личный, а также подъ *движимое* имущество. Онъ обыкновенно дается на небольшіе сроки, но не менѣе года, такъ какъ полный оборотъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ совершается въ теченіе года. Въ Россіи этотъ видъ кредита почти не развитъ, если не считать ростовщичества въ деревняхъ; были попытки организовать для этого рода кредита ссудо-сберегательныя товарищества, но существенныхъ послѣдствій эти попытки у насъ въ Россіи не имѣли. Успѣшнѣе другихъ функціонируютъ Рафэйзеновскія това-

рищества въ Германіи, названныя такъ по имени ихъ основателя; здѣсь кредитъ выдается за круговой порукой и на опредѣленныя нужды. Второй видъ кредита—*меліоративный*. Онъ дается для производства какихъ-либо прочныхъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя окупаются, а нерѣдко и производятся, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, почему и самый кредитъ дается на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ первый видъ. Наконецъ кредитъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія—*ипотечный*, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Изъ двухъ послѣднихъ видовъ кредита у насъ первымъ по времени является ипотечный. Онъ существовалъ у насъ еще въ то время, когда вся сила землевладѣнія лежала въ крестьянахъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ землей собственность владѣльца. Первое поземельное кредитное учрежденіе, въ видѣ двухъ дворянскихъ банковъ, основано было при Елизаветѣ въ 1754 году. Ссуды выдавались вначалѣ на 2 года, но вслѣдствіе неисправности плательщиковъ уже въ 1761 году вмѣсто этихъ краткосрочныхъ ссудъ введены были ссуды долгосрочныя. При Екатеринѣ II въ 1786 году банки эти преобразованы были въ Государственный заемный банкъ, „дабы всякій хозяинъ могъ удержать свои земли“. Выдавалось изъ этого банка по 40 руб. на каждую ревизскую душу, срокомъ на 20 лѣтъ. Тѣ же операціи по выдачѣ ссудъ совершали сохранная казна и приказы общественнаго призрѣнія. Но нужда въ кредитѣ росла и вызывала кредитныя учрежденія: въ 1802 году основанъ былъ Эстляндскій дворянскій банкъ, въ 1825 году такой же въ привислинскихъ губерніяхъ, въ 1841 году—Нижегородскій дворянскій банкъ; изъ этого послѣдняго выдавалось по 60 руб. на ревизскую душу, срокомъ на 26 и 37 лѣтъ. Къ 1859 г. въ государственныхъ учрежденіяхъ въ залогѣ состояло 39,5% всѣхъ имѣній и 65,5% всего крѣпостного населенія, при чемъ на одно заложенное имѣніе приходилась 161 ревизск. душа, тогда какъ по всѣмъ имѣніямъ въ среднемъ приходилось на 1 имѣніе 95 ревизск. душъ. Это указываетъ, что и въ то время наиболѣе задолженными были болѣе крупныя имѣнія; кромѣ того, наиболѣе задолженными

въ то время были губерніи черноземныя, составлявшія въ то время „житницу“ Россіи. Отмѣтимъ еще, что вся указанная задолженность землевладѣнія для того времени относилась къ дворянскому землевладѣнію.

Въ 1859 году Государственный заемный банкъ былъ уничтоженъ и до 1864 года не было организовано земельнаго кредита. Мы подошли, такимъ образомъ, къ моменту отмѣны крѣпостного права. Въ эпоху послѣдняго не было большой нужды въ капиталѣ для сельскохозяйственнаго производства: надобности въ наемномъ трудѣ не было; тамъ, гдѣ владѣльцы сами вели хозяйство, земля обрабатывалась крестьянскимъ инвентаремъ; гдѣ же крестьяне были на оброкѣ, тамъ владѣльцы большей частью вовсе не вели своего хозяйства. Задолженность же, которую мы находимъ и при крѣпостномъ правѣ, объясняется отчасти тѣмъ, что бо̀льшая часть землевладѣльцевъ того времени—дворяне, владѣвшіе крестьянами, являлись служилыми людьми и должны были нести разные расходы по службѣ въ формѣ денегъ, которыхъ они, при натуральномъ хозяйствѣ того времени, не могли получить въ требуемомъ количествѣ отъ своихъ имѣній. Были и другія причины, лежавшія во всемъ строѣ крѣпостной жизни, но во всякомъ случаѣ, кредитъ не служилъ сельскохозяйственному производству. Таковъ характеръ задолженности землевладѣнія до реформы 1861 года.

Освобожденіе крестьянъ рѣзко выразило тѣ измѣненія, которыя происходили въ экономической жизни Россіи, соотвѣтственно съ чѣмъ вызвало перемѣны въ цѣломъ рядѣ отношеній и въ частности измѣнило и весь характеръ частновладѣльческаго хозяйства. Потребовался наемный трудъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землевладѣльцы стали обзаводиться мертвымъ и живымъ инвентаремъ. Для всего этого требовались деньги. Но деньги эти и были принесены самой реформой, которую вообще надо считать продуктомъ тѣхъ условій, которыя создавались наступающимъ развитіемъ капитализма въ Россіи. Реформа принесла землевладѣльцамъ выкупныя деньги, которыхъ и было уплачено въ 1862—1866 гг. $329^1/_2$ милл. рублей; въ 1867—1871 г. $258^1/_2$ милл. рублей, а всего

по 1 января 1894 г.—895.871.473 рубля 83 коп., изъ коихъ 315.804.883 р. 13 к. пошло на покрытіе долговъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ.

Несмотря, однако, на приливъ этихъ суммъ къ дворянскому землевладѣнію, потребность въ кредитѣ продолжала ощущаться. Въ отвѣтъ на эту потребность стали возникать разныя кредитныя учрежденія: въ 1864 году былъ основанъ первый частный земельный банкъ — Херсонскій, въ 1866 году основалось Общество взаимнаго поземельнаго кредита, съ 1872 г. стали открываться акціонерные банки. Съ 1886 года открылъ свои операціи Государственный дворянскій земельный банкъ: ссуды выдавались въ бо́льшихъ размѣрахъ и на льготныхъ условіяхъ. Къ этому времени выкупная операція была почти завершена, и при помощи ея помѣстное дворянство получило свыше $896^1/_2$ м. р., или же, принимая во вниманіе условія реализаціи выкупныхъ бумагъ и уплату долга прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, получимъ, что дворянами-землевладѣльцами ко времени учрежденія Государственнаго дворянскаго банка было получено на руки 469,1 милл. руб.; но, кромѣ того, къ 1886 году, т.-е. ко времени начала дѣятельности Государственнаго дворянскаго земельнаго банка, дворянскія земли были обременены долгами банкамъ на сумму 447,9 милл. р. Въ общемъ же задолженность землевладѣнія съ 1872 г., когда начали открываться акціонерные земельные банки, къ 1886 г. возросла съ 134,3 милл. р. до 529,6 мил. руб., что указываетъ на весьма быстрый ростъ ея. Къ 1895 г. она уже составляетъ 1.028,7 милл. руб., изъ коихъ 351,5 милл. р. долга Гос. двор. банку, а остальное прочимъ земельнымъ банкамъ. Къ 1897 г. общая сумма земельной задолженности составляетъ уже 1.359 милл. р., а къ 1 января 1904 г. она возросла до 2.074 милл. р., т.-е. увеличилась снова болѣе чѣмъ на 700 милл. р. Ежегодное увеличеніе колебалось отъ 75 до 125 милл. р.

Для характеристики современнаго положенія частновладѣльческой задолженности, приведемъ слѣдующія данныя. Если исключить 405 милл. р. долга, лежащаго на земляхъ, купленныхъ че-

резъ посредство крестьянскаго банка, т.-е. на земляхъ, принадлежащихъ крестьянамъ, то общая частновладѣльческая задолженность выразится для 1904 г. въ суммѣ свыше 1 милліарда 723 милліоновъ руб. Этотъ долгъ лежитъ на 127.420 имѣніяхъ, съ площадью въ 53.589.926 дес., что составляетъ до 53%, т.-е. свыше половины всего частнаго землевладѣнія, при среднемъ размѣрѣ каждаго заложеннаго имѣнія въ 412 дес. Этотъ средній размѣръ заложенныхъ имѣній превышаетъ общій средній размѣръ всѣхъ имѣній и приближается къ среднему размѣру дворянскихъ имѣній. По отдѣльнымъ губерніямъ средній процентъ заложенныхъ земель колеблется весьма значительно. По 7-ми губерніямъ заложено свыше 70% всей частновладѣльческой земли въ Херсонской 79%, въ Екатеринославской, Минской и Подольской по 72%); въ 14 губерніяхъ отъ 60 до 67%; въ 10 губ. отъ 50 до 58%; въ 11 губ. отъ 41 до 49%; въ 11—отъ 33 до 39% и въ 15 губ. менѣе 30%. Еще характернѣе выражаются размѣры задолженности при распредѣленіи по уѣздамъ, а именно: изъ 587 уѣздовъ (въ 65 губ. и област.)—въ 3-хъ уѣздахъ заложена почти вся частновладѣльческая земля, а именно 96% ея, въ 264 уѣздахъ, считая и эти 3, свыше 50% всей частновладѣльческой земли и лишь въ 100 уѣздахъ менѣе 20% ея.

Необходимо замѣтить, что приведенныя цифры не даютъ еще полнаго представленія о размѣрахъ задолженности. Дѣло въ томъ, что эти данныя говорятъ только о размѣрахъ займовъ подъ первыя закладныя, но, какъ я уже говорилъ, подъ первую закладную выдается ссуда только въ размѣрѣ $^2/_3$ цѣнности земли, остальную $^1/_3$ можно заложить въ частныя руки подъ вторую закладную. Къ этому прибѣгаютъ нерѣдко, и такихъ долговъ тоже довольно много. По исчисленію за 1888 г. такихъ займовъ было сдѣлано на сумму 36 милл. р. („Вліяніе урожаевъ“ и т. д. ст. Д. И. Рихтера и „Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи“).

Таковы размѣры современной ипотечной задолженности частнаго землевладѣнія въ Россіи. Для характеристики степени быстроты и роста ея укажемъ еще, что къ 1 января 1870 г. все

количество заложенной земли составляло 2,1 милл. дес. или 2,2% всей частновладѣльческой земли, къ 1 января 1895 г., или черезъ 25 лѣтъ, 42%, а въ настоящее время, какъ уже было указано, до 53%. Впрочемъ, по даннымъ болѣе поздняго времени (А. К. Голубевъ: „Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи". 1904, вып. III), изъ общаго количества 121.313.255 дес. частновладѣльческой земли по 75 губерніямъ и областямъ къ 1904 г. въ залогѣ состояло 181.336 имѣній, въ коихъ числилось 59.451.162 десятины, или 49 проц. всей частновладѣльческой земли, т.-е. почти половина ея.

Наименьшая задолженность падаетъ на губерніи сѣверныя, промышленныя и на Кавказъ, наибольшая же на губерніи прибалтійскія, центральныя земледѣльческія, южныя степныя и приволжскія, т.-е. наибольшая задолженность существуетъ по преимуществу въ губерніяхъ, главнымъ образомъ, земледѣльческихъ, что замѣчалось и въ предшествующіе годы; наименьшая же въ губерніяхъ съ болѣе выраженнымъ промышленнымъ характеромъ.

Нетрудно видѣть, что данныя по Россіи подтверждаютъ все то, что мною было сказано о задолженности вообще. Существуетъ попытка объяснить задолженность, между прочимъ, непроизводительнымъ употребленіемъ ссудъ. Объясненіе, конечно, недостаточное. Несомнѣнно, что еслибы хотя $^1/_2$ суммы долга приложена была къ земледѣльческому хозяйству, то оно имѣло бы совершенно иной видъ, сравнительно съ настоящимъ. И все-таки нельзя объяснить задолженность только нерасчетливымъ расходованіемъ полученныхъ въ ссуду денегъ. Нельзя, хотя бы уже потому, что является совершенно правомѣрнымъ вопросъ: почему же такое примѣненіе находятъ именно ссуды подъ залогъ земель, почему иначе употребляется кредитъ, связанный съ другими предпріятіями?

Изъ всего же сказаннаго выше ясно, что такая задолженность есть слѣдствіе самаго владѣнія землею, какъ товаромъ. Товаръ этотъ не таковъ, чтобы могъ быть перемѣщаемъ съ одного рынка на другой; въ то же время товаръ этотъ не

есть готовый продуктъ, а лишь сырой матеріалъ, условіе производства, но такого производства, которое связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ и цѣлымъ рядомъ условій, измѣненіе которыхъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, внѣ власти человѣка. Вслѣдствіе этого устраненіе здѣсь неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ затруднительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а то и совсѣмъ невозможно. Для европейскаго же земледѣлія, какъ это уже указано, наступило теперь именно такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, обѣщающее еще долгое продолженіе, а отсюда неизбѣжность связанныхъ съ землевладѣніемъ затрудненій и стремленіе вынуть изъ земли завязанный въ ней капиталъ, что и достигается при помощи залога земли. Правда, этому какъ бы противорѣчитъ, съ одной стороны, тотъ фактъ, что значительная доля долга образуется переводомъ его при покупкѣ земли, т.-е. при вложеніи въ землю денежнаго капитала, но не слѣдуетъ забывать, что это есть двусторонняя сдѣлка, такъ что покупка, съ одной стороны, предполагаетъ продажу съ другой, при чемъ покупщикъ (при покупкѣ съ переводомъ долга) опять-таки вкладываетъ въ землю не весь капиталъ, который она представляетъ; при этомъ частота переходовъ земельной собственности опять-таки свидѣтельствуетъ, что этотъ капиталъ вкладывается не надолго.

Другое обстоятельство, стоящее какъ будто бы въ противорѣчіи съ нашимъ объясненіемъ, состоитъ въ томъ, что задолженность землевладѣнія существовала и не при современныхъ условіяхъ землевладѣнія, какъ, наприм., у насъ въ дореформенное время. Но тогда, конечно, поводы и условія образованія ея были иные и лежали въ условіяхъ, вызывавшихъ требованіе въ деньгахъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ ихъ можно было получить путемъ веденія преобладавшаго тогда натуральнаго хозяйства; но все же и тогда самая форма задолженности обусловливалась тѣми свойствами земельныхъ имуществъ, которыя общи и для настоящаго времени. Условія же послѣдняго времени, дѣлая все менѣе и менѣе возможнымъ извлеченіе изъ земли дохода, соразмѣрнаго росту цѣнъ на нее, а также дѣлая этотъ доходъ и вообще все

болѣе и болѣе неустойчивымъ и неопредѣленнымъ, вызываютъ все болѣе и болѣе быстрый ростъ задолженности землевладѣнія, показывающій именно стремленіе дать капиталу, какъ таковому, иное помѣщеніе. Что это именно такъ, доказательствомъ можетъ служить, по отношенію къ Россіи, созданіе такихъ учрежденій, которыя способствуютъ переходу земель изъ рукъ частныхъ землевладѣльцевъ, облегчаютъ для нихъ этотъ переходъ. Если бъ это не было въ ихъ интересахъ, то, очевидно, созданіе такихъ учрежденій не могло бы осуществиться. Я говорю объ учрежденіи Крестьянскаго поземельнаго банка и связанной съ нимъ организаціи.

Это, повидимому, противорѣчитъ существующему взгляду и исторіи, мотивамъ учрежденія Крестьянскаго поземельнаго банка. Извѣстно, что потребность въ немъ выросла какъ разъ изъ недостаточности земельнаго обезпеченія крестьянъ, и, слѣдовательно, учрежденіе его отвѣчало ихъ интересамъ. Но если ихъ интересамъ отвѣчала возможность покупать землю, то, съ другой стороны, опять-таки должны были существовать продавцы, интересамъ которыхъ отвѣчала возможность продавать ее. Кто же представлялъ собою наиболѣе многочисленный классъ покупщиковъ? Конечно, крестьяне, и потому очевидно, увеличивъ число покупщиковъ, т.-е. облегчивъ имъ возможность покупать, можно выгоднѣе сбыть земли, тѣмъ болѣе, что здѣсь является возможность продавать мелкими участками, что опять-таки даетъ возможность продавать по болѣе высокой цѣнѣ. Такимъ образомъ, если на сторонѣ крестьянъ былъ немалый интересъ въ покупкѣ земли, то не въ противорѣчіи съ этимъ находился и интересъ владѣльцевъ земли, стремившихся отдѣлаться отъ нея.

Но на учрежденіи Крестьянскаго поземельнаго банка дѣло не остановилось. Крестьяне все-таки не имѣли возможности поглотить покупкою такое количество земли, какое предлагалось на продажу; тогда наступаетъ преобразованіе Крестьянскаго банка, которое при существующихъ условіяхъ, конечно, не могло бы осуществиться, если бы не отвѣчало интересамъ предлагающихъ земли на продажу. Согласно этому преобразованію, банкъ мо-

жетъ пріобрѣтать земли за собственный счетъ. Что это преобразованіе дѣйствительно отвѣчало интересамъ землевладѣльцевъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что они тотчасъ же и воспользовались такимъ преобразованіемъ для сбыта своихъ земель. „Въ настоящее время въ Таврической губерніи,—сообщалъ, наприм., *Крымскій Вѣстникъ*, — происходитъ „массовый переходъ“ земли изъ рукъ частновладѣльцевъ въ руки крестьянъ. Какъ на одну изъ причинъ, обусловливающихъ этотъ процессъ, газета указываетъ на Крестьянскій банкъ, дѣйствующій „нынѣ, т.-е. съ 1896 г., по новому уставу“.

То же подтверждается и отчетомъ Крестьянскаго земельнаго банка. Въ 1896 г. „согласно заключеній соединеннаго присутствія совѣтовъ Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ, г. министромъ финансовъ разрѣшена покупка 38 имѣній, въ количествѣ 80.970,$_8$ дес., на сумму 5.915.724 р.“ Куплено же банкомъ въ 1896 г. 15 имѣній съ 49.911,$_8$ дес. При этомъ легко видѣть, что предложены были банку для покупки далеко не мелкія имѣнія, такъ какъ средній размѣръ утвержденныхъ къ покупкѣ имѣній—свыше 2.000 дес., а купленныхъ уже—3.327 дес. Я говорю: предложенныхъ къ покупкѣ, такъ какъ изъ отчета видно, что только 3 изъ купленныхъ имѣній были пріобрѣтены съ торговъ; остальныя же куплены по предложенію продавцовъ и наиболѣе мелкое изъ нихъ имѣетъ 262 дес. (Гончаровыхъ, Рязанской губ., за 35.587 р.), наиболѣе же крупное 41.894,$_4$ дес. (гр. Воронцова-Дашкова, въ Саратовской губ., за 3.500.000 р.). (Отчетъ Крестьянскаго поземельнаго банка за 1896 г. СПБ. 1896).

При этомъ нельзя сказать, чтобы продажи эти были безвыгодны для продавцовъ. Такъ, за періодъ 1888—1896 гг. банкъ продалъ изъ состоявшей въ его собственности земли въ предѣлахъ Саратовской губ. 5.448 дес. (4 имѣнія) за 197.000 р., т.-е. по *36 р. 27 к.* за десятину (тамъ же, стр. 278 прилож.). А между тѣмъ въ той же губерніи въ 1896 г. по ссудамъ, *разрѣшеннымъ* банкомъ, пріобрѣтается крестьянами 13.984,$_2$ дес. земли за 818.475 р. (всего 20 сдѣлокъ), т.-е. по *58 р. 53 к.* за десятину. Тамъ же

по ссудамъ, уже выданнымъ въ 1896 г., пріобрѣтено 5-ю сельскими обществами 5.379 дес. за 308.802 р., т.-е. по *57 р. 22 к.* за десятину, и 9-ю товариществами 6.659 дес. за 348.001 р., т.-е. по *52 р. 24 к.* Какъ видимъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, несмотря на сравнительно некрупный размѣръ пріобрѣтавшихся участковъ, когда цѣна обыкновенно бываетъ выше, продажная цѣна ни въ одномъ случаѣ не достигаетъ 60 р. за десятину—и это при продажѣ земли крестьянамъ со стороны частныхъ лицъ, лишь при содѣйствіи банка; самъ же банкъ продавалъ землю въ той же Саратовской губ. даже по 36 р. 27 к. за десятину, т.-е. самъ банкъ продавалъ дешевле цѣнъ, по которымъ продавали частныя лица при посредствѣ того же банка. Это уже указываетъ, что продажа земли крестьянамъ при посредствѣ банка представляетъ вовсе не безвыгодную сдѣлку, и мы увидимъ впослѣдствіи, что крестьяне вообще являются покупщиками земли, способными и готовыми дать наиболѣе высокую цѣну за землю. При всемъ этомъ, однако, бываютъ случаи, когда продажа земли прямо банку, оказывается еще выгоднѣе. Въ той же Саратовской губ., въ томъ же 1896 г., имѣніе гр. Воронцова-Дашкова въ $41.894_{,4}$ дес. продано банку за 3.500.000 р., т.-е. по 83 р. 54 к. съ лишкомъ за десятину—и это при продажѣ его въ полномъ составѣ, когда цѣна обыкновенно бываетъ ниже, чѣмъ за мелкіе участки. (Всѣ приведенн. примѣры см. тотъ же отчетъ, прилож., стр. 25 и 34.)

Такъ выражалось дѣятельность Крестьянскаго банка тотчасъ по преобразованіи его, когда ему предоставлена была возможность покупать земли за свой счетъ. Въ настоящее время Крестьянскій банкъ получилъ еще болѣе значеніе учрежденія, способствующаго по преимуществу крупнымъ землевладѣльцамъ сбывать свои земли по выгодной цѣнѣ. Такъ, за время съ 3 ноября 1905 года по 1 августа 1906 года, т.-е. менѣе, чѣмъ за 9 мѣсяцевъ, совѣтомъ банка разсмотрѣно до полутора тысячъ предложеній и разрѣшено къ покупкѣ около 1.200 имѣній съ общей площадью въ 1.711.000 дес., или въ среднемъ 1.425 дес. на одно имѣніе, т.-е. уже исключительно крупныхъ при средней

оцѣнкѣ по 118 р. за десятину. Но тѣ полторы тысячи дѣлъ, которыя были разсмотрѣны совѣтомъ банка, составляютъ немного болѣе одной трети общаго числа имѣній, владѣльцы которыхъ желали бы уступить банку свои земли. Всего было предложено къ продажѣ 4.235 имѣній; количество предложенной земли превосходитъ пять съ половиною милліоновъ десятинъ. Въ безпокойныхъ губерніяхъ: Самарской, Саратовской, Пензенской, предложено къ покупкѣ за 9 мѣсяцевъ до одной пятой части всей площади частновладѣльческихъ земель. Такова дѣятельность банка къ концѣ 1905 и 1906 г. по сообщенію Н. Н. Кутлера (газ. „*Рѣчь*“ 1906 г. №№ 162, 166). По сообщенію же *Правительственнаго Вѣстника*, съ 15 мая по 1 іюня 1907 г. общимъ присутствіемъ совѣтовъ Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ разрѣшены къ покупкѣ за счетъ Крестьянскаго банка 149 имѣній съ общею площадью въ 175.729 дес., что составляетъ въ среднемъ 1.179 дес. на одно имѣніе, т.-е. тоже крупныя.

Заявленная продажная цѣна составляетъ 21.948.651 р., т.-е. по 124 р. за дес., банкомъ же предложено 15.367,655 руб. или *по 87 р.* за дес. Кромѣ того, безъ обозначенія заявленной продавцами цѣны разрѣшены 12 сдѣлокъ на 14.517 дес., (тоже въ среднемъ свыше 1.200 дес. на одно имѣніе), за которыя банкомъ предложено 985.850 р. и 8 имѣній на 11.868 дес. (въ среднемъ около $1^1/_2$ тыс. дес. на одно имѣніе), которыя разрѣшено пріобрѣсти съ торговъ за 931.900 р. За то же время, съ 15 мая по 1 іюня 1907 г., совѣтомъ Крестьянскаго банка разрѣшено выдать ссуды крестьянамъ на покупку 29.562 дес., продажная цѣна которыхъ опредѣлена въ среднемъ въ *135* р., банкомъ же разрѣшено въ ссуду по *116* р. за дес.

Если обратиться къ дѣятельности банка до дня окончанія послѣдняго перерыва въ его дѣятельности, т.-е. съ 3 ноября 1905 г., то оказывается, что по 1 іюня 1907 г. за 19 мѣсяцевъ къ покупкѣ за счетъ Крестьянскаго банка разрѣшено 3.485 сдѣлокъ на 4.217.779 дес. на 466.842.482 р., т.-е. въ среднемъ свыше 1.200 дес. на каждое имѣніе по цѣнѣ около 110 руб. за дес. въ среднемъ. Что же касается общаго числа сдѣлокъ, по

которымъ за это время выданы ссуды, то оно составляетъ 7.514 съ количествомъ земли 1.247.865 дес., покупная цѣна—155.312.999 р., разрѣшенная къ выдачѣ ссуда—131.994.197 р., (т.-е. покупная цѣна по 124 руб. за десят. въ среднемъ, а въ ссуду разрѣшено выдать по 105 р. за десятину въ среднемъ).

Такимъ образомъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка за $1^1/_2$ съ небольшимъ года должно было перейти въ руки крестьянъ почти $5^1/_2$ милліоновъ дес. земли, оцѣниваемой банкомъ около 600 милліоновъ р., или по 109 р. за десятину. Въ теченіе 574 дней разрѣшено передать въ руки помѣщиковъ безъ малаго 600 милл. р., т.-е. болѣе одного милліона р. ежедневно.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что цѣны, по которымъ покупаетъ земли Крестьянскій банкъ, все время растутъ. Въ 1899 г. средняя цѣна по всѣмъ покупкамъ составляла 78 р., затѣмъ, повышаясь изъ года въ годъ (83 р., 91 р., $107^1/_2$ р., $108^1/_4$ р.) она была въ 1904 г. уже 112 р. (Отчетъ Крест. позем. банка за 1904 г. СПБ. 1906. Стр. 56). Не ниже, какъ видимъ, цѣны сейчасъ. Для времени же съ 15 мая по 1 іюня 1907 г. даже много выше—135 р., съ разрѣшеніемъ въ ссуду 116 р., т.-е. болѣе того, что составляла средняя продажная цѣна въ 1904 г.

На что при этомъ еще нельзя не обратить вниманіе, такъ это именно не только на высокія продажныя цѣны, а на высокія *оцѣнки*, производимыя Крестьянскимъ банкомъ. Это въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе при сличеніи съ оцѣнками земель, закладываемыхъ въ Государственный дворянскій земельный банкъ. Въ самомъ дѣлѣ, нами только что приведены крупныя цѣны на земли, купленныя крестьянами при посредствѣ Крестьянскаго банка за время 1899 — 1904 годахъ. Сопоставимъ теперь среднюю произведенную банкомъ *оцѣнку* десятины земли, купленной крестьянами, съ среднею оцѣнкою, произведенною Государственнымъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ также десятины земли, но не купленной крестьянами, а заложенной дворянами въ Дворянскій банкъ и, наконецъ, среднюю цѣну земли, купленной Крестьянскимъ банкомъ за свой счетъ.

Получимъ слѣдующее:

Годы.	Средняя покупная цѣна 1 дес. земли, куплени. крестьянами.	Оцѣнка Крестьянскимъ банкомъ этой земли за 1 д.	Оцѣнка Дворянскимъ банкомъ 1 д. заложенной земли.	Покупная цѣна 1 д. земли, купленной Крестьянскимъ банкомъ.
	Въ рубляхъ.			
1899	78	72	60	60
1900	83	76	76	64
1901	91	81	88	80
1902	$107^1/_2$	93	82	80
1003	$108^1/_4$	93	83	108
1904	112	95	73	68

(Отч. Крест. позем. банка за 1904 г., стр. 56 и 81. Отч. Госуд. двор. зем. банка за 1904 г., стр. 69).

Какъ видимъ, почти за всѣ годы оцѣнка земли, принятой въ залогъ Дворянскимъ банкомъ, значительно ниже оцѣнки земли, купленной крестьянами при посредствѣ Крестьянскаго банка; точно такъ же и земля, купленная Крестьянскимъ банкомъ, куплена почти за всѣ годы по цѣнѣ болѣе дешевой, нежели производимая тѣмъ же банкомъ оцѣнка земли, покупаемой крестьянами. И это такъ и за послѣдній годъ, т.-е. съ 3 ноября 1905 г. по 4 ноября 1906 г., когда разрѣшено къ покупкѣ за счетъ банка 2.527.724 дес. на сумму 300.435.783, т.-е. по *118 р.* 86 к. за десятину, а къ покупкѣ крестьянами 646.800 десятинъ на сумму 83.240.605 р., т.-е. по *128 р.* 70 к. за дес. Въ томъ же направленіи наблюдается разница и въ приведенныхъ выше данныхъ объ операціяхъ съ 15 мая по 1 іюня 1907 г., гдѣ, какъ указано выше, по покупкамъ за счетъ банка предложено по 87 руб. за дес., при покупкѣ же крестьянами разрѣшено въ ссуду по 116 р. за дес. при продажной цѣнѣ въ 135 р.

Выходитъ такъ, какъ будто бы крестьяне покупаютъ наилучшую землю. Крестьянскій же банкъ покупаетъ худшую, да и

дворяне, какъ будто оставляютъ себѣ худшую землю для залога ее въ Дворянскій банкъ. Но, конечно, изъ сопоставленія этихъ данныхъ такой выводъ дѣлать не приходится. Объясненіе этому заключается прежде всего въ томъ, что покупки при посредствѣ банка производятся, такъ же, какъ и аренда, изъ нужды, поэтому крестьяне готовы дать за эту землю болѣе высокую цѣну, чѣмъ кто-либо, что извѣстно продавцамъ. Это, конечно, объясняетъ высокую покупную цѣну, но еще не объясняетъ, почему и банковская оцѣнка покупаемой крестьянами земли выше и значительно выше покупаемой Крестьянскимъ банкомъ или принимаемый въ залогъ Дворянскимъ. Не беремся утверждать совершенно опредѣленно, но думаемъ, что причина болѣе низкой оцѣнки въ двухъ послѣднихъ случаяхъ заключается въ нежеланіи со стороны банковъ подвергаться большому риску. Когда же покупаетъ крестьянинъ—для банка этого риска нѣтъ: банкъ знаетъ, что крестьянинъ не только вынужденъ, т.-е. не только готовъ, но и можетъ вынести болѣе высокую цѣну, чѣмъ всякій другой покупщикъ. Согласно тому, что приведено въ очеркѣ объ арендованіи земли и что хорошо выяснено проф. Косинскимъ въ его книгѣ: „Къ аграрн. вопросу“, крестьянинъ, какъ не гонящійся за прибылью, можетъ заплатить за землю болѣе высокую плату, чѣмъ хозяинъ - предприниматель. Только этимъ да нуждою крестьянъ въ землѣ и можно объяснить такія повышенныя цѣны при покупкѣ крестьянами.

И нужно имѣть въ виду, что эти покупки совершались не наиболѣе состоятельными крестьянами. „Въ теченіе семи лѣтъ 1885 — 1891 года изъ 695.521 душъ, воспользовавшихся ссудами, было: безземельныхъ и имѣвшихъ до $1^1/_2$ дес.— 230.778 или $33,1^0/_0$, имѣвшихъ отъ $1^1/_2$ до 3 дес. — 275.716 или $39,6^0/_0$; остальные имѣли болѣе 3 дес. Даже въ послѣдніе два года перваго десятилѣтія Крестьянскаго банка, т. - е. въ 1890 и 1891 года, когда со стороны банка оказывалось явное предпочтеніе покупкамъ, совершаемымъ наиболѣе состоятельною частью сельскаго населенія, малоземельные крестьяне продолжаютъ преобладать среди заемщиковъ банка. За оба періода—

1885—1889 г. и 1890—1891 г.—заемщики, по размѣру землевладѣнія, распредѣлялись такимъ образомъ въ процентномъ отношеніи:

	1885—1889	1890—1891
Безземельные и имѣющ. до $1^1/_2$ дес.	34,4	28,1
Имѣвшіе $1^1/_2$ до 3 дес.	37,9	46,0
и болѣе 3 дес.	27,6	25,7

(*В. Ю. Скалонъ*: „Крестьянскій банкъ и его недоимщики". Вып. II очерковъ по крестьянск. вопр. Сбор. сост. подъ ред. *А. Мануилова*).

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ, между прочимъ, видно, что и при покупкѣ земли, какъ и при арендованіи, перевѣсъ находится на сторонѣ *среднихъ* по обезпеченности землею, такъ что это ведетъ къ упроченію именно крестьянъ - земледѣльцевъ, имѣющихъ земли достаточно для правильнаго веденія хозяйства, но не болѣе того, что нужно для приложенія личныхъ рабочихъ силъ. Преобладаніе такихъ же покупщиковъ сохранилось, повидимому, и для послѣдняго времени, судя по тому, что по отчету за 1904 г. среди покупщиковъ безземельные составляли 12% (безлошадные — 14%); имѣющіе одну надѣльную землю — 62%, а остальные — 26% имѣли и собственную землю (отчетъ банка, стр. 61—62).

Не слѣдуетъ, однако, думать, что такія высокія цѣны выплачиваются крестьянами - покупателями легко и всегда. Въ той же статьѣ В. Ю. Скалона указано, что недоимки по взносамъ въ банкъ доходили даже до 27% годичнаго обложенія, а по отдѣльнымъ губерніямъ составляли и много выше. Немало было случаевъ продажи купленныхъ земель за недоимку: за 6 л. 1886—1891, до 400. А между тѣмъ надо имѣть въ виду, что потеря такой земли представляетъ для купившихъ ея крестьянъ совершенное разореніе, такъ какъ все, что ими было израсходовано на доплаты продавцу и уплату банку, пропало окончательно, а между тѣмъ на все это добывались деньги большею частью займомъ, и долгъ по доплатамъ оставался на нихъ. Сильны, сталобыть, были причины, доведшія крестьянъ до такой продажи.

Отсюда, вопреки утвержденію проф. Косинскаго, нетрудно видѣть, насколько невѣрно обезпеченіе землею, пріобрѣтенною покупкою въ личную собственность. Уйти изъ рукъ такая земля можетъ весьма нерѣдко по разнымъ причинамъ, а пріобрѣсть ее потомъ не легко. При общинномъ же владѣніи землею или при полученіи ее въ пользованіе для обработки личнымъ трудомъ, лишиться ея нельзя, пока такая обработка продолжается, а затѣмъ, прекративъ эту обработку по собственному желанію, не приходится тѣмъ лишать, напримѣръ, своихъ дѣтей права на землю, да и самому можно получить опять. Правда, такое пользованіе будетъ сопряжено съ ежегоднымъ платежомъ, но, во-первыхъ, этотъ платежъ долженъ быть не выше небольшой части того, что можно извлечь изъ земли, т.-е. онъ будетъ производиться уже изъ дохода, во-вторыхъ, вѣдь и съ собственной земли нельзя не платить налога, а если она—что довольно обыкновенное явленіе—заложена, то еще и процентъ по ссудамъ. Въ-третьихъ—и это главное—когда земля является частною собственностью, то или ее приходится арендовать у частнаго собственника по растущимъ безпрерывно цѣнамъ или покупать. Въ томъ и другомъ случаѣ прежде, чѣмъ приняться за обработку земли, нужно, слѣдовательно, затратить немалую сумму на пріобрѣтеніе земли, тогда какъ при отсутствіи частной собственности эти деньги шли бы на расходы по обработкѣ земли. Больше бы могло затрачиваться средствъ на улучшеніе хозяйства. Теперь же эти деньги, идущія на покупку земли, не идутъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, и вообще менѣе средствъ можетъ быть удѣлено на обработку земли. Отсюда нетрудно также видѣть, способствуетъ ли частная „священная“ собственность подъему производительности земледѣлія и улучшенію сельскаго хозяйства.

Но если въ интересахъ населенія, въ интересахъ сохраненія земли въ рукахъ земледѣльцевъ, въ интересахъ сельскаго хозяйства важно, чтобы земля перешла въ руки ея работниковъ не на правахъ личной собственности, а на условіи пользованія при личной обработкѣ ея, то изъ этого не слѣдуетъ, что она можетъ быть изъята изъ рукъ теперешнихъ ея собственниковъ безвоз-

мездно. Какимъ бы путемъ ни получили они ее въ свое время, она признавалась ихъ собственностью на основаніи дѣйствующаго закона, котораго никто не оспаривалъ. Это было ихъ имущество, и если въ интересахъ общественныхъ у нихъ можетъ быть отчуждена земля, то это не значитъ, что ихъ можно лишить ихъ имущества, т.-е. ея цѣнности. При этомъ надо, однако, имѣть въ виду, какъ это бываетъ и вообще при отчужденіи, хотя бы подъ желѣзную дорогу, что цѣнность эта должна быть установлена соотвѣтственно даннымъ условіямъ и не выше того, что отвѣчаетъ тѣмъ общественнымъ интересамъ, ради которыхъ производится и самое отчужденіе. Поэтому цѣны эти, конечно, не могутъ быть тѣми рыночными, которыя вызваны были нуждою крестьянъ въ землѣ и монопольнымъ положеніемъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, переводъ земли въ руки населенія можетъ произойти только на основаніи выкупа. Въ настоящемъ очеркѣ уже показано, какъ много земли—и притомъ отъ крупныхъ собственниковъ — переведено ими уже банку. Не продавшими остаются менѣе крупные собственники, большинство которыхъ въ свое время заплатило деньги за землю, а не получило ее даромъ изъ милости; лишить ихъ собственности безвозмездно — значило бы начать новыя условія жизни съ такой несправедливости, которая внесла бы въ эти новыя условія непоправимый разладъ и заставила бы дрожать за свое пользованіе землею и тѣхъ, кто только что получилъ ее или пріобрѣлъ чрезъ Крестьянскій банкъ для обработки личнымъ трудомъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, кто только что продалъ землю—и по очень высокой цѣнѣ, и успѣлъ получить за нее деньги, не лишаются ихъ? Кто же не успѣлъ продать землю или даже не спѣшилъ съ этимъ, ожидая общаго рѣшенія вопроса, долженъ лишиться всего, при чемъ общество ему не обезпечиваетъ никакихъ новыхъ средствъ существованія, даже путемъ такого личнаго заработка, къ которому онъ подготовленъ? Вотъ часть соображеній, по которымъ принудительное отчужденіе земли можетъ быть произведено лишь путемъ выкупа. Но при этомъ не слѣдуетъ становиться на ту почву, на какую стали въ 1861 г., когда

всю тяжесть выкупа возложили на плечи крестьянъ. Пользоваться землей будетъ земледѣлецъ-крестьянинъ, но такое пользованіе необходимо въ интересахъ всѣхъ классовъ населенія, и поэтому выплата прежнимъ собственникамъ за эту землю должна лечь на всѣ классы населенія, соотвѣтственно степени имущественной состоятельности каждаго.

IX. Системы земледѣлія. Улучшенія въ хозяйствахъ предпринимательскихъ и крестьянскихъ.

До сихъ поръ мы разсматривали условія сельскохозяйственнаго производства, т.-е. ту внѣшнюю обстановку, среди которой оно происходитъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, какъ въ этихъ условіяхъ происходитъ сельскохозяйственная дѣятельность, т.-е. какъ человѣкъ пользуется этими условіями для достиженія своихъ производственныхъ цѣлей. При этомъ, конечно, сообразно всему выясненному выше, дѣятельность человѣка и результаты ея будутъ не одинаковы при различной величинѣ хозяйствъ, т.-е. въ связи съ тѣмъ, ведется ли хозяйство собственное крестьянское, или трудъ прилагается въ другомъ хозяйствѣ. Различіе, конечно, будетъ происходить и въ зависимости отъ различія въ тѣхъ средствахъ производства, которыя созданы трудомъ и обращаются въ хозяйствѣ. Соотвѣтственно этому и здѣсь для насъ должны выясниться обстоятельства, свидѣтельствующія о благопріятныхъ или не благопріятныхъ условіяхъ для развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи.

Но предварительно необходимо остановиться нѣсколько на бѣгломъ очеркѣ системъ хозяйства, т.-е. на разсмотрѣніи того, какъ вообще прилагаются трудовыя силы къ обработкѣ земли.

Распредѣленіе разныхъ способовъ обработки земли съ различнымъ сочетаніемъ труда и капитала какъ по пространству, такъ и по времени, имѣетъ свою законосообразность. Если мы разсмотримъ обработывающую промышленность въ ея послѣдовательномъ развитіи, то увидимъ разныя формы съ различнымъ

приложеніемъ труда и капитала и различными результатами: ремесленную, мануфактурную и, наконецъ, машинную. Мы замѣчаемъ здѣсь извѣстную историческую послѣдовательность, переходъ отъ одной системы къ другой, въ связи съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ знаній. Въ обработывающей промышленности вмѣстѣ съ этими условіями явилась возможность сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ массы сырья, а отсюда и возможность широкаго раздѣленія труда и сосредоточенія орудій обработки—машинъ. Посмотримъ теперь, какъ развилось земледѣліе.

Различнымъ формамъ въ обработывающей промышленности соотвѣтствуютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различныя системы въ земледѣліи. И здѣсь одна система отличается отъ другой различнымъ приложеніемъ труда, капитала и различнымъ сочетаніемъ ихъ. Постепенно экстенсивныя системы земледѣлія, разсчитанныя, главнымъ образомъ, на большія пространства свободныхъ земель, съ ростомъ населенія замѣняются системами болѣе интенсивными, требующими при меньшей площади болѣе значительнаго приложенія труда и капитала. Такимъ образомъ, за извѣстными предѣлами густота населенія прямо вынуждаетъ переходъ къ высшей системѣ земледѣлія. Таково основное направленіе въ развитіи земледѣльческаго хозяйства, нарушаемое, однако, различными историческиии условіями: такъ, съ одной стороны, переселенія, служа какъ бы противовѣсомъ естественному росту населенія, отдаляютъ время перехода къ высшей системѣ земледѣлія; съ другой стороны, страны, въ которыхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе, вынуждаются къ такому переходу раньше, чѣмъ страны съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ, при одинаковой, конечно, плотности населенія, такъ какъ при этихъ условіяхъ значительная масса населенія лишена возможности непосредственно приложить свой трудъ къ землѣ, не находящейся въ ея пользованіи, и потому ранѣе, чѣмъ при свободномъ занятіи земли, должна сосредоточить свой трудъ на меньшемъ пространствѣ земли. Иными словами здѣсь *искусственно*, въ силу лишь данныхъ условій землевладѣнія, вызывается *излишняя* за-

трата труда на землю, происходитъ искусственное и преждевременное уплотненіе населенія, вызывающее переходъ къ болѣе интенсивной обработкѣ земли. При этомъ, конечно, такой переходъ и тутъ отдаляется, замедляется, если есть возможность выселиться на свободныя еще земли или доступныя для пользованія на болѣе льготныхъ условіяхъ. Отдаляется этотъ переходъ и тѣмъ, что при обработкѣ ранѣе пустовавшихъ заокеанскихъ земель примѣняется экстенсивная система земледѣлія, а хлѣбъ съ этихъ земель доставляется въ страны съ плотнымъ населеніемъ, для которыхъ и получается существованіе экстенсивнаго хозяйства какъ бы рядомъ съ ними. А это создаетъ такую дешевую цѣну хлѣба, по которой онъ не можетъ производиться въ хозяйствахъ съ интенсивной обработкой земли. Конечно, это должно отдалять переходъ къ такой обработкѣ, и мы видѣли, что это даже ведетъ предпринимательскія хозяйства къ обратному переходу—отъ интенсивнаго къ экстенсивному земледѣлію.

Вотъ, между прочимъ, почему, независимо отъ стремленія къ расширенію рынковъ, стремясь къ удешевленію стоимости рабочей силы, просвѣщенный западно-европейскій капитализмъ не препятствуетъ теперь выселенію въ Америку и куда угодно, не смущаясь тѣмъ, что это задерживаетъ расцвѣтъ земледѣльческой культуры въ Европѣ, а въ Англіи такъ прямо ведетъ къ превращенію земли въ первобытное пастбище для скота на мѣстѣ выбывшихъ людей.

Переходъ къ высшей системѣ обыкновенно требуетъ бо́льшаго количества скота, усовершенствованныхъ орудій, бо́льшаго приложенія труда, такъ какъ приходится съ той же площади извлекать больше продукта, чѣмъ раньше. Дѣло въ томъ, что земля подъ вліяніемъ атмосферическихъ условій и разложенія неотдѣленныхъ отъ нея частей растеній накопляетъ почву, т.-е. тѣ составныя части, которыя необходимы для произрастанія зерна. Такой слой можетъ образоваться подъ вліяніемъ либо естественныхъ, либо искусственныхъ условій. Въ первомъ случаѣ требуется довольно продолжительное время. Когда земли много, распахивается сравнительно небольшая часть (распахиванье

имѣетъ цѣлью привести въ соприкосновеніе съ атмосферой отдѣльныя частицы почвы). Распаханный участокъ подвергается обработкѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, послѣ чего переходятъ къ другому участку, оставляя первый въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ необработаннымъ, пока въ немъ снова накопится достаточное количество элементовъ, способныхъ питать посѣвы. По мѣрѣ сокращенія свободной земли, періоды возвращенія къ прежнимъ участкамъ сокращаются, но зато и урожаи становятся хуже, да и снимать хлѣбъ приходится уже не столько лѣтъ подъ рядъ, такъ какъ вслѣдствіе частаго распахиванья въ землѣ меньше возобновляются извлеченные изъ нея элементы.

Для возстановленія плодородія почвы при этой системѣ требуется обыкновенно отъ 15 до 20 лѣтъ; годною для обработки землю считаютъ, когда она поростетъ ковылью. Система эта распространена у насъ (хотя съ каждымъ годомъ сокращается) въ Уфимской, Оренбургской, Астраханской, восточной части Самарской губ., въ области Войска Донского, въ Кубанской области, а у частныхъ владѣльцевъ даже въ Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ. Такова *залежная* система, встрѣчающаяся, главнымъ образомъ, какъ это видно изъ приведеннаго сейчасъ перечня, въ степяхъ, обильныхъ землей.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этой системѣ соотвѣтствуетъ *лѣсопольная* или *подсѣчная* система, называемая также *огневой*. Система эта заключается въ томъ, что лѣсъ въ такихъ мѣстахъ выжигается, а выжженная такимъ образомъ площадь распахивается, при чемъ пепелъ представляетъ удобреніе. Но вслѣдствіе легкости и рыхлости почвы урожаи здѣсь ниже, нежели въ степныхъ мѣстахъ, да и снимать приходится ихъ меньше; затѣмъ такой участокъ забрасывается лѣтъ на 25 и обращаются къ другому. Невыгодную сторону этой системы нѣкоторые видятъ въ томъ, что при ней истребляются лѣса. Упрекъ этотъ, однако, основателенъ только для такихъ мѣстностей, гдѣ количество лѣса уже ограничено, гдѣ, наконецъ, вслѣдствіе этого такое пользованіе лѣсомъ и не представляетъ уже выгодъ, почему и можетъ встрѣчаться лишь какъ исключеніе. Въ мѣстахъ же, обильныхъ лѣсомъ, ка-

ковъ, наприм., нашъ сѣверъ, система эта содѣйствуетъ какъ земледѣльческой, такъ и всякой другой культурѣ: истребляются звѣри, основываются поселенія, и непроходимые лѣса, даже не эксплуатировавшіеся человѣкомъ, обращаются въ болѣе культурныя мѣста.

Обѣ отмѣченныя системы — залежная и подсѣчная, или огневая—носятъ общее названіе *переложной*. Примѣненіе ея допускается до тѣхъ поръ, пока это позволяютъ незначительная плотность населенія и большіе земельные участки. Но съ теченіемъ времени первая растетъ, а вторые относительно сокращаются. На извѣстной ступени этого процесса является необходимость въ сокращеніи періода возстановленія плодородія почвы на томъ же участкѣ, а это можетъ быть достигнуто только искусственнымъ путемъ: удобреніемъ и чередованіемъ посѣвовъ разныхъ растеній, предъявляющихъ, такъ сказать, спросъ не на одинаковыя составныя части почвы. Далѣе становится необходимымъ введеніе такихъ растеній, которыя даже обогащаютъ почву на счетъ подпочвенныхъ слоевъ. Однако ростъ населенія и сокращеніе участковъ совершаются не сразу, а потому и переходъ отъ залежной системы къ той интенсивной, о которой я только что упомянулъ, совершается довольно медленно, и между этими крайностями существуетъ рядъ переходовъ.

Переложная система смѣняется *двухпольной* и *трехпольной*, при которыхъ возобновленіе плодородія почвы все еще предоставляется естественнымъ условіямъ, хотя съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ, начинаетъ примѣняться здѣсь и удобреніе. При двухпольной системѣ — въ одномъ полѣ рожь, другое подъ паромъ; при трехпольной — въ одномъ — рожь, въ другомъ — яровое, а третье подъ паромъ. Двухпольная система существовала въ древней Греціи, существуетъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, встрѣчается мѣстами и у насъ. Наиболѣе распространенной у насъ является трехпольная система, при чемъ къ удобренію прибѣгаютъ иногда даже въ черноземной полосѣ, гдѣ вообще условія для естественнаго возобновленія плодородія почвы болѣе благопріятны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и

потому тамъ удобреніе начинаетъ примѣняться позднѣе, по мѣрѣ истощенія почвы.

Отмѣтимъ при этомъ, что трехпольная система держится довольно устойчиво. Такъ въ началѣ XIX вѣка въ Германіи 30% всей пахотной земли состояло подъ паромъ, т.-е. повсемѣстно была распространена трехпольная система; несмотря на большой прогрессъ въ Германіи земледѣлія за истекшее столѣтіе — къ 1900 г. въ ней еще 5% пашни находилось подъ паромъ, т.-е. по мѣстамъ сохраняется еще трехполье. Въ 1900 г. въ Германіи подъ паромъ и полевыми пастбищами было еще 2,7 мил. гект. земли. При этомъ, однако, въ частяхъ Германіи съ преобладаніемъ крестьянскаго хозяйства—подъ паромъ значительно меньше—въ Гессенѣ лишь 0,4%, Въ Баденѣ—2,6%, въ Пруссіи же значительно больше, т.-е. въ ней, гдѣ преобладаютъ крупныя имѣнія—трехполье сохранилось въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ мѣстахъ крестьянскаго земледѣлія; замѣчательно при этомъ, что даже въ странѣ съ такой плотностью населенія, какъ Саксонія, еще встрѣчается трехполье. Такая цѣпкость этой системы свидѣтельствуетъ, что переходъ отъ нея къ другимъ системамъ не является такимъ простымъ и легко осуществимымъ. Не въ малой степени сохранилось еще трехполье въ Баваріи; въ Австріи оно еще очень распространено. Во Франціи оно преобладало еще въ 1840 г., когда подъ паромъ было 26% всей пашни,—да и въ настоящее время еще до 15% пашни занято тамъ паромъ, что свидѣтельствуетъ о довольно еще значительномъ распространеніи трехполья. Еще болѣе оно распространено во многихъ другихъ европейскихъ странахъ.

Отъ трехпольной системы совершается переходъ къ улучшенной *травопольной,* которая характеризуется травосѣяніемъ. Здѣсь участокъ дѣлится на 4—6 и часто на 8 полей, при чемъ наблюдается болѣе правильное чередованіе посѣвовъ: изъ семи, напр., лѣтъ только два года поле находится подъ зерновыми хлѣбами, остальные подъ травами, большей частью — подъ клеверомъ. Послѣдній притѣняетъ землю широкими листьями, а корни уходятъ глубоко въ землю и не истощаютъ почвы, а даже, наоборотъ

способствуютъ утолщенію слоя почвы путемъ превращенія подпочвеннаго слоя въ почву. Земля, такимъ образомъ, накопляетъ питательные элементы для зерновыхъ хлѣбовъ, при чемъ происходитъ усвоеніе землею азота изъ воздуха при помощи дѣятельности низшихъ организмовъ, что и способствуетъ увеличенію плодородія земли. При такой системѣ и урожаи зерновыхъ хлѣбовъ выше, да и кормовыхъ средствъ для содержанія скота получается больше.

Слѣдующій шагъ представляетъ *плодосмѣнная* система. Стараются чередовать растенія такъ, чтобы каждое извлекало изъ почвы то, что ему необходимо, не извлекая того, что необходимо другому растенію. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго нѣмецкаго агронома Теэра, торгово-промышленныя растенія извлекаютъ изъ почвы необходимые для нихъ элементы, оставляя въ ней тѣ, которые необходимы для зерновыхъ хлѣбовъ. Посѣвы льна, наприм., могутъ не отражаться вредно на зерновыхъ растеніяхъ, а затѣмъ можно ввести въ сѣвооборотъ кормовыя травы, обогащающія почву. При такой системѣ нѣтъ надобности оставлять землю подъ паромъ. Плодосмѣнная система на томъ и основана, что вся земля находится подъ посѣвами: одна часть площади предназначена для производства пищевыхъ продуктовъ, другая— для торгово-промышленныхъ растеній, третья — для кормовыхъ.

Но само собой разумѣется, что хотя каждый продуктъ извлекаетъ только тѣ элементы, которые для него необходимы, все же послѣ нѣкотораго чередованія посѣвовъ почва истощилась бы, если бы взятое изъ нея не возвращалось ей искусственнымъ путемъ, такъ какъ при отсутствіи пара естественнаго возобновленія плодородія почвы здѣсь не можетъ быть. Поэтому при этой системѣ необходимость въ правильномъ удобреніи является болѣе настоятельной, чѣмъ при прежнихъ. Для этого уничтожаютъ выгоны, скотъ кормится въ стойлахъ, а это даетъ возможность сберегать удобреніе. Кромѣ естественнаго удобренія — навоза—стали прибѣгать въ послѣднее время къ искусственному, которое, помимо прочихъ достоинствъ, можетъ повести къ устраненію одного, повидимому, неблагопріятнаго условія—содержанія

скота въ стойлахъ круглый годъ: въ послѣдніе годы стали замѣчать развитіе легочныхъ болѣзней у скота, объясняемое тѣмъ, что скотъ вынужденъ круглый годъ оставаться въ стойлахъ. Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, при этой системѣ, кромѣ бо̀льшаго приложенія труда и капиталовъ, требуется и больше знаній для правильнаго чередованія растеній, въ зависимости отъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій. У насъ система эта встрѣчается въ Остзейскомъ краѣ.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить *промышленную* систему, при которой производится нерѣдко одинъ какой-либо видъ растеній, и *спекулятивную*, или *вольную*, гдѣ прямо уже условіями рынка опредѣляются и въ зависимости отъ нихъ мѣняются роды культуръ. Рядомъ съ послѣдней стоитъ и *огородная* культура, распространяющаяся обыкновенно близъ городовъ; существованіе ея обусловливается, съ одной стороны, предъявляемымъ горожанами спросомъ на овощи, съ другой—обиліемъ доставляемаго городомъ удобренія. Всѣ эти, только что названныя культуры имѣютъ то общее, что здѣсь въ основѣ всего хозяйства лежитъ наиболѣе интенсивное приложеніе капитала и труда, пересиливающее, такъ сказать, вліяніе природныхъ условій. Какъ на примѣръ *огородной* и *садовой* культуры укажу на распространеніе ихъ на крестьянскихъ земляхъ въ тѣхъ подмосковныхъ волостяхъ, о которыхъ мы говорили при описаніи передѣловъ общинной земли при интенсивной огородной и садовой культурѣ.

Въ краткихъ чертахъ я изобразилъ разныя системы въ ихъ исторической послѣдовательности и современномъ состояніи. Но раньше, чѣмъ указанныя системы были сведены въ той послѣдовательности, въ которой я изобразилъ ихъ сейчасъ, нѣмецкій экономистъ Тюненъ представилъ схему, къ которой можно было свести всѣ системы. Надо замѣтить, что онъ имѣлъ въ виду выясненіе того, какъ измѣняется рента въ зависимости отъ разстоянія отъ рынка. Въ его сочиненіи „Уединенное государство“ предполагается, что разсматриваемое государство не находится въ сношеніяхъ съ другими государствами, обладаетъ на всемъ своемъ протяженіи одинаковой почвой и климатомъ; въ центрѣ

этого государства находится рынокъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какъ будутъ измѣняться системы хозяйства въ зависимости отъ разстоянія ихъ отъ рынка. Одинаковые климатъ и почва предположены для того, чтобы выяснить разницу въ системѣ хозяйства, въ зависимости не отъ климага и почвы, а только отъ разстоянія отъ рынка. Построивши государство такимъ образомъ, онъ намѣчаетъ, какія системы будутъ ближе и какія дальше отъ рынка, и какъ это отразится на рентѣ. Надо замѣтить еще, что государство въ его схемѣ круглой формы, и хозяйства расположены концентрическими кругами. Въ первомъ кругѣ этого государства — вольное хозяйство; оно даетъ продукты, которые не выдерживаютъ дальней перевозки и требуютъ обильнаго удобренія, доставляемаго изъ города; въ этомъ кругѣ мы находимъ, наприм., молочное хозяйство, продукты котораго не могутъ быть перевозимы на большія разстоянія, при чемъ надо помнить, что во времена Тюнена желѣзныя дороги не получили еще настоящаго развитія. Во второмъ кругѣ — лѣсное хозяйство: лѣсъ — не дорогой матеріалъ, но очень громоздкій. Въ дѣйствительности это расположеніе не оправдывается, ибо лѣсное хозяйство въ большинствѣ случаевъ находится въ отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ, хотя это и не всегда бываетъ такъ. Тюненъ имѣлъ въ виду сухопутную перевозку, упустивъ совершенно водную. Далѣе идутъ различныя системы зернового хозяйства съ уменьшающейся степенью интенсивности по мѣрѣ удаленія отъ города, такъ что за плодоперемѣннымъ будетъ слѣдовать улучшенное зерновое, затѣмъ — трехпольное; здѣсь хотя и много поглощается перевозкой, но высокія цѣны даютъ все-таки возможность получать ренту. Въ слѣдующихъ затѣмъ кругахъ располагаются: переложное хозяйство, скотоводство, но безъ молочнаго хозяйства, затѣмъ охота и рыболовство.

Нетрудно видѣть, что въ основаніи предложенной Тюненомъ схемы лежитъ большее или меньшее разстояніе каждаго круга отъ центра. Но дѣло въ томъ, что широкое развитіе парового транспорта, достигнутое въ послѣднее время, въ очень сильной степени уменьшило значеніе разстоянія, а это подрываетъ и самое

основаніе разсматриваемой схемы. Такъ, у насъ, наприм., битое мясо (скотоводство въ одномъ изъ послѣднихъ круговъ у Тюнена) перевозится теперь на самыя дальнія разстоянія; сѣно прессуется. дѣлается менѣе громоздкимъ и также выдерживаетъ дальнюю перевозку и т. д.

Далѣе, если въ историческомъ развитіи различныхъ системъ замѣчается намѣченная Тюненомъ послѣдовательность отъ послѣднихъ круговъ къ центру, то въ настоящее время мы далеко не всегда наблюдаемъ такіе послѣдовательные переходы отъ одной системы къ слѣдующей. Такъ, у насъ на югѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ овцеводства, которое значительно сокращается, совершается переходъ непосредственно къ виноградарству. Нельзя, однако, не указать на то, что до послѣдняго времени, въ значительной мѣрѣ еще и теперь, расположеніе системъ земледѣлія въ Россія во многомъ напоминаетъ схему Тюнена, хотя, конечно, съ отступленіями. Къ этому добавлю еще, что широкое распространеніе искуственныхъ удобреній, сопровождающееся блистательнымъ развитіемъ сельскаго хозяйства, о чемъ такъ краснорѣчиво говорится въ трудѣ А. И. Чупрова: „Мелкое земледѣліе и его основныя нужды“, должно, конечно, совершенно измѣнить порядокъ перехода отъ одной системы земледѣлія къ другой. Надлежащее же рѣшеніе земельнаго вопроса въ Россіи должно и въ этомъ отношеніи привести къ виднымъ послѣдствіямъ.

Но я не буду останавливаться на выясненіи того, какъ распредѣляются въ Россіи различныя системы земледѣлія, а остановлюсь нѣсколько на томъ, что отвѣчаетъ основной задачѣ моего труда, а именно на различіи въ обработкѣ земли по хозяйствамъ крестьянскимъ и владѣльческимъ. Конечно, насъ здѣсь должны прежде всего интересовать эти различія въ Россіи, но такъ какъ важно выяснить тѣ основанія разницы, которыя заключаются именно въ несходствѣ самыхъ типовъ хозяйствъ съ собственнымъ и наемнымъ трудомъ, а не въ различіи, историческихъ условій, при которыхъ они образовались или существуютъ, то предварительно остановимся нѣсколько на томъ, что замѣчается въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ.

Напомнимъ прежде всего приводившіяся уже раньше указанія, что крупное хозяйство съ наемнымъ трудомъ проявляетъ возвратъ къ экстенсивному, благодаря чему подъ самымъ Лондономъ образовалась пустыня. Приводимое многими объясненіе этого явленія по отношенію къ Западной Европѣ исключительно заатлантической конкуренціей не приложимо, однако, къ Америкѣ, а между тѣмъ и тамъ наблюдается явленіе, указывающее на тѣсную связь крупнаго хозяйства съ экстенсивнымъ земледѣліемъ. „Какъ только появляется необходимость *лучше* обращаться съ природными богатствами почвы, какъ только является необходимость *интенсивнѣе* и разностороннѣе развить производство... начинаютъ уменьшаться крупныя имѣнія, многія изъ нихъ замѣняются средними и мелкими. Чѣмъ болѣе возрастаетъ интенсивность хозяйства, тѣмъ сильнѣе начинаютъ чувствоваться эти децентрализаторскія тенденціи“ (M. Sering). „Въ восточныхъ штатахъ, которые были населены ранѣе, крупныя хозяйства раздробляются... Это значитъ, что старое *экстенсивное* хозяйство болѣе *невозможно*, а интенсивное хозяйство требуетъ такой громадной траты работы, что крупное землевладѣніе не можетъ приносить никакой выгоды“ (G. Ficher). Соотвѣтственно этимъ наблюденіямъ въ Америкѣ средніе размѣры фермъ съ 203 акровъ въ 1850 г. сократились до 137 акровъ въ 1890 г., при чемъ надо имѣть въ виду, что по тамошнимъ условіямъ имѣнія въ 320 акровъ (119,4 дес.) тамъ должны считаться средними. Въ приведенныхъ выдержкахъ мы находимъ не только указаніе факта, но и объясненіе его, вполнѣ соотвѣтствующее всему выясненному нами ранѣе въ предшествующихъ очеркахъ настоящаго труда.

Эти общія указанія относительно хозяйствъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ подтверждаются и фактическими данными, указывающими на высшую интенсивность производства мелкихъ хозяйствъ тамъ же. Такъ, по расчету, сдѣланному въ 1900 г., цѣнность продуктовъ, исключая цѣнность корма и скота, на каждый акръ земли въ Соединенныхъ Штатахъ составляла:

При величинѣ хозяйства.			Цѣнность продуктовъ. Въ долларахъ (1 долл. ок. 2 рубл.)	Цѣнность скота.
менѣе 3 акровъ	(до 1,1 дес.)		312,07	456,76
3 — 10 „	(1,1 — 3,7 „)		32,82	16,32
10 — 20 „	(3,7 — 7,4 „)		16,78	8,30
20 — 50 „	(7,4 — 18,5 „)		9,83	5,21
50 — 100 „	(18,5 — 37,0 „)		6,97	4,51
100 — 175 „	(37,0 — 64,7 „)		5,32	4,09
175 — 260 „	(64,7 — 96,2 „)		5,00	3,96
260 — 500 „	(96,2 — 185,0 „)		3,95	3,61
500 — 1000 „	(185,0 — 370 „)		2,89	3,16
свыше 1000 „	(свыше 370 „)		1,26	2,15

Какъ видимъ, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ ниже цѣнность продукта и скота *на каждый акръ* земли.

То же подтверждаютъ и германскія данныя. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1895 году на 100 гектаровъ (гектаръ немного менѣе десятины) сельскохозяйственной площади въ Германіи приходилось штукъ рогатаго скота 87,4 въ хозяйствахъ въ 1—2 гект. величиною; понижаясь затѣмъ съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйствъ — это количество доходитъ уже до 20 штукъ на 100 гектаровъ въ хозяйствахъ въ 500 и болѣе гектаровъ величиною. То же наблюдается совершенно правильно относительно свиней. Что касается овецъ, то ихъ больше въ крупныхъ хозяйствахъ, но это и соотвѣтсвуетъ болѣе экстенсивному характеру такихъ хозяйствъ. Относительно лошадей надо сказать, что въ хозяйствахъ до 20 гектаровъ число ихъ растетъ съ увеличеніемъ площади хозяйства, а затѣмъ падаетъ. Число коровъ (рогатаго скота) также въ хозяйствахъ до 1 гект. меньше, чѣмъ въ 1—2 гектара. Послѣднее находитъ свое объясненіе въ томъ, что мелкое хозяйство должно быть, какъ я отмѣчалъ ранѣе, не ниже извѣстнаго размѣра, чтобы вестись правильно; и уже, конечно, площадь менѣе 1 дес. не составляетъ сельскохозяйственной площади. Разница въ измѣненіи количества лошадей, какъ рабочаго орудія, объясняется также, съ одной стороны, малымъ размѣромъ хозяй-

ственной и обработываемой площади въ хозяйствахъ до 20 гектаровъ. Нужно имѣть въ виду, кромѣ того, что въ Германіи обработка пашни производится и на коровахъ, почему хозяева до 20 дес. имѣя уже по общему размѣру хозяйства небольшую пашню и обходятся, ничего не теряя въ обработкѣ, меньшимъ числомъ лошадей. Послѣдующее же пониженіе числа послѣднихъ въ хозяйствахъ, увеличивающихся по размѣрамъ, объясняется пониженіемъ процента обработываемой земли съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйствъ, какъ это и будетъ показано нѣсколько ниже.

Все это также указываетъ на повышенную производительность единицы площади въ хозяйствахъ мелкихъ, но такихъ величина которыхъ не падаетъ ниже нѣкотораго наименьшаго предѣла.

Данныя для характеристики высокаго состоянія крестьянскаго хозяйства въ Даніи приведены были уже ранѣе. Здѣсь же укажу только, что и для нея, по офиціальнымъ справкамъ относительно интенсивности производства почти въ 28.000 хозяйствъ, оказалось на 100 гектаровъ земли такое количество штукъ скота и птицы въ хозяйствахъ:

Величиною въ	Коровъ.	Свиней.	Овецъ.	Куръ.	Утокъ.
$^1/_2$ — $4^1/_2$ гект.	75,5	90,6	48,3	1148,4	51,0
$4^1/_2$ — 18 „	43,6	46,8	41,3	360,3	27,6
18 — 71 „	31,0	34,2	28,7	176,8	20,3
71 и бол. „	19,3	17,5	13,2	46,9	6,7

Въ томъ же направленіи измѣняется число гусей и ульевъ. Все это, показывая бо́льшую интенсивность мелкихъ хозяйствъ, въ то же время отмѣчаетъ, какое, напр., большое значеніе и по преимуществу въ наиболѣе мелкихъ хозяйствахъ имѣетъ птицеводство, можно сказать совсѣмъ не составляющее хозяйственной отрасли въ хозяйствахъ даже менѣе 70 дес. (въ 71 гект.), не говоря уже о тѣхъ, которыя можно назвать дѣйствительно крупными.

Та же Данія, какъ указано было раньше, при преобладаніи въ ней крестьянскаго хозяйства имѣетъ, однако, и урожай зерновыхъ хлѣбовъ болѣе высокій, нежели Англія. Но это справедливо не

только по отношенію къ Даніи. Въ Пруссіи и Баваріи округа съ меньшей средней величиной хозяйствъ обнаруживаютъ болѣе высокую урожайность, нежели округа съ преобладаніемъ болѣе крупныхъ хозяйствъ, а именно въ Пруссіи:

При сред. велич. земледѣл. хоз.	Урожай оз. ржи на 1 гектаръ.	Урожайность овса въ тоннахъ.
менѣе 4,35 гект.	1,27	1,34
отъ 4,35 до 8,70	1,05	1,15
„ 8,70 „ 13,05	0,96	1,05
св. 13,04 гект.	0,83	0,80

Аналогичная данныя существуютъ для Баваріи, гдѣ при средней величинѣ хозяйствъ менѣе 4,2 гект. урожайность ржи 1,57 т. съ гектара; овса 1,55 т., картофеля 10,56 т.; затѣмъ, по мѣрѣ роста среднихъ размѣровъ хозяйствъ, средняя урожайность (за 1884—1893 гг.) понижается и при владѣніяхъ свыше 12,6 гект. составляетъ для ржи 1,36, овса — 1,15, картофеля — 8,67 т. съ гектара. Для различныхъ округовъ Бадена, гдѣ существуютъ еще болѣе мелкія подраздѣленія хозяйствъ (отъ 2,2 гект. до 6,1 гект.), точно такъ же съ ростомъ размѣровъ хозяйства получается пониженіе урожайности уже для 4 видовъ посѣвовъ съ 13,52 (въ 100 килограмм. на 1 гект.) до 9,16 для ржи, съ 14,68 до 9,37 для полбы, съ 14,01 до 9,23 для овса и съ 82,85 до 62,96 для картофеля.

По даннымъ поземельнаго кадастра въ Ольденбургѣ въ 1885 г. приходилось чистаго дохода для земельныхъ владѣній менѣе $^1/_2$ гект. 42,6 мар., затѣмъ по мѣрѣ роста земельныхъ участковъ величина чистаго дохода понижается, хотя и не всегда правильно, и для участковъ свыше 200 гект. падаетъ до 6,4 мар.

Совершенно аналогичныя данныя получаются и для средняго дохода съ экра въ Англіи, гдѣ доходъ съ уч. въ 10—50 экр. выражается 3,87 ф. стерл., а затѣмъ постепенно падаетъ, спускаясь до 0,15 ф. стерл. для владѣній свыше 100.000 экр.

Въ Ганноверѣ въ хозяйствѣ въ 4,6 гект. чистый доходъ сосоставляетъ 642 марки на гектаръ, а въ хозяйствѣ въ 25,5 гект.— 206 марокъ. По другому изслѣдованію, въ четырехъ различныхъ

мѣстностяхъ Германіи мелкое крестьянское имѣніе въ 11 гект. приноситъ чистаго дохода съ сельскохозяйственной площади 52,20 мар., среднее крестьянское (21 гект.)—50,12 мар. и крупное имѣніе (1.033 гект.) — 36,72 мар. Подобныя же данныя получаются и въ другихъ мѣстностяхъ.

Если имѣть въ виду все сказанное раньше объ условіяхъ сельскохозяйственнаго производства; если, въ особенности, обратить вниманіе на первенствующее здѣсь значеніе природныхъ условій, на важность точнаго знакомства съ ними въ данной мѣстности, именно въ той, въ которой ведется хозяйство, и знакомство не теоретическое, а пріобрѣтаемое путемъ непосредственныхъ личныхъ наблюденій; если далѣе принять во вниманіе, что въ сельскомъ хозяйствѣ приходится имѣть дѣло прежде всего съ живыми силами природы, то приведенные результаты мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ найдутъ свое полное объясненіе. Чѣмъ мельче хозяйство (до извѣстнаго, разумѣется, предѣла), тѣмъ болѣе могутъ быть изучены всѣ особенности почвы, склона, географическаго положенія участка и т. д., тѣмъ точнѣе можетъ быть опредѣлено значеніе всего этого, тѣмъ полнѣе могутъ быть использованы всѣ эти свойства и тѣмъ лучше будетъ результатъ. Но въ то же время ясно, что все это требуетъ продолжительнаго наблюденія и изученія изъ года въ годъ, требуетъ, такъ сказать, чтобы хозяинъ выросъ въ этихъ условіяхъ, а не былъ только временнымъ пришельцемъ со стороны. Но мелкое хозяйство и есть такое, которое обработывается руками самого хозяина, живущаго здѣсь, а не временно пришедшаго батрака, не знакомаго съ мѣстными условіями, не говоря уже объ его индиферентности къ результатамъ хозяйства. Наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе и возможность большаго приложенія живой рабочей силы человѣка при меньшемъ размѣрѣ участка.

Все это въ достаточной степени объясняетъ ту значительно бо̀льшую степень интенсивности, которую проявляютъ крестьянскія хозяйства сравнительно съ болѣе крупными.

Но для правильнаго сужденія о преимуществахъ крестьянскаго хозяйства важно знать, какъ достигается эта интенсивность, и

какъ она отражается на благосостояніи, на удовлетвореніи потребностей дѣятелей этой высокой культуры. Такъ необходимо поставить вопросъ въ виду того, что Каутскій и многіе другіе утверждаютъ, что это есть результатъ перерасхода рабочихъ силъ и недоѣданія со стороны крестьянина. Конечно, такое утвержденіе вполнѣ противорѣчитъ тому, что у насъ-то въ Россіи, гдѣ и происходитъ наибольшее недоѣданіе со стороны крестьянина, земледѣльческая культура и не стоитъ высоко; то же въ Ирландіи, напр.; тамъ же, наоборотъ, гдѣ на крестьянскихъ земляхъ замѣчается высокая сельскохозяйственная производительность, недоѣданія и не замѣчается; нельзя же вѣдь сказать, что швейцарскій или датскій крестьянинъ недоѣдаетъ, когда тамъ, какъ увидимъ ниже, и смертность наименьшая, да и грамотность выше, чѣмъ въ странахъ крупнаго землевладѣнія.

Но все же посмотримъ, что говорятъ факты, непосредственно относящіеся къ этому. Воспользуемся данными, собранными въ Швейцаріи въ 1901—1902 году, по 11 хозяйствамъ отъ 3—5 гект., 40 хозяйствамъ въ 5—10 гект., 37 хозяйствамъ въ 10—15 гект., 23 хозяйствамъ въ 15—30 гект. и 5 хозяйствамъ въ 30—70 гект. Здѣсь прежде всего существенно то, что всѣ эти хозяйства *крестьянскія*, но при этомъ хозяйства двухъ послѣднихъ категорій, т.-е. начиная съ 15 гектаровъ, считаются уже крупными хозяйствами, но все же крестьянскими. Это значитъ, что здѣсь хозяинъ принимаетъ участіе въ работахъ и самъ, но въ то же время не обходится безъ наемныхъ силъ. А разъ такъ, то слѣдуетъ признать, что относительно рабочихъ силъ наблюдавшіяся здѣсь крупныя крестьянскія хозяйства поставлены много благопріятнѣе, чѣмъ хозяйства такія, гдѣ хозяинъ не принимаетъ участія въ работахъ. Тамъ и отношеніе рабочихъ не то и наблюденіе за работой иное. Поэтому та разница между результатами болѣе мелкаго и крупнаго хозяйства, которая, какъ увидимъ, имѣется здѣсь, должна быть еще значительнѣе при сравненіи съ чисто предпринимательскими хозяйствами.

Слѣдуетъ еще замѣтимъ по отношенію къ разсматриваемымъ швейцарскимъ хозяйствамъ, что всѣ они занимаются, главнымъ

образомъ, скотоводствомъ, приносимые которымъ доходы составляли въ общей суммѣ доходовъ этихъ хозяйствъ отъ 76,74 до 80,50 франк. на 100 франковъ всего дохода. Эта незначительность разницы въ доходахъ отъ скотоводства по этимъ различнымъ хозяйствамъ говоритъ за то, что эти хозяйства одинаковы по роду дѣятельности, и потому сравненіе по нимъ результатовъ и постановки этой дѣятельности выяснитъ тѣ именно различія, которыя зависятъ отъ величины хозяйствъ, а не отъ чего-либо другого.

Д-ръ Лауръ, собравшій свѣдѣнія объ этихъ хозяйствахъ, отмѣчаетъ прежде всего, что хозяйственныя затраты въ каждой категоріи этихъ хозяйствъ на гектаръ были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ мельче были хозяйства. „Живымъ и творческимъ капиталомъ“ онъ считаетъ скотъ, фруктовыя деревья и оборотный капиталъ. „Степень пользованія силами природы для производства хозяйственныхъ благъ, — говоритъ онъ, — зависитъ въ особенности отъ пользованія этими формами капитала“; этотъ капиталъ именно и свидѣтельствуетъ о степени интенсивности пользованія землею. И этого капитала приходилось тѣмъ больше, чѣмъ мельче было хозяйство, а именно его приходилось на гектаръ площади (исключая лѣсныя пространства) въ самыхъ мелкихъ хозяйствахъ (3—5 гект.) 1.497 франковъ, затѣмъ, постепенно понижаясь, число это въ крупныхъ хозяйствахъ (30—70 гект.) спускается до 1.006 франк. на гектаръ, откуда видно, что „чѣмъ меньше предпріятіе, тѣмъ *интенсивнѣе* эксплуатируется почва, и тѣмъ въ большей мѣрѣ силы природы участвуютъ въ созиданіи блага“. Это наибольшее использованіе природныхъ силъ представляетъ собою, конечно, крупное преимущество, если только оно не сопряжено съ истощеніемъ природныхъ силъ. Что этого послѣдняго здѣсь нѣтъ, видно уже изъ того, что хозяйственныя затраты и количество скота на данную площадь выше въ мелкихъ хозяйствахъ. Этимъ болѣе высокимъ затратамъ соотвѣтствуетъ и болѣе высокій валовой доходъ, который по тѣмъ же пяти категоріямъ съ каждаго гектара измѣняется такъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ (658 франк.) почти вдвое выше противъ крупныхъ (383 франк.).

Но что при этомъ имѣетъ еще особенно серьезное значеніе— это то, что мелкія хозяйства не только *потребляютъ* больше продуктовъ своего хозяйства, чѣмъ крупныя, но и на рынокъ отправляютъ тоже больше. Вотъ какъ распредѣляется только что приведенный доходъ въ хозяйствахъ указанныхъ размѣровъ.

	Величина хозяйствъ въ гектарахъ.				
	3—5	5—10	10—15	15—30	30—70
	Въ франкахъ:				
Общая сумма доходовъ	658	646	533	499	383
Изъ того: расходъ на собственн. потребленіе	253	202	153	114	102
Отправка на рынокъ на	405	444	380	385	282

Приведя эти данныя, д-ръ Давидъ совершенно справедливо говоритъ: „Это значитъ вотъ что: помимо того, что *мелкое производство является источникомъ питанія для болѣе густого населенія*, чѣмъ крупное, оно еще отвоевываетъ у почвы значительно бо́льшую массу предметовъ продовольствія для населенія, сельскимъ хозяйствомъ не промышляющаго. Оно наилучшимъ образомъ использываетъ почву не только въ интересахъ собственнаго частнаго хозяйства, но и въ интересахъ общественнаго цѣлаго“. Эти данныя дѣйствительно показываютъ, что при большемъ валовомъ доходѣ въ мелкихъ хозяйствахъ, *на потребленіе* идетъ и большая часть какъ абсолютно, такъ и относительно, а именно, по мѣрѣ возрастанія величины хозяйствъ, на собственное потребленіе идетъ отъ 38,55% всего валоваго дохода до 26,78%. Гдѣ же скорѣе возможно недоѣданіе? Но опять-таки это, конечно, получается такъ тамъ, гдѣ существуютъ условія для правильной постановки крестьянскаго хозяйства, и гдѣ не приходится говорить о малоземельи въ томъ смыслѣ, какъ это приложимо къ нашимъ условіямъ.

Приведенныхъ фактическихъ данныхъ (заимствованныхъ большею частію какъ изъ большого труда Э. Давида: „Соціализмъ и сельское хозяйство“, такъ и изъ его брошюры того же наименованія) достаточно, чтобы освѣтить большое преимущество крестьянскаго хозяйства.

Мы сочли нужнымъ остановиться на этомъ именно здѣсь въ связи съ сообщеніемъ о системахъ земледѣлія, такъ какъ, согласно указанному раньше и согласно тому, что характеризуетъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ, т.-е. все бо̀льшая и бо̀льшая затрата труда и капитала, разница между экстенсивнымъ и интенсивнымъ хозяйствами и характеризуется тѣмъ, что первое (экстенсивное) и исторически и для настоящаго времени — это крупное хозяйство, крестьянское же хозяйство — это мелкое хозяйство, и переходъ къ нему знаменуетъ переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію.

Чтобы не возвращаться къ этому, отмѣтимъ здѣсь еще слѣдующее. Крестьянское хозяйство и должно быть болѣе интенсивнымъ по цѣлому ряду условій, намѣченныхъ выше. Если въ земледѣліи не можетъ быть примѣнено сложное сотрудничество, требующее соединенія большого количества рабочихъ силъ, между которыми распредѣлены единовременно различныя производственныя операціи; если здѣсь производительная сила труда не повышается этимъ путемъ; если здѣсь напряженность труда рабочаго не вызывается самымъ ходомъ машины; если, съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе земледѣліе, тѣмъ болѣе высокаго качества требуется трудъ, то очевидно, что здѣсь обратно съ тѣмъ, что наблюдается въ крупной обработывающей промышленности, наиболѣе производительный трудъ и получается въ хозяйствѣ, гдѣ напряженность и высокая производительность труда является результатомъ не *внѣшнихъ* принудительныхъ средствъ, а *внутреннихъ* побужденій работающаго. А это и можетъ быть только въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Высшій сортъ земледѣльческой культуры, бо̀льшая интенсивность ея требуетъ и труда высокаго качества, однородно съ тѣмъ, что можно сказать и объ обработывающей промышленности. Но тамъ, смотря по роду производствъ, различаются и условія приложенія такого труда; здѣсь же этотъ трудъ высшаго качества возможенъ лишь въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ это было выяснено еще въ III-емъ очеркѣ, когда говорилось объ условіяхъ труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но, кромѣ всего этого, какъ справедливо разъясняетъ проф. В. Косинскій, въ крестьянскомъ хозяйствѣ интенсивированіе земледѣлія имѣетъ болѣе широкіе предѣлы. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ не капиталистическомъ, не совершается погони за прибылью и потому, когда капиталистическое хозяйство не находитъ расчета въ повышеніи производительности хозяйства, такъ какъ оно не даетъ прибыли или даетъ ее ниже обычной (а можетъ въ зависимости отъ цѣнъ дать и убытокъ, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ хозяйства съ о-ва Эзель), въ крестьянскомъ хозяйствѣ улучшеніе и тутъ будетъ примѣнено съ выгодой, ибо за трудъ получится больше, да и собственное потребленіе, которое занимаетъ болѣе значительную долю въ болѣе мелкомъ хозяйствѣ, улучшится.

Добавимъ еще, что утвержденіе Каутскаго и др. относительно устойчивости крестьянскаго хозяйства въ силу недоѣданія со стороны крестьянина, можетъ быть могло бы еще имѣть свое значеніе и быть доводомъ въ пользу преимуществъ крупнаго хозяйства, если бы положеніе трудовой массы въ крупныхъ сельскихъ хозяйствахъ было лучше и сытѣе положенія рядомъ хозяйствующихъ крестьянъ. Но каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ сельскихъ рабочихъ на Западѣ Европы и у насъ и кто сравнитъ это положеніе съ положеніемъ крестьянъ въ той же мѣстности, не скажетъ, что положеніе сельскаго рабочаго лучше положенія крестьянина. Сельскій рабочій и помѣщается и питается повсюду хуже *средняго* крестьянина. Положеніе же сельскаго рабочаго въ другихъ отношеніяхъ обрисовано выше, когда было указано положеніе англійскаго рабочаго. Объ отсутствіи объединяющаго для нихъ начала въ крупномъ земледѣліи свидѣтельствуютъ факты и условія сельскохозяйственнаго производства. Наконецъ фактъ экономіи низкой заработной платы и бѣгства сельскихъ рабочихъ изъ деревни, при устойчивости, съ другой стороны, крестьянскаго хозяйства, тоже говоритъ не за лучшее положеніе сельскаго рабочаго.

Нельзя, наконецъ, не указать на то, что въ странѣ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства, Даніи, на которую мы уже

не разъ указывали, наблюдается болѣе высокая степень благосостоянія и культуры, чѣмъ во многихъ не-крестьянскихъ странахъ. Доказывается это уже тѣмъ, что въ ней, если не считать Норвегіи и Швеціи (тоже крестьянскія страны), самая низкая степень смертности, а именно 16,5 чел. въ годъ на 1.000 жителей всѣхъ возрастовъ, а для 1902 и 1903 г. по предварительнымъ подсчетамъ даже лишь 14,6 ч., почти такая же низкая смертность въ Норвегіи — 15,6 чел., (для 1903 г.— тоже предварительныя данныя 14,8 ч.), въ Швеціи 16 чел., въ Англіи 17,6 чел., въ Германіи 21,5 чел., въ Россіи 32,9 чел., т.-е. вдвое выше сравнительно съ Даніей. Дѣтская смертность до 1 года тоже наименѣе высокая въ крестьянскихъ странахъ съ сколько-нибудь нормальными условіями существованія: въ Швеціи 99 на 1.000, Норвегіи 94, Даніи 133, тогда какъ въ Англіи 152, Германіи 195, Россіи 272, т.-е. тоже вдвое, даже слишкомъ, выше противъ Даніи. Но и культурный уровень, поскольку онъ измѣряется грамотностью, въ Даніи таковъ, что среди новобранцевъ неграмотные составляютъ лишь 0,2% (въ Россіи 66,6%).

Эти послѣднія свѣдѣнія о Даніи, приведенныя въ сопоставленіи ихъ съ данными, касающимися Россіи, какъ будто бы и теряютъ свою доказательную силу, такъ какъ и Россія вѣдь тоже крестьянская страна. Вмѣстѣ съ тѣмъ и все сказанное раньше объ интенсивности крестьянскаго хозяйства какъ будто убивается явленіями русской дѣйствительности. Но прежде чѣмъ сказать, однако, такъ ли это, нужно и здѣсь обратиться къ наиболѣе правильному научному пріему—сравненію, и сопоставить крупныя предпринимательскія и мелкія крестьянскія хозяйства у насъ.

Реформа 1861 г., конечно, должна была произвести переломъ въ ходѣ сельскаго хозяйства какъ у землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ. Землевладѣльцы потеряли право на даровой трудъ и на распоряженіе той частью земли, которая поступила въ надѣлъ крестьянамъ. Но, какъ уже указано, они получили за это такую выкупную сумму, которая превышала цѣнность земель, оставшихся въ надѣлѣ у крестьянъ; да, кромѣ того, у землевладѣльцевъ остались тѣ части земли, которыя ранѣе поступали

въ пользованіе крестьянъ для пастбища, и изъ которыхъ крестьянамъ выдѣлялся лѣсной матеріалъ. За оставшуюся у нихъ землю они стали получать отъ крестьянъ арендную плату деньгами и работой; затѣмъ для землевладѣльцевъ былъ организованъ кредитъ, который далъ имъ возможность пріобрѣтать на льготныхъ условіяхъ значительныя суммы подъ залогъ имѣній; кромѣ того, часть излишнихъ для нихъ земель они получили возможность продавать крестьянамъ по весьма высокой цѣнѣ. Все это дало имъ не только вначалѣ, но и продолжало давать все время оборотныя средства и дешевый трудъ. Оборотныя средства давались не выкупными только суммами, а и арендной платой. Какіе же результаты всего этого?

О развитіи аренды говорено уже выше, и, слѣдовательно, ясно, что значительная часть земли, оставшейся за помѣщиками, обрабатывалась крестьянами за свой страхъ и рискъ. Какъ велика эта часть, относительно этого существуютъ довольно разнорѣчивыя данныя. Приведемъ, поэтому, то, что безспорно по отношенію къ задолженнымъ имѣніямъ, и что при преобладаніи послѣднихъ можетъ быть безъ большой ошибки распространяемо на всѣ. По матеріаламъ комиссіи объ оскудѣніи центра, изъ состоящихъ въ залогѣ имѣній, за счетъ владѣльца хозяйство велось въ 1886—1890 г. въ 40% имѣній, въ 1891—1895 въ 30% и въ 1896—1901 г. въ 29% имѣній, т.-е. процентъ имѣній съ собственнымъ хозяйствомъ все падаетъ; процентъ же имѣній, сдававшихся въ аренду, возрастаетъ, съ 39 въ 1886—1890 г. до 51% въ 1896—1901, при чемъ и количество земли, сдаваемой въ аренду, доходитъ до 47% всей владѣльческой земли [1]).

---

[1]) Это, повидимому, противорѣчитъ тому, что нами было приведено ранѣе относительно сокращенія сдачи земли въ аренду въ Саратовской губерніи, для которой, по цитируемымъ нами теперь даннымъ, % имѣній, сдававшихся въ аренду, за приведенные три періода измѣняется такимъ образомъ: 43%, 36% и 57%. Но нужно имѣть въ виду, что мы приводили выше данныя, свидѣтельствовавшія о сокращеніи сдачи въ аренду, относившіяся по преимуществу къ болѣе позднему времени, а именно къ 1904 г. Данныя же той же Саратовской земской текущей статистики, относящіяся ко времени до 1904 г., напримѣръ,

Кромѣ того, и въ остальной части, гдѣ хозяйство велось смѣшанно, часть сдавалась тоже въ аренду; происходитъ сдача части въ аренду, конечно, и тамъ, гдѣ хозяйство ведется за счетъ владѣльца. Съ этими данными сходятся слѣдующія свѣдѣнія. относящіяся къ 1896 г. Изъ 8.000 заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ имѣній имѣютъ свой инвентарь: въ черноземной полосѣ 51%, безъ инвентаря 49%; въ нечерноземной полосѣ: съ инвентаремъ около 67%, остальные 33%—безъ инвентаря, а въ среднемъ для всей Россіи изъ 11 тыс. заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ имѣній имѣютъ свой инвентарь только 49%; слѣдовательно, болѣе половины безъ инвентаря. Въ 9% этихъ имѣній хозяйство совсѣмъ не велось; около 49% имѣній не имѣютъ скота („Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ и т. д., т. I).

Когда при изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства обнаруживаютъ 20% или около того безлошадныхъ дворовъ, не имѣющихъ вовсе скота, то это справедливо разсматриваютъ, какъ признакъ плохого состоянія хозяйства. Если имѣть это въ виду, то приведенный % имѣній безъ скота даетъ довольно наглядную картину положенія хозяйства въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Таково, какъ видимъ, положеніе хозяйствъ частновладѣльческихъ въ послѣднее время. Но они стали на эту почву тотчасъ же по отмѣнѣ крѣпостного права. Извѣстенъ фактъ сокращенія запашекъ, наступившій тотчасъ послѣ реформы. По имѣющимся относительно этого даннымъ для Московской губерніи такое сокращеніе выразилось въ очень сильной степени. Въ $^1/_3$ имѣній совершенно прекратилось веденіе хозяйства, а изъ прежде обработывавшейся помѣщичьей пашни незапущенной осталась $^1/_5$ часть ея, при чемъ по мѣрѣ возрастанія размѣровъ имѣнія возрастаетъ процентъ сокращенія запашки, бывшей до 1861 г. („Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.“, т. V, в. 1. М. 1879).

Это послѣднее указаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому общеизвѣстному факту, установленному для всей Россіи, что чѣмъ

къ 1899 г., если и говорятъ мѣстами о таковомъ сокращеніи сдачи въ аренду, то общій выводъ для этого года заключается въ томъ, что сдача земли въ аренду для того времени, т.-е. для 1899 г., почти не измѣнилась (стр. 91).

крупнѣе имѣніе, тѣмъ меньшій процентъ площади составляетъ пашня, падая въ крупныхъ имѣніяхъ нечерноземной полосы до 6%.

Все это, однако, не даетъ еще надлежащей характеристики. Возможно, что сокращеніе запашки происходитъ ради того, чтобы на оставшейся части лучше вести хозяйство, точно тѣми же хозяйственными соображеніями можетъ обусловливаться и сдача части имѣнія въ аренду. Поэтому необходимо взглянуть, какъ ведется хозяйство на части, остающейся несданной въ аренду.

Вотъ что говоритъ по поводу нашихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ проф. А. И. Чупровъ, подводя итогъ различнымъ даннымъ: „Изъ приведенныхъ разнообразныхъ данныхъ мы видимъ, что культурныя помѣщичьи хозяйства, богатыя капиталами и знаніями, составляютъ у насъ рѣдкіе *оазисы,* исчезающіе въ *массѣ заурядныхъ* и безпризорныхъ имѣній, основанныхъ лишь на сдачѣ земель крестьянамъ и выколачиваніи арендной платы. Въ крупной части владѣній не ведется никакого собственнаго хозяйства. Даже тамъ, *гдѣ хозяйство имѣется*, оно *въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянскаго*, такъ какъ примѣняетъ къ дѣлу крестьянскій трудъ и инвентарь и ту же технику, какой придерживается мужикъ на своихъ поляхъ“. („Аграрная реформа“. М. 1906. Стр. 13—14).

Другой ученый, А. А. Кауфманъ, обстоятельно изучившій весь офиціальный и земскій матеріалъ, касающійся нашего частновладѣльческаго хозяйства, хотя и говоритъ, что „разработанный имъ матеріалъ далеко не достаточенъ, чтобы дать право на какіе-либо категорическіе выводы“ („Аграрный вопросъ“. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича, т. II. М. 1907. Стр. 628), однако въ другомъ мѣстѣ считаетъ возможнымъ выразиться слѣдующимъ образомъ: „рѣчь идетъ именно не о *заурядномъ* владѣльческомъ хозяйствѣ, *крайне низкій уровень* котораго можетъ считаться *фактомъ*, *въ достаточной мѣрѣ установленнымъ*“ („Аграрный вопросъ“. Изд. аграрн. комиссіи партіи народной свободы. Протоколы засѣданій агр. ком. 11—13 февр. 1907 г. съ докладами и прилож. СПБ. 1907 г. Стр. 157).

При анализѣ же матеріала, характеризующаго частновладѣльческія хозяйства въ разныхъ отношеніяхъ, А. А. Кауфманъ постоянно дѣлаетъ выводы, подтверждающіе только что приведенный отзывъ. Вотъ что говоритъ онъ по поводу общей характеристики, взятой изъ изданія Мин. Земледѣлія: „Та печальная картина владѣльческаго хозяйства, которая вырисовывается изъ приведенныхъ характеристикъ, тѣмъ интереснѣе, что характеръ изданія, откуда онѣ заимствованы, не даетъ основанія предполагать тенденціозно мрачной окраски: изданія Министерства Земледѣлія можно было бы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, подозрѣвать въ стремленіи представить положеніе владѣльческаго хозяйства въ прикрашенномъ видѣ, но никакъ не въ противоположной тенденціи“. Такія же характеристики даются и земскими свѣдѣніями. Приведя затѣмъ данныя о неблагопріятномъ вліяніи на владѣльческія хозяйства паденія цѣнъ, А. А. Кауфманъ говоритъ: „Гибельное вліяніе кризиса на положеніе владѣльческаго хозяйства не ослабѣвало и въ годы наилучшихъ урожаевъ, *сопровождавшихся расцвѣтомъ крестьянскаго хозяйства*. Такъ, обзоры за 1887 и 1888 гг. полны указаніями относительно *благодѣтельнаго вліянія* отличныхъ урожаевъ этихъ двухъ лѣтъ *на крестьянское хозяйство*,—вліянія, выразившагося въ расширеніи запашекъ, въ усиленномъ арендованіи земель, усиленной закупкѣ скота и земледѣльческихъ орудій и т. п. Относительно владѣльческаго хозяйства даются указанія совершенно другого рода“ (тутъ вездѣ курсивъ нашъ).

Данныя, характеризующія системы полеводства и сѣвообороты у частныхъ землевладѣльцевъ, приводятъ А. А. Кауфмана совершенно справедливо къ слѣдующему заключенію: „Въ *главной своей массѣ* владѣльческія имѣнія трехпольной полосы стоятъ, такимъ образомъ, *на почвѣ того же трехпольнаго зернового хозяйства, какъ и полеводство крестьянъ*, при чемъ, однако, повсемѣстно наблюдаются попытки перехода къ другимъ болѣе высокимъ типамъ организаціи хозяйства“. Но тутъ же, вслѣдъ за этимъ, по отношенію къ полосѣ съ залежнымъ хозяйствомъ, гдѣ трехполье должно разсматриваться уже какъ прогрессивное явле-

ніе, относительно вытѣсненія залежнаго хозяйства получается слѣдующее: „до извѣстнаго момента владѣльческое хозяйство не только не идетъ въ данномъ направленіи впереди крестьянскаго, но даже замѣтно отстаетъ отъ него, притомъ отстаетъ тѣмъ замѣтнѣе, иначе сказать, *остается при тѣмъ болѣе экстенсивныхъ формахъ* залежнаго хозяйства, *чѣмъ крупнѣе само владѣніе*“ (и тутъ вездѣ курсивъ нашъ).

Не лучшая характеристика вытекаетъ и изъ матеріаловъ Высочайше утвержденнаго совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства. Укажемъ прежде всего на то, что данныя трудовъ мѣстныхъ комитетовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что, за исключеніемъ западныхъ районовъ, во всей Европейской Россіи сельскохозяйственное производство сосредоточено, главнымъ образомъ, непосредственно въ рукахъ крестьянъ. Кромѣ того, нерѣдко отмѣчается фактъ постепеннаго расширенія крестьянскаго хозяйства за счетъ помѣщичьяго. Выражается это расширеніе въ увеличеніи какъ путемъ покупки, такъ и аренды, земельной площади, которая находится подъ крестьянскимъ хозяйствомъ. А затѣмъ общая характеристика помѣщичьяго хозяйства приводится такая, по которой оно не только не отличается отъ крестьянскихъ, но во многихъ отношенія *хуже*. Такъ, обезпеченіе скотомъ лучше въ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ Рязанскомъ у. оно для надѣльныхъ земель въ три раза больше, чѣмъ для частновладѣльческихъ. Въ Тверской губ. на 100 дес. *эксплуатируемой* земли у крестьянъ—28 головъ крупнаго скота, у помѣщиковъ—10. При этомъ въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ рогатый скотъ содержится исключительно для удобренія: какъ мясная, такъ и молочная его продуктивность не окупаетъ издержекъ даже того скуднаго содержанія, которымъ онъ пользуется (Тульская губ., Епифанскаго у.).

Въ полномъ, однако, противорѣчіи со всѣмъ этимъ какъ будто стоитъ фактъ повсемѣстнаго превышенія урожаевъ на владѣльческихъ земляхъ надъ урожаями на крестьянскихъ. Но если вспомнить, отъ какого количества самыхъ разнообразныхъ условій зависитъ урожай, то изъ этого превосходства нельзя еще заклю-

чать о превосходствѣ у насъ частновладѣльческихъ хозяйствъ надъ крестьянскими. Уже даваемое этому превосходству количество объясненій показываетъ насколько высота урожаевъ въ данномъ случаѣ не составляетъ еще рѣшающаго признака.

А. А. Кауфманъ, посвящая этому вопросу довольно обстоятельный анализъ фактовъ, считаетъ нужнымъ отмѣтить, что „надѣльныя земли бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ силу условій проведенія реформы 1861 г., если не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ хуже по *качеству*, нежели владѣльческія“; затѣмъ онъ напоминаетъ о вліяніи фактора крестьянской нужды—о запозданіи обработки и уборки урожая, обусловливаемыхъ отработками въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Но это онъ считаетъ, повидимому, недостаточнымъ объясненіемъ. А между тѣмъ уже одного такого запозданія въ обработкѣ, посѣвѣ, уборкѣ, вызываемаго обязательными отработками, болѣе чѣмъ достаточно для объясненія болѣе низкихъ урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ. Это уже отмѣчено было нами въ главѣ объ арендѣ и условіяхъ использованія рабочей силы лошади. Здѣсь же добавимъ, что такое запаздываніе считается обыкновенно достаточной причиной для значительно пониженнаго урожая. Вотъ что говорится, напр., по поводу положенія крестьянъ въ Румыніи, гдѣ тоже распространены отработки: „Только по выполненіи этихъ обязательствъ (т.-е. по исполненіи обязательныхъ работъ у землевладѣльца) можетъ крестьянинъ обратиться къ своей нивѣ. Кто проходитъ здѣсь полями, довольно часто можетъ вполнѣ различить крестьянскій посѣвъ отъ помѣщичьяго. У землевладѣльца пшеница уже почти созрѣла, крестьянская же, посѣянная слишкомъ поздно, еще зелена и тоща“ (H. Grothe: „Zur Landeskunde von Rumänien“. Halle. 1907. Стр. 47) Если это такъ рѣзко отзывается на урожаяхъ въ Румыніи, то почему же при такихъ же условіяхъ это должно быть иначе у насъ?

Не довольствуясь, однако, такимъ объясненіемъ, А. А. Кауфманъ приводитъ рядъ данныхъ, позволяющихъ точнѣе выдѣлить урожаи на помѣщичьихъ земляхъ отъ урожаевъ на крестьянскихъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ данныхъ онъ приходитъ къ заключенію, что эта разница значительнѣе, нежели то обыкно-

венно предполагается, и, основываясь на данныхъ земской статистики Орловской губ., полагаетъ, что разницу эту нельзя относить только на качественныя различія обработываемыхъ земель. Тамъ, въ Орловской губ., урожай у крестьянъ и владѣльцевъ опредѣлялся отдѣльно по почвеннымъ категоріямъ, и разница въ пользу урожаевъ у владѣльцевъ проходитъ по всѣмъ категоріямъ, откуда А. А. Кауфманъ и дѣлаетъ заключеніе, что дѣло не въ качествѣ земельныхъ участковъ. Но, спросимъ мы, развѣ качество опредѣляется лишь почвой, а топографическое положеніе въ смыслѣ склона на югъ или на сѣверъ, а рельефъ мѣстности, положеніе на горѣ или низменности и т. д.—развѣ все это не качества, которыя весьма и весьма могутъ вліять на высоту урожая, о чемъ прекрасно знаютъ крестьяне, знали, конечно, и землевладѣльцы при надѣленіи крестьянъ землей?

Мы привели это только для того, чтобы показать, какъ даже такое, повидимому, совершенно правильно поставленное заключеніе по данному вопросу не даетъ надлежащаго разъясненія, а слѣдовательно, и основанія къ заключенію о превосходствѣ хозяйства у частныхъ владѣльцевъ. Правда, тутъ можно указать еще на то, что вѣдь когда говорятъ объ урожаяхъ у крестьянъ, то имѣютъ въ виду не однихъ бывшихъ владѣльческихъ, но и бывшихъ государственныхъ, у которыхъ условія надѣленія иныя. Если мы, однако, обратимся къ даннымъ по Московской губ., гдѣ по изслѣдованію 1877 — 1879 гг. были выведены отдѣльно всѣ данныя для крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ и государственныхъ, то увидимъ, что тамъ замѣчается по всѣмъ видамъ хлѣбовъ, хотя и не большое, но превышеніе урожаевъ у крестьянъ бывшихъ государственныхъ надъ крестьянами бывшими помѣщичьими (Сборн. 1879 г., т. III). Не въ пользу особыхъ преимуществъ владѣльческихъ хозяйствъ говоритъ и то, что А. Ѳ. Фортунатовъ въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи „Урожаи ржи“, указываетъ на то, что послѣдовательность по годамъ крестьянскихъ и владѣльческихъ урожаевъ въ всероссійскихъ итогахъ оказывается „совершенно одинаковою“ (стр. 99). А это, конечно, говоритъ за то, что тамъ и

тутъ первенствующее вліяніе на высоту урожаевъ относится на долю метеорологическихъ условій.

Укажемъ еще, что по даннымъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ „высшая урожайность для частновладѣльческихъ земель объясняется, *главнымъ образомъ, лучшими ихъ качествами*, болѣе тщательной ихъ обработкой и лучшимъ подборомъ сѣмянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе, что еще при надѣленіи крестьянъ во многихъ случаяхъ имъ отводились *худшія и болѣе удаленныя земли*". (*В. В. Бирюковичъ*: „Сельскохозяйственая техника". 2-е изд. СПБ. 1903. Стр. 22—23). Отмѣтимъ еще указанія по этому поводу агронома Дроздова (въ *Русск. Вѣд.*), заключающіяся въ томъ, что пастьба скота по пару, вынуждаемая малоземельемъ крестьянъ, обусловливаетъ приведеніе пара въ такое состояніе, которое тоже должно вызывать пониженіе урожая. Скажемъ еще отъ себя, что эта необходимость пасти скотъ по пару ведетъ обыкновенно къ очень поздней вывозкѣ навоза: пасутъ на пару до тѣхъ поръ, пока скосятъ какой-либо лужокъ, на который потомъ можно пустить скотину. Отсюда ясно, какъ поздно можно вывезти навозъ, при чемъ, конечно, и не можетъ быть надлежащей переработки земли ко времени сѣва, а слѣдовательно, и урожай не можетъ быть хорошъ. Итакъ, тутъ вліяетъ, конечно, разница въ обработкѣ, но опять-таки вызванная чѣмъ? Не техническими, конечно, преимуществами частновладѣльческихъ хозяйствъ, тѣмъ болѣе, что откуда же они будутъ, если заурядныя-то, обычныя, преобладающія въ подавляющемъ числѣ частновладѣльческія хозяйства ведутъ обработку крестьянскимъ инвентаремъ и трудомъ.

Отсюда нетрудно видѣть, какая совокупность условій, нисколько не зависящихъ отъ самой постановки и организаціи хозяйствъ, неизбѣжно должна вызвать лучшіе урожаи у частныхъ владѣльцевъ. Вѣдь надо еще не забывать и того, какую сравнительно ничтожную долю составляетъ у нихъ запашка, которая у крестьянъ занимаетъ до половины всего ихъ надѣла. При такихъ условіяхъ понятно, что если крестьянамъ тамъ, гдѣ примѣняется обычно удобреніе, приходится удобрять *не все поле*, землевла-

дѣльцы не только не поставлены въ необходимость поступить такъ, но, что главное, имѣютъ возможность изъ всего поля выбрать *наилучшую часть* для посѣва. Если имѣть въ виду эту разницу въ процентѣ обработываемой площади, что нерѣдко зависитъ прямо отъ малоземелья, то слѣдуетъ признать, что она одна уже должна вызывать болѣе высокіе урожаи на частновладѣльческихъ земляхъ, обусловливаемые опять-таки не тѣмъ, что тамъ хозяйство поставлено лучше, а внѣшними обстоятельствами и условіями, связанными съ такими сторонами крупныхъ землевладѣній и хозяйствъ, которыя, по меньшей мѣрѣ, не говорятъ о какихъ-либо ихъ культурныхъ преимуществахъ.

Но если болѣе высокіе урожаи на частновладѣльческихъ пашняхъ могутъ находить многочисленныя объясненія, вытекающія изъ самаго положенія этихъ пашенъ по сравненію съ крестьянскими, то въ связи съ этимъ останавливаетъ на себѣ вниманіе другое явленіе, котораго нельзя объяснить такими условіями. Явленіе это—повышеніе урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ, наблюдаемое за весь пореформенной періодъ. Фактъ такого повышенія констатированъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ и продолжаетъ наблюдаться и для послѣдняго времени. Такъ, въ общемъ итогѣ для 50-ти губерній послѣднее пятилѣтіе 1901—1905 гг. дало урожай на крестьянскихъ земляхъ на 10% выше, чѣмъ въ пятилѣтіе 1896—1900 гг. (А. Фортунатовъ. *Русск. Вѣд.*). Что еще при этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія—это то, что по ряду районовъ, какъ губ. новороссійскія, юго-восточныя, сѣверо-восточныя, пріозерныя и западныя, за 30-лѣтіе 1861—1891 гг. произошло повышеніе крестьянскихъ урожаевъ (доходящее до 84%), болѣе значительное, чѣмъ на частновладѣльческихъ земляхъ. (Беру здѣсь намѣренно тѣ вычисленія, которыя приведены въ цитированныхъ выше „Хозяйственныхъ итогахъ“ С. С. Бехтѣева (стр. 105—107), и которыя основаны на даннныхъ комиссіи центра).

При многочисленности тѣхъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, и при наличности тѣхъ условій, которыя ставятъ крестьянское хозяйство у насъ

въ самое невозможное положеніе, этотъ ростъ урожаевъ можетъ свидѣтельствовать только о происходящихъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ улучшеніяхъ и при томъ улучшеніяхъ болѣе значительныхъ, чѣмъ у землевладѣльцевъ, такъ какъ губерній, гдѣ урожаи у крестьянъ повысились въ болѣе высокой степени, чѣмъ у землевладѣльцевъ, больше, нежели другихъ.

И намъ думается, что такое заключеніе совершенно справедливо и можетъ быть подтверждено цѣлымъ рядомъ данныхъ. Прежде всего остановимся на такихъ данныхъ, которыя характеризуютъ измѣненія въ системахъ земледѣлія у крестьянъ.

„Изслѣдованіе состоянія сельскаго хозяйства Тобольской и Томской губерній показало, что различныя встрѣчающіяся въ этихъ мѣстностяхъ формы хозяйства и, въ частности, системы полеводства представляютъ *послѣдовательный рядъ*, показывающій, какъ *по мѣрѣ сокращенія* относительнаго количества *годныхъ для распашки* пустопорожнихъ *мѣстъ* и постепеннаго *истощенія почвы* распаханныхъ полей, *совершается переходъ отъ* весьма *экстенсивныхъ формъ* залежнаго *хозяйства* къ хозяйству, основанному на удобреніи земель“ („Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“. Изд. Мин. Госуд. Имущ. СПБ. 1894 г. Стр. 113). Въ наиболѣе *многоземельной* части изслѣдованнаго края господствуетъ исключительно залежно-паровая система. Въ округахъ, гдѣ земельный просторъ значительно меньше, залежно-паровая система мѣстами уже совершенно вытѣсняется, мѣстами еще только начинаетъ вытѣсняться другими системами—зерновою безъ удобренія, на сѣверѣ же, гдѣ совершенно опредѣленно выражено малоземелье, происходитъ постепенное распространеніе и упроченіе удобренія (тамъ же, стр. 122—123).

Въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ различаются три полосы: южная, наиболѣе многоземельная, средняя, не богатая землей, но съ превосходной почвой, и сѣверная съ плохой почвой, получаются слѣдующія отношенія паровой площади и пашни:

	Подъ посѣвомъ.	Подъ паромъ.	Въ залежи.
Въ южной . . .	47,2 %	21,9 %	30,2 %
„ сѣверной . .	50,6	29,5	19,9
„ средней . . .	57,8	32,2	10,0

„Цифры эти бросаютъ свѣтъ на историческое развитіе формъ хозяйства въ Ишимскомъ округѣ: по *мѣрѣ сгущенія населенія*, постепенно сокращая количество пустолежащей земли и, взамѣнъ того, усиливая паровую обработку пашенъ, оно получило возможность непосредственно утилизировать значительно бо́льшую часть состоящей въ его пользованіи пашни (57,8% вмѣсто 47,2% общей площади пахотной земли); но затѣмъ, по мѣрѣ подвигавшагося впередъ истощенія пашенъ, несмотря на дальнѣйшее усиленіе паровой обработки, послѣдняя оказывается уже не въ силахъ поддерживать на достаточномъ уровнѣ производительность пашенъ; и вотъ, *не зная* для этого *другихъ способовъ*, населеніе сѣверныхъ селеній возвращается назадъ къ забрасыванію пашенъ въ залежь“ (тамъ же, стр. 125). „По мѣрѣ сгущенія населенія, сокращаются, пока это возможно, сроки отдыха земли, удлиняются періоды обработки, и залежь замѣняется учащеннымъ паромъ; когда и гдѣ это послѣднее средство, благодаря истощенію земли, оказывается недостаточнымъ, появляется и распространяется хозяйство съ удобреніемъ; соотвѣтственно этому съ теченіемъ времени измѣняется и относительное значеніе, въ залежно-паровыхъ сѣвооборотахъ, различныхъ хлѣбовъ“ (тамъ же, стр. 133).

Переходя теперь къ центральнымъ мѣстностямъ, гдѣ примѣненіе удобренія и трехполье давно уже составляютъ обычное явленіе, мы наблюдаемъ переходъ уже къ травопольной системѣ—все при существованіи того же общиннаго землевладѣнія. И подобно тому, какъ на окраинахъ совершается переходъ къ трехполью, такъ сказать, самъ собою, безъ всякаго сознательнаго внѣшняго воздѣйствія или содѣйствія, а подъ вліяніемъ лишь измѣняющагося соотношенія между пространствомъ земли и количествомъ живущихъ на ней,—такъ точно самъ собою совершается переходъ къ травосѣянію.

Впервые это явленіе было наблюдено и отмѣчено въ Тверской губерніи, гдѣ травосѣяніе стало распространяться у крестьянъ на общинныхъ надѣльныхъ земляхъ, при чемъ знакомство съ этой системой они получили путемъ случайныхъ наблюденій, а затѣмъ уже путемъ заимствованій другъ у друга. Какого-либо содѣйствія со стороны земства или кого-либо они при этомъ не имѣли. При такихъ же условіяхъ происходитъ распространеніе травосѣянія въ Смоленской губ., въ уѣздахъ Краснинскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ, Духовщинскомъ, Вяземскомъ. То же приходится сказать о Петербургской губ. По даннымъ статистическаго отдѣленія губернскаго земства, относящимся къ 90-мъ годамъ, десять, пятнадцать лѣтъ назадъ травосѣяніе въ Петербургской губерніи было распространено слабо, встрѣчалось лишь въ трехъ уѣздахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, при чемъ общая площадь крестьянской надѣльной земли подъ сѣянными травами не достигала одной тысячи десятинъ. „Въ настоящее же время нѣтъ ни одного уѣзда въ губерніи, гдѣ бы не было заведено у крестьянъ, въ той или другой волости, травосѣянія. Къ концу 1896 г. подъ посѣвами травъ насчитывалось уже 3.411 дес. пахотной надѣльной крестьянской земли, при чемъ посѣвы клевера производили у себя около 12 проц. общаго числа крестьянскихъ общинъ... Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ волостяхъ, наприм., въ Петербургскомъ у., занятая посѣвными травами площадь достигаетъ значительныхъ размѣровъ, такъ, напр., доходитъ до 41% общей площади пашни, въ нѣкоторыхъ до 30%, въ другихъ до 18%. Развитіе травосѣянія въ Петербургской губерніи, повидимому, идетъ такимъ же путемъ, какъ оно развивалось въ Московской, Смоленской и Вятской губерніяхъ: начиная съ посѣвовъ клевера на огородѣ, усадьбѣ, крестьянинъ постепенно переходитъ къ полевому травосѣянію. А вмѣстѣ съ этимъ онъ переходитъ къ какому-нибудь многопольному плодосмѣну. Но распространеніе травосѣянія среди крестьянъ Петербургской губ. имѣетъ особенность: оно совершается безъ всякаго участія и содѣйствія со стороны такихъ общественныхъ органовъ, какъ земство, сельскохозяйственныя общества... Петербургскій крестья-

нинъ, самостоятельно предоставленный собственнымъ силамъ, ищетъ новыхъ формъ для сельскохозяйственнаго промысла".

Выше уже отмѣчено, что такимъ же путемъ, т.-е. безъ внѣшняго содѣйствія, распространяется травосѣяніе на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ и въ другихъ губерніяхъ. И только въ Вятской и Московской мы встрѣчаемся съ содѣйствіемъ земства, которое, вызывая, конечно, во многихъ случаяхъ примѣненіе у крестьянъ травосѣянія, является, однако, вообще говоря, не самостоятельнымъ факторомъ, а лишь идетъ навстрѣчу уже проявившейся у населенія потребности. Земство въ большинствѣ случаевъ приходитъ здѣсь на помощь населенію указаніемъ и облегчаетъ населенію переходъ къ новой, еще мало знакомой ему системѣ, избавляя его этимъ путемъ отъ излишнихъ потерь во времени и въ результатахъ, которые могли бы происходить при незнакомствѣ съ нѣкоторыми техническими пріемами. Кромѣ того, земство помогаетъ населенію пріобрѣтать доброкачественныя сѣмена и безъ излишней переплаты на стоимости ихъ, подобно тому, какъ оно этимъ же путемъ облегчаетъ распространеніе среди населенія улучшенныхъ орудій.

Въ Московской губ. до 1891 г. клеверъ сѣялся лишь въ 49 сел.; начиная съ этого года число селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ ежегодно увеличивается, и въ настоящее время правильное травосѣяніе заведено въ 1.278 селеніяхъ съ общей площадью надѣльной земли въ этихъ селеніяхъ въ 403.807,4 дес., что составляетъ 25,6%, т.-е. болѣе четвертой части всей надѣльной земли въ губерніи, при чемъ по 8 уѣздамъ изъ 13-ти процентъ надѣльныхъ земель у общинъ съ травосѣяніемъ выше приведеннаго средняго, а именно въ Клинскомъ у. онъ поднимается до 26%. Подольскомъ 31%, Московскомъ 33%, Верейскомъ 37% Рузскомъ 39,9% Звенигородскомъ 45,5%, Можайскомъ 47,2% и, наконецъ, въ Волоколамскомъ 58,7%, т.-е. недалеко до $^2/_3$ всей крестьянской надѣльной земли въ этомъ уѣздѣ принадлежитъ общинамъ, примѣняющимъ у себя правильное травосѣяніе („Стат. ежег. за 1906 г." М. 1907 г.). Къ этому добавимъ, что въ Московской

губерніи нѣтъ теперь уже ни одного уѣзда, гдѣ бы не появилось уже травосѣяніе.

При этомъ надо, однако, имѣть въ виду, что та матеріальная необезпеченность, которою отличается по разнымъ причинамъ крестьянское хозяйство, не остается безъ вліянія на быстроту перехода отъ одной системы хозяйства къ другой. Такъ, въ цитированномъ выше изслѣдованіи „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“ отмѣчается, что „только въ хозяйственной дѣятельности зажиточныхъ крестьянъ можно искать чего-либо похожаго на болѣе или менѣе опредѣленный планъ при переходѣ отъ одной системы къ другой. У маломѣстныхъ же дворовъ сѣвообороты характеризуются скорѣе отсутствіемъ всякой системы“ (стр. 114) *).

По отношенію же къ Московской губ. на основаніи данныхъ о травосѣяніи, относящихся къ 1896 г., можно сдѣлать слѣдующее сопоставленіе для уѣздовъ, волостей и селеній съ травосѣяніемъ и безъ него.

Безъ травосѣянія.	На 1 домохоз. пах. земли.	Скота: на 1 дворъ	на 1 д. пара.	% двор. безлошадныхъ.	Недоимки на 1 дв.	% дворовъ, имѣющ. плуги.
Въ уѣздахъ . .	3,6 д.	1,7	1,5	45,1	31,5 р.	5,2
„ волостяхъ .	3,6 „	1,9	1,6	40,3	31,3 „	9,6
„ селеніяхъ .	3,8 „	2	1,6	37,6	— „	17,4
Съ травосѣяніемъ:						
„ уѣздахъ . .	4,5 „	2,6	1,7	36,8	28,0 „	37,6
„ волостяхъ .	4,8 „	2,9	1,8	23,1	25,8 „	62,2
„ селеніяхъ .	5,9 „	3,1	1,6	20,7	— „	87,8

*) Здѣсь рѣчь идетъ о такихъ моментахъ, когда происходитъ еще исканіе новой системы, при чемъ, какъ отмѣчено тамъ же (стр. 113), община даетъ полный просторъ инициативѣ каждаго отдѣльнаго домохозяина; здѣсь, слѣдовательно, та или другая система полеводства не вошла еще въ общинный сѣвооборотъ.

Что же мы видимъ? По всѣмъ признакамъ, опредѣляющимъ степень экономической достаточности, селенія, гдѣ уже примѣняется травосѣяніе, стоятъ выше: у нихъ пахотной земли больше, скота больше, % безлошадныхъ дворовъ значительно ниже, недоимки меньше и, какъ слѣдствіе всего этого, и больше распространились плуги и завелось травосѣяніе. Это же выясняется и изъ изслѣдованія проф. В. Г. Бажаева: „Крестьянское травопольное хозяйство“.

Замѣтимъ, что это служитъ хорошимъ, основаннымъ на явленіяхъ дѣйствительности отвѣтомъ на тѣ опасенія, которыя высказываются по поводу послѣдствій для сельскохозяйственной культуры устраненія современнаго крестьянскаго малоземелья. Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстная земельная обезпеченность требуется для начала перехода къ новой системѣ, то, очевидно, устраненіе малоземелья и должно вызвать скорѣе всего такой переходъ. Даже тамъ, гдѣ считаютъ малоземелье только относительнымъ, будетъ то же. На первое время устраненіе такого малоземелья удержитъ, конечно, прежнюю систему, но это устраненіе поведетъ къ тому, что населеніе вмѣсто того, чтобы бѣжать на переселеніе, улучшитъ здѣсь свое хозяйство. Результаты улучшенія вызовутъ стремленіе итти къ тому же и дальше.

Но теперь населеніе старается удовлетворить это стремленіе или переселеніемъ или арендованіемъ земли, вообще *увеличеніемъ* находящейся въ его пользованіи земельной площади; когда же вся земельная площадь будетъ въ его пользованіи, то даже любому рутинеру будетъ ясно, что улучшеніе своего положенія можетъ заключаться только *въ повышеніи производительности* той же площади; другого же пути быть не можетъ.

Однѣми проповѣдями нельзя вызвать переходъ къ новой системѣ земледѣлія. Для этого нужны и соотвѣтствующія матеріальныя условія. И совершенно естественно, что какъ самое проявленіе иниціативы, извѣстной хозяйственной бодрости, такъ и самая возможность совершить переходъ къ новой системѣ, — переходъ, сопряженный съ нѣкоторыми затратами, возможнѣе для лицъ, стоящихъ не ниже извѣстнаго хозяй-

ственнаго уровня. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что для такого перехода, который требуетъ раздѣленія полей не на три части, какъ было до тѣхъ поръ, а на 4 или 8, приходится уменьшить часть, занятую посѣвомъ зерновыхъ хлѣбовъ, занявъ часть поля травой, что грозитъ сокращеніемъ сбора хлѣба. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ община, крупнѣе надѣленная землей, можетъ легче перейти къ травосѣянію, такъ какъ относительно меньше сокращаетъ свое поле, нежели такая, у которой оно и до такого переверстанія имѣетъ меньшіе размѣры, чѣмъ тѣ, какіе у первой получатся, можетъ-быть, послѣ установленія новой системы полеводства. Кромѣ того, приходится уничтожить пастьбу скота на части поля и, слѣдовательно, надо имѣть лишнее противъ прежняго пастбище, что еще труднѣе для менѣе надѣленной общины. Наконецъ такой переходъ требуетъ вообще переверстанія всѣхъ полей, что, при незнакомствѣ еще съ результатами, представляется рискованнымъ. Община же, имѣющая больше земли, можетъ найти какую-нибудь „запольную“ часть, не удобрявшуюся по отдаленности или недостатку удобренія, и, не переверстывая своихъ полей, начать на ней травосѣяніе, а затѣмъ вообще у такой общины болѣе силъ, способовъ и надеждъ на возможность справиться съ новымъ расходомъ и новыми условіями. Поэтому она скорѣе способна перейти къ чему-либо новому.

И только затѣмъ уже, когда такой переходъ у общинъ лучше поставленныхъ уже совершился, когда гнетущія условія пребыванія при старой системѣ начинаютъ сказываться сильнѣе, когда не только, такъ сказать, теоретически, но и практически становится очевидной невозможность оставаться при прежней системѣ, и когда новая система уже перестаетъ быть чѣмъ-то новымъ, практически неизвѣданнымъ, тогда только она внѣдряется уже и тамъ, гдѣ крайность заставляла еще держаться рутины.

Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ и такого рода явленія, съ которыми, наприм., населенію Московской губерніи пришлось считаться въ 1897 г. Крайне сухой, давшій населенію

мало кормовыхъ средствъ для содержанія скота тамъ, гдѣ населеніе имѣло только естественные луга, годъ этотъ показалъ, что тамъ, гдѣ было полевое травосѣяніе, недостатка въ кормовыхъ средствахъ не было, или онъ былъ не такъ ощутителенъ, даже цѣны на сѣно поднялись въ гораздо меньшей мѣрѣ. И вотъ въ результатѣ къ 1898 г. появилось множество приговоровъ о введеніи травосѣянія на общинныхъ надѣльныхъ земляхъ. Такъ, наприм., въ Звенигородскомъ у., гдѣ въ 1897 г. было лишь десять селеній съ травосѣяніемъ, къ веснѣ 1898 г. оно вводится уже въ 70 селеніяхъ. Болѣе бѣдныя общины видятъ, что лучше задолжать, занять на посѣвъ травы и затѣмъ имѣть кормъ для скота, чѣмъ, откладывая этотъ заемъ, быть вынужденнымъ остаться безъ скота и должать по займамъ для покупки скота, для покупки хлѣба.

Но отсюда, изъ этихъ данныхъ и сопоставленій, получается и другое заключеніе. Приведенные факты удостовѣряютъ справедливость того логическаго заключенія, согласно которому каждый переходъ къ улучшеніямъ легче для того, кто имѣетъ къ тому большую матеріальную возможность по своей хозяйственной состоятельности. Слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе зажиточный скорѣе перейдетъ къ нимъ. А въ такомъ случаѣ разница въ его благосостояніи, его хозяйствѣ и въ благосостояніи менѣе зажиточнаго станетъ еще рѣзче, и вотъ совершается далеко не естественный подборъ, выбрасывающій на рынокъ труда всѣхъ запоздавшихъ въ переходѣ къ новой системѣ и создающій группу зажиточныхъ отдѣльныхъ единицъ, готовыхъ и способныхъ эксплуатировать выбитыхъ изъ хозяйственной колеи. Что же дѣлаетъ въ этомъ случаѣ общинное землевладѣніе?

Оно не позволяетъ отдѣльному домохозяину завести травосѣяніе на общинномъ полѣ, но оно не препятствуетъ ему заводить его на усадьбѣ. Но эти попытки, какъ уже указано, не являются результатомъ отвлеченнаго умозаключенія, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ извѣстнаго уровня экономическихъ отношеній, извѣстнаго соотношенія густоты населенія и земельнаго простора. Слѣдовательно, въ опредѣленные историческіе мо-

менты къ такому переходу близокъ каждый, но одинъ можетъ его осуществить по своей индивидуальной хозяйственной состоятельности, а другой нѣтъ, и вотъ при отсутствіи общины менѣе состоятельный долго еще топтался бы въ болотѣ рутины, сознавая даже его засасывающее вліяніе, а другой прогрессировалъ бы; въ общемъ же значительная часть полей оставалась бы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ выработали уже отжившія условія, и сельскохозяйственная культура сильно отставала бы отъ требованій времени. Община устраняетъ это.

Разъ у значительной доли ея членовъ является сознаніе цѣлесообразности новой системы, является общественный приговоръ подѣлить поля такъ, чтобъ устроить травосѣяніе, является покупка сѣмянъ всѣмъ обществомъ; тутъ состоятельный крестьянинъ является заинтересованнымъ въ томъ, чтобы на всей землѣ было введено травосѣяніе, иначе и ему нельзя ввести его на своихъ полевыхъ полосахъ, и, такимъ образомъ, у всѣхъ хозяевъ данной общины, еще сохранившихъ свое земледѣльческое хозяйство, является травосѣяніе. Община содѣйствуетъ этому и инымъ путемъ. Она отводитъ нерѣдко подъ посѣвъ травы какой-либо запольный участокъ, который раньше почему-либо не подвергался обработкѣ; сразу создаетъ новое поле, въ которомъ каждый и получаетъ свою долю участія. Итакъ, опять-таки здѣсь хозяйственный интересъ каждаго находитъ болѣе широкую возможность своего удовлетворенія въ согласіи съ интересами общаго сельскохозяйственнаго развитія страны.

Такъ облегчаетъ община переходъ къ инымъ системамъ, а вотъ изъ Полтавской губ. указываютъ, что *подворное* землевладѣніе не допускаетъ перераспредѣленія угодій, необходимаго для перехода къ многополью (В. В. Бирюковичъ). Отмѣчается въ трудахъ комитетовъ и данныхъ департамента земледѣлія и малоземелье, какъ препятствіе къ такому переходу. Это указаніе на малоземелье подтверждаетъ еще разъ необходимость увеличенія крестьянскаго землевладѣнія у насъ въ интересахъ поднятія сельскохозяйственной культуры. Тутъ необходимо еще нѣсколько остановиться на этомъ. Извѣстная плотность населенія, т.-е.

нѣкоторое малоземелье, тѣснота, конечно, являются однимъ изъ необходимыхъ условій, чтобы появилась *надобность* въ переходѣ къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія. Но для того, чтобы былъ *возможенъ* переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ, нуженъ еще цѣлый рядъ другихъ условій и отсутствіе такой тѣсноты, которая, такъ сказать, повернуться не позволяетъ. А у насъ именно крестьянину, въ силу существованія *искусственнаго* малоземелья повернуться и нельзя. Достаточно напомнить хотя бы то, какое количество средствъ и силъ, которыя могли бы итти на улучшеніе, вытягиваетъ изъ него аренда земель. Самое это арендованіе свидѣтельствуетъ о живой, неуничтожимой *необходимости* расширить крестьянское землепользованіе. И безъ удовлетворенія этой потребности нельзя и ожидать перехода къ улучшеніямъ въ широкихъ предѣлахъ.

Чтобы закончить съ травосѣяніемъ, укажемъ еще, что, по даннымъ, относящимся къ 1901 г., въ общемъ для всей Евр. Россіи крестьяне засѣвали кормовыми травами 499 тыс. дес., а землевладѣльцы—1.046 дес. А 20 лѣтъ раньше—въ 1881 г.—насчитывалось у крестьянъ 49.800 дес. подъ кормовыми травами, а у владѣльцевъ 491.600 дес. Сопоставленіе этихъ данныхъ, свидѣтельствующее, что за 20 лѣтъ у крестьянъ площадь подъ посѣвомъ травъ возросла въ 10 разъ, а у владѣльцевъ—лишь въ 2 раза съ небольшимъ, тоже говоритъ за болѣе быстрое распространеніе у крестьянъ улучшеній, разъ послѣднія получили свое начало.

Все это не говоритъ за рутину, застой въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И думается мнѣ, что тѣ, которые утверждаютъ это, являются плохими наблюдателями. Тутъ дѣло не въ психологіи крестьянства, а въ матеріальныхъ условіяхъ. Мы это показали уже на данныхъ о распространеніи травосѣянія, о поздней вывозкѣ навоза. И вотъ все же при наличности этихъ данныхъ—травосѣяніе распространяется, при малѣйшей возможности навозъ начинаетъ вывозиться раньше. Приведу хотя бы такой примѣръ. Прежде у крестьянъ въ Московской губ., наприм., полагалось вывозить навозъ на свои поля съ началомъ Петровскаго поста и такъ велось при крѣпостномъ правѣ, когда крестьяне должны

были прежде вывезти навозъ на поля помѣщика; теперь же вотъ можно наблюдать, что крестьяне начинаютъ вывозить навозъ еще до Троицына дня, т.-е. слишкомъ за недѣлю до наступленія Петровскаго поста, а въ деревнѣ рядомъ, гдѣ приходится пасти скотъ на пару, съ вывозкой навоза оттягиваютъ чуть не до Петрова дня (29 іюня). Бываетъ даже и такъ, что навозъ вывозится на поле и тутъ же среди еще не разбросанныхъ кучъ навоза на пару пасется скотъ. Что же, какъ не малоземелье является причиной такого не „раціональнаго" веденія хозяйства, заставляющаго оттягивать вывозку навоза, чтобы не поморить совсѣмъ съ голоду скотъ, доставляющій этотъ навозъ.

Точно такъ же прежде за покосъ принимались не ранѣе, какъ послѣ Петрова дня, а теперь и это измѣнилось. Все чаще и чаще даются корреспондентами земствъ указанія, что пахать подъ яровое крестьяне стали ранѣе, чѣмъ землевладѣльцы, посѣвъ овса сдѣлали тоже раньше и т. д. Все это ведетъ еще и къ тому, что теперь землевладѣльцы запаздываютъ съ полевыми работами и еще болѣе ощущаютъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ необходимое время („Стат. ежегод. по Моск. губ. за 1906 г." Стр. 28). Въ особенности это ощутительно въ мѣстностяхъ съ травосѣяніемъ. Обычно, въ особенности тамъ, гдѣ аренда происходитъ за отработки, предварительно косились помѣщичьи луга, а потомъ уже крестьянинъ обращался къ своимъ. Теперь же, какъ только клеверъ готовъ къ снятію его, крестьянинъ не пойдетъ къ землевладѣльцу на поденщину, не убравъ своего клевера. Приходится уже землевладѣльцу запаздывать, и, конечно, никто не скажетъ, что онъ это дѣлаетъ по невѣжеству и непониманію условій „раціональнаго" веденія дѣла. Такъ вотъ и по отношенію къ крестьянамъ все приведенное не говоритъ за рутину, а говоритъ за склонность къ нововведеніямъ и за фактическое осуществленіе ихъ при увѣренности въ ихъ пользѣ. Но, конечно, при увѣренности, такъ какъ крестьянское хозяйство у насъ такъ убого, что тамъ ничѣмъ нельзя рисковать.

Объ отсутствіи рутины говорятъ и другіе факты. Прежде у крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Тамбовской, наприм., губ.)

довольно распространена была продажа навоза землевладѣльцамъ. Теперь это уже начинаетъ прекращаться и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно давно, такъ какъ крестьяне начинаютъ удобрять навозомъ свои поля. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самые разнообразные источники, земскіе и офиціальные, и это притомъ условіи, когда, „несмотря на то, что изъ общей площади Европейской Россіи 40% ея находятся подъ лѣсомъ, тѣмъ не менѣе, въ доброй половинѣ Россіи сельское населеніе не имѣетъ дерева даже на растопку печи, и солома и навозъ, долженствующіе претворяться въ хлѣбъ, въ увеличенные его сборы, идутъ не на эти величайшія цѣли, а на сжиганіе“ (С. С. Бехтѣевъ, стр. 124 и 127).

На эти условія и указываютъ, наприм., въ Саратовской губ., прямо, какъ на причину, задерживающую примѣненіе удобренія: недостатокъ скота, навозъ идетъ на кизякъ для отопленія. И все же удобреніе начинаетъ распространяться, а урожаи у крестьянъ, какъ уже указано, повышаются. Что это стоитъ въ связи съ происходящими въ крестьянскомъ хозяйствѣ улучшеніями, объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ мѣстные изслѣдователи. Въ сборникѣ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1899 г. указывается на то, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ еще въ 80 годахъ замѣчено было распространеніе у крестьянъ осенней вспашки подъ яровые хлѣба. За послѣдніе же годы это перешло и на другіе уѣзды, продолжая распространяться и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ это наблюдалось въ 80 годахъ. При этомъ „по наблюденіямъ хозяевъ распространеніе вспашки „на зябь“ замѣтно отразилось на состояніи урожайности крестьянскихъ полей. Вообще же тотъ же источникъ указываетъ, что „въ послѣдніе годы улучшеніе въ техникѣ крестьянскаго хозяйства выражалось въ 4 формахъ: 1) въ распространеніи удобренія; 2) въ замѣнѣ орудій стараго образца желѣзными плугами и сохами улучшенной конструкціи; 3) въ примѣненіи осенней пахоты подъ яровые хлѣба и 4) въ увеличеніи числа вспашекъ и бороновокъ“ (с. 131). Особенно здѣсь обращается вниманіе на довольно быстрое распространеніе плуговъ. Но это замѣчается и повсемѣстно. „Весь югъ, еще недавно дѣлавшій посѣвы на непаханной землѣ наволокомъ, нынѣ обрабо-

тываетъ землю *наиболѣе совершенными желѣзными орудіями: нѣтъ крестьянъ, не имѣющихъ таковыхъ*; молотилки, вѣялки, сортировки—принадлежности чуть не каждаго крестьянскаго двора. Залежныя системы полеводства почти уже забыты; въ юго-западныхъ губерніяхъ уже наблюдаются *самые интенсивные сѣвообороты на крестьянскихъ поляхъ*, почти всегда *корнеплодами*. Удобреніе полей въ этихъ губерніяхъ уже дѣлается основой хозяйства... Подобныя же явленія наблюдаемъ въ западныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ; здѣсь повсемѣстно удобреніе земли составляетъ основную задачу хозяевъ всѣхъ категорій; фосфоритныя и иныя минеральныя удобренія входятъ въ постоянный обиходъ" (С. С. Бехтѣевъ, стр. 109).

Какъ все это далеко отъ того, чтобы свидѣтельствовать о косности и рутинѣ! Не свидѣтельствуетъ объ этой рутинѣ и то разнообразіе культуръ, которое наблюдается у крестьянъ по различнымъ мѣстностямъ, и тѣ спеціальные отрасли хозяйства, которыя встрѣчаются у крестьянъ повсюду: хмелеводство въ Богородскомъ у., Московской губ., тепличное выращиваніе овощей (огурцовъ) въ Клинск. у., огородничество въ Ростовск. у., Ярославской губ.; вишневые сады во Владимирск. губ., разведеніе клубники у крестьянъ подъ Харьковомъ съ ежегоднымъ сбытомъ въ Москву до 100 вагоновъ ея (фактъ, указываемый проф. В. Ф. Левитскимъ въ его статьѣ въ сбор.: „Агр. вопр.", изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича).

Довольно, однако, этихъ данныхъ, число которыхъ можно было бы увеличить значительно. Всѣ они вполнѣ оправдываютъ и по отношенію къ русскому крестьянину, то замѣчаніе, которое дѣлается въ обширномъ изслѣдованіи, посвященномъ сельскому хозяйству въ Голландіи. Тамъ говорится: „не слѣдуетъ забывать, что мелкій крестянинъ, *обычно* болѣе доступенъ и болѣе склоненъ къ воспріятію новаго ученія, нежели крупное крестьянство (т.-е. ведущее предпринимательское хозяйство съ наемными батраками). Распространеніе знаній и товариществъ находитъ обыкновенно у мелкихъ крестьянъ болѣе благодарную почву чѣмъ у крупныхъ сельскихъ хозяевъ (Berichte über Land- und Forstwirtschaft im

Auslande. Mitgeteilt vom Auswärtigen Amt. Agrarverfassung und Landwirtschaft in den Niederlanden. Von Dr. I. Frost. Berlin. 1906. Стр. 480). И съ этимъ, конечно, надо согласится, такъ какъ каждый трудящійся человѣкъ понимаетъ практическую цѣнность знанія, а потому жадно воспринимаетъ его, разъ къ тому есть возможность, и тотчасъ же примѣняетъ къ дѣлу.

Выше мы отмѣтили, что явленія познаются по сравненію и затѣмъ перешли къ изображенію явленій частновладѣльческаго, а потомъ крестьянскаго хозяйства. Но при этомъ мы по отношенію къ частновладѣльческимъ хозяйствамъ обращали вниманіе на факты преимущественно отрицательнаго характера, по отношенію же къ крестьянскому—на факты улучшенія послѣдняго. Правильно ли это? Полагаемъ, что да, и вотъ почему. Ставя вопросъ объ отсутствіи процвѣтанія у насъ крестьянскаго хозяйства, мы должны были поставить разсмотрѣніе его въ связь съ разсмотрѣніемъ вопроса: почему лещъ, вытащенный на берегъ, не плаваетъ? Выясненіе условій крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія заставляетъ поставить вопросъ о самомъ существованіи крестьянскаго хозяйства, т.-е., иначе говоря, спросить уже: какъ это лещъ еще плаваетъ? Данныя, свидѣтельствующія объ улучшеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, говорятъ за то, что лещъ не только плаваетъ, но и обнаруживаетъ всѣ признаки живучести, нисколько не предполагая прекратить плаваніе и не разсчитывая остаться на берегу. И это при какихъ условіяхъ?

Недостаточный съ самаго начала и все болѣе сокращающійся размѣръ надѣла, съ котораго „крестьяне не добираютъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ средствъ, безусловно необходимыхъ для ихъ существованія, которыя приходится пополнять арендою частновладѣльческой земли“ („Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ“. Изслѣд. П. Н. Соковнина. СПБ. 1906. Стр. 36). Каковы условія этой аренды, было уже достаточно освѣщено, далѣе высокіе платежи, недостатокъ скота, отсутствіе денежныхъ средствъ, отсутствіе знаній и при всемъ томъ улучшенія самыя разнообразныя.

Какую противоположность въ смыслѣ количества земли, разнообразія угодій, обилія источниковъ денежныхъ средствъ представляютъ условія землевладѣльческія, было такъ же указано, а въ результатѣ оказывается, что отъ 30 до 50% частновладѣльческихъ земель нужно считать обработываемыми крестьянами за свой страхъ, что „производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ сосредоточено, главнымъ образомъ, непосредственно въ рукахъ крестьянъ“, и что „крайне низкій уровень зауряднаго владѣльческаго хозяйства можетъ считаться фактомъ, въ достаточной мѣрѣ установленнымъ“.

Если къ этому еще добавить, что по отношенію къ той остальной части, которая не сдается въ аренду, преобладающимъ фактомъ является обработка ея крестьянскими силами и крестьянскимъ инвентаремъ, то тогда и единственный *общій* для всѣхъ хозяйствъ фактъ повышенія урожаевъ въ значительной мѣрѣ можетъ быть объясняемъ тѣми же причинами, какими объясняется повышеніе ихъ у крестьянъ, т.-е. примѣняя улучшенные пріемы обработки, лучшія орудія у себя, крестьянинъ примѣняетъ это и у землевладѣльца, обработывая его землю своимъ инвентаремъ.

Что же затѣмъ останется? Улучшенія, которыя несомнѣнно есть и встрѣчаются у частныхъ землевладѣльцевъ по ихъ иниціативѣ; но это относится только къ тѣмъ землевладѣльцамъ, которые обработываютъ земли своимъ инвентаремъ и только къ той части ея, которая не сдается въ аренду. А это все далеко не общее явленіе ни для одного района и далеко не можетъ быть распространяемо на всѣ или признаваемо за общую черту. А между тѣмъ матеріальныя-то условія частновладѣльческихъ хозяйствъ таковы, что *въ этомъ отношеніи* было дано все, что нужно, чтобъ они могли жить и развиваться; а потому для нихъ и характерно не то, что указываетъ на улучшенія, а, наоборотъ, то, что говоритъ о застоѣ, рутинѣ. Наоборотъ, по отношенію къ крестьянскимъ хозяйствамъ въ матеріальныхъ условіяхъ было дано все, чтобъ они только влачили существованіе и

постепенно увядали, а между тѣмъ они не только продолжаютъ существовать, но еще и улучшаются.

При этомъ, если у крестьянъ наступаетъ улучшеніе, дѣлается нововведеніе, то оно не ограничивается единичными хозяйствами, какъ это бываетъ обычно по отношенію къ частновладѣльческимъ, а охватываетъ сплошь цѣлый районъ, не говоря уже о цѣлой общинѣ, и распространяется все дальше и дальше.

Мало того, годы наилучшихъ урожаевъ, какъ уже указано, „сопровождаются расцвѣтомъ крестьянскихъ хозяйствъ", а у частныхъ владѣльцевъ кризисъ не ослабѣваетъ; залежное хозяйство у крестьянъ вытѣсняется трехпольнымъ раньше, чѣмъ у землевладѣльцевъ. Такъ развѣ при всемъ этомъ для крестьянскаго хозяйства въ его цѣломъ не является болѣе характернымъ именно появленіе и развитіе у него улучшеній?

Если при всѣхъ описанныхъ выше условіяхъ землевладѣнія и землепользованія, въ крестьянскомъ хозяйствѣ происходили все-таки улучшенія, то это и представляетъ безусловное и ничѣмъ не опровержимое свидѣтельство того, насколько благопріятны и существенны для развитія сельскаго хозяйства тѣ внутреннія условія, которыя заключаются въ положеніи трудовыхъ силъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и томъ непосредственномъ общеніи между землей и ея работникомъ, которое и можетъ существовать только въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Тѣ внутреннія условія, о которыхъ я только что упомянулъ весьма наглядно выражены однимъ нидерландскимъ крестьяниномъ. Тамъ, въ Голландіи, признается старой истиной, что въ сельскомъ хозяйствѣ работа на себя вдвое цѣннѣе работы на другого. Въ чемъ же заключается разница? спросилъ мѣстнаго крестьянина Dr. Frost, производившій тамъ изслѣдованіе хозяйства. „А это я вамъ скажу, отвѣчалъ крестьянинъ: когда я срѣзаю свой зерновой посѣвъ, я стараюсь подрѣзать колосъ какъ можно ближе къ землѣ; когда же это дѣлаютъ батраки, то изъ-за собственнаго удобства они оставляютъ внизу солому 10 сантиметровъ вышиною, а въ этихъ-то 10 сантиметрахъ и заключается чистый доходъ моего хозяй-

ства". (Berichte über Land- und Forstwirtschaft im Auslande. Mitgeteilt Auswärtigen Amt. Agrarverfassung und Landwirtschaft in den Niederlanden. Von. Dr. I. Frost. Berlin. 1906. Стр. 174).

Но если мелкое крестьянское хозяйство имѣетъ преимущества, то все то, что принимается у насъ, какъ признакъ упадка крестьянскаго хозяйства, тѣ голодовки, которыя грозятъ сдѣлаться непрерывными, все это характеризуетъ собою не упадокъ крестьянскаго хозяйства собственно, а общее обѣдненіе крестьянскаго населенія Россіи, но „по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ технико-экономической природой крестьянскаго хозяйства" (Sering). И это тѣмъ болѣе вѣрно, что вѣдь всѣ улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, помимо всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ условій для нихъ, происходятъ еще въ такое время, когда нужда гонитъ наиболѣе предпріимчивое и работоспособное населеніе изъ деревни въ городъ и на фабрику.

А насколько въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе наличность того или иного количества работоспособнаго населенія превосходно выясняется въ слѣдующемъ сопоставленіи, сдѣланномъ А. Ѳ. Фортунатовымъ Въ губерніяхъ Россіи, гдѣ мужское населеніе въ *рабочемъ возрастѣ* составляетъ среди всего

мужского населенія:	52%	51—52%	50—51%	49—50%	48—49%	менѣе 49%
урожай съ десятины составляетъ:	4,92 ч.	4,88 ч.	4,86 ч.	4,59 ч.	4,50 ч.	4,35 ч.

(„Урожаи ржи"), т.-е. гдѣ больше населенія въ рабочемъ возрастѣ, которое и является наиболѣе работоспособнымъ, тамъ и урожай выше.

Не слѣдуетъ ли отсюда, что если общія экономическія условія сложатся такъ, что работоспособное населеніе не будетъ по необходимости стремиться вонъ изъ деревни, а найдетъ достаточное приложеніе своихъ силъ и въ ней, то наше сельское хозяйство поднимется въ своей производительности въ наиболѣе высокой степени?

Но все это можетъ быть въ томъ только случаѣ, если крестьянскому малоземелью будетъ конецъ, т.-е., иначе говоря, если земля будетъ предоставлена въ пользованіе ея работниковъ. Дополнимъ все сказанное по этому поводу раньше еще нѣкоторыми указаніями. Упомянутое нѣсколько выше изслѣдованіе сельскаго хозяйства въ Голландіи отмѣчаетъ возрастаніе тамъ интенсивности хозяйства, несмотря на аграрный кризисъ, уменьшеніе доходовъ, паденіе цѣнъ и уменьшеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Какъ же объяснить это увеличеніе интенсивности хозяйства? „Разрѣшеніе загадки,—говорится тамъ,—находится въ томъ, что нидерландское землевладѣніе раздробилось на мелкія хозяйства“... „Большія хозяйства въ 100 гектар. (гектаръ около 0,9 дес.) и выше составляютъ рѣдкость въ странѣ. О крупныхъ имѣніяхъ, сдаваемыхъ въ аренду нѣсколькимъ арендаторамъ, здѣсь нѣтъ рѣчи, такъ какъ они, какъ крупныя владѣнія, не имѣютъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ... Раздѣленіе земли на многія тысячи мелкихъ хозяйствъ предохранило нидерландское хозяйство отъ той участи, которой подверглось англійское, въ большей его части, а именно: отъ перехода къ пастбищному хохяйству, которое съ сравнительно малыми издержками производства требуетъ мало присмотра и малое количество рабочихъ силъ“ (Цитирован. изслѣдов. Dr. Frost. стр. 478 и 479).

Но говорятъ, что если у насъ и произошли улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то благодаря примѣрамъ, образцамъ въ частновладѣльческихъ крупныхъ хозяйствахъ,—это очаги культуры. Въ доказательство приводятся и случаи, когда общественная агрономія дѣйствовала чрезъ посредство частныхъ землевладѣльцевъ. Все это и вѣрно и нѣтъ, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ бывало и такъ, бывало и иначе. По этому поводу нельзя не согласиться съ тѣмъ, что „такъ какъ крестьянское хозяйство имѣетъ въ своемъ распоряженіи трудъ собственника, высокій по производительности и по качеству, а крупное хозяйство располагаетъ трудомъ батрака, то это сильно измѣняетъ ихъ *сельскохозяйственныя задачи,* а разъ послѣднія *не одинаковы,* то, *крупновладѣльческое хозяйство* никоимъ образомъ *не можетъ имѣть руководящаго*

культурнаго значенія для крестьянскаго хозяйства, а иногда по отношенію къ послѣднему проявляетъ антикультурныя стремленія" (*Макаръ Безродный*: „Частная земельная собственность". М. 1907. Стр. 69).

Насколько сказанное здѣсь справедливо, это опять-таки подверждается наблюденіями въ Нидерландахъ. Вотъ что говорится въ въ только что цитированнымъ изслѣдованіемъ д-ра Frost'a: „Конечно, въ Нидерландахъ есть нѣсколько крупныхъ хозяйствъ, которыя обыкновенно и посѣщаются изучающими сельское хозяйство иностранцами. Они представляютъ въ *техническомъ* отношеніи много интереснаго. Но что въ нихъ наиболѣе интересно, такъ это то, что относительно доходности они почти всѣ могутъ представить устрашающій примѣръ", (Цитированное изслѣд., стр. 478). А въ такомъ случаѣ, конечно, они не могутъ и не должны служить образцами, напротивъ, при такихъ условіяхъ, даже и то, что они дѣлаютъ въ техническомъ отношеніи можетъ вызвать отрицательное отношеніе къ себѣ.

Но хотя все это и вѣрно, то все же въ отдѣльныхъ случаяхъ за частновладѣльческими хозяйствами можно признать и культурное значеніе. Однако это не есть явленіе общее для нихъ, и, во всякомъ случаѣ, это не есть исключительный путь проведенія культурныхъ начинаній въ массу, а къ тому же и очень медленный путь, если имѣть въ виду то, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи—я хотѣлъ было сказать почти за полстолѣтіе, такъ какъ съ отмѣны крѣпостного права прошло уже болѣе 46 л.— но вѣдь и при крѣпостномъ правѣ проведеніе культуры было уже исключительно въ ихъ рукахъ; такъ вотъ эта наша русская-то исторія развѣ не осуждаетъ совершенно этого пути? А съ другой стороны, мы знаемъ, какъ быстро поднялось крестьянское сельское хозяйство въ Италіи подъ вліяніемъ воздѣйствія общественной агрономической организаціи (см. А. И. Чупровъ: „Реформа земледѣлія въ Италіи". М. 1906 г.). Извѣстно также, что и у насъ въ Россіи наиболѣе широкое и правильное развитіе травосѣяніе получило тамъ, гдѣ правильно была поставлена земствомъ агрономическая помощь населенію.

Все же, говорятъ, образцовыя хозяйства (которыхъ насчитывается очень немного, нѣкоторые отмѣчаютъ даже только 4 такихъ хозяйства на всю Россію) должны быть сохранены за ихъ собственниками. Именно образцовыя-то, если они дѣйствительно таковы, и должны стать общественными. Конечно, здѣсь надо имѣть въ виду, что создатели образцовыхъ хозяйствъ внесли въ нихъ много своего, вложили въ нихъ, такъ сказать, часть своей личности. Съ этой точки зрѣнія было бы невозможно оправдать лишеніе такого собственника того, съ чѣмъ связано, можетъ-быть, все его духовное существованіе. Но этого и не требуется. Такое имѣніе должно оставаться въ пожизненномъ пользованіи его хозяина съ гарантіей ему, что за этимъ имѣніемъ навсегда останется его значеніе образцоваго, если оно имѣетъ общественное значеніе. Но именно, если имѣетъ общественное значеніе. Но съ этой точки зрѣнія приходится еще разъ отмѣтить, что въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и нельзя предоставлять развитіе, распространеніе тѣхъ или иныхъ улучшеній частному усмотрѣнію и предпріимчивости; если данное улучшеніе нужно, тогда оно должно быть вводимо такъ, чтобы всѣ могли видѣть его значеніе и ввести его; если въ немъ нѣтъ надобности, тогда зачѣмъ вводить его? И потому-то и надо содѣйствіе улучшенію сельскаго хозяйства поставить такъ, чтобы не разсчитывать на благоусмотрѣніе отдѣльныхъ лицъ.

Впрочемъ, хотя мы и не могли не коснуться этого вопроса, останавливаться на немъ не приходится, такъ какъ именно у насъ-то онъ широкаго значенія не имѣетъ. Это дѣйствительно не то, что на западѣ Европы: тамъ уже одинъ внѣшній видъ полей обнаруживаетъ, какая масса труда, капиталовъ, знанія, вниманія вложена въ нихъ по сравненію съ нашими, гдѣ ничего этого нѣтъ. Тамъ, такимъ образомъ, въ землю владѣльцемъ дѣйствительно вложено нѣчто собственное, и потому тамъ отчужденіе земли не такъ легко можетъ быть осуществлено, какъ у насъ. У насъ же данныя, приведенныя выше о числѣ продажъ Крестьянскому банку за послѣднее время или распоряженіе управленія землеустройства о распродажѣ скопившихся

въ рукахъ банка 10 мил. десятинъ, служатъ очень и очень яркимъ свидѣтельствомъ того, что наши землевладѣльцы не держатся за землю, какъ орудіе сельскохозяйственнаго производства и приложенія своихъ духовныхъ силъ, а смотрятъ на нее лишь какъ на источникъ прибыли. Но если это было такъ до сихъ поръ, то тѣмъ болѣе это будетъ въ будущемъ и надолго, такъ какъ явленія двухъ послѣднихъ лѣтъ, конечно, надолго лишатъ крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ и охоты и возможности вести хозяйство. Какъ быстро широко оно можетъ ликвидироваться у насъ при такихъ кризисахъ, это мы показали выше, говоря объ уничтоженіи хозяйствъ послѣ 1861 г. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и теперь примѣръ, хотя бы Саратовской губ., гдѣ по даннымъ за 1906 г. почти въ 57% всѣхъ корреспондентскихъ сообщеній говорится о сокращеніи у землевладѣльцевъ своей запашки, а объ увеличеніи лишь въ 6% сообщеній. Сокращеніе же у землевладѣльцевъ въ количествѣ скота получило еще болѣе широкіе размѣры: о немъ говорится въ 70% всѣхъ сообщеній, а объ увеличеніи—всего въ 2% сообщеній. На ряду съ этимъ произошло сильное сокращеніе въ рабочихъ, увеличеніе сдачи въ аренду крестьянамъ и значительное число продажъ имѣній („Сборн. свѣд. по Саратовской губ. за 1906 г.“ Вып. 1).

Эта наблюдаемая у насъ теперь повсемѣстно быстрота продажъ земли со стороны нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, это стремленіе, при первой грозѣ, поскорѣе отдѣлаться отъ земли, то, наконецъ, оскудѣніе деревни помѣщичьимъ элементомъ, которое произошло и ранѣе, тотчасъ вслѣдъ за реформой 1861 г., та убыль дворянскаго землевладѣнія, которая указана раньше,— все это, повторяемъ еще разъ, чрезвычайно ярко свидѣтельствуетъ, что для большинства нашихъ землевладѣльцевъ земля не есть „священная“ собственность, а лишь источникъ денежнаго дохода, не больше. А въ такомъ случаѣ всѣ надежды на культуру земли, на преуспѣяніе сельскаго хозяйства у насъ уже по этой только причинѣ приходится возлагать лишь на крестьянство.

Можно сказать, однако, что крестьянское хозяйство можетъ приходить въ упадокъ еще быстрѣе. Извѣстно, напр., что крестьяне при малѣйшемъ затрудненіи лишаются скота, которымъ и вообще не богаты. На этомъ даже основываютъ, какъ было уже отмѣчено выше, возраженіе противъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія. Гдѣ крестьяне возьмутъ скотъ, чтобъ обработывать и удобрять это увеличенное количество земли? Конечно, на это можно отвѣтить, что они и теперь обработываютъ же надѣльную землю, указать затѣмъ на приведенное выше изслѣдованіе П. А. Вихляева, отмѣчающаго избытокъ лошадиной силы при малоземельныхъ хозяйствахъ. Но этого всего недостаточно.

Выше уже было указано, что крестьянскія хозяйства весьма приспособлены къ выращиванію скота и, главнымъ образомъ, пользовательнаго. Подтвердимъ это теперь фактическими данными, собранными при мѣстномъ обслѣдованіи Московской губ. въ 1898—1900 гг. Согласно этимъ даннымъ, по Бронницкому у., напр., самому малоземельному уѣзду губерніи (2,3 средн. надѣлъ на ревизск. душу 1858 г., 2 дес. на приписную душу въ 1877 г. и лишь 1,6 дес. на приписную душу 1898 г.) изъ наличнаго количества коровъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ вырощено изъ собственнаго приплода — 60,76%, а по Волоколамскому—78,57% (цитиров. уже т. IV, стр. 172), т.-е. въ послѣднемъ случаѣ почти $^4/_5$ всего рогатаго скота является не покупнымъ, а доморощеннымъ.—И это теперь, при данныхъ условіяхъ землевладѣнія. Такимъ образомъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ убыль въ скотѣ пополняется безъ покупки, и вообще она можетъ возстановиться быстрѣе. Напомнимъ хотя бы приведенное уже выше указаніе, какъ урожайные годы сразу вызываютъ у крестьянъ расширеніе аренды, запашекъ и т. д.

Если все это такъ теперь, то нетрудно видѣть, какъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія и отмѣна всего, что утѣсняетъ населеніе, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на его настроеніе, заставляетъ бѣжать изъ деревни лучшія силы; какъ отмѣна всего этого, сразу, да, сразу—это скажется въ первые же годы—под-

ниметъ производительность русскаго земледѣлія, а затѣмъ послѣдующее за этимъ непосредственно проникновеніе знаній въ массу населенія и соотвѣтствующая для того организація упрочатъ непрерывный, послѣдовательный прогрессивный ходъ развитія русскаго земледѣлія и подъемъ народнаго благосостоянія.

Но чтобъ это вышло именно такъ, не слѣдуетъ повторять того половинчатаго образа дѣйствій, который проявленъ былъ въ 1861 г., и послѣдствія котораго гнетутъ насъ съ тѣхъ поръ. Если бы не было создано тогда малоземелье—не было бы того, что переживаемъ теперь. И чтобы дать правильное развитіе тѣмъ элементамъ крестьянскаго хозяйства, которые одни и способны создать сельское хозяйство высокой производительности, нужно безповоротно поставить дѣло такъ, чтобы крестьянъ не угнетало малоземелье, и чтобы земля была въ пользованіи тѣхъ, кто ее обработываетъ. Только тогда перестанетъ крестьянинъ смотрѣть завистливымъ окомъ рачительнаго хозяина на лежащую впустѣ рядомъ землю, только тогда прекратятся всякіе расчеты на прибавку земли и явится неизбѣжнымъ подъемъ ея производительности. Главное же заключается въ томъ, что тогда крестьянинъ почувствуетъ себя дѣйствительно отвѣтственнымъ хозяиномъ за ту землю, производительность которой зависитъ отъ его труда, знанія и умѣнья. Тогда воспрянетъ въ немъ со всей силой духъ предпріимчивости и энергіи. Одинъ этотъ фактъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ сразу измѣнитъ и все окружающее. Это измѣненіе произойдетъ въ силу того, что тогда въ деревнѣ уничтожится классовый антагонизмъ, не будетъ той задержки подъему крестьянскаго благосостоянія, которая происходитъ теперь изъ опасенія лишиться въ крестьянинѣ работника или арендатора. Тогда же не будетъ и препятствій къ проникновенію знаній въ среду населенія, которое само не имѣетъ антагонизма по отношенію къ интеллигенціи. Укажемъ, хотя бы на то, какъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣятельности вятскаго земства, оно отличалось и богатствомъ начинаній и широкой просвѣтительной постановкой ихъ. Объясненіе же этому въ такомъ глухомъ краю можно найти только въ томъ, что это было крестьянское

земство, и тамъ не было противодѣйствующихъ помѣщичьихъ тенденцій, а съ другой стороны, этотъ глухой край, именно въ силу того, что онъ считался глухимъ, довольно-таки обильно, хотя и не добровольно, населялся интеллигенціей, которая и несла свои знанія въ крестьянскую среду, а эта послѣдняя охотно воспринимала ихъ.

Примѣчаніе. Для знакомства съ системами земледѣлія и ихъ распредѣленіемъ въ Россіи очень хороша книга *А. С. Ермолова*: „Организація полевого хозяйства, системы земледѣлія и сѣвообороты". Изд. 3. СПБ. 1894 г. Обстоятельства и условія распространеннаго теперь перехода къ травосѣянію выяснены въ кн. проф. *В. Г. Бажаева*: „Крестьянское травопольное хозяйство". М. 1903 г. Обстоятельный сводъ и анализъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ крупнаго и мелкаго хозяйства заключаетъ книга *Н. А. Карышева*: „Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ". М. 1905 г. Для полнаго знакомства съ взглядами сторонниковъ крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства см. цитированные уже труды. *Каутскій*: „Аграрный вопросъ". *Герцъ*: „Аграрные вопросы". *Давидъ*: „Соціализмъ и сельское хозяйство" (Большое сочиненіе и мелкая брошюра подъ тѣмъ же заглавіемъ). Къ разъясненію тѣхъ же вопросовъ весьма много даютъ и соображеній и фактическаго матеріала слѣдующія четыре произведенія проф. *А. И. Чупрова*: „Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды". СПБ. 1907 г. „Аграрная реформа и ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производство". М. 1906 г. „Реформа земледѣлія въ Италіи". М. 1906 г. и „Агрономическая помощь населенію въ Италіи". М. 1907 г. Знакомство съ этими трудами весьма существенно.

Много данныхъ, взятыхъ изъ русской дѣйствительности, объ улучшеніяхъ въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, сгруппировано въ кн. *В. В.*: „Прогрессивныя теченія въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ". Наконецъ для полнаго уясненія, такъ сказать, основной границы между крупнымъ капиталистическимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ полезно знакомство съ книгой *В. А. Косинскаго*: „Къ аграрному вопросу".

X. Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ значеніе.

Въ пятомъ очеркѣ было проведено то положеніе, что усовершенствованіе путей сообщенія, ведущее за собою развитіе международнаго обмѣна, выработываетъ тѣсную неразрывную экономи-

ческую связь не только между отдѣльными хозяйствами одной страны, но и между хозяйствами разныхъ странъ, создаетъ всемірное хозяйство. Обмѣнъ, рынокъ является, такимъ образомъ, тѣмъ аппаратомъ капиталистическаго строя, при посредствѣ котораго ни одно хозяйство не является довлѣющимъ само себѣ, не остается уединеннымъ и, слѣдовательно, превращается въ одну изъ составныхъ частей цѣлаго общественнаго хозяйства, а только при этомъ условіи и возможно развитіе общественной производительной силы труда и, такъ сказать, оплодотвореніе каждаго отдѣльнаго хозяйства этой производительной общественной силой труда. Слѣдовательно, благодаря связи съ рынкомъ, отдѣльное хозяйство волей-неволей воспринимаетъ то, что при изолированіи его ему было бы недоступно. Производительныя силы его, такимъ образомъ, растутъ, а слѣдовательно, растетъ возможность „богатства и развитія воспроизводства, равно какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій, а потому также и условій раціональной культуры". А въ такомъ случаѣ уничтожается тотъ „недостатокъ средствъ и знанія для приложенія общественной производительной силы труда", который составляетъ слабую сторону мелкаго землевладѣнія и связаннаго съ тѣмъ мелкаго хозяйства.

Въ крупномъ земледѣльческомъ производствѣ, гдѣ задача его—извлеченіе прибыли, эта связь съ рынкомъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ и мѣшаетъ развитію раціональнаго земледѣлія, подчиняя послѣднее не тѣмъ законамъ и условіямъ, которые даются окружающей природой, а тѣмъ, которые нерѣдко, вопреки окружающимъ природнымъ условіямъ, создаются рыночными колебаніями. Въ мелкомъ же основная задача производства—удовлетвореніе потребностей земледѣльца. Это—то основное условіе, которое прежде всего отличаетъ его отъ мелкаго производства въ промышленности, въ которой производство для собственнаго потребленія или не играетъ никакой роли или очень малую. Потому-то въ обработывающей промышленности весь ходъ производства обусловливается состояніемъ рынка, въ связи съ чѣмъ и идетъ разрушеніе мелкаго, даже не зависимо отъ техническихъ преимуществъ крупнаго производства въ индустріи. Въ

сельскомъ же хозяйствѣ большое значеніе собственнаго потребленія производимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ представляетъ существеное условіе, ограничивающее вліяніе рынка въ смыслѣ его разрушительности. Другое условіе заключается въ томъ, что здѣсь не можетъ быть того непроизводительнаго расхода капитала на рабочія силы, который неизбѣженъ въ крупномъ сельскохозяйственномъ предпріятіи, и который создаетъ опять-таки неблагопріятное положеніе на рынкѣ, тогда какъ въ мелкомъ сельскохозяйственномъ производствѣ этого условія нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ и расходуемаго на это капитала, отсутствіе прибыли на который съ капиталистической точки зрѣнія составляетъ уже убытокъ.

Какимъ же, однако, путемъ современная экономическая дѣйствительность пріобщаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ „общественную производительную силу труда“ къ мелкому земледѣлію?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, отмѣтимъ, въ какомъ отношеніи мелкое сельскохозяйственное производство не отвѣчаетъ тѣмъ условіямъ, которыя окружаютъ его при современномъ развитіи рыночныхъ отношеній.

Если имѣть въ виду эти послѣднія, т.-е. рыночныя условія, то, несомнѣнно, мелкое крестьянское хозяйство поставлено неблагопріятно прежде всего относительно сбыта продуктовъ. Отчужденіе по мелочамъ вызываетъ цѣлую массу лишнихъ издержекъ и непроизводительной затраты времени, во избѣжаніе чего нерѣдко приходится или сбывать не тамъ, гдѣ это наиболѣе выгодно по цѣнамъ, а тамъ, гдѣ это требуетъ меньшей потери времени, или же и прямо скупщикамъ, вполнѣ подчиняясь диктуемымъ ими условіямъ. Къ этому же ведетъ и недостатокъ средствъ, вынуждающій сбывать не тогда, когда цѣны наиболѣе высоки, а тогда, когда нужны деньги. Это же обстоятельство, замѣтимъ, между прочимъ, отзывается невыгодно и на сбытѣ крупныхъ землевладѣльцевъ у насъ, такъ какъ осенью, когда хлѣбъ только что обмолоченъ, рынки наводняются у насъ крестьянскимъ дешевымъ хлѣбомъ, что вліяетъ на пониженіе цѣнъ и къ выгодѣ торговаго капитала бьетъ какъ по крестьянамъ, такъ и

по землевладѣльцамъ, вслѣдствіе усиленнаго предложенія и создаваемой тѣмъ конкуренціи.

Но если крестьянство поставлено такъ неблагопріятно относительно сбыта многихъ продуктовъ своего хозяйства, то не менѣе неблагопріятно оно поставлено и относительно пріобрѣтенія на рынкѣ какъ сѣмянъ, такъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ какъ для сельскохозяйственнаго производства (земледѣльческія орудія), такъ и для удовлетворенія различныхъ потребностей.

Въ той раздробленности и обособленности, которая характеризуетъ крестьянское хозяйство, заключается несоотвѣтствіе его условіямъ, создаваемымъ складывающимися въ настоящее время экономическими отношеніями. Слѣдовательно, если мелкое крестьянское хозяйство носитъ въ себѣ элементы живучести, если, по техническимъ условіямъ, эта форма болѣе соотвѣтствуетъ развитію сельскохозяйственнаго производства, то въ соотвѣтствіи съ этимъ въ ней должны выработываться формы сбыта, отвѣчающія современнымъ требованіямъ. Это и происходитъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты.

Способы, какими мелкія земледѣльческія хозяйства пользуются, чтобы поставить себя въ соотвѣтствіе съ требованіями, создаваемыми современнымъ развитіемъ экономическихъ отношеній, заключаются въ соединеніи въ разные союзы, товарищества, какъ съ цѣлью организаціи кредита для сельскохозяйственныхъ цѣлей, такъ и для совмѣстнаго сбыта и закупки продуктовъ, а иногда и для совмѣстнаго производства.

О развитіи этихъ товариществъ можно судить по тому, что въ Германіи, наприм., число устраиваемыхъ товариществъ съ каждымъ годомъ растетъ. Если брать въ отношеніи къ населенію и пространству площади, находящейся въ сельскохозяйственномъ пользованіи, то нетрудно замѣтить, что наибольшее ихъ число приходится на тѣ мѣстности Германіи, гдѣ преобладаютъ мелкое землевладѣніе и мелкое хозяйство. Такъ, въ Гессенѣ въ 1896 г. приходилось одно товарищество на 1.765 жителей

(въ 1894 г.—на 2.156 ж.), въ Вюртембергѣ—на 2.598(въ 1894—на 2.835), тогда какъ въ Прусіи—на 7.022 (въ 1894 г.—на 12.156). То же и относительно сельскохозяйственной площади: въ Гессенѣ приходилось въ 1896 г. одно товарищество на 836 гект. а въ настоящее время на 635 гект. (въ 1894 г.—на 1.022), въ Вюртембергѣ въ настоящее время одно товарищество на 925 гект.; въ Баденѣ на 1.116 гект., въ Пруссіи же въ 1896 г. на 5.094 гект. (въ 1894 г.—на 8.819). Вообще указываютъ на то, что „товарищества густо засѣли въ странахъ съ преобладающимъ среднимъ и мелкимъ землевладѣніемъ, гдѣ развитіе товариществъ существуетъ уже съ давняго времени“.

Къ марту 1906 г. въ Германіи насчитывалось 13.452 кредитныхъ товарищества, 1.927 потребительныхъ, 2.701 молочныхъ, 179 для продажи молочныхъ продуктовъ и 1.504 остальныхъ типовъ — всего 19.763 сельскохозяйственныхъ товариществъ. Ограничиваясь по отношенію къ Германіи этими данными, укажемъ еще на существованіе тамъ товариществъ по оптовой закупкѣ искусственныхъ удобреній, кормовыхъ средствъ, сѣмянъ, топлива, машинъ и орудій. По порученію такихъ товариществъ производятся химическіе анализы и испытанія всхожести сѣмянъ, и все это пріобщаетъ къ мелкимъ хозяйствамъ тѣ выгоды, которыя получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда требуются крупныя средства. По позднѣйшимъ газетнымъ свѣдѣніямъ сельскохозяйственныя товарищества въ Германіи продолжаютъ развиваться и далѣе съ быстротой, оставляющей позади себя всѣ другія промышленныя товарищества. На 21 годичномъ съѣздѣ имперскаго союза товариществъ, состоявшемся въ Ольденбургѣ отъ 16 до 18 августа 1907 г., повѣренный союза Гаасъ сообщилъ о вновь возникшихъ 805 сельскихъ товариществахъ, такъ что число всѣхъ сельскохозяйственныхъ товариществъ равняется теперь 20.128. Сюда относятся 97 центральныхъ, 13.591 сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, 1.939 потребительныхъ товариществъ, 2.922 молочныхъ и 1.579 прочихъ товариществъ. Бо̀льшая часть этихъ организацій соединена въ одинъ имперскій союзъ, къ которому 1 іюля принадлежали:

41 союзъ, 73 центральныхъ товарищества и 16.829 товариществъ съ 1.750.000 членовъ.

Коснемся нѣсколько подробнѣе развитія товарищескихъ соединеній во Франціи, гдѣ особенно характерно развитіе земледѣльческихъ синдикатовъ. Здѣсь синдикаты надо разумѣть не въ томъ смыслѣ, въ какомъ союзы предпринимателей или синдикализмъ промышленныхъ рабочихъ во Франціи послѣдняго времени. Здѣсь же говорится о земледѣльческихъ синдикатахъ, представляющихъ собою союзы мелкихъ земледѣльцевъ, въ составъ которыхъ могутъ входить какъ землевладѣльцы, такъ и сельскохозяйственные рабочіе. Во Франціи давно существовали разные профессіональные синдикаты какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, для рѣшенія разныхъ вопросовъ, между прочимъ, даже и не экономическаго характера. Съ цѣлью урегулировать эти синдикаты внесенъ былъ въ 1884 году проектъ закона, статья 3 котораго гласила, что профессіональные синдикаты имѣютъ цѣлью изученіе и защиту интересовъ промышленныхъ и торговыхъ. При обсужденіи этого проекта внесена была поправка: въ концѣ этой статьи прибавлено было: „и земледѣльческихъ". Поправка эта была принята. Принятіе ея, очевидно, отвѣчало наличнымъ жизненнымъ условіямъ, такъ какъ синдикаты земледѣльческіе стали съ изданія этого закона развиваться очень быстро. Въ 1884 г. ихъ было всего 5, въ 1885 г. 39, къ 1895 г. уже 1.188 съ 403 тыс. членовъ, а къ къ 1905 г. 3.179 съ числомъ членовъ, доходящимъ до 653 тыс., что составляетъ около 10% (9,9%) самостоятельныхъ сельскохозяйственныхъ предпринимателей, а по отдѣльнымъ департаментамъ этотъ процентъ колеблется отъ 5,8% до 18,7% всѣхъ предпринимателей.

Синдикаты по организаціи таковы, что могутъ включать нѣсколько товариществъ: потребительныхъ, производительныхъ и др. Синдикаты могутъ устраивать профессіональные курсы, опытныя и домонстративныя поля, древесные питомники, выставки; могутъ организовать кредитъ, совмѣстную покупку и продажу продуктовъ, сношенія съ правительствомъ, кассы взаимопомощи, посредничество при отысканіи занятій, страхованіе

скота и пр. Цѣлая масса интересовъ, которые соприкасаются съ сельскимъ хозяйствомъ и даже только вообще съ интересами самихъ хозяевъ, могутъ входить въ кругъ вѣдѣнія синдикатовъ. Фактически, какъ видно изъ уставовъ, синдикаты рѣдко преслѣдуютъ только одну какую-нибудь цѣль, хотя есть синдикаты исключительно для страхованія скота, для борьбы съ филоксерой и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ они преслѣдуютъ нѣсколько различныхъ цѣлей.

Составъ синдикатовъ довольно разнообразенъ: существуютъ синдикаты землевладѣльцевъ, рабочихъ и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. По капиталу допускается участіе лицъ, даже почти совсѣмъ неимущихъ, такъ какъ взносы бываютъ отъ 1 франка въ годъ. Главныя условія, вызывающія возникновеніе синдикатовъ,—это рыночныя условія: главной своей цѣлью синдикаты имѣютъ совмѣстную закупку орудій производства, сѣмянъ, скота и совмѣстный сбытъ продуктовъ. Но, помимо чисто-экономическихъ цѣлей, нѣкоторые синдикаты включаютъ цѣлый рядъ задачъ, заключающихъ въ себѣ элементы и нравственнаго характера. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ болѣзни одного изъ членовъ, синдикатъ беретъ на себя обязанность обработать его участокъ, при чемъ предусматривается, сколько дней долженъ каждый потратить на обработку такого участка, какое пространство долженъ обработать и т. д.

Эта послѣдняя задача ясно показываетъ, что синдикаты предполагаютъ въ своемъ составѣ такихъ членовъ, которые собственноручно обработываютъ землю. Свидѣтельствомъ того, что именно такія лица входятъ въ составъ синдикатовъ, служитъ и величина членскихъ взносовъ; чаще всего 1—3 ф. (37 к.—1 р. 10 к.)—при колебаніяхъ отъ нѣсколькихъ сантимовъ и до 25 франковъ. О составѣ членовъ синдикатовъ имѣются, между прочимъ, данныя, относящіяся къ 1900 г. и касающіяся 250 синдикатовъ съ 61.282 членами (245 чел. на одинъ синдикатъ въ среднемъ). Изъ этого числа было: собственниковъ не работающихъ 7.808, т.-е. 12,7%; собственниковъ, которые работали сами на себя—36.070, т.-е. 58,9% и рабочихъ, работавшихъ на другихъ—17.404, т.-е. 28,4%, или всего 87,3% крестьянъ-земледѣльцевъ. Такимъ

образомъ ясно, что синдикаты охватываютъ по преимуществу трудовое земледѣльческое населеніе.

Остановимся теперь нѣсколько на соединеніяхъ другого рода, входящихъ, между прочимъ, и въ составъ синдикатовъ. Не буду говорить о кредитныхъ и потребительныхъ товариществахъ, а коснусь немного товариществъ по сбыту и производительныхъ коопераціи. Наиболѣе распространенными изъ послѣднихъ служатъ молочныя коопераціи, какъ наиболѣе простыя и доступныя. Въ Германіи, Шлезвигъ-Голштиніи, Даніи имѣли наибольшее распространеніе до послѣдняго времени именно такія товарищества для переработки молочныхъ продуктовъ. Понятно, почему именно въ этой отрасли раньше развились товарищества: существующія теперь въ этой отрасли производства орудія слишкомъ дороги для отдѣльныхъ хозяевъ, и, во-вторыхъ, для переработки требуется большое количество молока. Поэтому отдѣльныя мелкія хозяйства стали соединяться въ товарищества, гдѣ все хозяйство до полученія продукта—молока—велось врозь, и только молоко соединялось вмѣстѣ для переработки, а сбытъ окончательнаго продукта производства снова производился врозь каждымъ хозяйствомъ. Такія условія сбыта вызывали сильную конкуренцію между хозяевами, что въ послѣднее время заставило ихъ соединяться въ союзы для сбыта.

Такіе же союзы стали съ недавнихъ поръ возникать и для сбыта зерновыхъ продуктовъ. Здѣсь практика показала, что гораздо выгоднѣе отчужденіе муки, а не зерна, такъ какъ, во-первыхъ, всѣ отбросы остаются въ имѣніи для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, и, во-вторыхъ, перевозка муки дешевле, нежели перевозка зерна. А разъ возникаетъ товарищество для сбыта муки, то естественнымъ далѣе является устройство общей мельницы, а это далѣе повело за собой устройство на товарищескихъ началахъ хлѣбопекаренъ и булочныхъ („Die wirthschftl. Entwickel". R. E. May. B. 1896). Здѣсь, такимъ образомъ, происходитъ соединеніе въ одномъ предпріятіи такихъ, какъ земледѣліе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и хлѣбопекаренъ, что уже смѣло можно отнести къ области обработывающей промышленности, что

можетъ вести къ соединенію и въ другихъ сферахъ переработки сельскохозяйственныхъ матеріаловъ, а стало-быть, къ такого рода измѣненіямъ, которыя сдѣлаютъ доступнымъ для однихъ и тѣхъ же лицъ чередованіе земледѣлія лѣтомъ съ обработывающей промышленостью зимой и тѣмъ возстановятъ то нарушеніе равновѣсія между требованіемъ на рабочія силы, о которомъ было уже говорено.

Чтобы дать понятіе объ операціяхъ товариществъ, приведемъ нѣкоторыя данныя. Такъ, всеобщій союзъ товариществъ въ Нейвидѣ (въ Германіи) купилъ въ 1895 и 1896 гг. вмѣстѣ $1^1/_2$ мил. центнеровъ удобрительныхъ средствъ, 710 тыс. центн. кормовыхъ средствъ и 17 т. центнеровъ сѣмянъ, всего на сумму 7,8 мил. марокъ. Вестфальскій союзъ крестьянъ, пріобрѣтшій въ 1890—1891 гг. машинъ и сельскохозяйственныхъ орудій на 20 т. мар., въ первой половинѣ 1895—1896 гг. пріобрѣлъ ихъ уже на 62.700 мар. Если имѣть въ виду, что при такой товарищеской закупкѣ она производится обыкновенно изъ первыхъ рукъ, и при этомъ дѣлается 10% уступки, то легко представить себѣ выгоды, получаемыя путемъ такихъ соединеній, ставящія при этомъ мелкаго земледѣльца относительно пріобрѣтенія нужныхъ ему предметовъ въ положеніе, ничѣмъ не уступающее крупному, и, слѣдовательно, преимущество крупныхъ хозяйствъ въ этомъ отношеніи вполнѣ отпадаетъ, что и представляетъ для странъ, гдѣ такія соединенія развились, уже совершившійся фактъ.

Но въ подобныя же соединенія мелкіе сельскіе хозяева вступаютъ и по сбыту своихъ произведеній. Таково, напримѣръ, австрійское товарищество по продажѣ рогатаго скота; подобное же товарищество существуетъ въ Германіи, что и вызвало затѣмъ устройство товарищескихъ боенъ, что уже нельзя разсматривать иначе, какъ переходъ къ совмѣстному дѣйствію не только по сбыту, но и въ производствѣ. Подобныя же соединенія существуютъ для сбыта масла. Существуютъ также товарищества для сбыта полевыхъ произведеній, при чемъ заслуживаетъ вниманія организація по сбыту сѣмянъ, такъ какъ она указываетъ: 1) какъ при помощи товариществъ органи-

зуется болѣе раціональная постановка культуры и 2) совершается также переходъ къ совмѣстному производству.

Дѣло именно организовано такимъ образомъ, что опредѣленные сорта произрастаній, которые наиболѣе отвѣчаютъ условіямъ данной мѣстности, культивируются членами товарищества по опредѣленнымъ и точнымъ предписаніямъ относительно выбора сѣмянъ, удобренія, ухода и очистки и затѣмъ сбываются въ общей массѣ, но съ опредѣленной маркой. Здѣсь получается, такимъ образомъ, въ очень существенныхъ сторонахъ производства *общее управленіе и завѣдываніе основными условіями для цѣлаго ряда отдѣльныхъ хозяйствъ.* Въ то же время получается не только пользованіе научными средствами и указаніями и приложеніе ихъ къ дѣлу, что для обособленнаго мелкаго хозяйства было бы затруднительно, но и достигается та степень приспособленія производства къ тѣмъ частичнымъ особенностямъ данной мѣстности или положенія даннаго участка, которыя имѣютъ крупное значеніе въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Все это ставитъ послѣднее въ такія условія, которыя опредѣляются имѣющими въ сельскомъ хозяйствѣ такое значеніе природными свойствами, и создаетъ въ земледѣліи ту степень правильности и раціональности, которая для крупнаго сельскаго хозяйства, ведомаго единоличнымъ предпринимателемъ, является неосуществимой или же осуществимой съ большими издержками и меньшимъ успѣхомъ. Въ отчетѣ сельскохозяйственнаго союза Пфальца говорится: „Гдѣ существуетъ хорошо руководимое товарищество, обыкновенно состояніе полевой культуры и обнаруживаетъ хорошее послѣдствіе его дѣятельности“.

Укажемъ еще на товарищества винодѣловъ, возникшія въ долинѣ Ара въ Германіи еще въ 1868 г. и, что особенно характерно, по самостоятельному почину двухъ мѣстныхъ крестьянъ. По разнымъ условіямъ тамъ въ то время остановился сбытъ вина, и создалось положеніе, характеризуемое поговоркой: „у кого много вина, у того нѣтъ хлѣба“. Чтобы выйти изъ этого положенія двумъ мѣстнымъ крестьянамъ пришло въ голову соединить хозяевъ мелкихъ участковъ, что было необхо-

димо. Техника винодѣлія требовала крупнаго производства, въ связи съ чѣмъ происходила скупка вина. Соединеніе же мелкихъ винодѣловъ повело къ кооперативной организаціи производства. Весь виноградъ поступаетъ въ товарищескіе погреба, расплачиваются за него тотчасъ. Въ товарищескихъ погребахъ виноградъ обработывается подъ наблюденіемъ опытнаго винодѣла. Въ составъ этого перваго (Майшосскаго) товарищества вошло 175 человѣкъ, т.-е. кромѣ двухъ, всѣ домохозяева данной деревни. Съ 1900 г. такія товарищества стали сильно распространяться.

Но на совмѣстной переработкѣ винограда дѣло не останавливается. Товарищество пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія и объединяетъ и производство самаго винограда (сырого продукта). Для хорошаго качества вина необходимъ опредѣленный виноградъ, опредѣленная его зрѣлость и одновременное превращеніе винограда въ сусло, необходимо, слѣдовательно, одновременное созрѣваніе винограда и одновременное его срѣзываніе и уборка, почему послѣднія двѣ операціи и начинаются во всѣхъ хозяйствахъ, входящихъ въ составъ товарищества, *въ одинъ день* по постановленію управленія товарищества. Качество и количество винограда не менѣе, чѣмъ отъ природныхъ условій, зависятъ также отъ обработки почвы, отъ удобренія, отъ мѣръ борьбы съ насѣкомыми. Все это и вызываетъ необходимость и здѣсь *однообразія*, почему всѣ эти операціи и производятся во всѣхъ хозяйствахъ согласно опредѣленнымъ указаніямъ и постановленіямъ правленія или же по взаимному соглашенію. Такимъ образомъ установляется *общественное* производство при сохраненіи *индивидуальнаго* характера каждаго хозяйства.

Какъ легко видѣть изъ только что сказаннаго, раціональная постановка производства винограда, техническія условія переработки его — все это требуетъ, чтобы всѣ необходимыя при культурѣ винограда операціи производились всѣми *одновременно*. Между тѣмъ мы видѣли, что необходимость одновременнаго производства всѣхъ работъ на одномъ полѣ отмѣчается, какъ вредная особенность общиннаго землевладѣнія. Не доказываетъ ли это, что признаніе вреда за такой одновременностью вытекаетъ изъ

такой точки зрѣнія, которая *въ примѣненіи къ современнымъ требованіямъ о разумной постановкѣ земледѣлія* является отжившей По этому поводу напомню еще разъ то, что сказано мною выше объ ограниченности и даже возможномъ вредѣ индивидуальнаго усмотрѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ *въ настоящее время*, когда все сельскохозяйственное производство и можно и должно поставить на строго научное основаніе. А при такой постановкѣ, въ одной и той же мѣстности, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не можетъ въ одномъ хозяйствѣ вестись дѣло такъ, а въ другомъ, рядомъ лежащемъ, иначе. Личный починъ, личная самодѣятельность не устраняются и теперь, но проведеніе въ жизнь того, что вытекаетъ изъ даннаго личнаго почина, должно происходить только тогда, когда оно встрѣчаетъ общее одобреніе, основанное на признаніи соотвѣтствія этого съ данными природными и хозяйственными условіями.

Скажу болѣе: тутъ успѣшность, возможность плодотворныхъ результатовъ личнаго почина обусловливаются лишь общимъ соглашеніемъ. Такъ, въ приведенномъ уже отмѣчена была необходимость *общихъ* мѣръ борьбы съ вредными насѣкомыми. Если хоть въ одномъ виноградникѣ останутся насѣкомыя, то могутъ погубить и всѣ остальные. И вотъ, напримѣръ, въ подмосковномъ с. Борисовѣ, гдѣ процвѣтаетъ фруктовое и ягодное садоводство, крестьяне нашли нужнымъ пріобрѣсти по *общественному* приговору аппараты для опрыскиванія растительности составомъ, уничтожающимъ вредителей. Аппараты должны быть куплены для каждаго двора селенія. Зачѣмъ же общественный приговоръ? А затѣмъ, что это даетъ возможность пріобрѣсти въ разсрочку аппараты и бѣднымъ дворамъ, иначе послѣдніе не купятъ, и это можетъ повредить и остальнымъ. Но такой общественный приговоръ, такое общее соглашеніе и могло быть только при общинномъ землевладѣніи; при хуторскомъ хозяйствѣ, трудно было бы даже явиться мысли о такомъ соглашеніи. А между тѣмъ и при немъ такая мѣра должна быть общей.

Итакъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, при сохраненіи самостоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, успѣхъ послѣднихъ зависитъ отъ

общихъ мѣръ и требуетъ осуществленія не того, что зависитъ отъ усмотрѣнія одного, а того, что требуется общими условіями и признается таковымъ по общему соглашенію, въ основѣ котораго, въ свою очередь, должно лежать не благоусмотрѣніе каждаго, а твердыя научныя основанія—тогда только и можетъ итти правильно и успѣшно развитіе сельскаго хозяйства. Достигнуто же такое соглашеніе, какъ это только что отмѣчено, всего легче и скорѣе можетъ быть при общинномъ землевладѣніи.

Остановимся нѣсколько на развитіи сельскохозяйственныхъ товариществъ въ Россіи. Выше было уже указано какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ лошадь: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе использовать ея силу. Но причины этого лежатъ не только въ незначительности надѣловъ, а въ томъ еще обстоятельствѣ, что при условіи отдѣльнаго хозяйства является стремленіе снабдить каждый дворъ, каждаго рабочаго члена лошадью. При современной постановкѣ хозяйства это является вполнѣ естественнымъ. Но это ведетъ къ тому, что мелкій дворъ поставленъ въ худшія условія, такъ какъ онъ не можетъ использовать всю рабочую силу своей лошади не только зимой, но даже и лѣтомъ. Все это создаетъ матеріальную почву для такихъ артелей, въ которыхъ нѣсколько хозяевъ соединялись бы для пріобрѣтенія лошадей и совмѣстнаго пользованія ихъ рабочей силой. Въ Малороссіи существуетъ такое соединеніе рабочихъ силъ, хотя и не въ видѣ артелей, а въ видѣ зачаточной формы ихъ—обработки „супрягой“: глубокая вспашка плугомъ требуетъ здѣсь пары воловъ, поэтому тѣ хозяева, которые имѣютъ по одному волу, соединяютъ ихъ для означенной цѣли вмѣстѣ; иногда соединяются для этого даже три и болѣе хозяйствъ. Въ Херсонской губерніи такихъ хозяйствъ считается до 50%. Можетъ-быть, это обстоятельство является благопріятнымъ для развитія артелей, которое теперь тамъ наблюдается.

Мысль объ этихъ артеляхъ возникла, однако, не изъ наблюденія существующей „супряги“, а изъ желанія доставить возможность заниматься хозяйствомъ тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ существуетъ недостатокъ въ средствахъ производства. Разъ выдаются деньги въ

ссуду подъ условіемъ, что хозяева должны соединиться въ артели, то это побуждаетъ ихъ къ такому соединенію. Существуютъ у насъ земледѣльческія артели еще въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ 1891 году, когда процентъ безлошадныхъ дошелъ до 38%, уѣздная земская управа пришла къ мысли выдавать ссуды на покупку лошади тѣмъ хозяевамъ, которые соединятся въ артели. Многія изъ такихъ артелей представляютъ только временное явленіе: нѣкоторые хозяева, оправившись, выходятъ и начинаютъ вести самостоятельное хозяйство; но бывали случаи, что и зажиточные крестьяне вступали въ такія артели. Большей частью артели состоятъ здѣсь изъ шести домохозяевъ со старостой, имѣютъ не менѣе семи десятинъ подъ посѣвами. Полученный урожай, какъ и орудія производства, сѣмена и инвентарь составляютъ собственность всей артели. Изъ урожая отдѣляется часть подъ посѣвы, другая—на продажу для погашенія ссуды, затѣмъ — на разные платежи и, наконецъ, часть въ запасъ на случай неурожая. Начавшись въ Шадринскомъ уѣздѣ, такія артели стали возникать и въ другихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Но въ послѣднее время объ нихъ ничего не слышно, и, повидимому, онѣ прекратили свое существованіе.

Не слышно что-то послѣднее время и объ артеляхъ, устраивавшихся въ Херсонской губ. Н. В. Левитскимъ. Но если онѣ и распадаются, то и тогда попытки артельныхъ начинаній имѣютъ крупное значеніе въ силу того, что онѣ способствуютъ соединенію труда, выработываютъ навыки, привычку къ организаціи; индивидуальное хозяйство при артеляхъ пріобрѣтаетъ уже на сознательной почвѣ тотъ общественный характеръ, къ которому идетъ оно и въ силу техническихъ условій и въ силу того болѣе тѣснаго общенія людей, къ какому ведетъ и развитіе путей сообщенія, какъ это было отмѣчено уже не разъ на протяженіи настоящихъ очерковъ. Но одно время артели эти, во всякомъ случаѣ, развились, какъ это доказываютъ цифровыя данныя. Первоначально мысль о нихъ возникла довольно давно, во время ряда неурожайныхъ лѣтъ. Но первая артель учредилась лишь въ 1894 г. въ Александрійскомъ у., Херсонской губ. Немаловажнымъ, конечно, обстоятельствомъ, обусло-

вливающимъ учрежденіе ихъ, служитъ то, что учрежденіе артели даетъ возможность безлошаднымъ и безхозяйнымъ дворамъ получить ссуду на обзаведеніе и тѣмъ получить возможность вести хозяйство. Что при этомъ артели такія обладаютъ жизнеспособностью, видно изъ того, что 83 артели, положеніе которыхъ было изслѣдовано за три года, прогрессировали слѣдующимъ образомъ. Въ 1895 г. онѣ имѣли въ посѣвѣ 660 дес., въ 1896 г.—1.000 дес., а въ 1897 г.—1.300 дес. Къ 1897 г. было 118 артелей, въ составъ которыхъ входило 524 семьи съ 2.900 душъ обоего пола; получили эти артели всего 22.408 р. ссудъ, т.-е. около 190 р. на артель. Общая сумма стоимости живого и мертваго инвентаря членовъ артелей до образованія послѣднихъ составляла $13^1/_2$ т. р., а въ 1898 г. доходила до 50 т. р. Недоимки за членами артелей числилось до $4^1/_2$ т. р., а въ 1898 г. лишь 841 р.; подъ посѣвомъ до артели у нихъ было 1.331 дес., а съ учрежденіемъ артелей стало 2.769 дес. Всей же земли въ ихъ пользованіи было въ 1898 г. 3.775 дес., вмѣсто 2.488 дес., бывшихъ до соединенія въ артель.

Но если такія артели и не получили прочнаго существованія, то это можетъ происходить отъ того, что здѣсь все хозяйство сливается въ одно цѣлое. Между тѣмъ теперь, когда стремленіе къ проявленію личной самостоятельности, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, важны такія соединенія, которыя не поглощаютъ личности. Совершенно справедливо отмѣчаетъ французскій экономистъ Шарль Жидъ, что въ настоящее время кооперація беретъ только одну сторону личности и увеличиваетъ силы человѣка, не подчиняя его и не уничтожая его самостоятельности, что и получается въ тѣхъ товарищескихъ соединеніяхъ сельскихъ хозяйствъ, о которыхъ сказано выше. Соотвѣтственно тому, что отвѣчаетъ условіямъ сельскаго хозяйства, здѣсь кооперація и *не можетъ вести къ сосредоточенію производства*, а напротивъ, служитъ *къ поддержанію самостоятельности мелкихъ производителей, но объединенныхъ* въ томъ, что для нихъ является общимъ.

„Не нарушая самостоятельности мелкаго хозяйства крестьянскаго типа, кооперація служитъ самымъ могущественнымъ изъ

всѣхъ извѣстныхъ средствъ къ усвоенію этимъ мелкимъ хозяйствомъ всякаго рода техническихъ усовершенствованій, къ созданію ему прочнаго положенія на денежномъ и товарномъ рынкахъ, къ увеличенію его жизнеспособности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ увеличенію массы продуктовъ сельскаго хозяйства" (*А. Н. Анцыферовъ*: „Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи". Воронежъ. 1907. Стр. 508. Изъ этого же труда по преимуществу заимствованы мною приведенныя выше данныя о товарищескихъ соединеніяхъ въ Германіи и Франціи). Вотъ почему совершенно справедливы слѣдующія слова А. И. Чупрова: „Идея ассоціаціи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству является не менѣе великимъ открытіемъ, нежели новые пріемы техники".

Коснувшись товарищескихъ соединеній въ земледѣліи въ Россіи, отмѣтимъ крестьянскія маслодѣльныя товарищества въ Западной Сибири, которыхъ въ 1903 году было 34, а въ 1906 г.—уже 208. Число селеній, участвовавшихъ въ этихъ коопераціяхъ, было въ 1906 г. 324, а къ 1907 г. уже 517 съ 37.839 крестьянскихъ дворовъ, состоящихъ членами такихъ артелей. Число коровъ у нихъ 182.352 (871 кор. на кооперацію, 5 коровъ на 1 дворъ; съ одной коровы въ среднемъ 30 пуд. молока въ годъ). За 1907 г. выработано масла 337.207 пуд. 35 фун. Членамъ товарищества выдано на руки за молоко въ 1906 г. болѣе $1^1/_2$ мил. рубл.— по $50^1/_2$ к. за пудъ въ среднемъ. Въ среднемъ, за молоко каждый дворъ получилъ 95 р. 26 к. въ годъ.

Что касается Европейской Россіи, то, по свѣдѣніямъ газеты: „Союзъ Потребителей" (Изданіе Мисковскаго союза потребительныхъ обществъ) въ с. Жарки, Мисковской вол., Костромского у., 19 марта 1907 г. открылось Мисковско-Жарковское общество сельскаго хозяйства, въ члены котораго вступило 190 человѣкъ крестьянъ изъ селъ Мисково и Жарки. Въ числѣ ближайшихъ задачъ признано открытіе маслодѣльнаго общественнаго завода въ виду того, что здѣсь, благодаря заливнымъ лугамъ, много коровъ, сбытъ же молока плохой и дешевый (№№ 13 — 14, 7 мая 1907 г.).

Но независимо отъ кооперацій, которыхъ у насъ еще немного, да для развитія которыхъ и нѣтъ еще до сихъ поръ благопріятныхъ общественныхъ условій, русская жизнь даетъ немало свидѣтельствъ различнаго рода организацій со стороны земскихъ учрежденій для содѣйствія развитію сельскаго хозяйства среди крестьянъ, организацій такого рода, которыя восполняютъ тѣ недостатки, какіе связаны съ особенностью мелкаго хозяйства и могутъ вести къ тому, что вызовутъ среди населенія сознаніе о значеніи такихъ соединеній, что и ведетъ къ преобразованіямъ, упрочивающимъ развитіе крестьянскаго хозяйства въ направленіи, соотвѣтствующемъ складывающимся экономическимъ отношеніямъ. Такъ, мы знаемъ примѣры многихъ земствъ (московск., владимирск., смоленск., калужск. и др.), учредившихъ склады сельскохозяйственныхъ орудій, въ результатѣ чего крестьянинъ не только получаетъ лучшія сравнительно съ прежними и притомъ за болѣе дешевую цѣну орудія, но и начинаетъ вводить новыя, болѣе усовершенствованныя. Мы знаемъ, что одно, напримѣръ, московское земство на десятки тысячъ въ годъ доставляетъ крестьянамъ сѣмянъ для посѣва клевера. Мы знаемъ земскія организаціи ссудъ подъ зерновой хлѣбъ (Новгородск., Тверск., и др.) и организацію чрезъ посредство этого удовлетворительнаго и болѣе выгоднаго для населенія сбыта и покупки продуктовъ сельскаго хозяйства. Слѣдуетъ указать также на дѣятельность вятскаго, симбирскаго и др. земствъ по снабженію населенія рабочимъ скотомъ. Все это представляетъ собою точно такъ же организованное соединеніе общественныхъ силъ, отстраняющее тѣ недостатки, которые связаны съ мелкимъ обособленнымъ производствомъ, хотя эти соединенія и основаны на иномъ началѣ, нежели товарищескія.

Во всѣхъ этихъ земскихъ организаціяхъ, можетъ-быть, наиболѣе характерную черту представляетъ то, что онѣ именно земскія. Въ самомъ дѣлѣ, земства представляютъ собою такого рода учрежденія, гдѣ соединяется представительство самыхъ разнородныхъ интересовъ, при чемъ, какъ извѣстно, представительство крестьянскихъ интересовъ по составу и числу непосредственныхъ ихъ

представителей далеко не преобладаетъ, и, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что многія земства считаютъ необходимымъ принимать мѣры въ интересахъ крестьянскаго хозяйства и притомъ такія, которыя соотвѣтствуютъ тому, что необходимо для упроченія и развитія ихъ, разумѣется, въ предѣлахъ земской компетенціи и средствъ. А въ такомъ случаѣ это говоритъ за то, что сила крестьянскихъ интересовъ такова, что давно уже не позволяетъ совершенно пренебрегать ими. Тѣмъ менѣе это возможно въ настоящее время.

Примѣчаніе. Обстоятельное знакомство съ развитіемъ, дѣятельностью и значеніемъ сельскохозяйственныхъ товариществъ даетъ упомянутой трудъ г. *Анцыферова*: „Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи". См. также *Гр. Рокиньи*: „Союзы въ сельскомъ хозяйствѣ". М. 1907. Весьма полезно познакомиться съ дѣятельностью общественныхъ учрежденій по книгамъ *А. И. Чупрова*: „Реформа земледѣлія въ Италіи" и „Агрономическая помощь населенію въ Италіи".

Заключеніе.

Почти съ самаго момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости какъ наша періодическая литература, такъ и обстоятельныя статистическія изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ даютъ массу безспорнаго фактическаго матеріала, свидѣтельствующаго о плохомъ положеніи крестьянскаго хозяйства, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, о тяжелыхъ условіяхъ арендованія земли, о значительномъ количествѣ безхозяйныхъ дворовъ, объ увеличеніи числа безлошадныхъ и т. д. и т. д. Все это—факты, свидѣтельствующіе не только объ отсутствіи тѣни процвѣтанія крестьянскаго хозяйства, но прямо объ упадкѣ его, что, впрочемъ, одно и то же, такъ какъ въ сферѣ экономическихъ явленій, какъ и вообще въ жизни, что не прогрессируетъ, то умираетъ. Но съ другой стороны, та же литература, по крайней мѣрѣ, за послѣдніе годы, даетъ немало фактическаго матеріала, свидѣтельствующаго, что въ сферѣ крестьянскаго хозяйства и притомъ не въ единичныхъ дворахъ или се-

леніяхъ, и не въ одной какой-либо мѣстности, а въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ нашего отечества совершаются такія измѣненія, которыя свидѣтельствуютъ объ его прогрессивномъ развитіи: измѣняются системы земледѣлія, вводятся посѣвы новыхъ растеній, распространяются улучшенныя орудія,—короче, происходитъ цѣлый рядъ измѣненій въ техникѣ крестьянскаго земледѣлія и притомъ нерѣдко безъ всякаго видимаго воздѣйствія и содѣйствія извнѣ—и все это при безспорно неблагопріятныхъ условіяхъ для веденія сколько-нибудь правильнаго хозяйства и для образованія какихъ-либо сбереженій, необходимыхъ для введенія улучшеній.

Факты послѣдняго рода, т.-е. факты, свидѣтельствующіе объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ при наличности данныхъ, свидѣтельствующихъ о тяжести тѣхъ условій, при которыхъ происходятъ эти улучшенія, невольно вызываютъ представленіе о живучести крестьянскаго хозяйства въ Россіи, о присутствіи въ условіяхъ русской экономической дѣйствительности чего-то такого, что, несмотря на наличность цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, все же не только поддерживаетъ, но и упрочиваетъ, развиваетъ эту форму приложенія народнаго труда. Чтобы провѣрить справедливость этого предположенія, необходимо выяснить, составляютъ ли здѣсь факты прогрессивнаго характера что-либо мѣстное, случайное, или данныя для существованія ихъ лежатъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ сельскохозяйственнаго производства и въ общихъ условіяхъ развитія экономическихъ отношеній въ Россіи.

Чтобы подойти къ выясненію этого вопроса, нужно, говоря словами Гобсона, постараться „въ особенности избѣжать ошибки *неправильнаго упрощенія* дѣла; именно этимъ *грѣшатъ* лица, *полагающія*, что всѣ виды промышленности одинаково подчинены *однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ* и одинаково подвержены однимъ и тѣмъ же опасностямъ и недостаткамъ“, нужно „показать, что *лишь изученіемъ природы каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности* мы можемъ прійти къ *правильному опредѣленію роста промышленнаго* и связаннаго съ

нимъ торговаго *дѣла,* и что для этого мы должны изслѣдовать какъ *природу* обработываемаго *матеріала*, такъ и механическія и торговыя *условія* разсматриваемаго рода промышленности, *характеръ спроса* на различные продукты и въ концѣ-концовъ *взаимодѣйствіе* этихъ различныхъ характеризующихъ факторовъ. (Гобсонъ: „Эволюція современнаго капитализма". СПБ. 1898. Предисловіе къ русскому изд.).

Согласно съ только что приведенными словами, необходимо выяснить природу сельскохозяйственнаго производства и остановиться прежде всего на основныхъ условіяхъ его.

При этомъ выясняется, что одно изъ основныхъ условій, отличающихъ сельскохозяйственное производство отъ обработывающей промышленности состоитъ въ томъ, что производство это привязано къ опредѣленному мѣсту, подчинено опредѣленнымъ природнымъ условіямъ въ такой формѣ, которая не дозволяетъ человѣку свободно располагать ни временемъ производства, ни временемъ оборота его, ни временемъ сбыта, ограничиваетъ даже его въ расчетахъ на опредѣленное количество продукта при приложеніи даннаго количества труда. Все это обусловливаетъ совершенно иное приложеніе капитала къ земледѣлію и создаетъ совсѣмъ особыя условія извлеченія прибыли, которая составляетъ конечную цѣль капиталистическаго производства.

Климатическія условія создаютъ такое положеніе, что вести земледѣльческое хозяйство круглый годъ представляется невозможнымъ, а потому приложеніе капитала, въ видѣ машинъ и дорогихъ орудій, не всегда представляется выгоднымъ, такъ какъ капиталъ этотъ невозможно эксплуатировать цѣлый годъ. Если бы всѣ страны производили въ одинаковыхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, сельскіе хозяева могли бы вводить въ цѣну сельскохозяйственнаго продукта ту потерю, которую несутъ сравнительно съ обработывающей промышленностью. Но этому препятствуютъ, съ одной стороны, различныя въ разныхъ странахъ климатическія условія, неравная продолжительность рабочаго періода въ земледѣліи, почвенныя условія, а съ другой—условія снабженія рынка, поставленныя теперь не такъ, какъ раньше, при отсутствіи со-

временныхъ путей сообщенія. Раньше сбытъ на рынокъ пріурочивался къ концу жатвы. Теперь же нѣтъ мѣсяца на международномъ рынкѣ, когда не было бы жатвы. Поэтому въ этомъ отношеніи маждународный рынокъ для сельскохозяйственнаго производства поставленъ въ такія же условія, какъ и для обработывающей промышленности. Это выгодно для потребителей, такъ какъ нѣтъ такихъ колебаній въ цѣнахъ вслѣдствіе предыдущаго урожая или неурожая въ той или другой странѣ. Но это не выгодно для капиталиста сельскаго хозяина, такъ какъ теперь онъ не можетъ установить цѣну, которая была бы монопольной по отношенію къ продуктамъ обработывающей промышленности.

Тѣ же природныя условія вызываютъ и еще одно обстоятельство—это невозможность держать круглый годъ такое количество рабочихъ, какое требуется въ горячую пору.—Если же ихъ держать въ такомъ количествѣ, чтобъ обезпечить себя ими и на болѣе критическіе моменты, то у нихъ будетъ много времени проходить праздно въ остальные моменты. Конечно, такія чередованія въ затратѣ силъ существуютъ и у крестьянина, но если у него и выпадутъ моменты, когда ему въ своемъ хозяйствѣ дѣлать нечего и некуда примѣнить свою трудовую энергію, то все же онъ не несетъ за это время расходы на содержаніе чужихъ силъ, а если онъ имѣетъ сколько-нибудь сносную хозяйственную обезпеченность онъ можетъ въ эти моменты даже „нагуливать силу“, что и съ экономической точки зрѣнія выгодно, такъ какъ онъ потомъ интенсивнѣе приложитъ эту силу въ своемъ же хозяйствѣ. Въ частновладѣльческомъ же или фермерскомъ хозяйствѣ эти моменты нагуливанія силы рабочихъ составятъ для предпринимателя чистый убытокъ, такъ какъ потомъ эти силы будутъ прилагаться хотя тоже интенсивнѣе, но не въ томъ же хозяйствѣ, а, весьма возможно, у другого нанимателя. Не безъ причины же въ началѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка у насъ былъ изданъ сохраняющійся и до сихъ поръ законъ, устанавливающій *уголовную* отвѣтственность для *сельскохозяйственнаго рабочаго* за нарушеніе *гражданскаго* обязательства по найму, т.-е. за уходъ съ работы до срока. Если же не обезпечить себя рабочими силами

заблаговременно, то въ горячій моментъ не всегда возможно добыть ихъ въ необходимомъ количествѣ, такъ какъ, не находя себѣ постоянныхъ занятій въ земледѣліи, они уходятъ въ обработывающую промышленность. Отсюда жалобы хозяевъ на недостатокъ и дороговизну рабочихъ, хотя земледѣльческій трудъ оплачивается дешевле, чѣмъ фабричный, и въ земледѣліи для предпринимателей все построено на экономіи низкой заработной платы.

Таковы послѣдствія непостоянства въ *количествѣ* рабочихъ рукъ, требуемыхъ земледѣліемъ,—непостоянства, существующаго въ силу тѣсной зависимости земледѣлія отъ *мѣстныхъ* природныхъ условій. Но та же зависимость отражается и на *составѣ* рабочихъ рукъ. Въ силу только что отмѣченнаго значенія *мѣстныхъ* природныхъ условій, успѣхъ земледѣльческаго производства въ сильной степени зависитъ отъ точнаго знакомства съ этими мѣстными условіями,—знакомства, доступнаго лишь населенію, постоянно живущему здѣсь, а не являющемуся временнымъ гостемъ, не заинтересованнымъ притомъ нисколько въ конечномъ результатѣ производства. При этомъ, опять-таки въ силу тѣхъ же особенностей сельскаго хозяйства, тотъ стимулъ къ тщательному и интенсивному приложенію труда, котораго недостаетъ при отсутствіи личной заинтересованности въ результатахъ дѣла, и который въ обработывающей промышленности создается путемъ назначенія сдѣльной платы и примѣненія автоматически дѣйствующихъ машинъ — здѣсь не можетъ быть созданъ этимъ путемъ въ такой же мѣрѣ, въ силу тѣхъ же особенностей производства, а это опять-таки обусловливаетъ невозможность извлеченія изъ рабочаго добавочнаго труда въ такой же мѣрѣ, какъ въ обработывающей промышленности.

Такъ представляется дѣло, если смотрѣть съ капиталистической точки зрѣнія. Но вѣдь капитализмъ, какъ и всякое явленіе общественной жизни, долженъ имѣть свой общественный смыслъ и значеніе, которыми, такъ сказать, какъ бы оправдывается его существованіе. Ставя рабочаго въ такое положеніе, которое заставляетъ послѣдняго ради себя и семьи выжимать

какъ изъ самого себя, такъ и изъ своихъ дѣтей всѣ жизненные соки, капитализмъ тѣмъ самымъ повышаетъ общественную производительную силу труда и ведетъ, стало-быть, къ возможности для будущаго человѣчества полнѣе и всестороннѣе удовлетворять не только свои матеріальныя, но и духовныя потребности, такъ какъ удовлетвореніе первыхъ при повышенной столь грандіозными средствами производительности труда потребуетъ уже немного времени, вслѣдствіе чего его и останется много больше на духовное, умственное и нравственное совершенствованіе.

Въ этомъ усматриваютъ общественный смыслъ тѣхъ человѣческихъ жертвоприношеній, которыя вызываются развитіемъ капитализма. Но въ земледѣліи-то, какъ оказывается, капитализмъ и этого общественнаго значенія не имѣетъ. Не обладая тѣми же средствами заставить рабочаго повысить свою производительную силу, какими онъ (т.-е. капитализмъ) располагаетъ въ обработывающей промышленности, онъ, слѣдовательно, и не повышаетъ здѣсь общественной производительной силы труда. Наоборотъ, приложеніе труда въ мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ результатахъ котораго здѣсь производитель непосредственно заинтересованъ, и является именно средствомъ повышенія производительности земледѣльческаго труда.

Не даетъ капитализмъ въ земледѣліи и того объединенія рабочихъ силъ, которое создается въ обработывающей промышленности.

Такова печать, налагаемая природными условіями на сельскохозяйственное производство. Но вліяніе тѣхъ же природныхъ условій продолжаетъ сказываться и на сбытѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ при современныхъ условіяхъ, созданныхъ и создаваемыхъ въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ развитія капитализма въ примѣненіи къ обработывающей промышленности. Слѣдуя своему основному мотиву — производству ради прибыли, капитализмъ безконечно расширяетъ и увеличиваетъ производство товаровъ, что требуетъ расширенія сбыта, постоянно увеличивающагося рынка, а такъ какъ до сихъ поръ при капитализмѣ производство растетъ гораздо быстрѣе роста покупательной спо-

собности массы населенія, то въ результатѣ является неотстранимая потребность въ отысканіи новыхъ рынковъ, въ проникновеніи товаровъ капиталистическаго производства туда, гдѣ ихъ доселѣ не было, въ созданіи новыхъ потребностей у населенія, еще незнакомаго съ благами капиталистическаго производства, для чего такое населеніе, еще занятое земледѣліемъ въ соединеніи съ промышленностью, забрасываетъ послѣднюю, расширяя первое; къ тому же ведетъ и создаваемая ростомъ капитализма въ обработывающей промышленности эмиграція населенія въ новыя страны, вызывающая опять-таки тамъ занятіе подъ культуру еще нетронутыхъ земель, на счетъ запущенія обработанныхъ уже и впитавшихъ въ себя немало человѣческаго пота и капиталовъ европейскихъ земель.

Какія же послѣдствія этого для сельскаго хозяйства? Пріобрѣтеніе колоніальныхъ территорій даетъ не только новые рынки для сбыта продуктовъ обработывающей промышленности, но при современномъ развитіи путей сообщенія, допускающемъ перевозку на дальнее разстояніе громоздкихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, доставляетъ болѣе дешевую пищу для массы населенія, что понижаетъ средства содержанія рабочихъ и тѣмъ повышаетъ относительную прибавочную стоимость, а стало-быть, создаетъ новый стимулъ къ развитію колоній въ цѣляхъ повышенія прибыли, которая въ силу примѣненія техническихъ усовершенствованій, увеличенія постояннаго капитала проявляетъ тенденцію падать. Путемъ увеличенія колоніальныхъ владѣній создаются новыя условія сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, которыя все болѣе и болѣе уравновѣшиваются для разныхъ странъ, поскольку различіе въ этомъ отношеніи лежало раньше въ разницѣ разстояній и природныхъ условій. Сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства подчиняетъ каждую страну общимъ условіямъ международнаго рынка. Это обстоятельство ставитъ сельское хозяйство каждой страны въ положеніе несравненно болѣе неустойчивое, чѣмъ обработывающую промышленность. Послѣдняя вылилась въ нѣчто грандіозное, она стоитъ въ такомъ положеніи, что побѣждаетъ та страна, которая можетъ производить дешевле.

То же, конечно, и для сельскаго хозяйства: кто производитъ дешевле, тотъ сильнѣе и тотъ прочнѣе стоитъ на международномъ рынкѣ Но на этомъ и кончается сходство.

Условія, при которыхъ достигается болѣе дешевое производство, различны въ обработывающей промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ первой, т.-е. въ обработывающей промышленности, кто умѣлъ лучше примѣнить машинное производство, тотъ въ единицу времени выработаетъ больше и выйдетъ побѣдителемъ своихъ конкурентовъ, не умѣвшихъ воспользоваться такой удачной комбинаціей въ производствѣ. Иначе въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь дешевле обходится продуктъ въ странахъ наиболѣе молодыхъ, гдѣ трудъ дешевле, а почва богаче. На международномъ рынкѣ появляются продукты разныхъ странъ: какъ тѣхъ, гдѣ требуется интенсивная культура, съ значительнымъ приложеніемъ труда и капитала, такъ и тѣхъ, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно небольшой затратѣ того и другого. Пока не было удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, предполагалось, что каждая страна должна стремиться обезпечить себѣ продукты сельскохозяственнаго производства своими собственными средствами, и всякая необходимость ввоза извнѣ хлѣба считалась нежелательной, такъ какъ полученіе такихъ продуктовъ изъ другихъ странъ, гдѣ они даже дешево стоили, обходилось дорого вслѣдствіе большихъ расходовъ по перевозкѣ. Но съ развитіемъ парового транспорта, полученіе продуктовъ, не выдерживавшихъ раньше перевозки, стало обходиться значительно дешевле. Это обстоятельство сдѣлало для странъ съ крупной капиталистической промышленностью, съ извѣстной плотностью населенія невыгоднымъ приложеніе капитала къ обработкѣ земли, вслѣдствіе чего получается здѣсь упадокъ земледѣльческаго хозяйства, построеннаго всецѣло на капиталистическомъ началѣ.

Условія, создаваемыя международнымъ рынкомъ, отзываются неблагопріятно, главнымъ образомъ, на капиталистическихъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, которыя непремѣнно должны считаться съ условіями рынка, такъ какъ все крупное производство разсчитано на рынокъ. Но, кромѣ этого, положеніе крупнаго сель-

скаго хозяйства на рынкѣ является крайне неустойчивымъ потому еще, что крайне неустойчивы цѣны на хлѣбъ, и за послѣдніе годы замѣчается тенденція къ пониженію этихъ цѣнъ. Много странъ, не участвовавшихъ раньше въ качествѣ производителей на международномъ рынкѣ, теперь появляются здѣсь оттуда, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно незначительной затратѣ труда и капитала. Къ этимъ колебаніямъ въ цѣнахъ, происходящимъ отъ появленія на международномъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ, присоединяются еще колебанія, совершающіяся въ каждой странѣ, въ зависимости отъ климатическихъ и другихъ неустойчивыхъ въ земледѣліи условій. Все это дѣлаетъ крайне невѣрной, непостоянной прибыль въ земледѣліи.

Вотъ тѣ основныя условія, въ силу которыхъ крупная капиталистическая форма сельскохозяйственнаго производства не имѣетъ благопріятной почвы для ея развитія, не имѣетъ ихъ уже въ силу природы самого производства, въ силу естественныхъ законовъ произрастанія растеній, а затѣмъ само развитіе капитализма въ обработывающей промышленности еще усиливаетъ тѣ стороны, которыя дѣлаютъ неприложимымъ капиталистическій способъ производства въ земледѣліи.

Но и другія стороны производства, съ которыми связано развитіе капитализма въ обработывающей промышленности, и которыя ведутъ къ образованію тамъ крупной промышленности и даютъ ей преимущество передъ мелкой, не существуютъ въ земледѣліи. Въ обработывающей промышленности техническія условія производства вызываютъ собою развитіе крупной, и каждый шагъ въ усовершенствованіи техники до настоящаго времени ведетъ къ тому.

Въ земледѣліи же этого нѣтъ и притомъ по многимъ причинамъ. Уже одно то, что здѣсь приходится разбрасывать производство по пространству, а не сосредоточивать его, создаетъ для машиннаго труда иныя условія, нежели въ обработывающей промышленности. Роль машины здѣсь сводится, главнымъ образомъ, къ облегченію труда рабочаго и далеко не всегда сокращаетъ требованія на рабочихъ, почему машина здѣсь и не является столь

могучимъ орудіемъ для извлеченія прибыли изъ труда рабочаго, какъ это обычно въ обработывающей промышленности.

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ земледѣліи, даже при сосредоточеніи большого пространства земли въ рукахъ одного лица, нельзя нерѣдко вести крупное хозяйство. Оно должно быть раздроблено тамъ, гдѣ топографическія условія мѣстности, —гористость, каменистость почвы, заставляющая выбирать для обработки небольшіе участки—не позволяютъ соединить въ одно цѣлое все то, что произрастаетъ на такихъ отдѣльныхъ участкахъ. Не потому ли Швейцарія, Шварцвальдъ и т. п. гористыя мѣстности отличаются преобладаніемъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Не той ли же невозможностью обработывать сплошь большое пространство объясняется и распространенность крестьянскихъ хозяйствъ въ Швеціи, Норвегіи. Но если тутъ природа способствуетъ образованію мелкихъ хозяйствъ, то очевидно, что существуетъ цѣлый рядъ и другихъ условій, ведущихъ къ тому же, такъ какъ въ мѣстностяхъ ровныхъ, степныхъ, гдѣ сплошь безпрепятственно можетъ обработываться почва, также распространены мелкія, крестьянскія хозяйства. Одно изъ основныхъ условій такого развитія, распространенія и сохраненія мелкихъ, крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій и заключается въ свойствахъ производимыхъ ими продуктовъ. Обратно съ тѣмъ, что происходитъ въ обработывающей промышленности, гдѣ производитель часто производитъ предметы, вовсе имъ самимъ не потребляемые—бархатъ, напр., гробы — или потребляемые въ очень небольшой долѣ сравнительно съ вырабатываемымъ имъ количествомъ—обувь, платье,—въ сельскомъ хозяйствѣ, кромѣ рѣдкихъ спеціальныхъ культуръ, обычно значительная часть производимаго можетъ служить для собственнаго потребленія. Поэтому мелкій производитель въ сельскомъ хозяйствѣ или совсѣмъ не страдаетъ, когда рынокъ не спрашиваетъ его произведеній или страдаетъ далеко не настолько, какъ крупный. Это и даетъ въ сельскомъ хозяйствѣ устойчивость мелкимъ хозяйствамъ, а затѣмъ и цѣлый рядъ другихъ условій. Къ тому же съ развитіемъ сельскаго хозяйства, съ примѣненіемъ въ немъ усовершенствованій требуется

сосредоточеніе большого количества труда на маломъ пространствѣ, соотвѣтственно съ чѣмъ преимущество въ смыслѣ усиленія производительности труда получается на сторонѣ мелкаго хозяйства.

Если все это, однако, справедливо, то еще изъ этого не слѣдуютъ непремѣнное упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства. Все это можетъ лишь указывать на извѣстную тенденцію въ развитіи земледѣлія. Но чтобъ эта тенденція проявилась, необходимы извѣстныя условія, извѣстное соотношеніе силъ, которое давало бы перевѣсъ мелкому земледѣлію.

Если имѣть въ виду приведенныя въ своемъ мѣстѣ указанія, что въ мелкихъ владѣніяхъ получается большій валовой и чистый доходъ, т.-е. производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ выше при мелкой формѣ его, затѣмъ имѣть въ виду тѣ условія, которыя дѣлаютъ невыгоднымъ веденіе крупнаго сельскаго хозяйства, то получимъ, что различнаго рода продукты сельскаго хозяйства будутъ имѣть меньшую стоимость, коль скоро они будутъ производиться въ крестьянскихъ хозяйствахъ и, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ стоимость содержанія рабочей силы, складывающаяся въ своей наиболѣе крупной части изъ стоимости продовольствія, будетъ обходиться капиталисту дешевле, хотя въ то же время и рабочій заинтересованъ въ удешевленіи стоимости своего содержанія. Слѣдовательно, вотъ первое, что какъ для капиталиста, такъ и для рабочаго создаетъ заинтересованность въ упроченіи и поднятіи уровня крестьянскаго хозяйства постольку, конечно, поскольку это касается такихъ рыночныхъ продуктовъ, производство которыхъ при современныхъ условіяхъ мірового рынка выгоднѣе вести въ Европѣ.

А въ этомъ отношеніи многое, что бы оказалось не выгоднымъ при крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, можетъ съ выгодою производиться въ мелкомъ (выращиваніе скота, производство масла, птицеводство и многое другое). Конечно, можно предположить, что приложеніе капитала къ земледѣлію могло бы привести къ достиженію тѣхъ же цѣлей. Но изъ всего, что было

выяснено въ предшествующихъ очеркахъ, ясно, что капиталъ не имѣетъ тѣхъ условій для извлеченія прибыли въ земледѣліи, какія существуютъ въ обработывающей промышленности, и потому онъ пользуется иной формой для присвоенія прибавочной цѣнности, создаваемой въ земледѣльческомъ производствѣ. Капиталъ направляется здѣсь не на самое производство, а на основное орудіе его—землю, и извлекаетъ прибыль не столько путемъ присвоенія земли, сколько превращеніемъ собственниковъ земли въ своихъ данниковъ. Но этимъ капиталомъ, какъ мы видѣли по даннымъ, касающимся Германіи, служатъ капиталы сберегательныхъ кассъ, т.-е. сбереженія далеко не капиталистовъ. Въ то же время это превращеніе собственниковъ земли въ данниковъ капиталовъ общественныхъ учрежденій отнимаетъ у земли характеръ частной, личной собственности. Становясь же общественной собственностью, земля можетъ поступать въ руки обработывающихъ ее на условіяхъ, дающихъ возможность вести на ней земледѣльческую культуру болѣе соотвѣтственно требованіямъ сущности этого производства и интересамъ населенія.

Чтобы правильно оцѣнить это обстоятельство, нужно имѣть въ виду все то, что говорилось раньше объ условіяхъ, вызывающихъ задолженность землевладѣнія и ростъ цѣнъ на землю, при чемъ затрата средствъ на покупку земли обезсиливаетъ собственника въ приложеніи ихъ къ обработкѣ ея. Уничтоженіе же товарнаго характера земли можетъ вызвать болѣе усиленное товарное хозяйство въ самомъ земледѣліи, но съ сохраненіемъ за нимъ тѣхъ сторонъ, которыя свойственны мелкому земледѣлію. Въ послѣднемъ земледѣлецъ не можетъ отрѣшиться отъ производства предметовъ, служащихъ для удовлетворенія его потребностей, такъ какъ онъ разсматриваетъ землю лишь какъ средство приложенія своего труда для своего пропитанія. Но въ то же время общее измѣненіе экономическихъ условій вызываетъ необходимость и производства продуктовъ для сбыта, соотвѣтственно съ чѣмъ могутъ выработаться такія плодосмѣны, при которыхъ происходитъ чередованіе продуктовъ непосредственнаго потребленія и торговыхъ.

При этомъ, однако, выступаетъ надобность въ правильно организованномъ кредитѣ, значительно отличающемся во многомъ отъ кредита ростовщическаго, свойственнаго докапиталистической эпохѣ. И такой процессъ измѣненія дѣйствительно происходитъ въ настоящее время. Въ трудахъ германскаго „союза соціалъ-политиковъ“ выяснено, что развитіе мелкихъ кредитныхъ товариществъ въ Германіи сопровождается совершеннымъ уничтоженіемъ ростовщичества, еще недавно игравшаго тамъ громадную роль въ селеніяхъ. Что же это означаетъ?—Это означаетъ, что тѣ отношенія, при которыхъ возможно было существованіе ростовщичества, разрушаются. Оно, т.-е. ростовщичество, сыграло свою роль и не потому, что создались мелкія кредитныя учрежденія, а, наоборотъ, послѣднія создались потому, что выработались новыя условія, требующія правильно организованнаго кредита, а ростовщичество вымираетъ вслѣдъ за разрушеніемъ условій, дѣлавшихъ его необходимымъ. „Эксплуатація мелкихъ производителей ростовщичествомъ ведетъ къ образованію и сосредоточенію крупныхъ денежныхъ капиталовъ. Но насколько такой процессъ разрушаетъ старые способы производства, какъ это происходило въ новѣйшее время въ Европѣ, и ставитъ ли онъ на его мѣсто капиталистическій способъ производства, это находится *въ полной зависимости* отъ степени *историческаго развитія* и отъ *порождаемыхъ имъ условій* (К. Марксъ: „Капиталъ“, III. 489).

Порождаемыя же историческимъ развитіемъ условія настоящаго времени таковы, что не благопріятствуютъ капиталистическому *способу производства* въ земледѣліи и лишь ведутъ (какъ это указано въ очеркѣ „о товариществахъ“) къ обобществленію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производства и сбыта у мелкихъ земледѣльцевъ, не уничтожая ни мелкой формы производства въ земледѣліи, ни самостоятельнаго участія мелкихъ земледѣльцевъ въ веденіи предпріятія. Въ этомъ отношеніи въ земледѣліи кредитъ, повидимому, играетъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ производства, ту роль, которая предрекается ему въ будущемъ. „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что кредитная система бу-

детъ служить могущественнымъ рычагомъ во время перехода отъ капиталистическаго способа производства къ способу производства объединившихся рабочихъ, но только какъ одинъ изъ элементовъ, въ связи съ другими великими преобразованіями самаго способа производства“ (тамъ же, стр. 500). А въ земледѣліи, какъ уже было указано въ послѣднемъ очеркѣ, такія преобразованія и происходятъ, но инымъ путемъ, нежели въ обработывающей промышленности, при чемъ характерное отличіе заключается въ томъ, что при современныхъ условіяхъ крестьяне-земледѣльцы не разобщаются отъ средствъ производства и не лишаются самостоятельной роли въ веденіи земледѣлія. А при этомъ условіи они нуждаются въ правильно организованномъ кредитѣ.

Это послѣднее обстоятельство, расширяя сферу приложенія капитала, даетъ послѣднему возможность извлекать еще и этимъ путемъ прибыль изъ земледѣльческихъ предпріятій. Для послѣднихъ же при современныхъ условіяхъ правильно организованный кредитъ является необходимостью, чѣмъ и объясняется такое широкое развитіе его въ Германіи въ послѣднее время. Въ то же время это развитіе кредита способствуетъ не только поддержанію, но и дальнѣйшему развитію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ помогаетъ ему, оставаясь крестьянскимъ, приспособляться къ современнымъ хозяйственнымъ требованіямъ и измѣняться соотвѣтственно имъ, что, въ свою очередь, даетъ прочную основу дальнѣйшему развитію кредита. А такъ какъ этимъ путемъ капиталъ также приноситъ проценты, и такъ какъ для него безразличны способы извлеченія прибыли, лишь бы получалась послѣдняя, то и съ этой стороны развитіе крестьянскаго хозяйства не противорѣчитъ современнымъ условіямъ развитія капитализма.

Но помимо этого, несмотря на все развитіе внѣшнихъ рынковъ, все же съ каждымъ годомъ на нихъ сталкиваются произведенія все большаго и большаго числа государствъ, по мѣрѣ того, какъ сѣть капиталистическаго производства разстилается на все большее и большее пространство. Вслѣдствіе этого приходится удѣлять больше вниманія и внутреннему рынку, подумать

объ увеличеніи рынковъ не только путемъ присвоенія и освоенія внѣшнихъ, но и, такъ сказать, углубленія внутреннихъ. Достигнуто же это можетъ быть лишь путемъ поднятія уровня потребностей въ самомъ населеніи и созданія такого класса населенія, который самъ бы способствовалъ оживленію обмѣна товаровъ. А въ такомъ случаѣ сильное своей производительностью крестьянство даетъ такой рынокъ, и именно крестьянство, какъ масса, а не просто подъемъ производительности сельскаго хозяйства, такъ какъ спросъ-то на товары предъявляютъ люди, а не земля и не капиталы. А это значитъ, что масса потребителей, хотя бы каждый предъявлялъ и небольшой спросъ, имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ небольшая группа потребителей, изъ которыхъ каждый можетъ предъявить запросъ въ большемъ размѣрѣ сравнительно съ отдѣльнымъ мелкимъ потребителемъ, но всѣ вмѣстѣ, въ суммѣ, дадутъ меньше массы мелкихъ.

Государственные финансисты давно усвоили эту истину и потому облагаютъ косвенными налогами по преимуществу предметы, потребляемые массою бѣдняковъ, а не сравнительно ничтожной группой богачей. Понимаютъ это и капиталисты, хотя это еще и требуетъ напоминанія. Доказательствомъ послѣдняго служитъ то, что во время преній въ германскомъ рейхстагѣ о „Zukunftsstaat'ѣ“ (31 янв.—7 февраля 1893 г.) депутатъ А. Бебель долженъ былъ выяснить это на примѣрахъ, которые мы и приведемъ, чтобы дать наглядную картину значенія, такъ сказать, мелочного потребленія массъ. „Отчего—спрашиваетъ онъ,—происходятъ кризисы? Не потому, что много потребляется, а потому, что мало. И если предлагаете рабочимъ сберегать, потреблять еще менѣе, чѣмъ теперь, то кризисы будутъ еще острѣе. Откуда получаются крупныя суммы косвенныхъ налоговъ? Главнымъ образомъ, отъ рабочихъ! Почему облагаются косвенными налогами по преимуществу предметы потребленія большихъ массъ? Потому что это приноситъ больше всего. Вся расточительность богатыхъ классовъ далеко не въ состояніи удержать въ хорошемъ положеніи наше производство или обезпечить намъ крупныя суммы, собираемыя косвенными налогами,—это зависитъ существеннымъ образомъ отъ

того, что потребляютъ низшіе классы. Приведемъ маленькій числовой примѣръ. Легче всего, конечно, рабочій можетъ сберечь на куреніи табаку; это вѣдь не необходимость, а удовольствіе. Допустимъ, что 6 мил. рабочихъ экономятъ каждую недѣлю по 2 сигары за 4 пфеннига, это составитъ 48 мил. пфениговъ въ недѣлю или 24.960.000 марокъ. Но если въ годъ будетъ издержано на 24 мил. мар. (около 12 мил. рубл.) менѣе на сигары, то убавится опредѣленное количество фабрикъ. Допустимъ, что каждая фабрика имѣетъ сбытъ на 200.000 мар.—это уже большая фабрика—тогда по этому расчету должно уничтожиться около 120 фабрикъ. Рабочіе останутся безъ хлѣба и всѣ существованія, связанныя съ этой фабрикой: торговцы, купцы, ящичники и т. д.—всѣ останутся безъ средствъ существованія. Таково будетъ слѣдствіе системы сбереженія. Возьмемъ еще примѣръ—пиво; пиво также не есть необходимость, и возможно и на немъ сбереженіе; 6 мил. рабочихъ сберегаютъ каждый въ недѣлю на двухъ кружкахъ пива 20 пф. Это составитъ въ годъ $62^1/_2$ мил. марокъ; на эту сумму будетъ менѣе выпито пива, и это сдѣлаетъ сотни пивоваренъ неспособными къ существованію и оставитъ рабочихъ безъ хлѣба. Въ первомъ случаѣ рабочій сбережетъ въ годъ 4,16 мар., во второмъ—10,4 мар., сумму ничтожную. Пойдемъ далѣе: водка излишня; 6 мил. рабочихъ, сберегая по 3 пф. въ рабочій день на водкѣ, или по 18 въ недѣлю, сдѣлаютъ сбереженія на 56 мил. мар. Сколько же винокуренныхъ заводовъ и связанныхъ съ ними производствъ должно тогда уничтожиться? Далѣе жалуются на стремленіе къ нарядамъ со стороны работницъ. Если четыре мил. работницъ, прислуги и т. д. сберегутъ на этомъ 30 пф. въ недѣлю, то это составитъ въ годъ $62^1/_2$ м. мар. Сколько же фабрикъ и торговыхъ предпріятій должно уничтожиться!“ (Nach dem offiziellen stenographischen Bericht. Berlin. 1893. Стр. 90).

Послѣ этихъ расчетовъ, кажется, совершенно ясно, насколько въ интересахъ капиталистовъ важно существованіе такого массоваго рынка, какой можетъ представить крестьянство съ высоко развитымъ сельскимъ хозяйствомъ, представляющее спросъ на самые разнообразные продукты капиталистической обработываю-

щей промышленности. Предъявляемый имъ спросъ долженъ быть разнообразнѣе спроса, предъявляемаго фабричнымъ рабочимъ, которому нужны только предметы потребленія, тогда какъ крестьянину, кромѣ того, орудія и предметы производства нужны непосредственно; тутъ само сельское хозяйство даетъ рынокъ. Вотъ потому-то такой чисто буржуазный писатель, какъ Шульце-Геверницъ говоритъ: „Съ полнымъ основаніемъ нѣмецкіе фабриканты, спрошенные имперской комиссіей, видятъ *въ малой потребительной силѣ нѣмецкаго рабочаго слабую сторону*, сравнительно съ Англіей... Если бы массы въ Германіи обладали тою же потребительной силой, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Англіи, то она *могла бы сбывать у себя дома* болѣе, чѣмъ двойное количество теперешняго своего вывоза текстильныхъ товаровъ... *Крестьянинъ* не имѣетъ еще того сбыта для продуктовъ интенсивной садовой и огородной культуры,—сбыта, который ему самому далъ бы возможность *стать серьезнымъ покупателемъ произведеній крупной промышленности... Чѣмъ болѣе* законодательство *покровительствуетъ мелкому землевладѣнію*, какъ, напр., нынѣ въ Ирландіи, *тѣмъ болѣе расширяется* и тутъ новый внутренній *рынокъ для англійской крупной промышленности*“ („Крупное производство“. СПБ. 1897. Стр. 196, 197 и 198. Курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, вотъ какое значеніе имѣетъ для обработывающей промышленности, для дѣйствующаго въ ней капитала, а въ то же время и для фабричнаго рабочаго, упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства. Но если это представляетъ такой интересъ для капитала, какъ таковаго, и для фабричнаго рабочаго, какъ производителя предметовъ обработывающей промышленности и потребителя сельскохозяйственныхъ произведеній, то не меньшее значеніе и въ другомъ отношеніи представляетъ для развитія производительныхъ силъ обработывающей промышленности и для интересовъ занятыхъ тамъ рабочихъ, какъ получателей заработной платы, удержаніе значительной части населенія при земледѣльческихъ занятіяхъ. Говоря о законѣ наклонности прибыли къ пониженію, К. Марксъ говоритъ, что слѣдуетъ поставить во-

просъ не о томъ, „почему существуетъ наклонность прибыли къ пониженію, а, наоборотъ, почему такое пониженіе не значительнѣе и не быстрѣе. Должны быть какія-нибудь противодѣйствующія вліянія, которыя препятствуютъ дѣйствію общаго закона и уничтожаютъ его“. Отмѣчая наиболѣе общія изъ этихъ причинъ, онъ, между прочимъ, указываетъ на относительное перенаселеніе, дѣйствіе котораго выражается въ томъ, что такое преобладаніе живого труда даетъ возможность не переходить во многихъ отрасляхъ производства къ примѣненію машинъ по дешевизнѣ рабочихъ, вслѣдствіе того, что тутъ рабочая плата стоитъ ниже средней, а потому и норма прибавочной стоимости и количество ея въ этихъ отрасляхъ высоки, что и отражается на общей нормѣ прибыли („Капиталъ“, т. III, гл. XIV, въ особ. стр. 182).

Что же изъ этого слѣдуетъ? А то, что чѣмъ производительнѣе крестьянское земледѣліе, чѣмъ выше уровень его, тѣмъ меньшая часть населенія бросаетъ это занятіе и ищетъ другого— фабричнаго труда, тѣмъ меньше относительное перенаселеніе въ этомъ смыслѣ, тѣмъ необходимѣе въ обработывающей промышленности переходъ къ формѣ ея, интенсивной капиталомъ, а не трудомъ, тѣмъ, слѣдовательно, шире и глубже приложеніе техническихъ усовершенствованій, тѣмъ, стало-быть, выше производительная сила труда, тѣмъ быстрѣе то развитіе промышленности, которое характеризуетъ болѣе высокую форму ея; вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ выше уровень заработной платы у рабочихъ въ обработывающей промышленности и, стало-быть, тѣмъ выше ихъ жизненное положеніе, уровень ихъ требованій, ихъ вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ выражается отношеніе интересовъ крестьянства къ интересамъ другихъ рабочихъ классовъ.

Вотъ тѣ условія дѣйствительности, то сочетаніе экономическихъ силъ, которое ведетъ къ упроченію и развитію крестьянскаго хозяйства, независимо отъ того, хотимъ мы этого, или нѣтъ, нравится намъ это или нѣтъ.

Къ какому же окончательному заключенію приводитъ все это? Мы видимъ, что не только природныя и техническія условія

сельскохозяйственнаго производства, но и рыночныя условія не только не препятствуютъ, а, наоборотъ, благопріятствуютъ упроченію и развитію мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ. Но то же самое приходится сказать и относительно складывающихся теперь соціальныхъ условій, относительно сочетанія и соотношенія интересовъ разныхъ классовъ населенія. Развитію крестьянскаго хозяйства противорѣчатъ интересы только одного класса населенія, представляющаго собою прошедшее, а не настоящее, тѣмъ менѣе будущее. Этотъ классъ населенія—классъ землевладѣльцевъ,—съ одной стороны, все болѣе и болѣе растворяется среди другихъ классовъ населенія, а съ другой—постепенно все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое землевладѣніе сполна, или же лишается господства надъ нимъ, перенося его въ руки владѣльцевъ ипотекъ. Но теряя такое матеріальное значеніе, этотъ классъ все больше и больше утрачиваетъ возможность и силу быть духовнымъ вождемъ сельскохозяйственной культуры, даже и тамъ, гдѣ онъ, можетъ-быть, и игралъ такую роль. Хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ ищетъ своего спасенія въ переходѣ къ экстенсивной системѣ, въ возвратѣ къ прошлому, въ запустѣніи земель. Такъ происходитъ повсюду. И это открываетъ еще болѣе широкій ходъ дальнѣйшему развитію и упроченію крестьянскаго хозяйства. Если, такимъ образомъ, все *предопредѣляетъ* такой путь развитія, при которомъ крестьянское хозяйство должно получать все большее и большее значеніе и силу, то всякая попытка воспрепятствовать тому не представляетъ ли собою безплодное стремленіе поворотить колесо исторіи не въ ту сторону, въ которую его движетъ все предшествующее и тѣ силы, которыя находятся и растутъ въ нѣдрахъ самого общества? Не значитъ ли это ставить препятствія тому, что неизбѣжно должно совершиться? Не значитъ ли это задержать, но не остановить успѣшное развитіе сельскохозяйственныхъ улучшеній,—задержать цѣною благосостоянія населенія, не достигнувъ въ то же время спасенія того, что отживаетъ и ничѣмъ не можетъ быть возвращено къ жизни?

А если такъ, то не предопредѣляетъ ли все это *безусловную* необходимость не откладывать съ осуществленіемъ того, что должно передать землю въ пользованіе тѣхъ, кто ее обработываетъ, и кто единственно и можетъ поставить сельскохозяйственное производство на вполнѣ правильный путь его развитія? Не есть ли это *единственный* путь для того, чтобы поднять на надлежащую высоту сельскохозяйственное производство у насъ и вывести населеніе изъ того бѣдственнаго экономическаго положенія, до какого оно доведено экономической политикой, стоящей въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ направленіемъ въ развитіи экономическихъ отношеній, которое опредѣляется всей прошлой исторіей и всѣми наличными условіями сельскохозяйственнаго производства?

Какъ же согласовать, однако, все это съ тѣмъ представленіемъ объ эволюціи экономическихъ отношеній, которое вытекаетъ изъ всего ученія о капитализмѣ? Если происходитъ упроченіе такого класса рабочаго населенія, какъ крестьянство, не разобщенное со средствами своего производства, то, очевидно, обычное представленіе о дальнѣйшей эволюціи экономическихъ отношеній измѣняется. Это, однако, не стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что лежитъ въ основѣ ученія о капитализмѣ, и что изъ него вытекаетъ. Направленіе въ развитіи экономическихъ отношеній опредѣляется не тѣмъ, что развивается капитализмъ, который самъ есть явленіе производное, а не первоначальное и опредѣляющее, а тѣмъ, что *развиваются и растутъ производительныя силы труда* и соотвѣтственно съ тѣмъ умножаются средства удовлетворенія потребностей. *Это, а не что-либо другое, составляетъ основной факторъ;* это, а не капитализмъ съ господствомъ наемнаго труда, ведетъ къ поднятію уровня благосостоянія, къ поднятію уровня потребностей и самосознанія рабочаго; это же, а не что-либо другое, ведетъ къ увеличенію сбереженій рабочихъ въ сберегательныхъ кассахъ; это же, при современной общественной роли кредита, дѣлаетъ рабочихъ участниками въ капиталистическихъ предпріятіяхъ не только своимъ трудомъ, но и сбереженіями — капиталами; это же создаетъ изъ нихъ кредиторовъ землевладѣльцевъ. Но все это сближаетъ

такимъ путемъ положеніе рабочаго съ положеніемъ крестьянина.

Послѣдній, не разобщаясь съ землей и средствами производства, продолжаетъ оставаться рабочимъ. Фабричный же рабочій, сдѣлавшійся такимъ по разобщеніи со средствами производства, дѣлается участникомъ предпріятій, по мѣрѣ того, какъ они принимаютъ общественный характеръ и растетъ общественная производительная сила труда. При такихъ условіяхъ, при такомъ намѣчающемся пути развитія экономическихъ отношеній оно идетъ въ направленіи образованія одного класса населенія съ одними интересами, въ силу одинаковости способовъ обезпеченія своего существованія путемъ приложенія своего труда къ созиданію предметовъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Измѣненіе производственныхъ процессовъ и отношеній въ сферѣ обработывающей промышленности и земледѣлія ведетъ двумя различными путями, соотвѣтственно различію въ условіяхъ того и другого рода хозяйственной дѣятельности человѣка, къ одному и тому же результату.

Общая же основа измѣненія производительныхъ силъ какъ въ обработывающей промышленности, такъ и въ земледѣліи, одна и та же. „Развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, *сознательное техническое приложеніе науки*...“ („Капиталъ“, I, гл. XXIV, отд. 7). При машинномъ производствѣ „задача наивыгоднѣйшаго соединенія работъ... разрѣшается посредствомъ техническаго приложенія *механики*, *химіи* и т. д“... „Крупная промышленность должна необыкновенно сильно увеличивать производительную силу труда, прилагая громадныя силы природы и *естествознаніе* къ процессу производства...“ (тамъ же, гл. XIII). „Развитіе производительной силы труда въ одной отрасли производства, которое частью можетъ находиться въ зависимости *отъ прогресса въ области умственнаго производства*, *именно*, *отъ прогресса естественныхъ наукъ и ихъ приложенія*, является условіемъ уменьшенія стоимости, а потому расходовъ на средства производства въ другой области промышленности... Развитіе

производительной силы, *въ концѣ-концовъ, всегда сводится къ общественному характеру совершающагося труда, къ развитію умственнаго* труда, въ особенности *естественныхъ* наукъ" („Капиталъ", т. III. Стр. 48—49. Курсивъ нашъ).

Но развитіе естественныхъ наукъ, увеличивая производительную силу труда въ земледѣліи, ведетъ тѣмъ самымъ къ освобожденію духа отъ подчиненія его гнету матеріальныхъ потребностей. А это, въ свою очередь, должно вліять и на повышеніе уровня общаго образованія, которое среди крестьянства находитъ тѣмъ болѣе благопріятную почву, что крестьянинъ выступаетъ въ хозяйственной области не только какъ работникъ-производитель, но и какъ организаторъ, устроитель всего дѣла. Такое положеніе въ производствѣ требуетъ и болѣе широкаго кругозора, болѣе всесторонняго развитія. Достигается же это проникновеніемъ въ среду населенія не только спеціальныхъ знаній, но и общаго образованія. Но это общее образованіе на ряду съ разумной постановкой и спеціальнаго преподаванія нигдѣ и не поставлено такъ широко и общедоступно, какъ въ наиболѣе крестьянскихъ странахъ, какъ Швеція, Данія. Это-то и служитъ убѣдительнымъ показателемъ и въ то же время ручательствомъ того, что только при созданіи истинно-крестьянскаго землевладѣнія явится въ населеніи та сила стремленія къ пріобрѣтенію знаній, которая устранитъ всѣ препятствія къ широкому проникновенію ихъ въ среду населенія. Но тогда же и только тогда наступятъ условія, которыя вызовутъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства у насъ и тотъ подъемъ производительныхъ силъ, который дастъ полный просторъ развитію душевныхъ и умственныхъ свойствъ человѣка.

Замѣченныя погрѣшности и опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
27	5 снизу	на нихъ	на нихъ,
33	9 сверху	обработкѣ	къ обработкѣ
42	1 „	гекторъ	гектаръ
„	6 „	Apezcus	Aperçus
50	1 снизу	всѣ	все
61	15 „	которыя	которые
68	8 „	недастатокъ	недостатокъ
71	4 „	исполняетъ работы и	и исполняетъ работы
73	5 сверху	ее	землю
79	8 снизу	62,63	60,63
„	9 „	черноземиой	черноземной
95	3 сверху	пріисканіи	пріисканію
109	5 „	на изложеннымъ	изложеннымъ
125	1 „	сольскохозяйствен.	сельскохозяйствен.
132	12 снизу	производиться	продаваться
„	13 „	продаваться	производиться
175	6 „	крестьянинъ,	крестьянинъ
177	16 сверху	Кауфманъ“:	Кауфманъ:
183	13 снизу	деревнями	деревнями,
208	6 сверху	*учрежденій*	*учрежденій,*
222	11 снизу	каждое	каждое,
242	11 сверху	прошлаго	восемнадцатаго
„	12 „	нынѣшняго	прошлаго
249	8 „	разрѣдовъ	разрядовъ
254	19 снизу	заключаючаю-	заключаю-
300	7 „	до	со
316	4 „	различіи,	различіи

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
332	17 сверху	аренды,	аренды
341	20 „	дворъ	дворъ.
346	14 „	предѣлахъ.	размѣрахъ.
349	9 снизу	крестьянину,	крестьянину
353	2 сверху	Auswärtigen	vom Auswartigen
355	7 „	цитированнымъ изслѣдованіемъ	цитированномъ изслѣдованіи
371	2 „	отжившей	отжившей.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 054157885